

**НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ и
ПЕРЕРАБОТКА:**

**1. Диссертации и научные
работы**

**2. Дипломы, курсовые,
рефераты, чертежи...**

3. Школьная тематика

Онлайн-консультации

Все отрасли знаний

**Кристофер Тейлор Бакли
День бумеранга**

**Кристофер Тейлор Бакли
День бумеранга**

Посвящается Мони Бегли

*Когда поседеешь, когда постареешь
И в сон у камина потянет тебя,
Возьми эту книгу...*

Блаженны юные, ибо они наследуют национальный долг.
Герберт Гувер

Пролог

– ...Спасибо вам, Уэнди Уонг, за этот репортаж из Вашингтона об ухудшающейся экономической ситуации.

Во Флориде сегодня молодые люди, протестующие против недавнего повышения социального налога на заработную плату, совершили очередное нападение на огороженную территорию.

Рано утром несколько сотен погромщиков в возрасте от двадцати до тридцати лет ворвались на территорию поселка пенсионеров и напали на его обитателей, игравших в гольф. Протестующие захватывали гольф-кары и направляли их в водные преграды и песчаные ловушки. Другие с помощью распылителей краски и садовых приспособлений писали на траве лозунги.

Одна такая надпись, сделанная у восемнадцатой лунки, гласила: «День бумеранга настал!» Под выражением «День бумеранга» экономисты подразумевают исторический момент в нынешнем году, когда первые из семидесяти семи миллионов так называемых

бэби-бумеров¹ страны начали выходить на пенсию с полным пакетом социальных выплат и льгот. Колоссальное бремя, которое ложится из-за возникшей ситуации на систему социального обеспечения, порождает, в свою очередь, ударные волны, сотрясающие всю американскую экономику.

Работник, обслуживающий поле для гольфа, сказал, что, цитирую, не одна неделя пройдет, прежде чем жители опять смогут играть в гольф.

О других сегодняшних новостях. Вице-президент застрелил еще одного адвоката, на этот раз, заявил он, в порядке самозащиты...

Глава 1

Кассандре Девайн еще не было тридцати, но она уже чертовски устала.

Приучение к СМИ – так это называется. Она занималась этим уже давно, но по-прежнему возникала ассоциация с приучением к горшку.

Сегодняшний приучаемый был старший администратор компании, которая ведала двадцатью восемью больницами на юго-востоке США. За прошлый год компания потеряла 285 миллионов долларов и треть своей биржевой стоимости. За тот же период администратор получил 3,8 миллиона в виде заработной платы плюс 1,4 миллиона «премиальных».

Расследовательская телепрограмма «Место преступления – корпорация», выходящая в прайм-тайм, затеяла разоблачение и попросила администратора дать интервью. Из переговоров с телевизионщиками Касс поняла, что у них есть кадры, где он садится в самолет компании (стоимость – 35 миллионов долларов) в кричаще яркой гавайской рубашке, и другие кадры, где он с сигарой в зубах, по форме и размеру напоминающей торпеду, берется за сумку с блестящими дорогим блеском клюшками для гольфа. И это, увы, были только цветочки. Видеоюгодками был ролик о недавней ежегодной «корпоративной вылазке» на багамский курорт сомнительной репутации. Ролик показывал, как клиент – сегодняшний приучаемый, – отдыхая с «корпоративно вылезшими» сослуживцами после тяжелых трудов по срезанию бюджета и жонглированию цифрами, пьет ромовый пунш, льющийся из грудей анатомически правильных ледяных женских скульптур под барабанные звуки местного «стального оркестра». Здесь же – планка для танца лимбо и малоодетые официантки, стилизованные – о, господи – под русалок. Все это сулило возмущенные комментарии в очередном телефыпуске МПК, особенно в сопоставлении с кадрами, где пациенты, забившие замусоренный больничный коридор, как машины в пробке лос-анджелесскую улицу, стонами пытаются привлечь к себе внимание медиков. Некоторые были примотаны к креслам-каталкам клейкой лентой.

– Чтобы не вываливались, – объяснил клиент, когда Касс поинтересовалась этой деталью.

Касс отхлебнула от седьмой или восьмой за день порции энергетического напитка «ред булл» и подавила вздох, соединенный с желанием всадить шариковую ручку клиенту в сердце. Если оно вообще у него есть.

– Теперь было намного лучше, – сказала она. Они записали уже четыре пробных интервью, в которых Касс играла роль телерепортера. – Если у вас остались силы, давайте еще разок – последний. Я просила бы вас обратить особое внимание на улыбку и на то, чтобы смотреть прямо в камеру. Не отводите, пожалуйста, глаза, это придает вам вид... – *последней сволочи*, – ...это противоречит общему впечатлению... м-м... прозрачности.

Прозрачен, как ведро с гудроном.

– Я, честно говоря, не понимаю, почему мы вообще согласились на это интервью.

¹ Бэби-бумерами (или просто бумерами) в США называют людей, появившихся на свет в 1946–1964 гг. – в годы повышенной рождаемости. (Здесь и далее прим. перев.)

Тон у него был раздосадованный, словно он по легкомыслию дал себя повести на «Женитьбу Фигаро», хотя гораздо охотнее сейчас трудился бы на благо человечества – разрабатывал бы, к примеру, новые, более экономичные способы приматывания тяжелобольных к каталкам, чтобы сидели себе в коридоре дни напролет.

– Терри считает, что это наилучшая линия поведения. В подобных случаях... – Клиент посмотрел на нее с вызовом: мол, «Хочешь назвать меня преступником? Назови, попробуй». – ...когда другая сторона располагает сильным... м-м... видеорядом, самое правильное – так сказать, встретить противника в центре ринга. Мы должны создать образ полной... искренности.

Клиент фыркнул.

– Показать, что вы *сильней, чем кто-либо*, огорчены... – Она опустила глаза в свои записки, чтобы найти тот хитроумно-лживый термин, который они решили использовать; а, вот – ...из-за финансовой неоптимальности. И что вы с другими членами руководства... – Она опять заглянула в записки, на этот раз чтобы не встречаться с ним глазами. – ...работаете день и ночь напролет, принимая, м-м, трудные решения.

Например, куда организовать «корпоративную вылазку» в следующем году. В Вегас? В Макао? В Содом?

Клиент милостиво согласился на последнюю репетицию. Он перестал наконец бубнить о кампании преследования и о том, что был унижен необходимостью возвращаться в Мемфис обычным авиарейсом. Терри категорически запретил ему пользоваться самолетом фирмы. Завтра клиент проведет час в благотворительной столовой, где будет разливать по тарелкам мемфисским обездоленным фальшивую человечность. Этот акт показного сочувствия будет скрытно заснят на камеру одним из его помощников. Если «Место преступления – корпорация» откажется вставить это в передачу, фильм может пригодиться позднее – например, для смягчения приговора. Напоследок Касс дала клиенту DVD-диск с его тренировочными интервью. Авось выпрыгнет, как посмотрит, из окна своего офиса.

Касс хотелось домой, в квартиру около Дюпон-серкл.² Разогреть в микроволновке замороженные макароны с сыром, налить себе бокал красного вина размером с чашу для золотых рыбок, надеть уютную пижаму, залезть под одеяло и смотреть повторы «Закона и порядка» или «Отчаянных домохозяек», а может быть, даже и новое реалити-шоу «Гринкарта», где смазливые нелегалы-мексиканцы должны пересечь границу США, минуя пограничников и добровольцев, и пройти до финишной черты пятьдесят миль раскаленной пустыни. Победитель получает вид на жительство и вождеденное право копать канавы в другой раскаленной – или, если повезет, очень холодной – части страны.

Да, это было бы здорово, подумала она, но потом с болью вспомнила, что с утра не писала ничего в свой блог. На сегодня было назначено важное голосование в сенате о социальном обеспечении. А у нее за весь день даже не нашлось времени посмотреть новости Си-эн-эн или Google, чтобы узнать итог.

В кабинете Терри горел свет. Она рухнула в кресло перед его столом и сдулась, как проколотая игрушка для бассейна.

Не отводя взгляда от монитора и не переставая печатать, Терри сказал:

– Попробую угадать. У тебя был замечательный, результативный рабочий день. Не так ли?

Свое преуспевающее пиар-агентство «Коммуникативные стратегии Таккера» Терри Таккер построил на гипотезе, что лица с сомнительными моральными качествами готовы как следует тряхнуть мощной, чтобы выглядеть хоть немного приличней. Терри соглашался работать с кем угодно – с поставщиками норкового меха, с отравителями окружающей среды, с ловцами дельфинов, с развратными политиками, с изготовителями безалкогольных напитков, способствующих ожирению, с отдельными представителями

² Дюпон-серкл – престижное место в Вашингтоне.

преступного мира, с махинаторами из пенсионных фондов. Терри приобрел квалификацию под началом у легендарного Ника Нейлора в упраздненном ныне Институте табака.³ Касс работала в фирме уже восемь лет. Терри регулярно ее повышал, поднимал ей оклад, сделал ее партнершей. При этом ни разу не пытался с ней заигрывать – относился словно к младшей сестренке или племяннице.

– О, господи. Где только ты выискиваешь таких клиентов? В аду у Данте?

Он продолжал печатать.

– Что?

– Он, как бы сказать... Даже среди героев «Подлинных голливудских историй» на канале «Е!» попадаются более симпатичные персонажи.

Пальцы Терри беспрерывно бегали по клавишам. Он сказал:

– Этот «военный преступник», как ты его называешь, – клиент «Коммуникативных стратегий Таккера». Когда-нибудь, если та бредятина, какую нам вдалбливали в воскресной школе, окажется правдой, он будет отвечать перед высшим судом. Более высоким даже, чем суд высоко нравственной двадцатидевятилетней дамочки из пиар-агентства. А до тех пор мы как разработчики коммуникативных стратегий должны...

– Конечно-конечно. Мне просто... хочется, чтобы по крайней мере изредка попадался клиент, который не был бы... не знаю...

– Подонком?

– Ну... в общем, да.

Терри перестал печатать, откинулся на спинку кожаного кресла, помассировал переносицу большим и указательным пальцами и задумчиво вздохнул. Не театральный вздох, но почти.

– Знаешь, над чем я прямо сейчас работаю? Над чем я работал, когда ты пришла экзистенциально разгрузиться?

– Видимо, собирал средства для детей, больных диабетом. «Про боно».⁴ Угадала?

– Выражение «про боно», юная леди, ты в этом кабинете не услышишь. Разве только кто-нибудь выскажется об ирландской рок-звезде.⁵ Нет, я пишу тезисы для нашего бразильского клиента.

– Который хочет переселить индейское племя, чтобы освободить место для золотых приисков?

– Именно. Тебе известно, что в тысяча девятьсот тринадцатом году люди из этого племени – не могу выговорить название – убили двоих мормонских миссионеров?

– В этом случае они, разумеется, заслужили все, что с ними произойдет.

Терри нахмурился, глядя на экран.

– Тут, конечно, нужно еще потрудиться. Сгустить краски. Скажем, они, к примеру, скормили их пираньям. Хочешь, пойдем глотнем чего-нибудь? Когда я клевету на туземное население, у меня всегда горло пересыхает.

Обычно Касс нравилось посидеть с Терри в кафе, послушать его военные байки про то, как он защищал с Ником Нейлором табачную промышленность.

– Сегодня не могу. Надо домой – блоггингом позаниматься.

– Домой – блоггингом позаниматься... – Терри покачал головой. – Я предлагаю мартини и поучительную беседу. Но если ты предпочитаешь домой и блоггингом... – Он посмотрел на Касс с выражением доброго дядюшки. – Извини, что спрашиваю, но жизнь у

³ Отсылка к роману Бакли «Здесь курят». Роман можно скачать по ссылке: <http://lib.rus.ec/b/107294> (прим. ред. FB2)

⁴ «Про боно» (Pro bono; лат.) – ради блага. Здесь: бесплатно.

⁵ Имеется в виду Боно (Пол Дэвид Хьюсон) – ирландский рок-певец и общественный деятель.

тебя есть какая-нибудь?

- То, что я делаю, – важно.
- Я не говорю, что не важно.

Он напечатал несколько символов. На экране появилась главная страница блога:

Каждому
Американцу –
Социальную
Справедливость.
Абсолютное
Нет –
Долговой
Разнузданности
Администрации.

- Сколько часов тебе понадобилось, чтобы изобрести этот акроним? – спросил Терри.
- Знаю, тяжеловато получилось.
- Она богиня, что ли, была?
- Дочь троянского царя. Предупреждала, что греки захватят город. Но троянцы ее не слушали.
- И чем все кончилось?
- Да брось ты, неужели не знаешь?
- Нет, просвети меня.
- Троя пала. Это было вчера в новостях. Кассандру обесчестили. Это сделал «малый Аякс».
- И потому другого Аякса назвали «большим»? За то, что он не бесчестил женщин?
- Не знаю. Агамемнон – слышал про такого? – увез ее в Грецию и сделал наложницей. Их обоих потом убила его жена Клитемнестра. В отместку за то, что он принес в жертву их дочь Ифигению.
- Грешущая душу история. Теперь понятно, почему у греков такой унылый вид.
- Кассандра метафорически означает – предсказательница беды. Я тоже ее предсказываю. В свободное от работы время. Когда не приучаю к СМИ наших чудесных клиентов.
- Это не мое дело, конечно, но...
- Когда ты произносишь эти слова, я знаю, что предстоит пятиминутная лекция.
- Послушай меня. Ваше поколение – вы не способны слушать. Все оттого, что выросли с айподами в ушах. Я хотел тебе сказать: дитя мое, ведь ты привлекательна – *очень* привлекательна. Ты должна встречаться с людьми, должна... ну...
- Трахаться? Спасибо. Очень ценный совет.
- Ты выглядишь такой, не знаю, угнетенной, что ли. Вкальываешь без отдыха – вот, например, я выписал тебе премию за японских китобоев, отличная работа, продажа китового мяса в Токио выросла на шесть процентов, а ты после этого идешь домой и всю ночь занимаешься блоггингом с людьми, похожими на Унабомбера.⁶ Здорового в этом ничего нет.
- Кончил?
- Нет. Вместо того, чтобы ночь напролет пялиться на экран, ругать правительство и кричать, что небо падает, тебе следовало бы обмениваться телесными соками и вирусами с другими представителями твоего поколения.
- Терри, я земля. Как слышимость? Небо действительно падает. Слышал про Токийский

⁶ Унабомбер – прозвище, данное ФБР Теодору Качиньскому (род. в 1942 г.), американскому анархисту и террористу.

банк?

– Нет. Я с головой ушел в бразильскую тему.

– Это сообщение шло первым в утренних новостях. Впервые в истории Токийский банк отказался покупать новые американские казначейские векселя. Понимаешь, что это значит?

– Что им надоело брать на себя наши долги?

– Вот именно. Тебе понятен смысл этого события? Крупнейший покупатель американских долговых обязательств больше не хочет нас финансировать. Между тем, и это не случайное совпадение, первые представители твоего поколения, поколения бумеров, начали выходить на пенсию. Знаешь, как это называют?

– Радостный час?

– День бумеранга.

– Остроумно.

– Чудовищный долг, хиреющая экономика, и семьдесят семь миллионов человек выходят на пенсию. Надвигается настоящий экономический шторм. – *Неплохо*, подумала Касс. *Пригодится для блога*. – И что же конгресс? Повышает налоги, которые платить моему поколению. Которые пойдут, среди прочего, на монорельсовую систему на Аляске.

До Касс вдруг дошло, что она стоит, наклонившись над его столом, и кричит на него. Терри смотрел на нее с некоторой тревогой.

– Прости, – сказала она. – Я не хотела... Денек был тот еще.

– Послушай, дружок, – сказал Терри. – Этот курорт на Багамах, где наш клиент Альберт Швейцер развлекался с ледяными скульптурами... Хочешь съездить туда и проверить все на месте? Назовем исследовательской командировкой, заставим Альберта платить. А что, справедливенько будет. И не торопись. Поживи там несколько дней. Захвати купальник, крем для загара и легкое чтиво какое-нибудь. Расслабься. Можешь даже... знаешь...

Он пошевелил пальцами в воздухе.

– С кем-нибудь переспать?

– Вроде того. По барабану.

– Ты чаще используешь этот оборот, чем я. Хотя он в ходу в основном у моего поколения.

– Полезный оборот. Главный пока что вклад твоего поколения в нашу лексику. Ни дать ни взять тефлон.

– Что такое тефлон?

– Чем покрывают сковороды, чтобы не пригорало. Побочный продукт космической программы. Как и танг.⁷

– Танг?

– Не важно. Слушай, езжай домой. А потом на Багамы. А на блоге повесь табличку: «Ушла обедать».

Не успела она дойти до двери, как он опять принялся печатать. Вдогонку крикнул:

– Если у тебя вдруг случится мозговой шторм насчет как изобразить моих бразильских индейцев кровожадными дикарями, дай знать по электронной почте!

В темной квартире ее встретил мерцанием экран компьютера. Предыдущее поколение назвало бы этот переменчивый узор психоделическим, для нее же это был просто режим экономии электроэнергии.

Она приняла душ, надела пижаму, съела «энергетический батончик» с арахисовым маслом и запила его «ред буллом». Отвинтила крышечку от банки со взбадривающими таблетками «ноудоуз» и задумалась. Если принять, заснуть не удастся по крайней мере до

⁷ Танг – безалкогольный напиток, ставший популярным после использования американскими астронавтами 60-х годов.

четырёх. Разве только в три выпить тайленол ПМ. Каковы, интересно, дальние последствия этого катания по фармакологическим горкам? Не исключен ранний Альцгеймер. Или мгновенная смерть от инфаркта, как у японских «белых воротничков»: шел человек по тротуару – и упал. Она выпила «ноудоуз». Завтра можно будет поспать подольше. Терри не ждет ее на работе. Хотелось покурить, но она бросила (не далее как сегодня утром). Она кинула в рот никотиновую жвачку и почувствовала подъем, покалывание в капиллярах. Блицкриг! «Шок и трепет».⁸ Она размяла пальцы. В бой.

Она вошла в блог. Ее ждали 573 послания. Вдобавок Google автоматически разыскал и прислал сообщения о голосовании в сенате. Она стала читать. Сенаторы проголосовали за «модификацию» ставок социального налога на заработную плату. Гады. Не осмелились даже прямо назвать это увеличением налога. Она почувствовала, что кровь у нее закипает (то ли из-за политики, то ли из-за таблетки). Еще чуть-чуть – и по жилам будет носиться чистая энергия пополам с возмущением. Пальцы забегали по клавишам, как у Алисии де Ларроча, исполняющей партиту Баха.

Она напечатала: *Ложка, чтобы расхлебывать, передана новому поколению – нам с вами!*

Потом посмотрела, как это выглядит на экране, поигралась с цветом и размером шрифта. Ей пришло в голову, что мало кто из читателей, в основном людей молодых, свяжет эти слова с фразой из речи Кеннеди при вступлении в должность президента: «Факел передан новому поколению». Еще меньшее число людей уловит другую отсылку – к девизу Трумэна: «Последствия готов расхлебывать лично». Ладно, не важно. По барабану. Она уже начала получать сообщения и от людей постарше. Ее заметили и мейнстримовские СМИ. «Вашингтон пост» назвала ее сайт «доской объявлений для озлобленных образованных представителей побарабанного поколения». Зашли, изображая интерес, даже два-три рекламодателя.

В минуту слабости она поместила на главной странице свою фотографию – понадеялась, что это привлечет кого-нибудь из бродящих по интернету мужчин. И не ошиблась. Третья часть из 573 посланий пришла от желающих с ней переспать. Она, как верно заметил Терри, была женщина привлекательная, или, говоря языком ее поколения, «бабца ничего так»: натуральная блондинка с блестящими живыми глазами, с губами, всегда, казалось, сложенными для поцелуя. Ум и чувственность в одном флаконе. Фигура такая, что, появившись она на багамском курорте в бикини или тонгах, ни один мужчина не останется равнодушным. В общем, меньше всего можно было ожидать, что такая будет сидеть за компьютером в три часа ночи, подхлестнув себя расхожим аптечным стимулятором, и поносить правительство за... фискальную безответственность. *Подруга*, подумала она, *иди проветришь*.

Глава 2

А двенадцать лет назад...

– Я поступила! Я поступила!

Семнадцатилетняя Кассандра Коуэн сияла от восторга – и неудивительно. На толстом конверте, которым она размахивала, как счастливым лотерейным билетом, красовался темно-синий герб Йельского университета с латинским девизом LUX ET VERITAS. Обратный адрес – Нью-Хейвен, штат Коннектикут. Изнуряющие занятия, подготовка к приемным тестам, чтение до мучительной боли в глазах, подготовительные курсы, летние месяцы, проведенные за подтягиванием неблагополучных детей, одно лето адской археологии, когда она участвовала в раскопках массовых захоронений 80-х годов в Гватемале («Это будет

⁸ Так называется военная доктрина, примененная США в Ираке.

очень выигрышно смотреться при поступлении», – сказал ей школьный консультант по профориентации). . . Она вспомнила, как без конца перерабатывала вступительное сочинение, как натаскивала себя для трудного собеседования, как потом ждала. . . И вот ее приняли. «Я поступила!» – повторила она еще раз, веря и не веря.

Отец, как всегда, вернулся поздно. Она ждала его на кухне. Он пришел в одиннадцатом часу. Она вскочила, протягивая ему письмо.

– Дочура моя, я так тобой горжусь, что сейчас лопну, – сказал Фрэнк Коуэн.

Он окончил вполне приличный инженерный колледж в Калифорнии, но первый готов был признать, что Йельский университет – это другой уровень.

– Йель! – сказал он. – Мать честная. Йель. Кто бы мог подумать.

Два дня спустя служба срочной доставки привезла большую коробку всякой всячины с символикой Йеля. Автомобильные наклейки, кофейные кружки, футболки, спортивные брючки, кепка, карандашная точилка с йельским бульдогом, ручки, блокноты, пресс-папье, коврик для компьютерной мыши и спортивная куртка с надписью «Йельский папаша». На карточке было написано: «Горжусь. Люблю. Твой отец». Он наклеил на окна машины так много йельских наклеек, что мама стала жаловаться на плохой задний обзор. Соседи останавливались поздравить Касс.

Через несколько месяцев, вернувшись из школы, она увидела конверт с той же синей эмблемой, лежащий распечатанным на обеденном столе. Секретариат университета обращался к ее родителям:

«Мы все еще не получили первый взнос за обучение Кассандры. Пожалуйста, свяжитесь с нами как можно скорее».

Матери не было дома. Она позвонила отцу. Он ответил, как обычно, не жалея отцовских чувств, но, узнав причину звонка, смущенно приутикнул.

– Золотко, – сказал он наконец (зловещее начало: это слово он – возможно, бессознательно, – как правило, употреблял, когда надо было позолотить пилюлю). – Я сам как раз хочу с тобой об этом поговорить. Но сейчас, родная, никак не могу. У меня в кабинете четыре человека. Побеседуем дома. Пока, милая.

Когда вернулась мать, Касс предстала перед ней. Мать недоуменно прочла письмо.

– Папа говорил, что он это урегулирует. . .

Она позвонила ему на работу. Касс слушала в дверях, мысли ее неслись вскачь.

Коуэны были вообще-то люди не нищие. Жили в районе хоть и не роскошном, но респектабельном. Мать преподавала экономику в школе, где училась Касс. Детей в семье было четверо. Отец, насколько Касс знала, зарабатывал неплохо. В прошлом он работал системным проектировщиком в компании «Электрик боут», которая в эпоху холодной войны строила подводные лодки. О работе он дома особенно не распространялся, поскольку она была секретная. К тому же, по его словам, скучная и сухая. Однажды младший брат Касс сумел без ключа отпереть замок отцовского чемоданчика и исследовал содержимое. Он сказал, что, судя по всему, дело шло о системах запуска и наведения баллистических ракет на подлодках. Нет, не скучная работа, хотя мокрой ее и правда вряд ли можно назвать.

Год назад Фрэнк и несколько его сослуживцев предусмотрительно покинули «Электрик боут», справедливо полагая, что с окончанием холодной войны спрос на подлодки, способные разом уничтожить полсотни городов, рано или поздно уменьшится, как бы ни старались конгрессмены от Коннектикута поддержать веру в их необходимость.⁹ Теперь Фрэнк с коллегами занялись разработкой программного обеспечения для интернета. В 1990-е годы Уоллстрит раздавал деньги на любые начинания с символами. com быстрее, чем банкомат. Идея Фрэнка касалась отслеживания – но не баллистических ракет, а почтовых

⁹ Имеется в виду прежде всего деятельность сенатора Джо Либермана.

отправлений. Если все пойдет по плану, они предполагали выйти на фондовый рынок в течение года. Уже соображали, какой самолет лучше купить для нужд компании. Фрэнк с партнерами работали от зари до зари, иногда даже ночевали в помещении старой фабрики, которое сняли под офис. Он приходил домой выжатый как лимон, но глаза сверкали. Едва только, предсказывал он, пройдет первичное размещение акций, «мы станем богаче Тутанхамона».

Касс слушала, как мать говорит по телефону:

– Как это? Ты же сказал, что положил деньги на ее счет пятьсот двадцать девять! Боже мой, Фрэнк, – *как ты мог?*

Касс не знала, что такое счет 529, но другие слова, которые произносила мама, быстро набирали нехорошую критическую массу: «не могу поверить»... «возмущена»... «непростительно»... и наконец:

– Нет уж, *сам* ей скажи. Садись прямо сейчас в свой «бумер» за сорок тысяч – мне безразлично, сколько человек у тебя сейчас в кабинете, – приезжай домой и говори с ней сам. – Она повесила трубку.

Как и в тот вечер, когда Касс пришло письмо, что ее приняли, она ждала его на кухне. Когда он наконец явился, у него на лице была улыбка, которую обычно называют храброй.

– Что такое счет пятьсот двадцать девять? – спросила Касс.

– Мама тебе... не объяснила?

– Нет. Сказала, что это сделаешь ты. Потом залилась слезами и закрылась в спальне.

– Гм... да. Видишь ли, это такой специальный образовательный счет. Кладешь туда деньги, и с них не берутся налоги.

– И у меня есть такой счет?

– Понимаешь, золотко... мне пришлось вложить эти деньги в компанию. Без начального капитала, родная моя, ничего не сделаешь. Но после ай-пи-о... Знаешь, что это такое?

– Ай, пи-пи охота?

– Ха-ха, остроумно. Первичное публичное предложение. После него мы так разбогатеем, что... Ух!

– В общем, папа, ты хочешь сказать, что потратил деньги, отложенные на мое обучение, на свой .com?

– На *наш* .com. Но ты, золотко, не волнуйся, я добуду деньги. Если надо... Я их достану. Вот увидишь.

Почти все последующие вечера отец проводил на работе. Тем временем мать Касс поехала в Нью-Хейвен в попытке уладить дело. Вернулась удрученная: Коуэны не могли претендовать на образовательную субсидию, поскольку находились выше черты, отделявшей обеспеченных от нуждающихся. Одна из причин, сказала мать с потемневшим лицом, – отцовский «БМВ». Модель хоть и не самая последняя, но все же не такая, какую можно было бы снимать в римейке «Гроздьев гнева». Другая причина – лицо матери сделалось пунцовым – его доленое владение двухмоторной «сессной».

Когда отец наконец-то пришел домой к ужину, мать Касс, раскладывая картофельное пюре, спросила:

– Фрэнк, в заявке на субсидию надо было ответить на вопрос: «Сколько самолетов находится в вашей собственности? Если необходимо, перечислите на отдельной странице». Сколько их у тебя в настоящий момент?

Разговор между супругами за уютным семейным столом на этом и кончился. Отец рванул в ночь, бормоча, что убивается ради семьи, и какая ему за это благодарность? Несколько часов спустя Касс получила от него электронное письмо, где он мужественно объяснял, что использует «сессну» исключительно для полетов на деловые встречи. Это необлагаемая налогом деловая трата. Он изобразил ситуацию так, что продажа его доли в самолете равносильна экономическому самоубийству. Семья будет выброшена на улицу, будет питаться картошкой, упавшей с грузовиков. Ирландское происхождение – надежный

источник метафор, описывающих бедность.

Через несколько дней Фрэнк Коуэн встретил Касс, когда она выходила из школы. Он сидел в своем «бимере». Это тоже, объяснил он застенчиво, «необлагаемая деловая трата». Он повез ее в кафе «Старбакс», которое, согласно недавнему исследованию, выбирают сейчас для важных разговоров 92 % американцев.

– Золотко, – спросил он, – а ты не думала когда-нибудь о...

– Об уходе в монастырь? Нет, папа.

– О военной службе.

Она уставилась на него. О чем, о чем, а об этом она не думала. Она считала себя не менее патриотичной, чем любая другая семнадцатилетняя американка. Она выросла по соседству с одним из крупнейших оборонных предприятий. Все здесь были патриотами. Но вообще-то она довольно долго была сосредоточена на экзаменах повышенного уровня по английскому, французскому, истории и на приемных тестах, где, между прочим, только высочайшие баллы могли гарантировать поступление в Йель. Может быть, ты и сам, папа, это заметил?

– Послушай меня теперь, – сказал он, внезапно воодушевившись, как будто только что успешно осуществил мозговой штурм высшей категории. – Я тут навел кое-какие справки. Выясняется, что если ты пройдешь офицерскую подготовку – а тебя с твоими отметками возьмут стопроцентно – и определенный срок прослужишь, они, черт их дери, заплатят за твое обучение.

Звучало так, словно это была сделка века.

Он что, действительно это предлагает? «Навел кое-какие справки»? Звонил по своему шикарному новому мобильному? Из «БМВ»? Или залез в необлагаемую «сесну» и полетел прямо в Пентагон лично говорить с заместителем помощника министра, отвечающим за набор молодых людей, чьи отцы просадили учебные деньги? Нет, это не может быть серьезно.

– Какой срок?

– Три года. И вот еще учти: если шесть лет – они заплатят практически за все. Получишь все мыслимые льготы. – Он наклонился к ней. – Я и в Йель звонил. Они сначала сказали, что ждут тебя именно сейчас, и погнали волну по этому поводу, но я им говорю: «Стоп, стоп! Вы что хотите сказать – что пойдете на попятный и откажетесь принимать патриотически настроенную американку, которая решила послужить родине?» – Он улыбнулся. Улыбка у него была обаятельная. – Они сразу прикусили язык. Так что, видишь, я все уладил. Они просто отложили прием до твоего увольнения из армии. Или флота. Оттуда, где...

– Значит, ты им сказал, йельским, что я не поступаю этой осенью? Хотя я четыре года ради этого убивалась? Прямо так и сказал?

– Видишь ли, принимая во внимание денежный вопрос... Золотко, это ведь больше тридцати тысяч, не считая питания.

– Я могла бы, типа, и не поесть четыре года... – У нее кружилась голова. – А с мамой ты... обсуждал это?

– Нет. Нет. Я хотел сначала с тобой. Само собой, золотко, после ай-пи-о я Йельскому университету целый новый стадион футбольный отгрохаю.

Фрэнк Коуэн продолжал говорить, но Касс уже не слушала. Она пыталась подсчитать, скольким людям уже сообщила, что поступила в Йельский. Пятидесяти? Ста? Значит, так: всем в электронной адресной книге Yahoo!.. всем в адресной книге Hotmail... всем одноклассникам... родственникам... еще в Центре Мартина Лютера Кинга, где она последним знойным летом занималась с детьми. Все ее обнимали, все говорили, как ею гордятся. Человек двести в общей сложности?

До Касс дошло, что отец все еще разглагольствует.

– ...сам я никогда в армии не служил. И жалею об этом, честно говоря. Нет, не то чтобы я хотел во Вьетнам. О, господи, во Вьетнам никто в моем поколении не хотел. Там

была полная дрянь. Так или иначе, сейчас мы ни с кем не воюем, поэтому подумай: армия может дать тебе полезный опыт.

Глава 3

И вот в январе следующего года, когда Касс могла бы участвовать в редактировании «Йель дейли ньюс» или присутствовать на неформальной встрече с какой-нибудь заезжей знаменитостью, она вместо этого оказалась в лагере Кэмп Браво (ироническое название, если учесть уровень энтузиазма его обитателей) близ местечка в Боснии с красноречивым названием Гнилюк в компании нескольких сотен военных, чья деятельность составляла часть бесконечных и явно безуспешных стараний Америки удержать европейцев от смертоубийства.

– Сэр, – спросила она одного из начальников под конец особенно гнетущего дня, – зачем мы здесь находимся?

Вопрос, может быть, и наивный, но вполне резонный, поскольку был задан через пять лет после размещения в регионе «временного» американского контингента. Не отводя взгляда от бумаг, офицер без всякой иронии ответил:

– Чтобы опять не началась Первая мировая.

Касс прошла общую военную подготовку в Форт-Джеконе, Южная Каролина. Быть на свежем воздухе ей всегда нравилось, и занятия не пришлись ей особенно в тягость. Инструкторы высоко оценили рвение, с которым она колола штыком манекены и побеждала в тренировочном рукопашном бою мужчин тяжелее себя фунтов на двадцать. В свое время ей довелось пострелять с братом белок в лесах Коннектикута, и теперь она увлеклась стрельбой из винтовки М-16. Головам и важным органам мишеней доставалось хорошо. Один инструктор по стрельбе даже предложил ей подать заявление в школу снайперов. Поразмыслив, она решила этого не делать, ибо в гражданской жизни умение убить человека с тысячи шагов, к счастью или к несчастью, не пользуется огромным спросом. Пройдя общую подготовку на ура, она подала в школу спецподготовки, имея все основания ожидать, что ее примут.

И в установленном порядке незримая армейская рука, более могучая даже, чем рука рынка у Адама Смита, определила ее в службу связей с общественностью. Какой-то армейский функционер в недрах Пентагона, рассматривая ее заявление, увидел, что ее готовы были взять в Йельский университет. Нерационально будет учить такую спускаться по тросу с вертолета. Нет, она нужна – причем отчаянно, немедленно – среди серой боснийской снежной слякоти: сопровождать важных персон, сочинять пресс-релизы, устраивать для местных мероприятия доброй воли с улыбками, рукопожатиями, булочками и кофе.

Касс сидела в одном из трейлеров, составлявших штаб-квартиру 4087-го батальона по связям с общественностью («Парящие орлы») 12-го полка 7-й дивизии 4-й армии США, и делала последние штрихи на очередном эпическом пресс-релизе со сногшибательным заголовком: **674-Й ИНЖЕНЕРНЫЙ БАТАЛЬОН ЗАВЕРШАЕТ СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕТНОГО ПОЛЯ НА ПЕРЕДОВОЙ АВИАБАЗЕ ТУРЬЕ**. И тут ее вызвал капитан Дримпильский.

Капитан был мужчина под сорок с брюшком и редующими волосами. Поступая в армию, и он мечтал спускаться по тросу с «Черного ястреба» на пылающее поле боя. Но та же незримая рука схватила его и посадила на другое поле – бумажное.

Его единственной победой над несчастливыми обстоятельствами было то, что он не стал (пока по крайней мере) желчным брюзгой, невыносимым для подчиненных. Капрал Коуэн ему нравилась. Расторопная в работе, с хорошим характером, и на нее было приятно – даже очень приятно – посмотреть. Будучи мужчиной с нормальным уровнем тестостерона, он испытывал к ней физическое влечение. Но капитан Дримпильский служил четырнадцатый год, до пенсии оставалось семь, и он был твердо намерен не подвергать себя риску

бесславного увольнения из-за обвинений в сексуальных домогательствах. Только что с треском закончилась карьера одного генерал-майора с ворохом ленточек по причине «нескромного поведения» в отношении кого-то под ним («под» в обоих смыслах). Капитан Дримпильский сублимировал свое отношение к капралу Коуэн тем, что подчеркнуто старался использовать уставные обороты речи и грамматическую форму третьего лица.

– Вольно, капрал.

– Есть, сэр, – сказала Касс.

– Как у капрала сегодня с боевым духом?

Понимая, что шутливо-формальный способ разговаривать помогает капитану держаться от нее на расстоянии, Касс охотно ему подыгрывала. Ей был симпатичен капитан Дримпильский, и она чувствовала, что он подавляет свои желания.

– Боевой дух у капрала – на грани между отличным и превосходным, сэр.

– Очень хорошо. Сейчас капрал узнает нечто, из-за чего его боевой дух взлетит ракетой к дальним галактикам.

– Капрал с трудом сдерживает рвение, сэр.

– Старайтесь. Есть данные, что к нам опять едет конгрессмен.

– У капрала нет слов, чтобы выразить свой восторг.

А в душе Касс не обрадовалась. За восемь месяцев пребывания в лагере ей уже пришлось сопровождать немало таких делегаций: в общей сложности семь конгрессменов и два сенатора США. Все конгрессмены мужского пола по достоинству оценили привлекательную молодую армейскую сопровождающую (в форме и черном берете Касс выглядела очень-очень). Один сенатор просто глаз с нее не сводил. Во время встречи с печальными боснийскими военными вдовами он, пока шел долгий разговор с синхронным переводом, пялился на нее и пялился. Наконец один его помощник, явно имеющий опыт таких ситуаций, заслонил ему обзор, чтобы он переключил внимание.

– Цель визита – выяснение фактов, – рассуждал вслух капитан Дримпильский, глядя на лежащую перед ним распечатку. – Факты, однако, таковы, что фактов у нас больше не осталось. Кончились примерно год назад. А они всё приезжают их выяснять.

– Может быть, законодатель порадует факту завершения заливки бетона на строительстве передовой авиабазы Турье, – предположила Касс. – У меня как раз готов пресс-релиз. Пальцы капрала только-только оторвались от клавиш. Чистый Шекспир, если капралу не запрещены проявления профессионального самодовольства. Сэр.

– Читая, капитан несколько раз падал в обморок от восхищения. Он представит капрала к медали Чести от конгресса.

– Орлы парят, орлы пиарят! Ура!

Капитан Дримпильский высморкался в бумажную салфетку. У него, как и у всех в лагере Кэмп Bravo, был насморк. Вся эта страна страдала насморком, который мог, если рассуждать исторически, передаться континенту в целом.

– Этот – большая шишка, – сказал капитан. – Член комитета по перенапряжению империи.¹⁰ Он против нашего присутствия здесь. Это я не критикую, а информирую.

– Понимаю, сэр.

– Джепперсон, демократ от Массачусетса. Смазливый такой. В семье денег немерено. Семья старинная. Он родственник Джона Седжвика – «дядюшки Джона».

– Кого, сэр?

– Наведите справки, капрал. Гражданская война. Хороший офицер по связям с общественностью должен знать военную историю страны.

– Генерала Седжвика, сэр? Того, которого убили в битве при Спотсильвании?

– Да, капрал, – подтвердил капитан Дримпильский. Он был слегка разочарован.

¹⁰ Перенапряжение империи (imperial overstretch) – термин из книги американского историка Пола Кеннеди «Подъем и падение великих держав» (1987). Означает расширение империи за пределы ее военных и экономических возможностей.

– Капрал читает книги, сэр, – сказала Касс извиняющимся тоном. – В свободное от несения службы время.

Капитан Дримпильский опять перевел взгляд на распечатку.

– Он и еще кое-кому приходится родственником. Деятелю революционной эпохи. Картина, капрал, складывается такая, что голубой крови в жилах у конгрессмена ого-го сколько. «Окончил Гарвард», – прочел он. – Ну разумеется. А капрал училась в Йельском?

– Никак нет, сэр. Сложная история.

– У конгрессмена были романы с кинозвездами, – продолжил Дримпильский. – Встречался с этой, как ее, с бывшей женой рок-звезды. С той, которая постоянно выражает убежденность, что Соединенные Штаты должны посылать войска во все голодающие страны мира, и в то же время осуждает американское военное присутствие где бы то ни было. Венесуэлка...

– Из Тегусигальпы, сэр. Прозвище – «Тамале по-гондурасски»,¹¹ если капрал не ошибается.

Дримпильский уставился на нее.

– Капрал заглядывает и в глянецовые журналы, – объяснила Касс. – В свободное время от сочинения информационных сообщений на шекспировском уровне. Сэр.

– Будьте бдительны, капрал, – отеческим тоном сказал капитан Дримпильский. – Просто... будьте бдительны.

– Капрал обещает не уронить достоинство офицера армии Соединенных Штатов, сэр. В критической ситуации капрал готова вступить с конгрессменом в прямое боевое соприкосновение.

Обычно конгрессмены летали в Гнилюк из Штатов напрямую. Но на обратном пути они, как правило, останавливались для «заправки» на авиабазе Хумпхаузен в Германии, поскольку там работал армейский магазин, по сравнению с которым «Уол-март» мог показаться жалкой лавчонкой. Там делегированные могли на год вперед без налоговой наценки запастись алкоголем и электроникой. Автопогрузчики доставляли все это на громадные транспортные самолеты «Си-5 Галакси», сами же конгрессмены летели дальше в избирательные округа с фотографиями, где были сняты в компании армейских. Они размещали эти картинки на своих веб-сайтах и рассылали в информационных бюллетенях, сопровождая поистине трогательными описаниями увиденного:

«Я только что посетил наших отважных военных, мужчин и женщин, которые делают вдали от родины трудную работу – распространяют демократию и американские идеалы. Оглядываясь на эти поистине волнующие дни, я могу только спросить себя: откуда берутся такие мужчины и женщины?»

Последние слова – из фильма о Корейской войне «Мосты у Токо-Ри» по роману Джеймса Миченера: излюбленный капитолийскими спичрайтерами пассаж с современным добавлением насчет женщин.

– Господин конгрессмен, мы заходим на посадку в Гнилюке.

– Спасибо, сержант.

Конгрессмен Рандольф К. Джепперсон печатал на своем ноутбуке. Одна из приятных сторон полета на военном борту в ранге конгрессмена США – то, что никакой член экипажа не будет командирским тоном требовать, чтобы ты пристегнулся и отключил электронику. Правда, однажды, когда он летал в корейскую демилитаризованную зону, приземление оказалось жестким и двое надоедливых сенаторов ударились о шпангоут, к тихому удовлетворению уорент-офицера, от чьего предложения пристегнуться они отмахнулись.

¹¹ Тамале – традиционная латиноамериканская еда: паровые блинчики из кукурузной муки с начинкой или без.

Конгрессмен Джепперсон печатал следующее:

«Общей для высших должностных лиц стала идея, будто Америка не должна отказываться ни от одного из своих начинаний, сколь бы глупым и непродуманным оно ни было. Наоборот: чем оно глупее и чем хуже продумано, тем сильнее у них желание упорствовать до бесславного и неизбежного конца».

Перечитал абзац, улыбнулся и подумал: *неплохо, старина*. Это было письмо в редакцию, которое он собирался по возвращении из Боснии отправить в «Нью-Йорк таймс». По-хорошему, он знал, писать надо было *после* поездки в Боснию, предпринятой для выяснения фактов. Он приглушил голос совести, пообещав себе убрать эти фразы, если что-нибудь изменит его мнение (хотя это маловероятно). Он закрыл ноутбук в тот момент, когда шасси большого транспортного самолета скрипом и шипением испаряющейся резины возвестили ему, что он на Балканах. Ранди такие поездки нравились. Они формировали образ его внешней политики, составляли часть Большого Плана.

Рандольф Камберлинг Джепперсон-четвертый был настоящая голубая кровь в хищном политическом бизнесе красного мяса. Брат его прапрапрапрапрадедушки был в числе подписавших Декларацию независимости. На семейном жаргоне этого предка называли «семижды пра», а священный документ – «декуха».

Праправнучатым племянником этого «семижды пра» был упомянутый генерал Джон Седжвик, верный боевой товарищ генерала Улисса С.Гранта, отличившийся во многих битвах гражданской войны, а ныне, благодаря особым обстоятельствам своей гибели, фигурирующий в игре «вопросы и ответы». В семье его называли «человеком-слоном» или «бедным Джоном».¹²

Прадед Ранди с материнской (камберлинговской) стороны был в 1880-е годы губернатором Массачусетса. Его дед по отцу Джозефус Агриппа Джепперсон увеличил и без того солидное семейное состояние, установив контроль над мировым рынком полевого шпата как раз в момент наивысшего спроса на алюмосиликаты. Президент Франклин Делано Рузвельт назначил его послом США в Бельгии, когда американо-бельгийские отношения были весьма напряженными. Его вмешательство во фламандско-валлонский конфликт 1938 года оказало решающее воздействие на события. Он подарил стране роскошный Palais Feldspar (Дворец полевого шпата) близ Генка с тем условием, что фламандцы и валлоны прекратят распрю, самую бессмысленную, по его словам, во всей Европе. Король Леопольд III присвоил ему титул Рыцаря белых панталон, один из самых почетных в Бельгии.

На плечах Минтерна Джепперсона, отца Ранди, мантия семейного величия держалась, надо сказать, плоховато. Первый свой нервный срыв он испытал в Гарварде, без особого успеха пробуя себя на академическом поприще. Однажды вечером он поджег исторический отдел Библиотеки Уайденера. Дело спустили на тормозах, и Джепперсоновский фонд оплатил восстановительные работы.

Минтерна отправили в швейцарский санаторий на лечение, которое состояло в интенсивном промывании кишечника и первичной терапии¹³ (два метода, можно сказать, дополняли друг друга). Возвращаясь на родину морским путем, он встретил и полюбил Аделаиду Панкхерст Питтс, единственную дочь Генри Гутца Питтса, главы компании «Великие озера от и до», которая, соответственно названию, контролировала практически всю коммерцию на Великих озерах. Родители Минтерна убеждали сына забыть о своем

¹² Генерал Седжвик погиб от пули снайпера. Незадолго до рокового выстрела он якобы пристыдил подчиненных: «Что? Мужчины кланяются шальным пулям? Что же будет, когда неприятель открывает огонь по всей линии? Мне стыдно за вас. С такого расстояния они в слона не попадут».

¹³ Первичная терапия – радикальный метод психотерапии, основанный на высвобождении негативных эмоций.

увлечении «Адди», аргументируя тем, что «Гутц» звучит по-еврейски.

Когда Минтерн отказался с ней порвать, Джепперсоны втихую наняли специалистов по генеалогии, чтобы выяснить, происходят ли их будущие возможные родственники из племени Авраама. Услышав от специалистов, что родоначальник Готмундер фон Гутц (1436–1491) не только не еврей, но прямой потомок Одобарда II, императора Священной Римской империи, Джепперсоны вздохнули с облегчением и предоставили дело природе. Неплохо было и то, что Адди предстояло унаследовать отцовское состояние, которое оценивалось в серьезную для конца 1940-х сумму – 800 миллионов долларов.

Минтерн и Адди поженились, и у них родилось трое детей, первого из которых нарекли Рандольфом-четвертым. (Брат и сестра прозвали его «Внутривенным». Джепперсоны, подобно многим аристократическим семьям, были помешаны на прозвищах.) Минтерн пережил новые «эпизоды» (впоследствии диагностированные как атипичный психоз, или биполярное расстройство). У него развился болезненный страх перед бурно текущей водой и громкими звуками, который связывали с его пребыванием в Швейцарии. Он стал иногда издавать странный птичий щебет, часто в совсем не подходящие моменты – посреди обеда с важными гостями, в церкви, на деловом заседании. Но его жене это подсказало, как объяснять детям его участвовавшие отлучки в разнообразные психиатрические учреждения: «Папа, дорогие мои, опять отправился наблюдать за птичками».

Несмотря на все эти трудности, Адди дала детям обычное для того времени новоанглийское бело-англосаксонско-протестантское воспитание: кормила нежной, передержанной на огне пищей, нанимала немецких нянечек, которые шлепали их при первой возможности, в одиннадцать лет отсылала в мрачные епископальные школы-интернаты. Оставшись без детей, Адди ограничила свою жизнь бриджем, комитетскими собраниями и джином с тоником. Она стала столпом бостонского общества – этаким вдовствующей королевой и знаменосцем старинного рода Джепперсонов.

Таковы были нити ДНК Рандольфа К. Джепперсона-четвертого.

Какие бы скелеты ни гремели костями в семейном шкафу – или вестибюле, если хотите, – характер у Ранди был солнечный, хотя в нервном состоянии он порой как-то странно гудел на низкой ноте: «М-м-м-м-м».

– Рандольф, прекрати! – требовала мать. – Опять этот нелепый звук!

Ранди отправился в Гарвард. Учился он прилежно, получал хорошие баллы и пользовался популярностью, особенно среди студенток – благодаря приятной внешности и заразительному смеху. «Порше-кабриолет» и большая моторная лодка, которую он держал у пристани на реке Чарльз, тоже не портили его репутацию, как и корзины для пикников, полные шампанского, фуа-гра и лучшего марокканского гашиша. Он ни разу не уронил славного семейного имени. Он участвовал в издании студенческой газеты «Гарвард кримзон», стал отвечать за редакционную страницу, его заметки, осуждающие политику Рейгана по уменьшению налогов, были на хорошем счету. Большой скандал в семье, правда, вызвал его отказ вступить в престижный студенческий клуб «AD», здание которого он назвал «мраморной сральней».

Окончив Гарвард, Ранди провел год в составе Корпуса мира: пытался заинтересовать перуанцев водоочисткой и севооборотом, но главным образом отличался по части качественного и недорогого кокаина, которого он вдохнул, наверно, целые Анды. В вилле, которую он там снял, он до рассвета писал письма полудюжине оставшихся на родине подруг, намекая, что вообще-то работает на ЦРУ – помогает выслеживать на «Светлом пути» Абимаэля Гусмана.¹⁴

Домой после этого кокаинового антракта он вернулся угрюмый и неузнаваемый, с длинными, не очень чистыми волосами и бородой. От наркотиков произвольное гудение

¹⁴ Абимаэль Гусман (род. в 1934 г.) – перуанский революционер-террорист, руководитель повстанческого движения «Светлый путь», арестованный в 1992 г.

стало у него почти непрерывным. Потускнела и его речь, некогда искрившаяся остроумием. Он поговаривал о возвращении в Перу – мол, «надо доделать дело». Звучало неубедительно. Бывшие подруги под разными предлогами отказывались от свиданий. Мать пригрозила лишить его денежного содержания.

Спустившись однажды из спальни, где он продрях до пяти вечера, он был встречен матерью, которая сказала:

– Ты, милый мой, молод для кризиса средних лет. Давай бери себя в руки. Так пойдет – кончишь в дурдоме, как твой отец. Или угодишь в какую-нибудь секту «возрожденцев». Не знаю, что скучнее. И пожалуйста, *перестань издавать этот противный звук!*

Однажды по пути в Бостон к психиатру, на чем настояла мать, сказав, что иначе выгонит из дома и перестанет давать деньги, Ранди закинулся тремя дозами кислоты.

Это был довольно своеобразный, но по-своему логичный способ отомстить матери: увидеть под воздействием лошадиной порции ЛСД, как она уменьшается, съеживается. Ехать в Бостон по автостраде стало, однако же, сложновато. В какой-то момент он поднял глаза и узрел среди диковинных гигантских птиц, которые кружили над ним и норовили схватить и съесть, очертания спроектированной И.-М.Пеем библиотеки Джона Ф.Кеннеди, которые выделявали... ух ты... *поразительные* штуки. Сквозь цунами галлюцинаций до него вдруг дошло, что он ни разу там не был. Лови случай! Это было куда увлекательней, чем сидеть в обторченном виде у доктора Гольдберга, так что он свернул с шоссе – захватывающий и почти смертельный номер. Припарковался странно чем привлёк внимание нескольких охранников, но ухитрился покинуть машину и войти в здание так, что его не загребли.

Он стоял в высоченном, как внутренность собора, застекленном холле, глядел на море и небо – и внезапно на него снизошло откровение всей жизни. Да! Ведь у него тоже бостонский выговор, он привлекателен, смекалист, учился в Гарварде, неприлично богат и – по крайней мере до того, как его нос начал работать кокаиновым пылесосом, – тоже был трахальщик хоть куда, вполне себе петух в любом курятнике. Он услышал голос – голос самого Дж. Ф.К.: «Вперед!»

Четыре годя спустя, после одного-двух фальстартов, Рандольф К.Джепперсон был избран в конгресс. Иной раз можно было услышать, что он купил себе кресло. Коллеги вскоре начали над ним посмеиваться, и у него появилось новое прозвище: Рандольф Неджефферсон-четвертый. Но он был твердо намерен сделать так, чтобы смеялись недолго.

Капрал Коуэн, стоя навтыяжку, смотрела, как выруливает после посадки военный С-21А. Она успела навести о члене палаты представителей Р.-К.Джепперсоне кое-какие дополнительные справки. «Американский политический ежегодник» отмечал его родословную, его интерес к внешней политике (внутренняя – скука смертная). Он пустил в ход свои связи, чтобы войти в комитет палаты по контролю за использованием вооруженных сил за рубежом, который окрестили «комитетом по перенапряжению империи». Можно понять, почему он решил посетить Бесподобные Балканы.

Уж точно не для того, чтобы отовариться на обратном пути. Согласно журналу «Форбс», он был одним из богатейших депутатов конгресса: личное состояние – «более 100 миллионов долларов» (после «Великого пробуждения», как называли в семье произошедшую с Ранди метаморфозу, Адди смягчилась в денежном отношении). Это, наряду с потрясающе эффектной внешностью, сделало его самым заманчивым холостяком Вашингтона. Не один глянцевоый журнал писал о нем, задаваясь вопросом: «Новый Джон Кеннеди?» У него был огромный дом в Джорджтауне, и капитан Дримпильский не ошибся, сказав, что он крутил «романы с кинозвездами». С «Тамале по-гондурасски» это длилось два года. «Вэнити фэр» привел слова его матери, назвавшей ее «гондурасской шлюхой».

Веселенький, наверно, вышел у них семейный обед в День благодарения, подумала Касс.

Она рассмотрела его фотографии. Да, можно поверить, что его какой-то там пра-пра подписал Декларацию независимости. Рост – шесть футов два дюйма, спортивный,

широкоплечий, чуть-чуть этакий аист, что придавало ему трогательный оттенок уязвимости: казалось, сильный ветер может его и повалить. Светло-голубые глаза, мужественные складки на щеках, нос такой, словно его передавали из рук в руки со времен первых поселенцев. Прямо-таки ожившая скульптура работы выдающегося ваятеля. Лицо могло бы даже показаться жестоковатым, но глаза лучились и выражали смущение из-за свалившихся на человека богатств и удач. И вот он приближается собственной персоной. Ей пришлось перекрикивать медленно утихающий визгливый вой реактивных турбин.

– *Конгрессмен Джепперсон, я капрал Коуэн, служба отношений с общественностью. Добро пожаловать в...*

– *Ничего себе названьице, правда?*

– *Простите, сэр?*

– *Гнилюк!*

– *Так точно, сэр. Прошу вас... наш автомобиль вон там.*

Касс села на водительское место военного внедорожника, конгрессмен – на пассажирское. Его аристократическая элегантность плохо гармонировала с утилитарным аскетизмом салона.

Он улыбнулся и посмотрел на нее.

– Коуэн, вы сказали?

– Так точно, сэр.

– Симпатичная фамилия. Ирландская? Да, конечно.

– Так мне говорили, сэр.

– Между прочим, в Вашингтоне у меня есть такая машина, – сказал он. – Само собой, гражданский вариант. «Хаммер». Почти неприличное признание, правда? – Он усмехнулся. – «Позвольте вас подвезти в моем... „хаммере“».

Странная птица, подумала Касс. Обладание машиной, которая на полусотне ярдов пути тратит галлон бензина, не вязалось с его, по словам ежегодника, «твердой позицией защитника окружающей среды».

Словно прочитав мысли Касс, он добавил:

– Вообще-то я на нем не езжу. Просто держу у себя. Так, знаете... на всякий случай.

– На всякий случай, сэр?

– Простите, как вас зовут?

– Кассандра...

– Вы как-то неуверенно ответили, – улыбнулся он. – Свидетельство о крещении у вас с собой? Давайте проверим.

– Касс. Сэр. – Она улыбнулась в ответ.

– Знаете что, Кассэр... если вы перестанете называть меня сэром, из-за чего я чувствую себя столетним стариком, я начну называть вас Касс. Идет?

– Согласна.

– Рад с вами познакомиться, Касс. – Он посмотрел в окно. – Тоскливо тут, однако.

– Извините, что я одна, – сказала Касс. – Из Пентагона сообщили, что вы не хотите большого количества сопровождающих. Капитан был бы рад...

– Нет-нет-нет, все отлично. Ненавижу *сви-иты*, – протянул он издевательски. – Ведь дошло уже бог знает до чего. Господи, вы случайно не видели кортеж нашего президента в Пекине на той неделе? Пятьдесят четыре машины! Вот оно, перенапряжение империи. Растягивание сверх возможностей. Один *лимузи-и-и-ин* чего стоит. Хватит, я вас умоляю! Чем все это может кончиться?

Он посмотрел на Касс и понял, что она не знает, как реагировать.

– Прошу прощения, Касс. Я не хотел вас провоцировать на критику верховного главнокомандующего. Мне надо фильтр какой-нибудь вставить между мозгом и языком. Я думаю, глава государства тут не виноват. Безопасность – в ней все дело. И все же какой это сигнал дает миру, когда американский президент так ездит? Что, пятидесяти машин не хватило бы? Джимми Картер, наверно, перегнул палку – он был президентом до того, как вы

родились, – но должен сказать, мне нравится идея, что президент США сам носит свой чемодан. Скромность! Вот для меня главная добродетель. Которой сам я не скажу, что в избытке наделен. Да и никто сейчас не наделен в Вашингтоне. Ужас, ужас. Гарри Трумэн любил прогуливаться практически в одиночку. Были времена. Можете себе представить американского президента, который взял и отправился пройтись в парк? *Où sont les neiges d'antan?*¹⁵

– Вийон?

– Классно, капрал. – Он произнес это без всякой покровительственности. – Если я вдруг вздумаю баллотироваться в президенты, мне надо будет завязать с французскими цитатами. В нынешней Америке знание самого красивого, самого цивилизованного языка на свете считается минусом для высшей должности. Гораздо лучше говорить: «Буэнос диас!» – и фотографироваться за поеданием какого-нибудь отвратительного буррито. Ну что, капрал Касс, когда мы начнем выяснять факты?

– Где конгрессмен хотел бы этим заняться?

– Да просто можно поездить туда-сюда. Терпеть не могу запланированные маршруты. «О, господи, конгрессмен, мы и знать не знали, что вы к нам явитесь!» Потомходишь в палатку, а там плакат: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, КОНГРЕССМЕН ДЖЕППЕРСОН! И тебя чуть не рвет от запаха мазей для ботинок и блях. С самого рассвета драились, бедолаги. И без того хреново, а тут еще приезжают нос совать всякие вашингтонские козлы. Где-то здесь, я слышал, есть лагерь спецназа. Называется вроде «Декабрь»...

– «Ноябрь».

– Вот-вот. Поехали глянем, что в этом «Ноябре» творится. Люблю спецназовских. Всегда режут правду-матку.

Касс вела машину. Конгрессмен молча обозревал окрестности. Через некоторое время спросил:

– Что вообще-то вы здесь делаете?

– Стараемся, чтобы опять не началась Первая мировая.

– Хороший ответ.

– Не я это придумала. Услышала от одного полковника.

– От Австро-Венгрии сейчас больших неприятностей ждать, пожалуй, не приходится. Но Россия – вечный знак вопроса. Между прочим, я однажды здорово напился с Борисом Ельциным. Слыхали про такого? М-да, этот умеет заложить за воротник. Мы пели в Кремле «Дом на равнине».¹⁶ Я потом неделю приходил в себя. Теперь не выношу запаха водки. Хотя у нее даже и нет запаха.

Не отводя взгляда от слякотной дороги, Касс чувствовала его взгляд на себе – не похотливый, впрочем.

– Так что же? – спросил он.

– Что? – переспросила она.

– Что вы здесь забыли? Предотвращать Первую мировую – это хорошо, конечно...

– Скучная история, – улыбнулась Касс.

– Что ж, вы меня тут в Боснии заарестовали, в вездеход засунули, – сказал Ранди. – Валяйте дальше. Убивайте меня скукой. Не жалейте.

Рассказывать конгрессмену США про свои семейные дразги – нервное занятие. Кое-что она опустила. Не стала, например, повторять саркастические замечания матери за ужином насчет «сессны». Зато упомянула о том, что отец тайком истратил деньги, полученные под вторичный залог дома, на свое дело, которое все никак не раскручивалось. После чего мать забрала детей и ушла. Об этом Касс узнала из письма, которое получила во время общей

¹⁵ Где ныне прошлогодний снег? (фр.)

¹⁶ «Дом на равнине» – популярная в США песня, сочиненная в XIX в.

подготовки.

Конгрессмен слушал ее молча, сложив руки на груди. Касс показалось, что от него исходит какое-то гудение. Может быть, заскучал и принялся напевать себе под нос? Они миновали то, что осталось от разбомбленной сербской автоколонны.

– М-да, – промолвил он наконец. – Что будет лучшим подарком такому папаше на День отца? Ручная граната?

Они ехали дальше. Потом Касс спросила:

– Почему у вас «хаммер»? Ведь вы такой защитник окружающей среды.

– Скучная история.

– Ваша очередь морить меня скукой.

– Хорошо. Только держите язык за зубами: если узнают, что я об этом заикнулся, у меня будет куча неприятностей. Имеется этот *список*. Знаете, как любят наши военные чины и всякие службы безопасности нагонять страху на конгресс своими говенными – извиняюсь, скажу лучше: *merdeux*¹⁷ – сценариями? Безотказный способ выбивать себе бюджет. Есть такой писатель Том Кланси.

– Слыхала.

– Похуже, чем Вийон. Он написал эту *нелепую* книжку, которая кончается тем, что в здание Капитолия врзается самолет. Можете такое себе представить? Что люди начали направлять самолеты в здания. Я вас умоляю! Но в вашингтонских официальных кругах все поголовно читают Кланси – а вы думали, они Пруста читают? *Au contraire*.¹⁸ И от страха просто обделались. Поэтому решили: надо выработать план. Надо составить *список*. И накатали идиотский список тех, кто подлежит эвакуации, если японские джингоисты, или чокнутые швейцарские йодлеры, или еще кто-нибудь начнут врзаться на авиалайнерах в наши здания. Список называется «Эхо». Какой, интересно, трудяга в Вашингтоне придумал это наименование? Но самое забавное – меня в списке нет. Там только сенаторы. Представьте себе опустевший мир, который вновь заселяет потомство сенаторов! Кровь стынет в жилах. Живые позавидуют мертвым. И я подумал: ладно, раз так – сам организую свою эвакуацию на случай, если кто-нибудь вздумает обрушить капитолийский купол нам на головы. Пошел и купил этот жуткий драндулет, эту адскую колымагу, и держу ее постоянно в своем отсеке гаража на Капитолии с полным баком и всеми жизненно важными припасами. – Помолчав, он добавил – А о среде я не забываю. Езжу большей частью на велосипеде. Не только из-за зеленых убеждений, конечно. И для имиджа хорошо. «Конгрессмен-велосипедист».

– Раскручиваете и себя, и педали?

– Отлично, капрал. Да, я себя раскручиваю. Есть такое дело. Способ раскрутки. – Он зевнул. – Вы не против, если я чуточку вздремну? В самолете как-то не удалось. Неохота клевать потом носом среди спецназовцев. Подумают, я зануда какой-нибудь. Разбудите меня, если нас атакуют или случится что-нибудь захватывающее, ладно?

Глава 4

– Смешно, – сказал конгрессмен, когда они ехали по слякотной дороге из лагеря спецназа.

– Что смешно?

– Первая мировая война. Она кончилась в ноябре. А мы как раз побывали в лагере «Ноябрь». И началась война именно здесь, в Боснии. Так что в каком-то смысле мы за несколько часов описали полный исторический круг. – Он немного помолчал, потом сказал:

¹⁷ Говенными (*фр.*).

¹⁸ Напротив (*фр.*).

– Отчаянные там ребята, однако.

– Спецназ, что вы хотите.

– Вы общую подготовку проходили как все? Или служба связей с общественностью освобождается от окопов?

Касс посмотрела на него искоса.

– Я вообще-то не для того записалась в армию, чтобы сочинять пресс-релизы и...

– Сопровождать раздолбаев из конгресса.

– Я этого не говорила.

– Но подумали. Поверьте мне, капрал, хоть я и не слишком одобряю наше присутствие здесь, к военным я всегда испытывал полное уважение. Знаете, чем я занимался в вашем возрасте? Нюхал кокаин в Перу в составе Корпуса мира и притворялся, что работаю на ЦРУ.

– Зачем вы мне про это говорите? – спросила Касс.

– Чувство вины. – Он подмигнул ей. – У либералов это святое. Нет, я действительно восхищаюсь военными. Хоть и благодарю Бога, что сам был от этого избавлен. Не продержался бы и двух минут. Как вы думаете – спецназовцы втирали мне там очки? Пиарились? Из-за того, что я против нашего пребывания здесь, и всякое такое.

– Если честно, – ответила Касс, – я думаю, у них мысли совсем о другом. О том, как обогреться. И как на mine не подорваться.

– Очко в вашу пользу, капрал. Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен... Отважные скачут шестьсот.¹⁹ Пришлось заучивать это в Гротоне.²⁰ Сейчас, наверно, их там заставляют зубрить Майю Анжелу.²¹ Весь этот бред.

– Какой же вы после этого либерал? Купили «хаммер», восхищаетесь военными, предпочитаете Теннисона политкорректной поэзии.

– На бумаге я довольно розовый. Мой рейтинг либерализма по версии АДД²² просто зашкаливает. Но я понимаю, что вы хотите сказать. Знаете, как французы говорят: «Думай как левый, живи как правый». Прочитать вам «Атаку легкой бригады» целиком?

– Спасибо, не надо. Хорошо, что вы в лагере от этого удержались. Чего доброго, они открыли бы по нам огонь.

– Однажды я это продекламировал во время ночной школьной акции протеста против сокращения расходов на обеды. Я могу и «Кремацию Сэма Макги».²³ Но не волнуйтесь. Я вас пощажу.

– Что она собой представляет? – вдруг вырвалось у Касс. Она мигом об этом пожалела.

– Кто?

– Да нет, ничего. Я...

– А! «Тамале по-гондураски».

– Простите меня. Ни к селу ни к городу.

– Что вам сказать... – Ранди кашлянул. – Она *может* быть очень милой. Просто, думаю, ей кажется более интересным *не* быть. Мы в какой-то момент были практически помолвлены. Но мама... Боже мой, это был вечер, какого я врагу не пожелаю. Вспоминаю –

¹⁹ Цитаты из стихотворения А.Теннисона «Атака легкой бригады». *Перевод Ю.Колкера.*

²⁰ Гротон – частная школа-интернат в штате Массачусетс.

²¹ Майя Анжелу (род. в 1928 г., наст. имя – Маргерит Джонсон) – афро-американская поэтесса, писательница, актриса, активистка правозащитного движения.

²² АДД («Американцы за демократическое действие») – американская либеральная политическая организация.

²³ «Кремация Сэма Макги» – баллада канадского поэта Роберта Уильяма Сервиса (1874–1958).

и содрогаюсь.

Касс опять услышала гудение.

– Это у вас...

– Называется синдром Туретта. У меня легкая форма. Наследственное заболевание. Вот у отца была совсем даже не легкая. Он трещал, как южноамериканский какаду. Не слишком благозвучно посреди шопеновского ноктюрна в филармонии. В детстве нас передергивало.

– Я не собиралась над вами смеяться.

– Бывает хуже, поверьте мне. Между прочим, я проголодался.

Касс пошарила за сиденьем и протянула ему «блюдо, готовое к употреблению». На упаковке значилось: «ИТАЛЬЯНСКАЯ КУХНЯ. Спагетти с м/шариками. 1200 ккал.»

Конгрессмен уныло уставился на «б. г. у.» у себя на коленях.

– Да уж, вкусотища, наверно. – Он кинул упаковку обратно. – Можно, я сяду за руль?

Это противоречило всем инструкциям.

– Э...

– Да ладно вам. Ну пожалуйста! Дома у меня такой возможности не бывает. Я такой невезунчик, что меня всюду везут. Очень вас прошу.

Когда младшему брату Касс было пятнадцать, она давала ему поводить. Конгрессмен Ранди, мужчина под сорок, вдруг стал выглядеть как подросток.

– У меня могут быть серьезные неприятности, – сказала она.

– Если вы не пустите меня за руль, – проговорил Ранди весьма серьезным тоном, – я прочту «Кремацию Сэма Макги» целиком. И вы сойдете с ума, не удержитесь на дороге, и мы оба погибнем.

Она остановила машину. Они поменялись местами и тронулись с места – довольно мягко.

– Чуть-чуть тяжелей в управлении, чем моя, – заметил Ранди.

– Она бронированная, – сказала Касс.

– Ну еще бы. Отлично. Есть тут какие-нибудь кнопки, на которые я не должен нажимать? Запуск ракеты, катапультирование, дымовая завеса? Кстати, вон деревня.

Они ехали по долине. В нескольких милях показалось скопление домов. Над крышами поднимались дымки.

– Там нас, наверно, покормят, – сказал Ранди.

– Исключено. Мы движемся по периметру зоны наших действий. Тот городок – вне ее. Мы сможем поесть, когда вернемся в Гнилюк.

– Держу пари, что эта деревня – гастрономический центр региона. Своего рода боснийский Лион.

– Мне трудно поверить, что здесь где-нибудь может быть «гастрономический центр», – отозвалась Касс.

– Послушайте, капрал, я приехал сюда ради фактов. И в данный момент факты, которые меня больше всего интересуют, следующие: кусок жареной курицы, деревенский сыр, ароматный хлеб и бутылка местного винца. Кстати, как оно здесь? Не очень? Гм... тогда, может быть, ограничимся пивом.

Не обращая внимания на протесты Касс, Ранди свернул с главной дороги на боковую, которая вела к деревне. В воображении Касс замаячили сербские снайперы, высывающиеся из-за кустов. Она потянулась к рации.

– Что вы делаете? – спросил он.

– Сообщаю на базу, что меня похитил конгрессмен США.

– Правильная мысль. А то мало ли что.

Касс проинформировала дежурного офицера об их местонахождении. Он выразил беспокойство, но Ранди был целеустремлен, как учуявшая трюфели свинья. Через несколько минут они въехали в деревню.

На маленькой площади стояло несколько местных. Касс увидела вывеску, которая могла означать, что здесь чем-то кормят. Они вошли внутрь. В помещении было тепло,

влажно от пара и пахло застарелыми соленьями. Касс обменялась несколькими примитивными фразами с толстой, украшенной бородавкой пожилой женщиной – по всей видимости, хозяйкой.

– Что вы заказали? – спросил конгрессмен.

– *Кулен тита.*

– Переведите мне, глупому.

– Пирог с требухой.

– Ух ты! – сказал Ранди. – Ням-ням.

Оказалось, в общем, съедобно. Конгрессмен выпил бутылку местного пива, которое, заметил он, «немножко отдавало хмелем».

Пока они ели, вошли и сели за стол трое мужчин свирепого вида. Уставились на Касс в американской форме, на ее спутника. Ранди приветливо взглянул на них и помахал. В ответ они недружелюбно осклабились.

– Республиканцы, наверно, – пожал он плечами. Заказал еще пива.

– Мой пра-пра и так далее предок, – сказал потом Ранди, подавляя хмельную отрыжку, – был знаком с Томасом Джефферсоном. Довольно близко его знал. Они – деликатный момент – покупали рабов у одного и того же торговца. На C-SPAN²⁴ вы про это от меня не услышите. Сохранилась их переписка на эту тему. «По-моему, я переплатил за Езекию. Мне не очень нравятся его десны». Дождитесь моего выдвижения в президенты. СМИ попируют тогда на славу! Простите, меня что-то занесло не туда. Пирог с требухой, наверно, виноват. Так вот, я хотел сказать, что в тысяча восемьсот пятнадцатом году Джефферсон написал одно письмо. Я столько раз цитировал его в «Вестнике конгресса», что выучил наизусть. Не волнуйтесь, это короче, чем «Сэм Макги». Он пишет: «Чем меньше мы будем вмешиваться в дружбу и вражду европейских стран, тем лучше». Это говорит человек, который был нашим посланником во Франции. И дальше: «Не в наши дни, но довольно скоро мы сможем взмахнуть скипетром над головами у всех, заставляя дрожать самых стойких. Но я надеюсь, что мудрость наша будет расти вместе с нашей силой и научит нас, что чем меньше мы эту силу применяем, тем больше она становится». Не в бровь, а в глаз. – Он откинулся назад и посмотрел на непрезентабельную тройцу. – И вот мы опять – и вот *вы лично*, капрал, – угодили в самый центр европейской вражды.

– Кстати, о вражде, – тихо сказала ему Касс. – Я думаю, нам надо уезжать. Эти парни – что-то они мне не нравятся.

Рандольф окинул их оценивающим взглядом.

– Не лучшие образчики природного мира, прямо скажем. Ладно, не будем рассиживаться. Спросите, пожалуйста, госпожу Бородавку, сколько мы должны.

Он вытащил толстую пачку столларовых купюр. Трое местных явно ее заметили. Касс содрогнулась. Мужчины встали и вышли.

Когда Ранди и Касс покинули заведение, конгрессмен спросил:

– Как насчет прогуляться по Риальто? Растрясти трехзвездочную трапезу?

– Садитесь в машину.

Ранди двинулся к водительскому месту.

– Нет, вести буду я, – сказала она.

Но спорить было бесполезно. Ключи были у него. Она села на пассажирское. Они тронулись с места. Касс нервно поглядывала в зеркальце заднего вида. Показались те трое, сели в свою машину и поехали за ними.

– Черт, – сказала она.

– Да, – отозвался Ранди. – Не еда, а просто ужас.

– Я не про еду. Эти местные. Они по нашу душу.

²⁴ C-SPAN – американский кабельный политический телеканал, освещающий, в частности, заседания конгресса.

Ранди бросил взгляд в зеркальце.

– Скорее всего, едут по домам. К своим несчастным женам. Каково им в постели с этими типами... дрожь берет...

– Они за нами, – сказала Касс с оттенком злости в голосе. – Зря вы там размахивали пачкой денег.

– Виноват. Непохоже было, что они принимают American Express.

Касс связалась с базой и доложила о ситуации.

– Вы что, затребовали удар с воздуха? – поинтересовался Ранди. – Не очень-то по-спортивному.

– Они тут не церемонятся. Жесткая публика.

– А я что, не жесткий? – спросил Ранди и сурово выдвинул челюсть.

Прелестненько, подумала Касс. *Берти Вустер идет на войну*.

Машина уже следовала за ними почти вплотную. Вдруг Ранди нажал на тормоз. Машина чуть не врезалась в них.

– Что вы делаете? – заорала Касс.

– Посмотрим, проедут или нет.

Они не проехали. Из машины вылезли двое и двинулись к вездеходу каждый со своей стороны. Тот, который приближался со стороны Касс, держал в руке что-то длинное.

Секунду спустя ее окно покрылось паутиной трещин от удара железной трубой.

– Держитесь крепче! – крикнул Ранди.

Касс бросило вперед на ремень безопасности: Ранди дал задний ход и до отказа выжал акселератор. Вездеход с оглушительным лязгом врезался в сербскую машину. Ранди переключил передачу на передний и поехал.

– Прошу прощения, – сказал он. – Не ожидали? Как вы, ничего?

Касс уже говорила по рации – сообщала, что их атаковали по-настоящему. В зеркальце она увидела, как те двое бросились к своей машине. Легковушка взяла с места и рванула следом.

– А я-то думал, выведу ее из строя, – огорчился Ранди. – Ну что, огнестрельное оружие у нас есть?

– Нет.

– Военный автомобиль *без оружия*?

– Мы не должны были действовать на недружественной территории, – резко ответила Касс.

– Ладно, обойдемся. А вообще-то я неплохо стреляю по тарелочкам.

– Спасибо, успокоили.

Ранди круто свернул с дороги и поехал по полю.

– Что вы делаете? – завопила Касс.

– Посмотрим, как они нас будут догонять по этой слякоти!

– Ранди, здесь мины кругом!

Конгрессмен снял ногу с акселератора.

– А-а. Вы важное замечание сейчас сделали, кап...

Глава 5

КОНГРЕССМЕН США РАНЕН В БОСНИИ СОПРОВОЖДАВШАЯ ЕГО ВОЕННОСЛУЖАЩАЯ ТАКЖЕ ГОСПИТАЛИЗИРОВАНА ПОСЛЕ ПОДРЫВА НА МИНЕ

Касс обалдело уставилась на заголовок иностранного издания «Ю-Эс-Эй тудей», которое ей принесла услужливая медсестра. Последние двое суток Касс была то в сознании, то без, так что газета сулила ей некие новости. В какой-то момент – сегодня утром, что ли? –

она очнулась и увидела, что вокруг стоят военные внушительного ранга. На неприятное зрелище она отреагировала тем, что закрыла глаза и притворилась впавшей в забытие.

Она прочла следующее:

Член палаты представителей Рандольф К. Джепперсон и его военная сопровождающая были ранены вчера, когда их вездеход съехал с главной дороги близ боснийской деревни Кркил и подорвался на mine. Вертолетом их переправили на военную базу НАТО в Гнилюке, затем самолетом – в медицинский центр американской армии в Ландштуле, Германия.

Представитель НАТО сообщил, что состояние обоих – «тяжелое, но стабильное».

Конгрессмен от Массачусетса Р.-К.Джепперсон – видный член комитета по контролю за использованием вооруженных сил за рубежом. Инцидент произошел, когда он совершал поездку с целью выяснения фактов. Один из его предков подписал Декларацию независимости.

Его сопровождала капрал Кассандра Коуэн из батальона по связям с общественностью, базирующегося в Гнилюке и входящего в состав миротворческих сил НАТО.

Почему их вездеход выехал на помеченное предупреждающими знаками минное поле, остается неясным.

Позднее – в тот же день или на следующий? – Касс услышала суровый, настойчивый голос:

– Капрал. Капрал Коуэн.

Она открыла глаза. Опять военные солидного ранга. Полковник, майор, капитан – нет, два капитана. Ни цветов, ни журналов, ни карточек с пожеланиями скорейшего выздоровления. Она вновь опустила веки, но голос, вздувшийся от властности, извлек Касс из этого убежища. Она на секунду порадовалась, что голова у нее в повязке, а левая рука в гипсе. Может быть, видя это, они проявят хоть чуточку больше сочувствия. *Ладно*, подумала она, *чему быть – того не миновать*.

– Капрал. – Голос оказался полковничий. – Почему конгрессмен сидел за рулем?

– Он меня попросил.

По лицам пробежала волна хмурости.

– Вы понимаете, что это было нарушение инструкций?

– Понимаю. – Еще бы она не понимала.

– И тем не менее вы позволили ему вести машину?

– Сэр, он конгрессмен Соединенных Штатов.

Военные переглянулись.

– Что вы делали в деревне?

– Выясняли факты, сэр.

Хорошая штука морфий. Притупляет все на свете – даже страх перед грядущим военным трибуналом.

– Капрал, вы сидите в глубокой яме. Не углубляйте ее.

– Конгрессмен проголодался. Он настаивал. Я предложила ему б. г. у. Но оно не соответствовало его гастрономическим стандартам.

– Настаивал? Но на вас, капрал, была возложена ответственность за него.

– Так точно, сэр. Я знаю, что сильно напортачила. Могу я спросить, как чувствует себя конгрессмен?

Лица нахмурились еще сильнее.

– С ним еще работают врачи. Пытаются спасти его ногу.

Военные ушли. Касс расплакалась. Заботливая медсестра сделала ей укол, и она с облегчением утонула в ласковых объятиях морфия.

Когда проснулась, – на следующий день или позже? – у койки сидел военный. Это был капитан Дримпильский. Он принес цветы. Когда Касс поняла, кто это, она начала реветь.

- Взять себя в руки, капрал! Все будет нормально. Орлы не плачут. Солдаты не киснут. Подтянитесь!
- Есть, сэр. – Она высморкалась. – Что капитан здесь делает?
- Меня перебросили сюда по воздуху. Я говорил с врачами. У вас все будет в полном порядке. Вам, Коуэн, дико повезло.
- Повезло? – Касс уставилась на него. – В каком именно смысле, сэр?
- Могло быть гораздо хуже.
- Как Ранди?
- Ранди?
- Конгрессмен. Не важно. С ним... все нормально?
- Его собираются отправить в Штаты, чтобы еще раз прооперировать. У него, – Дримпильский вздохнул, – ампутировали часть левой ноги.
- Часть?
- Ниже колена.
- Касс испустила стон.
- У него с десятков переломов, сплющено легкое, внутреннее кровотечение, левая рука сильно порвана, но они считают, что в конце концов все будет более-менее. На него всегда теперь будут реагировать металлодетекторы. Но в живых останется. Так что у вас у обоих *могло* быть хуже.
- Капитан Дримпильский достал бумажный платок и помог ей высморкаться.
- Касс, – сказал он, в первый раз назвав ее по имени. Из-за этого она опять разрыдалась. Поняв, какую допустил оплошность, он заговорил нарочито жестко: – Вы представляете четыре тысячи восемьдесят седьмой батальон, Коуэн. Перестаньте!
- Есть, сэр, – отозвалась Касс несчастным голосом. – Орлы парят, орлы пиарят. Ура.
- Ура, ура, ура. Так было бы правильней. Ладно, теперь подытожим очевидное. Вы покинули зону наших действий. Вы нарушили правила, позволив гражданскому лицу вести военный автомобиль. Вы спровоцировали местных жителей – погодите, дайте мне кончить, – и все это едва не стоило жизни конгрессмену США. Конгрессмену, который резко протестовал против нашего военного присутствия в Боснии. И у которого сложилась определенная репутация по... женской части. – Капитан Дримпильский выдержал паузу. – Так что видите, сколько тут всего наслوилось.
- Капитан подразумевает, – глаза у Касс вдруг стали сухими, – что капрал с конгрессменом занимались сексом на минном поле?
- Нет, я лично в это не верю.
- А *они*? – спросила она скептически.
- Капитан Дримпильский уклончиво кашлянул.
- Могу сказать одно: вопрос обсуждается даже в эту самую минуту. В конгрессе, в Пентагоне. И в Белом доме. Насколько я понимаю, в обсуждениях участвует сам министр обороны. О содержании разговоров мне никто, конечно, не докладывал, но думаю, споры идут не о том, какой медалью вас наградить. Кстати, у этого госпиталя собралось человек пятьдесят репортеров, все просто жаждут вас проинтервьюировать.
- Касс не очень-то любила давать волю жалости к себе, но сама собой пришла мысль, что полтора года назад дома в Коннектикуте она читала письмо, сообщавшее, что ее приняли в Йель, – а теперь лежит раненая в военном госпитале в Германии, ответственная за увечье депутата конгресса, и слушает высказывания, которые звучат как артподготовка к военному трибуналу. Она начала смеяться. Ничего не могла с собой поделаться.
- Да что с вами? – спросил капитан Дримпильский.
- Ничего. Ничего. Когда ждать расстрельную команду?
- Капитан Дримпильский встал.
- Я побуду еще здесь, посмотрю, что можно сделать. – Он похлопал ее по коленке. – Вы отдохните сейчас, капрал.
- Капитан, – окликнула она его, когда он выходил.

- Что?
- Капрал не занималась с конгрессменом сексом на минном поле.
- Принято к сведению.

На следующий день, уже не на морфии и жалея об этом, Касс увидела по Си-эн-эн, как конгрессмена Ранди выкатывают из военного самолета на авиабазе Эндрюс близ Вашингтона. Его ждала большая толпа. В числе встречающих – его мать и конгрессмены от Массачусетса в полном составе. Под вспышками десятков фотоаппаратов и камер Ранди протянул руку с поднятым большим пальцем – жест, который будет показан в повторе тысячу раз. Люди махали американскими флагами. На плакате было написано: ПРИВЕТ ГЕРОЮ! Касс заметила министра обороны и членов Объединенного комитета начальников штабов, включая председателя. Министр, и обычно-то не слишком жизнерадостный, напоминал человека, жующего алюминиевую фольгу. До Касс вдруг дошли слова комментатора: «Конгрессмен Джепперсон был ранен, когда автомобиль, в котором его везли, съехал с дороги и подорвался на mine. Отсюда его доставят в госпиталь...»

Его везли! Она не ослышалась?

Долго раздумывать об этом Касс не пришлось. Днем опять явился полковник – на сей раз один. Он закрыл за собой дверь и сел у кровати Касс. Протянул ей дощечку с листом бумаги. В нижней части листа была проведена линия.

- Это ваше заявление об уходе.
 - Из больницы?
 - Нет, капрал. Из армии.
- Касс попыталась сесть.

– Сэр, я, конечно, плоховато соображаю из-за морфия, но я что-то не помню, чтобы высказывала желание уйти из армии.

Полковник бросил на нее многозначительный взгляд.

– Неужели капрал забыла, какой выбор ей был предложен? Либо военный трибунал по делу о нанесении увечий гражданскому лицу по неосторожности, наказание – до двадцати пяти лет в военной тюрьме; либо простое увольнение в связи с личными обстоятельствами.

Вот оно что.

– Теперь, после того как я услышала об этом от полковника, я что-то такое начала вспоминать. Наверно, морфий действует на память.

- Случается. Распишитесь здесь, здесь и здесь.
- Не следует ли мне вначале посоветоваться с военным юристом?

– Коуэн, – сказал полковник с долей сочувствия в голосе. – Есть люди, которые хотели прибить вашу содранную кожу к дверям одного пятиугольного здания в Вашингтоне. Если бы не капитан Дримпильский и конгрессмен Джепперсон, вороны сейчас доклевывали бы ваши останки. Я, наверно, резко выражаюсь, но мне хочется довести до вашего сознания суть. Вы поняли меня?

- С кристальной ясностью, сэр, – вздохнула Касс.
- Когда полковник уходил, она спросила его вдогонку:
- А медаль «Пурпурное сердце» мне дадут?

Глава 6

Бывшего капрала Кассандру Коуэн не встречали на родине ни толпы, ни надписи «ПРИВЕТ ГЕРОЮ!».

Люди, казалось, не знали, как себя с ней вести: то ли подмигивать (*Трахалась с конгрессменом на минном поле!? Ну, ты даешь!*), то ли осуждать (*Вот шлюха!*), то ли сочувствовать (*Слава богу, ты, осталась жива, но, пожалуйста, никаких больше минных полей!*). К концу первой недели, проведенной дома, Касс покрасила свои красивые светлые волосы в цвет «миссисипского ила», купила дешевые очки с простыми стеклами и целые

часы стала проводить перед зеркалом, пытаясь сделать себя неузнаваемой даже для собственной матери. Ходила в библиотеку читать статьи о пластической хирургии.

Когда Касс однажды вышла из ванной после очередной домашней гримировки, глаза ее матери округлились.

– Ну как? – спросила Касс.

– Ты выглядишь... Господи, как хорошо, что ты вернулась.

– Мама. Я прошла общую боевую подготовку. Я могу убить мужчину голыми руками.

Скажи мне. Я выдержу.

– Радость моя, ты выглядишь замечательно. Прямо как та киноактриса.

– Какая киноактриса?

– Которую арестовали за кражи в супермаркете.²⁵ Ее тогда сфотографировали...

Вообще-то она очень милостивая...

Вскоре из Министерства обороны пришло письмо, что ввиду обстоятельств своего увольнения Касс теряет право на оплату учебы. Йельские тоже явно не жаждали видеть ее в числе студентов. Касс на неделю похоронила себя в своей комнате, где в равной пропорции глядела в потолок и на телеэкран.

Однажды позвонил отец. Мать постучалась и вошла с беспроводной телефонной трубкой, которую держала так, словно извлекла из канализационного отстойника.

– Это ты, золотко? Привет! Как поживает моя дочура?

Голос был по-калифорнийски жизнерадостным, как будто в жилах у отца тек сплошной гранатовый сок. Они не говорили полтора года.

– Нормально, – сказала она.

– Я слышал, у тебя там было маленькое происшествие.

– Да.

– Зачем ты вдруг поехала по минному полю?

– Долго рассказывать, папа.

– Мы из-за тебя переволновались.

– Мы?

– Да. Собственно, из-за этого я тебе и звоню. Во-первых, звоню, чтобы узнать, как твои дела. Но во-вторых... – Вот она, манера технарей. К концу разговора можно дойти и до «двенадцатых». – У меня для тебя новость. Я собираюсь жениться... Ты слышишь меня?.. Золотко?

– Я тебя слышу.

– Ее зовут Лиза. Она замечательная. Ей не терпится познакомиться с тобой. Я ей все о тебе рассказал.

– Папа...

– Что, золотко?

– Положи трубку.

– Без проблем. Позвоню тебе на днях. У нас тут все идет отлично. Скоро начну посылать тебе деньги. Как только смогу. На этот раз дело выгорит. Мы близки к цели. Чао.

Без проблем?.. Чао? В Коннектикуте он таких выражений не употреблял.

Она опять уставилась в потолок. Потолок, оказывается, – интересная штука, если достаточно долго смотреть. При хорошей медикаментозной поддержке он заткнет за пояс даже Сикстинскую капеллу.

Однажды, под конец третьей недели затворничества, она включила телевизор и увидела, как конгрессмен Ранди подъезжает к Капитолию в первый после вынужденного перерыва рабочий день. Там его опять ждала огромная толпа. Большой плакат возвещал прибытие АМЕРИКАНСКОГО ПАТРИОТА. Ранди вышел из машины на двух костылях,

²⁵ Имеется в виду Уайнона Райдер.

сделал свой теперь уже фирменный жест (большой палец вверх) и удостоился громовых аплодисментов примерно полусотни человек, ожидавших его на ступенях Капитолия. Касс должна была признать: смотрелось выигранно. Не каждый день политического деятеля чувствуют как живого героя.

Стояли лидеры как большинства, так и меньшинства палаты. Они приветствовали его в таких выражениях, от каких покраснел бы и генерал Макартур. Когда Ранди наконец позволили говорить, оба встали рядом с ним, чтобы попасть в кадр. Помощники капитолийских депутатов называют этот прием паразитированием.

– Благодарю вас, – сказал конгрессмен Ранди. – Благодарю вас, коллеги, дорогие друзья, американцы, за этот замечательный прием! И позвольте мне от всей души заявить: как же это хорошо – вернуться к работе!

Оглушительные аплодисменты и возгласы. Касс пялилась в немом изумлении. Напоминало документальный телефильм о городе в Индии, где по улицам носили пятисотлетнюю мумию какого-то святого и люди в религиозном экстазе откусывали у нее пальцы ног. Так, чего доброго, он потеряет и вторую конечность. Того и гляди, предложат переименовать в его честь Национальный аэропорт имени Рейгана.

– Я хотел бы сказать, – продолжал он, когда шум немного утих, – я хотел бы сказать храбрым мужчинам и женщинам, которые несут военную службу за рубежом: мы ценим ваши жертвы!

Рев толпы.

– Мы никогда о вас не забудем!

Еще более громкий рев.

– И мы будем биться за вас здесь, как вы бьетесь за нас там!

Но что это за птичья стайка на заднем плане? *Белые голуби?* О, господи. Они выпускают из клетки белых голубей на ступенях Капитолия! *Зачем мелочиться? Зачем баллотироваться в сенат?* – подумала она. – *Почему сразу не объявить себя императором?* Какая-то прямо небесная фотосессия. Будут изучать в пиар-академиях столетия спустя. Вот он, хромая, отходит от трибуны. У женщин слезы на глазах. И что – музыка? Да, музыка. «Рожденный в США» Брюса Спрингстина. Да какие там выборы – просто пронесите его на руках по Пенсильвания-авеню и посадите в Овальном кабинете. Касс выключила телевизор и снова уставилась в потолок.

Она провела у себя в комнате и следующую неделю – выходила только в туалет и перехватить что-нибудь на кухне. Питалась главным образом рисовыми хлебцами, запивая их содовой. Лицо стало бледно-восковым, на волосах оставили след восемь разных красок. Наконец мать не выдержала и вошла к ней.

– Ты что, собираешься кого-нибудь убить?

– Что? – переспросила Касс, глядя в потолок.

– Ты ведешь себя так, что я не удивлюсь, если в один прекрасный день позвонит репортер и скажет: «Миссис Коуэн, ваша дочь только что застрелила президента. Ваши комментарии?»

– Интересная идея. Надо подумать.

– Кассандра, не разговаривай со мной так.

– Мама. У меня нет сил никого убивать.

– Ты выглядишь как персонаж из книги Энн Райс.²⁶ Жуткий образ жизни. Нездоровый. Ты неделю не выходила на свежий воздух. А эта комната... Здесь же *пахнет!*

– Не чувствуется, если все время в ней находишься.

– У тебя, родная, посттравматическое состояние. Ничего необычного после того, что случилось. Тебе надо посоветоваться с психиатром.

²⁶ Энн Райс (род. в 1941 г.) – американская писательница, автор «готических» романов о вампирах и ведьмах.

- Нет.
- Ну, с психологом.
- Нет.
- С социальным работником, специализирующимся на таких случаях. Это почти то же самое, что...
- Нет. Уйди, мама.
- Что ты читаешь?
- «Источник».
- Мать нахмурилась.
- Айн Рэнд?²⁷ Ты уверена, что тебе нужно именно *это*?
- Это роман о человеке, который отказывается идти на компромисс, – сказала Касс, сама чувствуя у себя в тоне какую-то затверженность. – О человеке, который борется с посредственностью, соглашательством и ложью.
- Ч. т. д. – фыркнула мать.
- Что это значит? «Чем тебя долбануло»?
- Тебе отлично известно, что это значит. «Что и требовалось доказать». Тебя же в Йель приняли, насколько я помню. Прости, родная, я не хотела... Я просто думаю, что читать Айн Рэнд в таком состоянии не полезно. В старших классах у меня был бойфренд, который читал ее книгу «Атлант расправил плечи». Кончил тем, что стал раздавать на улицах листовки, убеждающие всех заботиться о собственной персоне. Малоприятная философия.
- Я так не считаю, – сказала Касс. – И давай я в соответствии с ней сама о себе позабочусь, ладно? Это будет не слишком эгоистично с моей стороны?
- У меня не очень хорошо получается спорить. Потому-то я и пошла в экономику. С числами не спорят. И долго ты намерена просидеть в этой пещере?
- Пока сталактиты не вырастут. Можно еще рисовых хлебцев?
- Сама позаботься об этом, пожалуйста.

На следующий день мать снова вошла к ней в комнату, неся телефонную трубку – теперь точно военный трофей.

- Тебя. – Она вся сияла.
- Кто это?
- Берти Вустер Боснийский.
- Касс после возвращения домой рассказала матери во всех подробностях, как было дело.
- Алло, – недоверчиво произнесла Касс.
- Ну наконец-то, – сказал конгрессмен Ранди. – Ни звонков от нее, ни писем. Еле-еле вас нашел. Как вы, ничего?
- Смотря что понимать под словом «ничего». Я жива. По теленовостям вижу, что и вы тоже.
- Касс, – сказал он. – Не знаю, честно говоря, с чего начать.
- Невезуха есть невезуха. Особенно на Балканах.
- Как рука?
- Чешется.
- У меня самый приятный момент за день – когда можно снять протез и почесать культю. С возрастом, как говорится, начинаешь ценить мелочи. Вы знаете, я... я... я просто пытался...

²⁷ Айн Рэнд (1905–1982; наст. имя – Алиса Розенбаум) – американская писательница и философ, основоположник философского учения, проникнутого идеями индивидуализма и разумного эгоизма.

Прим. ред. FB2:

Родилась в Санкт-Петербурге. Изучала философию и литературу в Петроградском государственном университете. В 1925 году получила визу для поездки на учёбу в США.

Романы Айн Рэнд можно скачать по ссылке: <http://lib.rus.ec/a/19981>

- Проехать по минному полю. Не получилось. Но мы остались живы.
- Мне *очень* жаль. Я сделаю для вас все, что смогу.
- Видела вас по телевизору. Перед Капитолием. *Белые голуби?*
- Строго между нами: на самом деле они сизые. Их окунают в корректирующую жидкость. Дешевле. У меня новый пиар-агент. Настоящий гений фотосессий. Фамилия – Таккер. Теперь слушайте. Я посылаю за вами самолет. Хочу с вами поговорить.
- Поговорить? О чем?
- О вашем будущем.
- Разве оно у меня есть?
- Армейские – просто сволочи. Я же им сказал, что сам во всем виноват. Хотите, вклею им публично?
- Да нет. Бог с ними. Но я бы обошлась без домыслов в СМИ о том, как мы занимались сексом на минном поле.
- Это идет не от меня.
- Побочные эффекты роста вашей популярности.
- Признаю свою вину полностью. Честное слово, я *чувствую* себя виноватым. Послушайте: я богатый человек, конгрессмен с политическими амбициями. У вас есть все возможности заставить меня раскошелиться как следует. Да я и сам этого хочу.
- Мне не нужны ваши деньги.
- Я предлагаю вам работу. И деньги тоже, если пожелаете. Ваша мама меня ненавидит. Она очень четко дала мне это понять по телефону. Заболчите за меня словечко, ладно? Терпеть не могу, когда матери плохо ко мне относятся. Наверно, это из детства тянется.
- Касс услышала в трубке гудение.
- Она сказала мне, – продолжал Ранди, что у вас серьезная депрессия и вы хотите кого-то там застрелить. Пожалуйста, не надо. Это полностью погубит мою политическую карьеру. Вам очень больно?
- Что вы имеете в виду? Физически или так, что неделю за неделей лежишь и глядишь в потолок?
- Если это вас хоть сколько-нибудь утешит, у меня до сих пор сильные боли. День начинаю с двух таблеток перкосета. Потом сижу на слушаниях, и изо рта текут слюны, как у какого-нибудь психа из «Над кукушкиным гнездом». Помощникам приходится вытирать мне подбородок, чтобы не блестел на С-SPAN. Вполне вероятно, что кончу у Бетти Форд.²⁸ Там и объявлю о намерении баллотироваться в сенат. Голоса нетрудоспособного населения будут у меня в кармане. «Хватит, пациент, лежать – ковыляй голосовать!»
- Не смеяться*, сказала она себе. *Этот человек разрушил твою жизнь.*
- Касс!
- Да?
- Я посылаю за вами самолет. Завтра. Вы полетите?
- Не знаю. Я сейчас немножко страдаю агорафобией.
- Я с вами поделюсь перкосетками. Половину отсыплю.
- Ладно.

Глава 7

Из окон кабинета конгрессмена Рандольфа К. Джепперсона открывался не слишком впечатляющий вашингтонский вид. На стенах, как водится, висели малоценные, но крупногабаритные «трофеи»: флаги, карты, награды от организаций, о которых никто не слыхивал, неперменные снимки, сделанные во время приемов... В общем, стандартные

²⁸ Имеется в виду центр реабилитации для алкоголиков, наркоманов и токсикоманов, основанный женой бывшего президента США Джеральда Форда.

«обои» вашингтонского деятеля с развитым самомнением. Касс поискала глазами его фотографию со спецназовцами в лагере «Ноябрь». И нашла, конечно, – на видном месте, с надписью: «Поправляйтесь скорее!» Висел и его снимок с особой из Центральной Америки, бывшей женой рок-звезды, сделанный на пляже. Он улыбался, она выглядела недовольной. Что-то, видимо, ей в то утро не принесли в номер так быстро, как она хотела. Позади стола Ранди красовался большой портрет маслом работы Рембрандта Пила,²⁹ изображающий предка, который подписал «декуху».

Конгрессмен тепло поздоровался с Касс. Она села. Он подал ей через стол листок бумаги. Это был чек Йельскому университету на 33 тысячи долларов, что равнялось годовой плате за обучение. Он пообещал каждую осень выписывать новый.

– Но я жду от вас хороших баллов, – добавил он с широкой улыбкой.

Вот он лежит у нее на коленях – голубенький прямоугольник, ее билет в светлое будущее.

– Ну, – сказал он. – Где радостные возгласы?

– Их запас у меня кончился. Слушайте, я не могу этого принять.

– Господи, да почему же? Уверю вас, банкротом я себя не сделаю.

– Честно говоря, это выглядит как подкуп.

Ранди посмотрел на нее.

– Чего ради я стал бы вас подкупать? Какой такой секрет я оберегаю?

Она положила чек на стол.

– Я не давала никаких интервью. И не собираюсь. Поэтому, – она подвинула ему чек обратно, – вам не нужно этого делать.

– Касс, за кого вы меня принимаете? Кроме как за богатого идиота.

Он выглядел уязвленным.

– За того, кто собирается стать президентом? – предположила она.

– Здорово вы меня, – улыбнулся Ранди. – На чистую воду. Ох-х... – Он поднял брючину, отстегнул пластиковый протез и почесался. – Зудит. Зудит как не знаю что.

– Старайтесь не расчесывать.

– Благодарю вас, сестра Гнусен.³⁰ От таблеток только хуже, когда их действие кончается.

Он потерял в весе. Врачи прописали ему в день четыре шоколадно-молочных коктейля по восьмисот килокалорий. На лице все еще были красные пятна от осколков вездехода. Он выглядел... в общем, как человек, выживший после взрыва.

– Я ценю ваш жест, но деньги взять не могу, – сказала Касс. – Работа – другое дело.

Он поднял глаза от своей культи.

– Почему вы не хотите в колледж? Щелкнуть папашу по носу.

– Да нет у меня желания щелкать его по носу.

– Если бы оно возникло – я бы вас не винил.

Она оглядела обшитый панелями кабинет, книжные полки.

– Здесь немножко похоже на колледж. Платите мне в год эти самые тридцать три тысячи.

– Но наверх придется пробиваться самой... Что такого смешного? – спросил он, продолжая яростно чесаться.

– Вот эти ваши слова насчет самопробивания. Простите меня, но это просто умора.

– Да, – согласился конгрессмен, не переставая скрести себя. – Похоже, что так.

И вот несколько недель спустя Касс переехала в Вашингтон, чтобы начать новую

²⁹ Рембрандт Пил (1778–1860) – американский художник-неоклассик.

³⁰ Сестра Гнусен (nurse Ratched) – медсестра-садистка из романа К. Кизи «Над кукушкиным гнездом».

жизнь под новой фамилией: Кассандра Девайн. В Коннектикуте она пошла к судье, рассказала ему о разводе родителей, о боснийском эпизоде и заявила, что ей нужно «перезагрузить свой компьютер». Он отнесся к этому с пониманием и смену фамилии разрешил.

На Капитолийском холме она стала делать то, с чего началась не одна блестящая вашингтонская карьера, – отвечать на письма избирателей: «Мне не пришел пенсионный чек... Нам нужен светофор... Дорожники говорят, что хотят проложить съезд с федеральной автомагистрали через мою свиноферму. Разводить свиней и без того трудное дело, а тут еще федеральная власть лезет куда не надо... Я пишу заступница за двоюродного брата, его посадили будто бы он наехал на машине на инспектора против браконьеров... Неужели вы не видите, что евреи захватывают страну, неужели вы позволите *этому* случиться?.. Прошу поддержать мой проект ветровой электростанции на 500 мегаватт в долине реки Коннектикут... Я читал, что собираются закрыть базу подлодок в Гротоне. Предлагаю перенести ее сюда. Здесь хорошая глубина...» Вот на чем зиждется американская представительная демократия. Примерно двадцать пять фунтов этого добра в день, в мешках. Все проходило через стол Касс.

Начальницу Касс звали Лилян, ей было за пятьдесят, и губы у нее вечно были поджаты. На любую шутку она отвечала: «Не понимаю, что здесь смешного», чем заслужила среди подчиненных прозвище Хиханька.

Она требовала, чтобы на каждое письмо избирателя, даже самое идиотское, был дан ответ в течение трех дней, из-за чего рабочий день Касс раньше восьми никогда не кончался. Когда Ранди официально объявил, что будет бороться за пост сенатора, почта увеличилась на два мешка в день – до пятидесяти фунтов. Касс теперь редко приходила домой до половины одиннадцатого. По крайней мере проблему досуга это решало. Сил ей хватало ровно настолько, чтобы разогреть в микроволновке буррито с фасолью и прочесть, прежде чем вырубиться, три странички из Айн Рэнд.

Однажды Касс поехала с какими-то бумагами в предвыборный офис Ранди, расположенный в худшей части города – не столько из экономии, сколько ради имиджа кандидата как «защитника обездоленных».

В застекленном угловом отсеке для совещаний она увидела Ранди с каким-то мужчиной. Когда она клала пакет на стол, Ранди заметил ее и жестом пригласил войти.

– Познакомьтесь, это Терри Таккер, – сказал он. – Наш злой пиаровский гений. Страшно дорогостоящий злой гений.

– Здравствуйте, – сказала Касс. Она, конечно, знала, кто такой Терри Таккер. Его должность называлась «директор по коммуникациям», но он, казалось, командовал тут всеми, включая начальника штаба кампании.

– Здравствуйте, мисс Коуэн, – улыбнулся Терри.

– Девайн, – поправила его Касс.

– Фамилия вам подходит.³¹

– Сразу видно, что паблик рилейшнз – ваше призвание.

– Польщен, – улыбнулся Терри. – И очень рад встрече. Я о вас слышал. Мы многим вам обязаны.

– Почему? – спросила Касс.

– Вы присутствовали при большом взрыве, который расширил нашу вселенную. И произвел на свет героя войны.

– Поменьше бы цинизма, – сказал Ранди. – Она молодая и в городе недавно. У нее могли остаться какие-то идеалы.

Терри обратился к Касс:

– Мы только что обсуждали видеофильм, который я монтирую для торжественного

³¹ Devine звучит так же, как divine (божественная).

ужина. Конгрессмена чествуют за его героизм. – Он повернулся к Ранди. – Простите, что вы сейчас сказали насчет цинизма?

- Ужин – не моя идея, – отозвался Ранди.
- Ужин – моя идея. За что вы мне и платите так дорого.
- Приятно познакомиться с вами, сэр, – сказала Касс.

Через пять минут, дожидаясь лифта, она вдруг увидела, что к ней подошел Терри Таккер.

- Не хотите перекусить? – спросил он.
- Мне надо обратно в офис.
- Зачем это еще?
- Моя начальница – настоящий дракон в юбке.
- Хиханька? Да бросьте. – Он улыбнулся. – У вас недооплаченный, недокормленный и переутомленный вид. Я попытаюсь поправить хотя бы второе.

В лифте ей пришло в голову, что когда в прошлый раз мужчина настойчиво звал ее перекусить, дело кончилось минным полем.

Терри Таккер был мужчина под пятьдесят – более чем вдвое ее старше. Худощавый, темноволосый, взгляд хоть и недоверчивый, но незлой. Он казался человеком, который без колебаний скажет тебе то, чего ты не хочешь слышать, но с чем не сможешь не согласиться. У Касс, как у всякой эффектной женщины, был радар, определявший, есть у мужчины на уме флирт или нет. К этой стороне он, похоже, был равнодушен. Вел себя скорее как нетерпеливый старший брат. *Да бросьте.* Она пошла.

Он привел ее в заведение на Пенсильвания-авеню под названием «Хищники», которым владел адвокат, заработавший пятнадцать миллионов на групповом иске против Армии спасения. Армия провинилась в том, что нескольким диабетикам, пострадавшим от стихийного бедствия, раздала сладкие пончики. Все-таки у нас великая страна!

– Хотите омара весом в четыре фунта? – спросил Терри из-за меню размером с развернутую газету и толщиной с лист сухой штукатурки. – Страшное дело!

- Четыре фунта? Тогда это не омар, а экосистема.
- Активисты из организации «За гуманное отношение к ракообразным» устраивали тут пикеты. Я вообще-то знаю владельца. Он нанял меня решить проблему.

- И как вы с ней управились?
- Умаслил их. В прямом смысле. Объявил, что остатками мы кормим бездомных. Остатки от четырехфунтового омара, как вы понимаете, увесистые. Про это написала «Вашингтон пост». Заголовок: ЕШЬ, БЕЗДОМНЫЙ, ДО ОТВАЛА. С фотографией. Мы поставили стол и все, что нужно, на задах. – Терри улыбнулся. – И омарофилы благополучно сели в калошу. Поделом идиотам.

- Но это же ужасно!
- Да ладно вам. Вы что, просыпаетесь утром с мыслью: «Чем я могу помочь бедным омарам?» Не занудствуйте. – Терри пожал плечами. – Что подворачивается, то и делаешь. Этот город – до охрещения богатая среда обитания. Если омара не хотите, можно крабовые котлетки. Они вкусные.

Касс заказала салат. Терри набросился на говяжье филе с жадностью, соответствующей названию ресторана.

- У меня все сложилось вот как, – начал он ни с того ни с сего и рассказал восхитительно сжатую историю своей жизни. Потом спросил: – Ну, а что у вас? Герой войны мне говорил, папаша ваш использовал деньги, отложенные на ваше обучение. Вот козел.

- Касс положила вилку.
- Простите, кто вам разрешил называть моего отца козлом?
- Вы правы. Извините. Дайте переформулирую. Как чудесно, как замечательно поступил ваш отец, когда взял ваши учебные деньги – *плюс* полученное в кредит под залог семейного дома – и всадил в свой неудачный бизнес. Предлагаю дать ему премию «Отец года».

Касс пожала плечами.

– Сама-то я, конечно, считаю его козлом.

– Он до сих пор владеет «сессной»?

– Я вижу, Ранди вам все рассказал. Не знаю. Он в Калифорнии. Хочет стать другим человеком.

– Он правильно выбрал место. Там ты можешь устремиться к чему угодно, если только тебя не смущают транспортные пробки. Послушайте. Когда эта кампания раскрутится – когда она начнется по-настоящему, если он станет партийным кандидатом, – пресса явится по вашу душу.

– Почему?

– Вас же приняли в Йель. Может быть, сообразите сами?

– Это абсолютно несправедливо.

– Я же не говорю, что вы виноваты. Он мне объяснил, как было дело. Его можно характеризовать по-разному, но его нельзя назвать полным засранцем. Он сказал, что все случилось из-за него. Сказал: «Я чувствую вину». А я ему: «Еще бы. Вы полностью испохабили жизнь бедного юного существа».

– Я не бедное юное существо, – сказала Касс.

– Согласен. Он испохабил жизнь замечательной молодой женщины. Я ему говорю: «Так держать. В сенате таких, как вы, очень не хватает. Трезвых, самокритичных». Но что же это происходит с массачусетскими политиками? Лучше им не ездить с женщинами в автомобилях.³²

– Вы со всеми своими клиентами так разговариваете?

Терри улыбнулся.

– С корпоративными – нет. Только с индивидуально богатыми. Они могут это вытерпеть. Они настолько привыкли к поцелуям в задницу, что услышать иной раз правду для них приятная неожиданность. Но хватит про меня, давайте про вас. Вы милое существо... Женщина, женщина. Называйтесь как вам угодно, мне по барабану. Но я не хочу, чтобы вам сделали больно.

– Цель этого дорогостоящего ланча – избавиться от меня? – спросила Касс.

– Нет. Это целиком моя идея. Он ничего мне не поручал.

– Тогда я не понимаю.

– Я хочу взять вас на работу.

– В пиар?

– Это ниже вашего достоинства?

– Я не имела ничего такого в виду.

– Имели, имели. Прежде всего, мы не называем это пиаром. «Коммуникативные стратегии». Но до того, как вы мне велите катиться колбаской, дайте я вам объясню, как все будет. Как только наш герой станет кандидатом и пойдет серьезная игра – а я думаю, она пойдет, – какой-нибудь мудила журналист наверняка состряпает сюжет о том, что вы сидите у героя на содержании. И не важно, что между вами ничего не было, кроме совместного подрыва на mine. У него репутация бабника, а вы картинка. Я даже вам текст примерный скажу: «Чаппакуиддик-два – но на этот раз без жертв, и особа пошла к нему на жалованье».

– Полная нелепость! И неправда!

– А это нелепый город, – пожал плечами Терри. – И думаете, вы долго у него продержитесь после того, как это начнется? Сейчас он, может быть, проявляет свои хорошие качества. Но не рассчитывайте, что ради вас он станет рисковать всей кампанией. Он чувствует себя виноватым, но не настолько. Как и любой политик. Они такими рождаются. Первородный пиар. И что потом? Вы на улице. Думаете, весь город выстроится в очередь,

³² Намек на трагическое происшествие в 1969 г., когда молодая женщина Мэри Джо Копечне, ехавшая в машине с сенатором от штата Массачусетс Эдвардом Кеннеди на острове Чаппакуиддик, погибла после падения машины с моста.

чтобы предложить вам работу?

Касс мрачно уставилась в тарелку.

– Как вам салат?

– Честно говоря, не очень.

– Надо было заказать омара, я же говорил, – улыбнулся Терри. – Сколько бездомных мы накормили бы! Обмозгуйте мое предложение. У меня есть какое-то ощущение насчет вас.

– Вы меня не знаете.

– Я знаю, что вы сообразительны, молоды и злы. Дайте мне такого человека, и я переверну мир. Я был когда-то и тем, и другим, и третьим, но про это в другой раз. Понятно, что вы злы. Столько поганства пережить в таком нежном возрасте.

– Мне не нужна ваша жалость.

– Отлично. Жалость я вам и не предлагаю. Вы думаете, я потому все это говорю, что я милый человек? Не смешите меня. Просто у меня нюх на талант. Потенциальных подопечных чую за милю. Мне нравится формировать людей. Такие биографии, как у вас, не часто встречаются. И я не заигрываю с сотрудницами, так что на этот счет не беспокойтесь.

– Я подумаю, – сказала Касс, усиленно мозгуя.

Терри укатил в «мерседесе» в свой мир пиара. Касс поймала такси и вернулась на Капитолийский холм. По пути разглядывала визитку Терри и думала о том, что это у нее уже третий за два года билет в будущее: письмо из Йеля, чек от Ранди и теперь вот эта штучка – наименьшая из трех, и не только в прямом смысле. Сперва башня из слоновой кости. Оттуда – в капитолийские крысы. Оттуда – в пиаровские цыпочки. Твой штопор, твоя сужающаяся смертельная спираль. Но на службе ей пришлось выслушать нотацию Лилиан по поводу опоздания. Пока начальница распространялась насчет безответственности Касс, та невольно вспомнила сценарий, который обрисовал Терри, и подумала, что кошмар, по всей вероятности, начнется со звонка Лилиан «мудиле журналисту»: *Я вам ничего не говорила, но она у нас штатная сотрудница.* И вот когда Лилиан кончила, Касс пошла за свой стол, но не отвечать на послания избирателей, а писать письмо Ранди. Она поблагодарила его за все и сообщила о намерении уволиться. На следующий день приступила к работе в «Коммуникативных стратегиях Таккера».

Терри оказался прав. Талант у нее был. Не прошло и десяти лет, как она стала в компании КСТ партнершей. У нее была хорошая квартира, немецкая машина в гараже и еще одна квартира в Рехобот-Биче,³³ которой она никогда не пользовалась. Терри не ошибся и насчет ее мотивации. Теперь у нее появились возможности, чтобы устремиться к главному – к тому, чтобы возбудить в своем поколении гнев против предыдущего и против правительства, которое до сих пор, пользуясь языком ее сверстников, «не сечет фишку».

Глава 8

Касс сидела за длинным полированным столом из клена «птичий глаз» в комнате совещаний компании «Коммуникативные стратегии Таккера» и бодрствовала из последних сил, что не укрылось от внимания ее начальника. В третий раз клюнув носом, она чуть не въехала им в горячий кофе с молоком, рискуя получить ожог третьей степени.

– Касс, – сказал Терри, – не познакомишь ли ты нас с ситуацией по норкам?

– Э?... Гм...

– Я имею в виду поставщиков меха норок. наших новых клиентов.

– Э... Да. Они... Там все... замечательно.

Канадская ассоциация поставщиков норкового меха обратилась к КСТ после того, как одна противомеховая организация запустила живую норку в туалет при личном кабинете редакторши нью-йоркского журнала «Глам». Они сделали это перед уикэндом. К утру

³³ Рехобот-Бич – популярный приморский курорт в штате Делавэр.

понедельника норка была уже очень голодная и очень злая. Хорошенько вогнав зубы в редакторшу, она затем совершила кровавый рейд по кабинетам «Глама», обеспечив жертвам моды кошмарные воспоминания. Редакторше пришлось вытерпеть серию болезненных уколов от бешенства (иные шутили, что уколы надо делать норке) и отказаться от участия в Неделе моды, последствия чего ощущались на Седьмой авеню и в остальном мире не один месяц. Первое, что сделал Терри, – заставил владельцев звероферм переименовать себя в Королевскую канадскую ассоциацию за гуманное разведение и защиту норок.

Дело было поручено Касс и шло, в общем, более или менее. В обычный день она отчиталась бы вполне внятно, но из-за вчерашнего голосования в сенате по поводу повышения социального налога она до рассвета лихорадочно занималась блоггингом.

– Когда мы что-нибудь получим из «Мира удовольствий»? – спросил Терри. Касс бросила на него взгляд, который ясно говорил: *Ты же знаешь, что я понятия не имею, так зачем спрашивать при всех?*

«Мир удовольствий» – это была крупнейшая в стране торговая сеть, специализировавшаяся на «интиме», и, соответственно, это был крупнейший покупатель норкового меха, не считая изготовителей одежды. Мысль Терри состояла в том, чтобы «Мир удовольствий» присоединился к совместному заявлению ряда организаций, где выражалась бы забота о судьбах норок.

– Они заняты сейчас подготовкой к ежегодной выставке, – сымпровизировала Касс. – Называется «Откровение-2011». В Лас-Вегасе, где же еще. Не беспокойся, Терри. Я держу руку на пульсе.

– Хорошенько ее держи, – сказал Терри.

Несколько молодых сотрудников мужского пола самоотверженно вызвались отправиться на «Откровение-2011».

Терри распустил совещание. Когда все, кроме Касс, ушли, он сказал:

– Ну, ты сегодня превзошла себя. В следующий раз устроим видеоконференцию прямо из твоей постели.

Касс вздохнула.

– Я занимаюсь норками, занимаюсь. Какие проблемы?

– Да никаких особенно. Мне просто кажется, что как один из главных партнеров ты могла бы слегка озаботиться вопросами извлечения прибыли.

– Я засиделась допоздна. В сенате голосовали о социальном налоге. Мне накидали кучу имейлов и постов. Дело, похоже, дошло до критической точки. Люди страшно рассержены – я это чувствую.

– Счастлив быть элементом твоей инфраструктуры, – фыркнул Терри.

– Ты-то чего бесишься, не понимаю. Это с меня будут драть три шкуры на твою пенсию. Сенат вчера проголосовал за *тридцатипроцентное* повышение налога на мою зарплату. И поскольку они не хотят раздражать *старперовское* лобби – боже упаси, чтобы бумеры заплатили свою долю по справедливости, – налог повысили только тем, кому меньше тридцати пяти. Чтобы *ты* мог уйти на пенсию в шестьдесят два.

– Ладно, ладно... Норки, так и быть, пусть катятся к чертям. Подлюги мохнатые. Ну, подергал я тебя за цепь, что, нельзя было? Я же знаю, с какой отдачей ты вкальываешь. Ты перетрудилась. Все, баста. Немедленно домой, кинь пару шмоток в чемодан и марш на багамский курорт. Это приказ.

– Не могу. Слишком много всяких событий. Я призвала людей к выходу на демонстрации.

– Что еще такое?

– На демонстрации. Да ладно тебе, дедуля, ты что, забыл шестидесятые? Пришло время протестовать. Вчерашнее голосование – тому доказательство. Я призываю к экономическому «Дню Бастилии».

На лице Терри возникло тревожное недоумение. Он стал похож на капитана, которому доложили, что гигантский кальмар вступил в схватку с винтом – и побеждает, зараза.

– Касс, – сказал он неторопливо. – Я хочу тебе разъяснить кое-что. Наша фирма занимается *паблик рилейшнз*. Наш бизнес – это... в общем, мы продаем фиговые листки. Где беспокойно – мы распространяем спокойствие. Где шумно – мы устраиваем тишину. Из худшего мы делаем лучшее. По меньшей мере то, что *кажется* лучшим. Понимаешь, куда я клоню? Станут ли клиенты обращаться к нам за помощью, если будут знать, что параллельно мы агитируем людей бунтовать против правительства Соединенных Штатов? Позволь, я отвечу: не станут. И поэтому мы в «Коммуникативных стратегиях Таккера» такой агитации не ведем.

– Блог КАССАНДРА не имеет с КСТ ничего общего.

– Опять читала Анн Рэнд. Точно могу сказать.

– *Айн* Рэнд. И что в этом плохого?

– Да почти ничего. Только то, что всякий раз, когда я вижу у тебя на столе открытую книгу этой дуры, ты становишься похожа на чокнутую пророчицу.

– А кто мне говорил, когда мы познакомились: «Злость – лучшая мотивация»? Разве не твое поколение положило начало всем этим молодежным протестам? Как же так, Терри! Забыл, что значит быть молодым и злым?

Терри пожал плечами.

– Я средних лет и злой. Хорошее шотландское виски помогает мне справиться со второй частью.

– Значит, лозунг «Не доверяй тем, кому больше тридцати» ты заменяешь лозунгом «Не пей виски, которому меньше тридцати»? К этому свелась твоя революция?

– Лозунги моей революции уже превратились в фоновую музыку телерекламы таких вещей, как таблетки от холестерина, хеджевые фонды и навигационные системы для внедорожников, которые жгут бензин почему зря. Все продается так или иначе. Бумеры просто сообразили, как превратить это в индустрию.

– Что ж, у тебя все шансы хорошо провести осень жизни. На твоих огороженных территориях, на твоих полях для гольфа. Тогда как мое поколение весенней порой жизни отстегивает ползарплаты на вашу медицину и выпивку.

– Я, между прочим, в гольф не играю. Ладно. Бог с тобой. Спасай мир. А я буду заниматься вонючими норками!

Терри в бешенстве вышел. По пути отшвырнул ногой эргономическое кресло «аэрон». Оно проехало через всю комнату совещаний и беспомощно стукнулось о шкафчик, где он хранил свои статуэтки «Оскар», присужденные Американской академией *паблик рилейшнз*.

Ух ты. Папка разъярился не на шутку, – подумала Касс. Но надо было делать дело.

Идея пришла ей в голову в 4.02 следующего утра.

Она почти не спала – налегала на «ноудоуз» и «ред булл». В более спокойное, солнечное время суток она не написала бы того, что написала. Но позади был тяжелый день. Через несколько часов после бодания с Терри она прочла в интернете, что ее отец, теперь уже, благодаря очередному своему калифорнийскому хайтековскому начинанию, колоссально богатый человек, только что пожертвовал десять миллионов долларов Йельскому университету.

Касс давно уже с ним не разговаривала и не хотела огорчать мать, которая неважно себя чувствовала. Она позвонила брату – у него какие-то отношения с отцом сохранились. Его рассказ не улучшил настроения Касс. У Лизы, которая давно уже была миссис Фрэнк Коуэн, имелся сын от предыдущего брака. Юноше стукнуло семнадцать, и он хотел поступить как раз-таки в Йель. Услышав об этом от брата, Касс вспомнила, как отец много лет назад пообещал ей построить для университета новый футбольный стадион.

Касс повесила трубку в каком-то оцепенении. И несомненно, этим неприятным эпизодом в какой-то мере объясняется ее пост от 4.02 утра с призывом к «действиям против огороженных территорий, где живут первые вышедшие на пенсию бэби-бумеры».

– Посмотри Си-эн-эн, – сказал ей Терри, когда она незадолго до полудня явилась на

работу – усталая, но хорошей усталостью.

– Зачем? Что случилось?

– Да ничего такого особенного. Беспорядки на полях для гольфа во Флориде. Обычные молодежные дела.

Резко проснувшись, Касс побежала в свой кабинет и включила телевизор. Стала смотреть – и лишилась сил. Одно дело – в четыре утра в одиночестве печатать на компьютере призывы к бунту, чувствуя, как в жилах пульсирует амфетаминовый кураж. И совсем другое – в полдень у себя в офисе на Кей-стрит³⁴ видеть результаты. По двусторонней связи позвонил Терри.

– Переключи на «Фокс ньюс». Там великолепные кадры идут. Снято с вертолета. Парень бросил бутылку с зажигательной смесью в полицейский спецавтомобиль. Они направили на него водомет. Он упал... Ух ты... М-да. Он долго теперь ничего не сможет бросать. Флоридская полиция шутить не любит. Кстати, ты рада будешь узнать, что губернатор подумывает привлечь Национальную гвардию... Прошу прощения. Мне звонят. Вероятно, наш самый выгодный клиент хочет аннулировать договор. Потолкуем позже.

Касс оглушенно смотрела. Когда в нижней части экрана Си-эн-эн появилась надпись: «День бумеранга – бунт и бешенство», в животе у нее стало нехорошо. Пошли телефонные звонки. Один за другим без перерыва.

Когда она говорила с продюсером одного из каналов, позвонила секретарша с известием, что с ней хотят встретиться два сотрудника ФБР. Моментально Терри, который уже был в курсе, связался с ней и сказал, чтобы она держала язык за зубами до прихода его адвоката.

Собираясь с мыслями, Касс подумала: тут, вероятно, самое лучшее место, чтобы встретить бурю. Как любил (в частном порядке) говорить Терри, «бедствия – наша профессия».

Когда она находилась в процессе неотвечания на третий или четвертый вопрос крайне не улыбочивых агентов ФБР, в ее кабинет вошел Терри. Агенты попросили его выйти, но он вежливо ответил, что это его компания и, если им не по душе его общество, они могут выйти сами. Или они могут остаться и дожидаться мистера Аллена Снайдера. Да-да, того самого. Из фирмы «Хоган и Хартсон». Это имя им, может быть, знакомо? Снайдер, друг директора ФБР. Друг, хе-хе, много кого. Человек-достопримечательность. Входящий, по слухам, в шорт-лист претендентов на место в Апелляционном суде округа Ко...

– Хорошо, мистер Таккер, – устало сказал один из агентов. – Мы поняли. Мистер Снайдер – человек известный.

Вчетвером они сидели в неловкой тишине («Кофе не хотите?» – «Нет, спасибо». – «А воды?» – «Нет-нет...») и ожидали прибытия великого человека. Он явился минут через двадцать – к огромному облегчению всех, особенно Касс, старавшейся дышать не слишком глубоко. Иначе как бы это выглядело – обморок при начальнике и фэбээровцах!

Никто не любит адвокатов, пока они не становятся нужны. В этот момент они облакаются в рыцарские одеяния. Несмотря на раздражение из-за бравурной вступительной темы, прозвучавшей в исполнении Терри, агенты нутром почуяли, что им и правда предстоит иметь дело со львом юриспруденции. Мистер Снайдер, между тем, был человек спокойный, вежливый, с негромким голосом и манерами профессионала. Никаких фразочек типа: «Как я сказал вчера вечером вашему начальнику, когда мы плескались голышом в бассейне Белого дома – я, он, президент и председатель Верховного суда...» Никакого обычного вашингтонского выпячивания грудных мышц и прочих мужских атрибутов. Сразу к делу, и лишь чуть-чуть громче шепота:

– Итак, господа, как мы могли бы разрешить ситуацию?

Блестяще, подумала Касс. *Уже в зачин он вкладывает оптимизм*. Просто-напросто

³⁴ Кей-стрит – улица в Вашингтоне, которая считается средоточием лоббистских компаний.

«ситуация», которую надо «разрешить». Ничего столь серьезного, как, например, преступное подстрекательство к насилию и вандализму. Такого и близко не может быть.

Один из агентов протянул мистеру Снайдеру распечатку стремительно становящегося знаменитым поста Касс от 4.02 утра: автор напрямую побуждает разгневанных и якобы бесправных юных американцев к вандализму в отношении... полей для гольфа. Что ж, сказал мистер Снайдер, текст, конечно, интересный и достойный пристального изучения, но разве это установленный факт, что его написала мисс Девайн? Он не специалист по компьютерам, но, насколько он понимает, любой хакер, мало-мальски разбирающийся в интернете, способен отправить пост от имени его клиентки. И помимо этого, принимая во внимание ряд юридических норм, из формулировок поста не так-то легко сделать вывод, что сочинившее его лицо действительно подстрекало к чему-то противоправному. «Действия», о которых идет речь, можно понимать, гм, по-разному: например, как *мирные* демонстрации, право на которые обеспечено Первой поправкой к конституции.

У агентов не было готового ответа на этот плотный дымовой залп законничества. Касс открыла было рот, но Терри устремил на нее взгляд, означавший: *Я плачу ему семьсот в час, так что – цыц!*

Агенты, решив, видимо, что на данный момент уступают в вооружении и должны вернуться в свою штаб-квартиру за стволами помощнее, дали мистеру Снайдеру визитные карточки и, бросив на его слегка оробевшую клиентку жесткие косые взгляды, строго предупредили ее, что до конца расследования она не должна покидать Вашингтона.

Они уже выходили за дверь, когда Касс их окликнула. Все головы повернулись к ней. Она сказала:

– Мистер Снайдер, спасибо вам. Это было просто замечательно, и я очень-очень вам благодарна. Но дело в том, что это действительно я написала. Мне хотелось, чтобы люди, ну... поднялись. Мне очень неприятно было узнать про зажигательную смесь. Этого делать я не просила. В смысле – этого конкретно...

Предания юридического Вашингтона гласят, что это был единственный раз, когда Аллен Снайдер, воплощение адвокатской невозмутимости, издал явственный стон. Терри же просто-напросто потерял дар речи.

Когда агенты уводили Касс, она невольно подумала: *Вот, значит, какое ощущение от наручников.* Забавные вещи приходят в голову в такие минуты. К счастью, клиентов в приемной не было.

Глава 9

Арест Касс за «преступное подстрекательство к насилию и вандализму» возымел действие, на которое она рассчитывала: сделал ее знаменитостью. Но не просто, а с подтекстом. Культура, перенасыщенная Пэрис Хилтон, Бритни Спирс и Линдси Логан, нуждается время от времени в чем-то настоящем, белковом. Кассандра это обеспечила. Она была молода, хороша собой, светловолоса, ей было что сказать, и это не имело отношения к новым духам или новой эстрадной карьере. К тому времени как Аллен Снайдер добился ее освобождения под залог, она фигурировала во всех новостных передачах и на первых страницах большинства газет. Заголовки варьировались от сдержанного:

БЛОГГЕРША, ПРИЗЫВАВШАЯ К ПРОТЕСТНЫМ «ДЕЙСТВИЯМ» ПО ПОВОДУ СОЦОБЕСПЕЧЕНИЯ, АРЕСТОВАНА ФБР

до эмоционального:

ВЕЩУНЬЯ «ДНЯ БУМЕРАНГА» – ФЕДЕРАЛАМ: ВОТ ВАМ ВАШ НАЛОГ!

У ее дома постоянно дежурили репортеры, ошивались они и у входа в «Коммуникативные стратегии Таккера», что очень огорчало Терри.

– Что поделаешь, – сказал он по телефону особым профессиональным голосом, где звучала покорность судьбе пополам с надеждой, голосом пиаровца, знающего, что не всякую катастрофу можно представить неверно понятой победой. – Впрочем, может быть, люди подумают, что это имеет отношение к нашим соседям.

Он имел в виду расположенное этажом ниже «Общество переселения и поддержки перемещенных мусульман» – на самом деле подразделение ЦРУ, занятое «передачей» лиц, подозреваемых в причастности к исламскому терроризму: людей хватили на улицах, запихивали в хвостовую часть самолетов «Гольфстрим» и отправляли в страны, где допросы с пристрастием – по-прежнему почетное и вожденное для многих профессиональное занятие. Подлинная задача Общества была месяц назад выявлена газетой «Нью-Йорк таймс». Но сейчас, увы, репортерам нужна была именно Кассандра.

– Можешь у меня пожить, пока мы смекнем, как быть дальше, – предложил Терри. – Аллен в каком-то смятении сейчас. Он привык иметь дело с клиентами, которые *не хотят* идти в тюрьму.

– Я понимаю, – сказала Касс. – Мне очень жаль, прости меня. Но я не могу сначала поднять массы, а потом прятаться за спинами у адвокатов.

– Массы? Ты что, коммунисткой тут у меня заделалась?

– Нет, Терри, что ты.

– Это все Рэнд проклятушая. Видела сегодняшнюю «Таймс»? Тебя там именуют «Айн Рэнд блогосферы». О, господи, еще один теледрандулет подкатил. Здесь этих типов уже, наверно, с полсотни. Первокласная реклама для фирмы. Первокласная.

– Закажи норковой ферме дюжину живых зверьков. Получить и выпустить на них.

– Это мысль. Ладно, увидимся. Постарайся не лить в огонь никакого горючего, пока я не вернусь домой... Кассандра!.. Алло! Ты меня слышишь?

Она вернулась на боевую позицию у компьютера. Сервер в Колумбусе, штат Огайо, не справлялся. Пришлось перейти на более мощные серверы. Когда блог КАССАНДРА опять заработал, Касс увидела, что ее ждут 2,6 миллиона электронных писем. Представив себе, что читает их все подряд, она вдруг почувствовала себя очень уставшей.

Ее мобильный телефон раскалился от звонков телевизионщиков. Аллен умолял ее – инструктировал, скажем так, – воздерживаться от публичных заявлений. Но она сказала «да» новостной программе интернета, «да» программе The NewsHour с Джимом Лерером, «да» программе Hardball с Крисом Мэтьюзом. Да, да, да – всем и каждому, прямо Молли Блум³⁵ какая-то. *Какой смысл затевать революцию, подумала она, если собираешься прятаться от телекамер?*

Когда Терри приехал домой, усталый, раздраженный из-за необходимости покинуть офис через черный ход, он громко ее позвал.

Молчание. К холодильнику была прилеплена записка:

«ВКЛЮЧИ ТЕЛЕВИЗОР.

С ЛЮБОВЬЮ, КАСС.

P.S. Прости меня (я часто это повторяю, но что делать)».

Терри налил себе большую порцию тридцатилетнего виски, мысленно препоясал чресла и включил телевизор. Произнес при этом свою любимую мантру из Дороти Паркер: «Ну, что за очередной ад у нас?»³⁶ Уж на это-то мир никогда не скупится.

³⁵ Молли Блум – персонаж романа Дж. Джойса «Улисс», женщина нестрогих нравов.

³⁶ Дороти Паркер (1893–1967) – американская писательница, поэтесса, киносценаристка. Приведенная фраза – ее обычный ответ на телефонные звонки.

– Во Флориде после двадцати четырех часов бесчинств и протестов на нескольких полях для гольфа сегодня вечером наконец-то спокойно. Начало этим инцидентам положило обращение двадцатидевятилетней Кассандры Девайн, сотрудницы вашингтонского пиар-агентства...

Терри испустил тихий стон. Хорошо хоть не назвали агентство.

– ...к молодым людям, разгневанным недавним решением сената повысить социальный налог на заработную плату. Она предложила им предпринять, цитирую, «действия». Сотрудники ФБР арестовали Девайн, и сегодня стало известно, что ей официально будет предъявлено обвинение в подстрекательстве к насилию. Я говорил с ней сегодня...

– Мисс Девайн, вы действительно подталкивали людей к насилию?

– Формально – нет, но по существу – да. Я не буду прятаться за юридической фразеологией. Да, конечно, я их подстрекала. И сейчас, Брайан, я призываю молодежь Соединенных Штатов протестовать против вопиющей фискальной безответственности федерального правительства. Голосование в сенате – это позор. Это означает – вырвать кусок изо рта у моего поколения с тем, чтобы обустроить гнездышки стареющих, потакающих своим прихотям, избалованных бэби-бумеров. Мы не намерены сидеть сложа руки и смотреть, как нас разоряют.

– Но разве американцы не имеют возможности сказать «нет» правительству в день голосования?

– Теоретически – имеют. Но *подлинных* перемен не добьешься, пока не поднимешь громкого шума. Пока не сядешь посреди улицы и не заблокируешь движение. Без маршей протеста мы не получили бы Акта шестьдесят четвертого года о гражданских правах. Не организовали бы женское движение. Без демонстраций мы не заставили бы нашу армию уйти из Вьетнама. И без кое-каких уличных танцев мы не принудим конгресс действовать ответственно, прекратить наращивать долги и раздавать пособия, взваливая последствия на плечи молодого поколения.

– К чему конкретно вы призываете?

– Я призываю всех представителей моего поколения выдернуть из ушей айподы и отправить американскому правительству послание. Не текстовое, нет. Послание очень простое. Правительство собирается удержать наши деньги? Прекрасно. Мы тоже можем их удержать.

– То есть вы имеете в виду...

– Налоговый бунт, Брайан. Я призываю мое поколение перестать платить налоги.

Терри дозвонился ей по сотовому, когда ее везли в лимузине на очередное телеинтервью.

– Я все понимаю, – сказала она. – Прости меня.

– «Ну, Боб, ты на славу потрудился».

Эту фразу Терри произносил в офисе, когда был особенно недоволен чьей-нибудь работой. Она принадлежала капитану супертанкера, который, взойдя на мостик, увидел, что пьяный третий помощник, которого звали Боб, посадил судно на риф. Из-за этого в хрупкую экосистему влилось сто тысяч баррелей сырой нефти, исчезло нескольких редких видов и по судебным искам было выплачено десять миллиардов долларов.

– Аллен звонил, – сказал Терри. – Твой адвокат. Тот самый, который не советовал тебе разговаривать с прессой. Он сейчас изучает уголовные статьи, касающиеся призывов к свержению правительства США. Сказал, к утру успеет. К предъявлению тебе обвинения. Да, и мама твоя звонила. Пыталась тебе, но твой сотовый был выключен. Я ей сказал, что ты в телестудии – заколачиваешь гвозди в крышку собственного гроба. Ее тоже маленько взволновало, что ты, может быть, до старости просидишь за решеткой. Ну, какой саморазрушительный акт у тебя теперь на очереди? Сейчас только семь вечера. До одиннадцатичасовых новостей можно еще три-четыре раза поставить крест на своей карьере.

– Держи телевизор включенным... Что это за звук?

– Я снова наполняю свой стакан шотландским виски. До краешка. Может быть, смешаю со снотворными таблетками. Подействует, как по-твоему?

– Оставь мне хоть капельку.

– Чего захотела. Это виски старше тебя, чтоб ты знала.

На следующий день, когда Кассандре предъявляли обвинение, у здания суда собралось множество репортеров. Протиснувшись с ней внутрь, Терри сказал ей:

– Если хочешь заявить о чем-нибудь во весь голос, нет ничего лучше, чем попасть под суд за попытку свергнуть правительство.

Настроенный, несмотря на обиду, по-боевому Аллен Снайдер сообщил Кассандре, что в обычной ситуации ее обвинили бы только в том, что она советовала людям нарушать налоговое законодательство (раздел 26 Свода законов США, часть 7206). Но из-за нарастающей тяжести экономического положения (биржевой индекс упал за неделю на тысячу пунктов, доллар потерял 15 процентов по отношению к евро) правительство пребывает в мрачном и параноидальном настроении. Было решено показать ей, где зимуют пресловутые раки, – применить раздел 18, часть 2385 (призыв к свержению правительства).

Обвинитель заявил судье, что Касс следует заключить под стражу, чтобы не допустить побега. Снайдер не стал особенно возражать.

– Вы не хотите сказать что-нибудь судье? – спросила Касс.

– Честно говоря, – прошептал ей Снайдер, – я думаю, будет лучше, если вы окажетесь там, где нет доступа к микрофону.

– Тайм-аут, значит, берем?

Так Кассандра поменяла костюм деловой дамы с Кей-стрит на оранжевый комбинезон и кандалы. Когда ее сажали в полицейскую машину, она пальцами сделала перед фотографами знак V. Из-за кандалов кисти ее рук не могли подняться выше талии. Один репортер написал, что ее руки походили на «двух прикованных цепями и пытающихся взлететь птиц». Через неделю эта картинка появилась на обложке журнала «Тайм» с подписью: «Она им еще покажет!»

В первую же ночь, проведенную Кассандрой в заключении, четыре десятка огороженных пенсионерских территорий по всей стране были атакованы группами молодых людей, из-за чего губернаторам ряда штатов пришлось прибегнуть к помощи Национальной гвардии. Поскольку многие подразделения Национальной гвардии были в тот момент рассредоточены по всему миру (Ирак, Иран, Сирия, Босния, Боливия, Квебек, Нагорный Карабах, Коморские острова), инциденты вызвали огромное напряжение и породили новые призывы вернуть войска на родину.

– Вам не кажется, – спросил президента начальник аппарата Белого дома, – что этот «день бумеранга» как-то выходит из-под контроля?

Аллен Снайдер посетил Кассандру в тюрьме в Александрии вместе с Терри.

– У меня для вас хорошая новость, – сказал он. – Очень хорошая новость. Они готовы отказаться от обвинения в попытке свергнуть правительство. И обдумывают послабление по части призыва к налоговому бунту. При условии, что вы уйметесь и пойдете на попятный. Они предлагают нам – то есть вам – письменно заявить, что вы не сознавали противозаконность ваших призывов.

– Это все?

– Нет. На вас подали иски владельцы огороженных территорий, подвергшихся нападению. Преднамеренное подстрекательство к вандализму. Пока это в общей сложности сто пятьдесят миллионов. В основном ущерб, причиненный полям для гольфа.

– Восстание «Солидарности» началось на Гданьской судоверфи, – заметила Касс. – Этот мятеж, похоже, взлетит мячиком с зеленой травки.

– Я бы всерьез подумал о том, чтобы поймать власти на слове. Наверху сейчас нервничают. У них есть заботы поважнее. Но если мы скажем «нет», они могут упереться.

Поймите, в таком случае... Обвинение очень серьезное. Попытка свергнуть правительство. Формально – вплоть до смертной казни. На это они, конечно, не пойдут. Но вполне могут закатать вас по максимуму.

– И это будет...

– Пожизненное без права на досрочное.

– Гм... – отозвалась Кассандра. – Не лучший вариант.

Терри сказал:

– Послушай, дитя мое, на обложку «Тайм» ты уже попала. Можно провозгласить победу и до конца недельки отдохнуть.

– Я не для этого, *дитя мое*, заварила всю эту кашу.

– Хочешь здесь провести всю оставшуюся жизнь? В оранжевом костюме?

– Нет. Но мне в любом случае придется провести оставшуюся жизнь с собой, и я хочу провести ее так, чтобы не презирать себя за отказ от своих убеждений.

Терри, который куда больше времени провел, хлюпя по болотистым низинам, чем гордо стоя на нравственных высотах, крикнул от огорчения.

– Прости меня, – сказала она.

– Когда ты перестанешь это повторять? – спросил Терри. Он выглядел совершенно беспомощным.

Она улыбнулась ему.

– Пронесешь мне шотландского виски втихаря? А то здесь приходится глотать такое, у чего выдержка даже не тридцатидневная.

Глава 10

С тех пор, как Терри в последний раз говорил с сенатором от славного штата Массачусетс Рандольфом К. Джепперсоном, прошло несколько месяцев.

Ранди не удалась первая попытка избраться в сенат, которую он предпринял на следующий год после боснийского инцидента. Геракловы усилия Терри, постаравшегося сделать из него символ американского героизма, надо сказать, не прошли даром, и перед последними неделями кампании Ранди, по опросам, чуть-чуть опережал соперника.

Касс, работавшая с другими клиентами Терри, отвергла все попытки прессы взять у нее интервью по поводу боснийского злоключения. Но пилот военного вертолета «блэкхок», забравшего их с минного поля, не стал молчать, когда до него добрался один из репортеров. Пилот уже уволился тогда из армии и потому не был связан военной дисциплиной. «Я все никак въехать не могу, – сказал он, – какого хрена этот патентованный кретин попер на минное поле».

«Патентованный кретин» – выражение отнюдь не из тех, какие тебе хочется слышать в свой адрес под конец яростной политической гонки, особенно если оно исходит из уст награжденного медалями отставного американского офицера. Противник Ранди позаботился о том, чтобы оно фигурировало во всех телероликах, на всех бампер-стикерах, веб-сайтах и листовках. Ранди проиграл с разрывом в семь тысяч голосов.

В окружении Рандольфа К. Джепперсона отметили перемену, которая с ним произошла. Он ушел в этакое затворничество – ни любовниц-кинозвезд, ни бывших жен рок-артистов. Когда опять появился на людях, взгляд у него, как выразился один из членов команды, был «маленько потусторонний».

В первый же рабочий день в палате представителей он уволил всех своих сотрудников, включая Лилиан, которая наконец-то оказалась права, не найдя в ситуации ничего смешного. Он заменил преданных ему людей прожженными capitoлийскими наймитами. Переманил выдавших виды профессионалов из других кабинетов конгресса, предложив ставки выше обычных. Нанял дорогостоящих лоббистов и прочих специалистов с Кей-стрит, акул и платных вояк из ассоциаций производителей и дилеров, бойцовых псов от юриспруденции.

После смены персонала коллеги по палате стали называть его команду «Звездой смерти».³⁷

Когда Ранди через несколько недель после поражения позвонил Терри, тот подумал, что и его хотят известить об увольнении. Но вместо этого голосом, который Терри тоже показался «маленько потусторонним», Ранди произнес:

– В следующий раз мы победим. Чего бы. Это. Ни. Стоило.

Год спустя мать Ранди, последняя императрица из династии Джепперсонов, задохнулась до смерти из-за комка шерсти одного из восьми своих померанских шпицев. Дворецкий либо не был знаком с приемами первой помощи, либо – как поговаривали – решил не вмешиваться в ход событий.

Губернатор выразил официальное соболезнование. Похороны были организованы властями штата. Во время заупокойной службы Ранди смотрел на гроб так, что некоторые сочли этот взгляд неподобающим.

– Вы видели его лицо, – спросила миссис Гарднер Пибоди Кабот на поминках, – когда он кинул первую лопату земли?

– И то, как он продолжал наваливать лопату за лопатой... – подхватила миссис Темплтон Лоуэлл Скродуэрти.³⁸

Слава богу, никто не знал, что Терри Таккер насилу уговорил Ранди прийти.

– Вы вот как на это взгляните, – втолковывал Терри клиенту. – Перед новыми выборами сколько раз вы хотите услышать вопрос, почему вас не было на похоронах собственной матери? Что будем отвечать? Что вы никак не могли пропустить голосование о повышении должного потолка?

Четыре года спустя Ранди опять баллотировался в сенат. На сей раз его соперником был почтенный сенатор Баском Смизерс. Бэ-Эс, как его называли, был милый в общении, но не слишком внятный политик старшего поколения, который заседал в сенате уже шестой срок и был бы счастлив пройти в седьмой раз, «если бы оказалось, что добрый народ этого славного штата все еще во мне нуждается». Он ни единожды не сказал ни о ком худого слова (никак при этом особенно себя не проявив по части законодательства) и пользовался любовью коллег за то, что был редким ныне политиком, имеющим обыкновение каждый вечер ровно в шесть отодвинуть в сторону партийные распри и приняться щедро наливать бурбон всем и каждому, вслух вспоминая старые времена, когда Линдон Джонсон на правах лидера большинства щипал сенатских лифтерш за мягкие места. В сегодняшней предельно партийной атмосфере такие способы наведения мостов между фракциями уже не в ходу, как и обычай щипать пригожих лифтерш. Зады сенатских пажей, правда, пока доступны.³⁹

Ранди намалевал на груди Баскома Смизерса мишень и приказал членам своей команды открыть огонь: «Жарьте всюю, ребята!»

Люди Ранди изобразили Бэ-Эс безответственным пьяницей, инструментом в руках заинтересованных лиц, любителем пощупать несовершеннолетних девушек, другом террористов, зловредным убийцей беспомощных пернатых (он время от времени охотился на фазанов) и скупщиком краденого (один из его помощников приобрел на интернет-аукционе eBay коллекционную бейсбольную карточку, принадлежность которой была оспорена). Если верить картине, которую нарисовала команда Ранди, безобидный старый сенатор Бэ-Эс за свои отвратительные преступления против человечности заслуживал не просто поражения.

³⁷ «Звезда смерти» – губительная космическая станция злых сил из фильмов «Звездные войны».

³⁸ Пибоди, Кабот, Лоуэлл – известные старинные бостонские фамилии, восходящие к первым поселенцам.

³⁹ Намек на звучавшие в разные годы обвинения в сексуальных домогательствах со стороны сенаторов и конгрессменов в отношении «пажей» – старшеклассников и старшеклассниц, исполняющих в конгрессе различные вспомогательные функции.

Он заслуживал, чтобы его выволокли из Капитолия, вздернули на самом высоком дереве и оставили висеть на потребу воронью.

Ранди опередил его на две тысячи голосов, истратив из наследства своей дорогой покойной матушки 46 миллионов долларов (то есть 79 долларов за голос). Его победную речь в ночь после выборов один телеобозреватель назвал «обращением Муссолини к толпе с балкона на Бикон-Хилле».⁴⁰

– Насколько я понимаю, – сказал сенатор Ранди, не дав Терри времени сесть, – вы хотите потолковать насчет одной нашей общей знакомой. По телевизору она выглядела осунувшейся, но это вполне объяснимо – ведь ей грозят годы тюрьмы. Если есть желание выпить – бар к вашим услугам. Итак, *чем я могу помочь?*

– Вы в комитете по судопроизводству, – сказал Терри, предоставив сенатору мысленно продолжить: *Так что позвоните генпрокурору, черт бы его драл.*

– Гм. Вы хотите, чтобы я... вмешался?

Последнее слово он произнес так, словно держал его щипцами.

– Да, Ранди.

Ранди откинулся назад, поднял деревянную ногу и положил на кожаный пуфик, предназначенный именно для этого.

– Не могу сказать, что ни разу в жизни не встречал эту особу. По-моему, я тогда постарался вести себя как порядочный человек.

– После того как завезли ее на минное поле?

Взгляд Ранди стал «маленько потусторонним».

– Я и сам за это хорошо заплатил.

– Да. А теперь вы в сенате, а она в тюрьме. И ей светит пожизненное без права на досрочку.

– Мне очень ее жаль, но разве я ее туда запихнул?

– Вы можете ее оттуда вытащить.

– Не могу, при всем желании. Понимаете, старина, я хожу по довольно тонкому льду. Согласно журналу «Вашингтониан», из всех сенаторов ко мне наихудшее отношение. Они поместили на обложке мое фото с надписью: САМЫЙ НЕНАВИСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА КАПИТОЛИЙСКОМ ХОЛМЕ. Знаете, что я на это отвечаю? *Oderint dum metuant.*

– Вам придется перевести. Меня ведь не посылали учиться в Геронт.

– В Гротон. Означает: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись». Катон. Одно из *самых* моих любимых изречений. Знаете, где я в первый раз его прочитал? На подушечке для иглолок в гостиной моей матери.

– Потрясающе. Но вы не видите более широкую картину.

– *Moi?*⁴¹

– Эта девица – ваш счастливый билет.

Ранди опять откинулся на спинку кресла.

– Из чего, интересно, вы это выводите?

– А вот, взгляните. – Терри открыл свой ноутбук и показал Ранди данные опросов. – Посмотрите на эти цифры для возрастной группы от восемнадцати до тридцати. Никогда раньше такого не видел. От шестидесяти пяти до *восемидесяти* процентов! В следующей президентской кампании это будет вопрос вопросов. Если только этот кретин из Белого дома не втянет нас в очередную войну.

В данный момент Соединенные Штаты вели уже шесть войн. Военные ресурсы были

⁴⁰ Бикон-Хилл – старинный район в Бостоне, где расположено здание законодательных и исполнительных органов власти штата Массачусетс.

⁴¹ Я? (*фр.*)

настолько истощены, что другие страны могли безнаказанно дразнить США. Последним унижением стало одностороннее объявление войны Боливией.

Ранди задумчиво раздул щеки.

– Уж если совершать этот... акт милосердия, нет никакого смысла совершать его втихую.

Терри закрыл ноутбук и ухмыльнулся.

– Знаете, что мне в вас больше всего нравится, сенатор?

– Моя чековая книжка?

– Даже не она. Для большинства клиентов приходится разжевывать. Для вас – никогда.

– Все оттого, – улыбнулся сенатор Ранди, – что меня посылали в Геронт. Но вы понимаете, что мы все можем сгореть к чертям собачьим, если дело повернется не тем боком? Правда, пламя, думаю, будет роскошное.

На следующий день, выступая в сенате США в присутствии еще трех сенаторов, из которых один спал, а двое других игрались с коммуникаторами «блэкберри», Рандольф К. Джепперсон своим лучшим сенаторским голосом произнес:

– Уважаемый председатель! Я хочу выразить протест против вопиющей несправедливости в отношении наших детей и детей наших детей, допущенной в этом самом зале, в сердце страны, которая была некогда страной, имеющей сердце...

Терри, не желая показываться на галерее сената, смотрел это выступление по телевизору в своем кабинете.

Позвонил один из его приятелей – лоббист инсектицидов.

– Я тут слушаю сейчас по C-SPAN речугу твоего Неджефферсона про какой-то «компенсационный» законопроект о соцобеспечении. В чем фишка, объясни, пожалуйста.

– Да идея у него одна возникла, – ответил Терри обыденным тоном. – Что-то, по-моему, в ней есть. Молодежь нагрели на соцобеспечении, поэтому он предлагает мораторий: с тех, кому меньше тридцати, добавочных денег не брать. Второе – что конгресс должен исправить систему на долгие времена, сделать ее эффективной, самокупаемой, распрощаться с поганой нынешней схемой Понци,⁴² когда долг просто перекалдывается на следующее поколение. Пока конгресс этого не сделает, мораторий остается в силе. Мне нравится. И думаю, на президентских выборах эта темка будет поострей перца.

– Держи карман, – фыркнул лоббист. – Шансов просто завались.

– Такова судьба многих идей, – сказал Терри. – То, что считали ересью, потом признают за истину. Где-то я это вычитал.

– М-да. Не забудь послать мне открытку, когда эту идею признают за истину. Слушай, надо сварганить какое-нибудь высоконравственное заявление в СМИ насчет мезотамалида-7. А то затрахали эти чертовы защитники пернатых.

– Я же тебе говорил, – отозвался Терри, – что нужно переименовать это дерьмо. Звучит как отравка, которой убивали людей в концлагерях. Назови... ну, я не знаю... поли... полипепто... парфюможимолость номер девять. Как-нибудь побезобиднее. Узнай, что кладут для вкуса в мороженое, и так вот прямо назови.

– Это *химическое вещество*, Терри. Их не переименовывают.

– Тогда снабди торговой маркой. Что-нибудь вроде «блоха-ха-ха» или «блоха, пока». Остроумное что-нибудь. Извини, Ларри, мне пора идти. Мой клиент делает в сенате важное политическое заявление. Такое не каждый день случается. Я потом тебе звякну.

Речь Ранди получила примерно такой же отклик, какой имело бы падение мелкого камешка посреди Атлантики. Но, по словам Терри, она стала «штормовым

⁴² Схема Понци – способ нечестного отъема денег у инвесторов, сходный с финансовой «пирамидой». Ее применил в 1920 г. в США итальянский иммигрант Карло Понци (1882–1949).

предупреждением».

На следующий день Ранди приехал к тюрьме Александрии и провел там «импровизированную» пресс-конференцию (которую подготовил Терри). Сенатор призвал власти освободить Кассандру Девайн до суда.

– Весь мир смотрит и ждет, – сурово провозгласил он.

Это было, мягко говоря, преувеличение. Но у тюрьмы собралось довольно много народу – несколько сот сторонников Касс. И был человек, который действительно *смотрел* (по телевизору) на происходящее, – Бакки Трамбл, главный политический советник президента США. У Бакки был плохой день. Министр финансов только что сообщил ему, что Банк Китая отказался от новой порции американских казначейских векселей.

Глядя по Си-эн-эн на Ранди, гневно грозящего пальцем Белому дому, Бакки подумал: *Он-то какого хрена в это ввязывается?*

Глава 11

Речь Ранди у входа в тюрьму была перепевом вчерашней речи в сенате, но только, по словам одного телеобозревателя, теперь он сервировал свою мысль «под острым соусом». Толпа кричала и редела, показывала пальцами V, требовала освобождения Касс. Даже Терри был под впечатлением – редкое состояние для пиарщика.

– Мне показалось, вы собираетесь отстегнуть ногу и потрясать ею перед лицом правительства, – сказал он, когда они вернулись в фургончик, служивший передвижной штаб-квартирой кампании за освобождение Кассандры.

– Между прочим, – отозвался Ранди, жадно глотая воду из бутылки, как боксер между раундами, – такая мысль и правда у меня мелькнула.

– Очень вас прошу, удержитесь, если она мелькнет еще раз. Вы выглядели отлично. Интересно, смотрела она или нет.

По другую сторону тюремных стен Касс играла в «червей не брать» с сокамерницей – репортершей «Нью-Йорк таймс». Репортеров в эти дни за решеткой сидело немало – они даже образовали свою «инсайдерскую» тюремную группировку. Называли себя «пулицеровской сворой»,⁴³ татуировались хной, делали себе головные повязки из дорогих чулок. Карточная партнерша Касс сидела за статью в разделе «Письма из Вашингтона» о том, что ЦРУ внедрило во французское посольство своего шеф-повара (поистине немалое достижение!), который подкладывал съедобную подслушивающую аппаратуру в паштет из гусиной печени на официальных обедах. Назвать источник она отказалась.

– Эй, Девайн, так тебя растак! – крикнула еще одна представительница сидящей прессы – публицистка, отказавшаяся свидетельствовать перед большим жюри, составленным двадцать лет назад для решения вот какого вопроса: просил ли один член кабинета (ныне покойный) одну официантку (ныне живущую в Аргентине) в одном ресторане (прекратившем существование) дать ему свой номер телефона (давно отключенного). – Разуй глаза!

Она показала на экран телевизора, привинченного к стене так называемой комнаты отдыха. Касс перевела на него взгляд. На экране сенатор Рандольф К. Джепперсон выступал перед толпой, над которой торчали плакаты с ее именем.

– Похоже, кое у кого завелся на воле рыцарь-избавитель, – заметила публицистка. – Не тот ли самый, с кем ты устроила тогда потеху в Боснии?

– Объясни, какой смысл ты вкладываешь в слово «потеха», – сказала Касс.

– Только что назвал тебя совестью молодого поколения.

⁴³ Пулицер Джозеф (1847–1911) – американский журналист и издатель, в честь которого вручается Пулицеровская премия за различные достижения, в том числе – за журналистские публикации.

- Черт возьми, девчонка, я так и знала, что дама у тебя!
 - Вот бы *меня* кто-нибудь назвал совестью поколения, – сказала светская хроникерша из «Вашингтон пост», которая отбывала «от трех до пяти» за отказ раскрыть источник. – Ты с ним спала или нет?
 - Вопросы у тебя, однако.
 - А что? Заключенным положено друг с другом откровенничать. Мы же все тут в одной лодке.
 - Не было у нас ничего такого. Хотя земля под нами качнулась.
 - А он ничего, привлекательно-страшноватенький такой. У него вроде был роман с этой, как ее...
- Касс смотрела на телеоблик Ранди все время, пока тасовала колоду. Видна рука Терри, думала она.

Ближе к ночи благодаря трансляции речи Ранди толпа стала исчисляться тысячами. Терри задавал ритм скандирования из фургончика по радио.

- Прямо как в шестидесятые, – сказал он, глядя в тонированное окно фургончика, – только мусора поменьше. Куда это вы? – спросил он Ранди, когда тот потянулся к ручке двери.
- Соединиться с народом, – был ответ.
- Не переборщите с доступностью.
- С доступностью? – хмыкнул Ранди. – Не понимаю, как с ней можно переборщить.

Едва Ранди вышел из фургончика, как был проглочен восторженной толпой молодежи с плакатами:

СВОБОДУ КАСС!
ПЛАТИТЬ? ЧЕРТА С ДВА!
ДЕНЬ БУМЕРАНГА НАСТАЛ!
КАСС ПРАВА!
ЭТО ДЕФИЦИТ, ИДИОТЫ!
СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ = СМЕРТЬ!

Терри смотрел, как толпа засасывала сенатора, пока не осталась только голова, освещенная яркими телепрожекторами. В фургончике было три монитора, так что Терри мог видеть интервью Ранди в прямом эфире.

Репортер телеканала «Фокс» сунул Ранди микрофон.

– Сенатор! Один ваш коллега, сенатор Мелтингхаузен, называет вас, цитирую, прожженным оппортунистом. Не слишком ли это резкое выражение для такого в общем-то коллегиального органа, как сенат?

– Не знаю, насколько я прожжен, – улыбнулся Ранди. – Но что я горю – это правда. Я горю желанием добиться справедливости. Что касается оппортунизма... По-латыни *opportunitas* означает «возможность». Если мой хороший друг из славного штата Виргиния имеет в виду, что я стремлюсь использовать любую возможность для ремонта нашего бракованного правительства, то да, я оппортунист. Безусловно. Но главное, Крис, – могу я вас так называть? – в том, что...

Терри откинулся назад с удовлетворением наставника, увидевшего, что ученик уверенно справляется собственными силами. Всегда двойственное чувство. Он тут же сурово напомнил себе, что сейчас не время для размягченности и уж тем более для пагубного самодовольства. Сейчас, если на то пошло, время наибольшей опасности, время, когда клиент считает, что *все может сам*. Вашингтон усеян обглоданными костями тех, кто дал волю подобной самонадеянности.

– Что-что? Просто отпустить ее на свободу?

Президент Райли Пичем был не в лучшем настроении. Экономическая ситуация

заставляла правительство работать в кризисном режиме. Все здорово недосыпали.

– Будет выглядеть так, словно мы идем на попятный, – добавил президент.

– Именно туда нам и следует идти, – сказал его главный политический советник Бакки Трамбл. – На попятный.

Президент тупо уставился на него через ширь письменного стола из выловленных досок с крейсера «Мэн», затонувшего на рейде Гаваны. На ретроспективный взгляд, не самый, пожалуй, удачный выбор стола из запасов, хранящихся на правительственном чердаке.

– Чего-то я тут не улавливаю, – сказал президент.

– Электронная почта дает статистику девять к одному против нас.

– Эта мадмуазель призывает людей не платить налоги. Так что не надо! У нас и так черт знает какие трудности с доходной частью.

Генпрокурор не уверен, объяснил Бакки Трамбл, что если Касс заручится сильной защитой на основании Первой поправки,⁴⁴ ее признают виновной.

– И какой тогда видок у нас? Получится, что мы весь наш престиж – все рожки да ножки, что от него остались, – пустили на то, чтобы дать по мозгам молоденькой блоггерше. Которую, вполне возможно, суд отпустит гулять на воле и показывать нам нос. Спросите себя: может, не стоит связываться с этим мудилой Ранди Джепперсоном? Лично я лучше буду жрать гусениц с горячего тротуара. Бросьте на него взгляд: настоящий Пестрый Дудочник⁴⁵ для тех, кто вчера еще мочил подгузники. Он доит эту ситуацию, как джерсейскую корову. У которой по всему вымени отпечатки пальцев Таккера, его пиар-агента. Эта девчонка Девайн работает у Таккера. Так что тут больше инцеста, чем на семейном сборе в Арканзасе. Я бы даже длинной палкой не рискнул все это ворошить. У нас и без того впереди трудные переборы.

– Чего эта штучка так лезет из кожи? Прямо шило в заду.

– Она была с Джепперсоном в Боснии, когда он ногу потерял. Я порасспрашивал кое-кого в Пентагоне. Говорят – похоже, они трахались в военном вездеходе посреди минного поля. Она предпочла увольнение трибуналу.

– Ох уж эти мне бабенки в погонах, – фыркнул президент. – Упаси нас господи.

– Она и без погон сейчас дает жару. Ну так что? Как нам быть? Делаем из нее мученицу?

Президент помедлил с таким видом, словно еще не решил.

– Ну ладно, – промолвил он наконец с видом премудрого Соломона. – Скажи Киллибрю, чтобы спустил на тормозах.

– Правильно, шеф.

Бакки Трамбл всегда хвалил президента, когда тот слушался его советов.

На следующий день ближе к вечеру после *noUe prosequi* – отказа истца от иска за малостью шансов на успех, – о котором лапидарно заявил департамент юстиции, Касс освободили. Тысячная толпа приветствовала ее знаками V. «Пулицеровская свора» на прощание подарила ей головную повязку из чулок, купленных в «Викториз сикрет».

– Может, попробуем от них оторваться? – спросила Касс. За ними следовали как минимум четыре машины с фотокорреспондентами. Она только что поговорила по телефону с плачущей матерью.

– Ну нет, – сказал Терри. – Гонка на скорость – последнее, что нам сейчас нужно. Пусть пощелкают нас, когда приедем к Ранди. После этого они уберутся, я думаю.

⁴⁴ Первая поправка к конституции США защищает, в частности, свободу слова.

⁴⁵ Пестрый Дудочник – герой известной сказки, который, играя на дудочке, увел из города Гамельна всех детей.

- Зачем мы к Ранди? Я хочу домой.
- Потому что он желает нас видеть. Человек, который тебя оттуда вытащил.
- Ты правда его подключил?
- Терри сделал круглые глаза.
- Он сенатор Соединенных Штатов. Если у тебя есть другие охотники встать и громко крикнуть: «Свободу Касс!», немедленно присылай их ко мне.
- Теперь я перед ним в долгу.
- Считай, что тебе повезло, мисс Пожизненное Без Досрочного. И улыбайся в камеры. Скажи репортерам пару слов. Двадцать секунд о том, как хорошо выйти на свободу, как хорошо, что твои слова услышаны...
- Ты меня учишь выступать перед прессой?
- Твой адвокат (хороший человек, между прочим) из-за тебя сидит на антидепрессантах. Я буду стоять сзади с нацеленным тебе в спину пистолетом. Так что придерживайся сценария.
- У меня, кстати говоря, завелись подруги в «пулицеровской своре».

Ранди занимал в Джорджтауне большой особняк в федеральном стиле, который в разные годы принадлежал одному будущему президенту страны, двум видным послам, госсекретарю в администрации Теодора Рузвельта и одной знаменитой джорджтаунской хозяйке салона, у которой одновременно были романы с королем Англии, графом Парижским, императором Хайле Селассие и Жозефиной Бейкер.⁴⁶ Она умерла, как гласит молва, от переутомления.

Ранди встречал Касс и Терри на крыльце. Рядом ждала огромная толпа репортеров и дежурил конный полицейский.

- Целовать его я не буду, – бросила Касс Таккеру, перед тем как выйти из машины.
- Никто от тебя этого не требует.

Ранди протянул ей руку. Она церемонно пожала ее.

– Я бы хотел сделать краткое заявление, – сказал Ранди. – Прежде всего, поздравляю мисс Девайн с освобождением. – Раздались аплодисменты доброжелателей. – Во-вторых, я хочу поблагодарить ее за жертвы, принесенные делу, в которое она верит и которое защищает. В-третьих, спасибо президенту Соединенных Штатов за то, что принял верное решение. Хотя бы раз в жизни. – Смех, аплодисменты. – В-четвертых, и в-последних, хочу заявить, что я горд быть рядовым в армии этой женщины. И я готов сражаться с ней бок о бок в грядущих битвах.

Аплодисменты.

Касс посмотрела на него. Он выглядел старше, чем тот молодой конгрессмен, с которым она давным-давно познакомилась на аэродроме Гнилюк. Она понятия не имела, к чему все это приведет, и испытывала по поводу сенатора Ранди массу недобрых предчувствий, но в то же время ощущала странную радость от того, что он рядом.

Глава 12

Ранди, Терри и Касс взялись за дело. Они объявили о создании «народной коалиции», что всегда полезно. Они сформировали, кроме того, комитет политических действий и «группу 527»,⁴⁷ что тоже не мешает в подобных случаях, поскольку создает впечатление,

⁴⁶ Жозефина Бейкер (1906–1975) – знаменитая французская эстрадная певица и танцовщица, американка по происхождению.

⁴⁷ Комитет политических действий, «группа 527» – разновидности общественных организаций в США (527 – номер раздела налогового законодательства, регулирующего их финансовую деятельность).

что люди, занимаясь сбором «мягких» денег,⁴⁸ соблюдают закон.

Касс давала телеинтервью, писала бесчисленные газетные заметки и без устали выступала перед всеми, кто соглашался слушать. Ранди произносил громовые речи в сенате – обычно перед пустыми креслами. Между тем СМИ, по своему обыкновению, переключили внимание на другое.

Однажды, спустя примерно месяц после освобождения, Касс спросила Терри:

– Мне только кажется – или там действительно какое-то... затишье?

– Я бы не назвал это затишьем, – сказал Терри. – Я бы скукой это назвал. Реформа соцобеспечения, реформа системы пособий – все это, согласись, сухая материя. Зверю не нужна сухая материя. Ему нужно сочное мясо. Картинки нужны, а не графики недобора в бюджет за финансовый год. Интересней было, когда «народ», как ты любишь называть эту публику, громил поля для гольфа и швырял в полицейских бутылки с коктейлем «Молотов». Кстати, звонил Аллен. На тебя подает в суд еще одна охраняемая территория. Называется «Сосновое прибежище».

Лицо Касс стало угнетенным.

– Да не терзайся ты, – сказал Терри. – Это у тебя была хорошая попытка. Просто замечательная! На какое-то время ты вышла на первый план. А теперь, душенька моя, *пора двигаться дальше*. Мне нужна твоя помощь по части инсектицидов, Ларри с ума меня сводит.

Бакки Трамбл был одним из немногих сотрудников Белого дома, имевших более или менее свободный доступ в Овальный кабинет. На этот раз, однако, он постучал, прежде чем войти.

– В чем дело, Бакки? – подозрительно спросил президент Пичем. Ему не очень понравилось лицо Трамбла, которое напоминало опавшее суфле.

Трамбл сделал глубокий вдох.

– Касс Девайн – дочка Фрэнка Коуэна.

Лицо президента приобрело цвет супа из моллюсков по-новоанглийски.

– Как это понимать?

– Так и понимать. Она бывшая Коуэн. Официально сменила фамилию. У нее вышла с Фрэнком какая-то ссора, и она взяла фамилию матери.

– Ах ты, черт...

– Именно.

Бакки ждал президентского извержения, которого, он знал, не миновать. Пичема, как вулкан, иногда прорывало не сразу.

– Иисуса Христа в задницу... – прорычал президент, чье лицо по цвету походило теперь на суп из моллюсков по-манхэттенски. – Получается, что мы потребовали от генпрокурора снять обвинение с дочки *крупного спонсора* нашей партии, черт его возьми?

– Да, это... да, к сожалению... к этому, собственно, сводится то, что я... да, сэр.

Президент швырнул свою ручку на стол с такой силой, что она, отскочив, полетела на ковер.

– Кто успел пронюхать об этом... первостатейном бедствии?

– Тут я вас обрадую, сэр. Никто. В смысле – Фрэнк, я думаю, знает, но он молчит. Вероятно, ошеломлен ее поведением. Во всяком случае, эта информация у меня не от него.

– От кого тогда?

– Вам не надо этого знать, сэр. Я навел кое-какие справки. Она дочь Фрэнка Коуэна. Они уже очень долго не общаются. Он живет в Калифорнии...

– Я, черт возьми, прекрасно знаю, где он живет. Я один раз провел долбаную ночь в его

⁴⁸ Речь идет о финансировании избирательных кампаний в США. Поступление «твердых» денег жестко ограничено, «мягких» – нет, но они не могут тратиться на прямую агитацию.

долбаном доме.

– Да, сэр. В октябре прошлого года. После празднования начала отсчета времени до великого дня. Вы подарили ему значок Филина.

Филины – это, разумеется, те, кто пожертвовал не менее 250 тысяч долларов президентской партии и поэтому имеет право «присутствовать на специальных брифингах в Белом доме, проводимых высшими должностными лицами», «сидеть в первых рядах на инаугурационных торжествах», «получать специальные бюллетени». Плюс, конечно же, возможность занять при случае какую-нибудь посольскую должность, или пост в администрации, или место в той или иной комиссии.

Президент испустил стон.

– Он пожертвовал пятьсот тысяч, – продолжал Бакки Трамбл. – Еще четверть миллиона – якобы от его жены Лизы. Судя по всему, не она родила ему Касс. Больше похожа на... злую мачеху. Вы ей тоже подарили значок.

– Отвратительная работа администрации, Бак.

– Не буду спорить, сэр. Вопрос в том, как быть дальше. Я, конечно, готов взять вину на себя.

– У нас, черт возьми, избирательная кампания на носу. Ну, выброшу я тебя за борт – чем мне это поможет?

– Видите ли, я... если вы и правда...

– Арестовать ее по новой.

– Простите, не понял?

– Посадить ее обратно за решетку. Позвони Киллибрю и скажи ему... все, что нужно сказать.

Бакки Трамбл раздул щеки.

– Я не уверен, что Фред на это пойдет. Повторно арестовать человека – это... гм... не так просто.

– Очень просто. Происходит сплошь и рядом.

– Да что вы говорите!

– Как бы то ни было, в *этом* случае должно, на хер, произойти. Ясно?

Бакки Трамбл мысленно перескочил в будущее. Перескочил и увидел себя перед большим жюри. Услышал вопрос независимого обвинителя: *Давал ли вам президент конкретное указание потребовать от генерального прокурора, чтобы тот сфабриковал улики для повторного ареста мисс Девайн?*

Между прочим, президенту Пичему, которому с первых дней политической карьеры не давало покоя созвучие его фамилии слову «импичмент», привиделось в этот момент нечто очень схожее.

– Это все, Бак. Точка, – сказал он, оставляя Бакки Трамбла в положении полной невозможности подтвердить перед большим жюри, что президент дал *конкретное* указание нарушить закон.

– Сэр, я сделаю все, что необходимо сделать. Но я действительно сомневаюсь, что он на это пойдет, – снова предпринял попытку Бакки.

Президент откинулся на спинку кресла.

– Если меня изберут на второй срок, сколько вакансий в Верховном суде можно ожидать?

– Минимум две. Возможно, три.

– Затевать с ним разговор об этом немножко рановато. И с текущей ситуацией это никак не связано. Но ты ведь знаешь: Фред Киллибрю – просто охрнительный генпрокурор. Из него получится просто охрнительный член Верховного суда. Как ты думаешь?

Мистер Трамбл, в ходе того же разговора поручал ли вам президент предложить генеральному прокурору место в Верховном суде в обмен на...

– Э...

– Я думаю именно так, – бодро сказал президент. – Именно так.

- Я могу... передать это ему. Наряду с...
- Не сомневаюсь, что ты справишься, Бакки. В твоём фирменном стиле.
- Понял вас, сэр.
- Когда эту умничку опять посадят в клоповник, намекни, что Белый дом этому рад. Что мы с самого начала считали, что отпустить ее немножко рановато.
- Фреду это не понравится.
- Хер с ним. Да ему плевать будет. Он по уши будет занят снятием мерки для судейской мантии.

Это пришло ей в голову поздно ночью, в третьем часу, когда она занималась блоггингом.

Она решила не постить этого сразу, понимая, что прозрение, снабженное пометой «2.56 утра», в трезвом свете дня может вызвать скепсис.

Утром она первым делом договорилась о совещании с Ранди и Терри. Встретились днем в капитолийском кабинете Ранди. Она на скорую руку подготовила презентацию с помощью программы PowerPoint. Провела ее. Они слушали молча.

– Ну как? – поинтересовалась она потом. – Что вы думаете?

Ранди и Терри тарачились на нее.

– Вы хотите, чтобы я это предложил? – спросил Ранди. – В сенате США? – Он рассмеялся. – Касс, Касс, Касс. Снимаю перед вами шляпу. Вы – нечто. Мне до вас расти и расти.

– Я говорю совершенно серьезно, – сказала Касс. – Осуществить, я думаю, шансов нет. Но как метавопрос это великолепно подхлестнет дискуссию.

– Метавопрос? – переспросил Терри. – Что это, черт возьми, такое? Из Айн Рэнд, что ли?

– Нет, ничего общего с ней. «Мета» означает... ну... переход к чему-то качественно иному. Стоящему после. За. Выше. Дальше. Метафизика. Ты же сам мне сказал, что пресса заскучала. Вот и встряхнем ее. Разбудим.

Терри и Ранди переглянулись. *Боже мой, она, оказывается, серьезно.*

– Посмотрите на эти цифры. – Касс вызвала на экран один из слайдов. – Опрос Гэллапа месячной давности. Взгляды людей меняются. Они все реже и реже отождествляют счастье с долголетием. Они готовы выслушать что-то вроде моего предложения. И хотя понятно, что реализовано оно никогда не будет, есть основания думать, что люди с жаром бросятся его обсуждать. Правительство наверняка займет жесткую позицию. Отлично. Мы тогда ему скажем: «Ладно, а ваше-то решение какое? Двое работающих кормят одного пенсионера?» У них нет решения. Уже все начинает разваливаться, а у них как не было решения, так и нет.

– Это глупость, Касс.

– Нет, это смелость.

– Смелая глупость.

– Со второго дня в КСТ ты твердил мне: «Надо метить как можно дальше». Ну вот. Я так и поступаю.

Ранди посмотрел на часы.

– Терпеть не могу уходить первым, но мне пора на заседание комитета. Очень рад был повидать вас обоих. Мы еще потолкуем. Чао!

– А чего ты ожидала? – спросил Терри в машине на обратном пути в офис. – Что он согласится внести в сенат законопроект, подталкивающий бэби-бумеров к массовому самоубийству, чтобы спасти систему соцобеспечения?

– Не к самоубийству. К добровольному восхождению, – поправила его Касс.

– Все едино. В каком, интересно, часу ночи тебя посетила эта идея? – Терри помолчал немного, потом сказал: – Отдаю тебе должное: мыслишь ты оригинально. Вот эту бы смекалку да приложить к инсектициду Ларри...

- Ты читал «Скромное предложение» Джонатана Свифта?
Терри вздохнул.
- Ты имеешь в виду – в Гарварде? Или в Принстоне? Напомни мне, какой престижный университет я окончил?
- Свифт – автор «Путешествий Гулливера», – объяснила Касс. – Слышал про такую книгу, наверно.
- Слышал. И что?
- В тысяча семьсот двадцать девятом году Свифт опубликовал памфлет, где предлагалось, чтобы неимущие ирландцы продавали своих детей на мясо. Это решило бы проблему бедности в Ирландии.
- В наши дни он заработал бы миллионы на книге о диетическом питании. Но что это имеет общего с твоей схемой, помимо полнейшего идиотизма?
- Так в этом-то вся штука! Он привлек внимание людей. Заставил их обсуждать вопрос о голоде в Ирландии. Он был священнослужитель. Он защищал таким образом бедных.
- И что с ним было дальше?
- Увы, под конец жизни впал в слабоумие.
- Терри фыркнул.
- Ну и что в этом такого? Нам с тобой тоже этого не миновать, если долго проживем.
- Да что с тобой сегодня? Ты какой-то бестолковый.
- Ты заявляешь, что правительство должно поощрять самоубийство, и *меня* называешь бестолковым?
- Не самоубийство, а добровольное восхождение.
- Ты предлагаешь налоговые льготы для тех, кто обязуется угробить себя в семьдесят лет.
- И более существенные льготы, если в шестьдесят пять. Да, пакет поощрительных мер. Бесплатное медобслуживание. Все лекарства, какие захочешь. Бумеры любят такие привилегии. Лакомая приманка – освобождение от налога на наследство. *Зачем оставлять Дяде Сэму, если можно оставить собственным детям?* Это привлечет на нашу сторону младшее поколение. Терри, послушай меня. Я тут прикинула. По моим расчетам, если хотя бы двадцать процентов от семидесяти семи миллионов бэби-бумеров пойдут на это, система соцобеспечения, Medicare и Medicaid⁴⁹ смогут свести концы с концами. Кризис будет преодолен. По-твоему, это не заслуживает обсуждения?
- Терри посмотрел на нее с гордостью и тревогой, взглядом наставника, чья подопечная поднялась до самой вершины, встала на краю – и сиганула вниз.
- Так, а представь себе, что человек согласился, – сказал он, – а потом, в семьдесят лет, заявил: «Вы знаете, я передумал, что-то мне не хочется кончать с собой. Подожду, пока мне не стукнет сто».
- Для тех, кто откажется уйти вовремя, будут предусмотрены серьезные санкции, – обыденным тоном отозвалась Касс.
- В общем, план 401(к)⁵⁰ в адском варианте. Записываюсь не глядя!
- Терри, ты упускаешь суть. До этого никогда не дойдет. Потому что, как мудро заметили ты и Ранди, конгресс ни за что такого закона не примет. А если даже примет, президент его не подпишет. А если даже подпишет, Верховный суд объявит его неконституционным.
- Так в чем же суть?
- В том, чтобы стимулировать обсуждение! Чтобы в конце концов правительству

⁴⁹ Medicare – программа страхования здоровья престарелых.– ассигнования штатам для медицинской помощи бедным.

⁵⁰ План 401(к) – пенсионная программа в США, финансируемая работодателем.

пришлось что-то предпринять! Помнишь слова Черчилля? «Американцы всегда принимают верное решение – после того как перепробуют все остальные».

Поразмыслив, Терри сказал:

– Нет. Чушь собачья. Предвижу, как буду объяснять нашим корпоративным клиентам: «На самом деле мы не рассчитываем на то, что конгресс примет закон о массовом самоубийстве. Ну как вы не понимаете? Это *метавопрос*. Нельзя быть такими бестолковыми!»

– Ладно, нет так нет, – сказала Касс. – Я перехожу с моим планом на другой уровень.

– На подпольный?

Вечером, потратив несколько часов на попытки представить инсектицид Ларри чем-то таким, чем вы охотно побрызгали бы на своего новорожденного младенца, чтобы лучше спал, Касс всерьез взялась за свое «скромное предложение».

За последующие дни она проконсультировалась с геронтологами, экономистами, страховщиками, Бюджетным бюро конгресса, бывшими сотрудниками управления Белого дома по бюджету и менеджменту, теологами и священнослужителями (чтобы потом сказать, что она к ним обращалась) и даже (еще один полезный штрих) с человеком, усыпленным приговоренных к смерти.

Однажды на рассвете, когда подали голос птицы, когда в их щебете отовсюду зазвучала простая, первозданная жизнь, она вдруг прервала лихорадочную работу и подняла глаза от нагревшегося ноутбука. *Да что же я делаю?* – возник в голове вопрос. Но у нее был на него ответ, и пальцы с новой силой застучали по клавишам. Фортиссимо!

Она уже готова была отправить пост в блог КАССАНДРА, но опять решила дождаться более уважаемого часа. 5.22 утра – не совсем подходящее время. Когда она положила голову на подушку и стала уплывать в отложенный сон, ей вдруг привиделись добровольцы-самоубийцы. Она так взволновалась, что встала, приготовила себе фруктово-йогуртовый коктейль с «ред буллом» и принялась ходить по квартире, пытаясь разобраться с этой стороной дела.

Глава 13

– В Вашингтоне сегодня возникло *свежее* предложение о том, как преодолеть кризис соцобеспечения. Подробности расскажет наша корреспондентка Бетси Бларкин.

– Спасибо, Кэти. Кассандра Девайн, двадцатидевятилетняя блоггерша, которая в интернете называет себя КАССАНДРА, снова фигурирует в новостях. В прошлом месяце она побуждала молодых людей не платить налоги и штурмовать ворота территорий, где живут вышедшие на пенсию бэби-бумеры.

На сегодняшней пресс-конференции она представила план, который, по ее словам, сделает правительство платежеспособным и тем самым разрешит проблему.

Вот ее решение: правительство должно предложить пожилым бэби-бумерам льготы, побуждающие их... расставаться с жизнью.

– *Американцы стали жить дольше. Это замечательно, но с какой стати мое поколение должно расплачиваться по долгам старших, субсидировать их долголетие? Хотят жить вечно – пусть сами платят за это.*

– Согласно плану Девайн, правительство должно полностью отменить налоги на наследство для тех, кто покончит с собой в семьдесят лет. Те же, кто согласится уйти из жизни в шестьдесят пять, получают *премию*, включающую в себя двухнедельный, полностью оплаченный «прощальный медовый месяц».

– *Наши деды росли в годы Великой депрессии и сражались на Второй мировой войне. Они составили так называемое «великое поколение». Наши родители, бэби-бумеры, уклонялись от призыва, нюхали кокаин, возвели потворство своим прихотям в ранг достоинства. Я бы назвала их поколение «жалким». Наконец они получают шанс дать*

что-то взамен.

– Девайн даже придумала, как можно по-новому называть самоубийство: «добровольное восхождение». Ранее сегодня я поговорила с ней после пресс-конференции...

– Мисс Девайн, вы считаете, кто-нибудь примет ваше предложение всерьез?

– Вы, Бетси, берете у меня сейчас интервью для крупного телеканала, и, по-моему, это неплохое начало. Если вы хотите знать, почему я предлагаю, чтобы американцы в массовом порядке кончали с собой, я вам отвечу: из-за хронического нежелания правительства вести себя честно и ответственно. Когда соцобеспечение только появилось, на одного пенсионера приходилось пятнадцать работающих. Теперь вместо пятнадцати – три. Скоро будет всего два. Сколько ни бегай от этой арифметики, она все равно догонит. Это означает, что представители моего поколения всю жизнь должны будут платить несправедливые налоги, в то время как бумеры могут с шестидесяти двух лет до девяноста и больше играть в свое удовольствие в гольф и попивать джинс с тоником. Куда девалась американская идея о том, чтобы обеспечивать детям большее благосостояние, чем ты имел сам? Если правительство сумеет предложить что-то лучшее – что ж, мы обеими руками будем «за». Давайте, предлагайте. Тем временем мы кладем на стол это. И назад забирать не намерены.

– Ряд экспертов, к которым мы обратились, в том числе Карл Канстайнер из вашингтонского Института Рэнд, фактически согласились, что эта драконовская мера в целом разрешила бы кризис соцобеспечения и всего бюджета страны.

– Средний американец сегодня живет до семидесяти восьми – семидесяти девяти лет. Многие еще гораздо дольше. Мы сейчас переживаем то, что можно назвать избытком восьмидесятилетних, девяностолетних и даже столетних. Если бы правительство не должно было платить им пенсии, к примеру, после семидесяти, экономия была бы колоссальной. Неимоверной. Заманчиво, согласитесь. Разумеется, это решение, скажем так, не для слабаков.

– Другие – в частности, Гидеон Пейн из Общества защиты всех рибонуклеиновых молекул – называют идею Девайн «аморальной».

– Неужели мы докатились до того, что рассматриваем массовое убийство как вариант государственной политики? Вся эта схема, весь этот план – сплошная мерзость в очах Господних. Я трепещу за мою страну. Этой женщине должно быть стыдно.

– Кассандра Девайн, судя по всему, никакого стыда не испытывает. Наоборот, она настроена весьма решительно. Кэти?

– Спасибо вам, Бетси Бларкин, за этот репортаж из Вашингтона. И последнее на сегодня. Торговая сеть «Уол-март» объявила, что получила разрешение построить супермаркет общей площадью в сто пятьдесят тысяч квадратных футов в парковой зоне Молл в центре Вашингтона...

– Я отвечу еще на два вопроса. Анн?

– Какова реакция президента на ее предложение?

– На какое? На чье предложение?

– О «добровольном восхождении».

– Нет. Нет, нет, нет. Я не удостою это ответом.

– Что могут сказать на данную тему экономические советники президента?

– Они не... В общем, так: никаких разговоров об этом не велось... Никто в Белом доме этого не обсуждает. Ни в Белом доме, ни в американском правительстве...

– Можно ли понять вас таким образом, что президент не обсуждает со своими советниками кризис системы соцобеспечения? Вчера фондовый рынок упал еще на пятьсот пунктов после известия о том, что Японский банк...

– Я этого не говорил. Пожалуйста, не надо мне ничего приписывать. Так. Я отвечу еще на один вопрос.

– Говорил ли он хоть с кем-нибудь о «добровольном восхождении»?

– Все, брифинг окончен. Спасибо всем. Желаю хорошего дня.

– Мне кажется, – заметил Терри, когда они с Касс смотрели это по C-SPAN, – что грань, отделяющая реальность от абсурда, в нашей стране исчезла. Наверно, это было неизбежно – к этому шло.

– Не знаю, – сказала Касс. – Дело, по-моему, в том, что людям надоело слушать все те же враки.

– Да. И они хотят слушать новые враки.

– Разве я вру?

Терри уставился на ученицу.

– Так, похоже, ты попала на свою собственную удочку. Я, между прочим, тебя предупреждал.

– Да ладно тебе. Я это сделала. Положила предложение на стол. И, само собой, о нем говорят.

– Ну-ну.

– В воскресенье я буду выступать во «Встрече с прессой».

– Ну что же. Очень хорошо. Кого еще они позвали?

– Директора управления по бюджету и менеджменту. И Гидеона Пейна.

– Белый дом, похоже, здорово разъярился, раз выставил директора УБМ. Он отмахнется от тебя как от дурочки.

– А я ему скажу: «Вы берете в долг у зарубежных банков два миллиарда в день – вернее, брали, пока они давали, – и *меня* считаете дурочкой? Хорошо, какое решение *вы* предлагаете? Заставить молодежь расплачиваться за тридцать лет безудержных трат?» Я скажу ему: «Постойте, дружок. Вы финансовый директор локомотива, который на всех парах несется к пропасти, кругом землетрясение, пламя...»

– Слишком налегаешь на метафоры.

– Может быть. По барабану. Так или иначе – этот поезд потерял управление. Белый дом заговорил о контроле над зарплатой и ценами. Они в панике!

– Они, кроме того, дали утечку, что это не их идея была тебя отпустить. На твоём месте я бы не стал слишком уж их дразнить. И берегись Пейна.

– Пейна? Это же просто очередной протестантский проповедник на стероидах.

– Правило первое: не ловись на свою собственную удочку. Правило второе: нельзя недооценивать противника! Гидеон Пейн не стал бы «мистером Жизнь», если бы он был идиотом.

Касс на секунду-другую задумалась.

– Он что, действительно убил свою мать?

– Так говорят. Почему бы тебе не спросить его в прямом эфире? Хорошее начало для содержательного диалога.

Зазвонил мобильный телефон Касс.

– Мисс Девайн? С вами хочет поговорить сенатор Джепперсон.

– Так-так. Привет, сенатор.

– Касс! «Добровольное восхождение» – это супер! Лучший эвфемизм, какой я слышал, после «этнических чисток». Мне дико нравится! Я в первую же секунду понял, что это находка.

– Ранди, – холодно проговорила Касс, – когда я вам представила эту идею, вы, можно сказать, вышвырнули меня вон.

– Милая моя, я спешил на заседание комитета. По поводу этой идиотской монорельсовой, которую мой почтенный коллега хочет проложить через Аляску. Кто-то должен постоять за северного оленя. Теперь слушайте. Слушайте внимательно. Торжественно заявляю: я хочу внести законопроект.

– О спасении северного оленя?

– К дьяволу оленя! Нет, дитя мое. О «добровольном восхождении». Это крупное,

смелое начинание, и я буду биться за него насмерть. Простите – вышло что-то вроде каламбура. Мы оба, конечно, понимаем, что шансов у этой затеи не больше, чем у сосульки в дантовском пекле. Отличнейшее *reductio ad absurdum*.⁵¹ Политический вариант атаки Пиккета.⁵² Мы, наверно, сгорим дотла – зато про нас напишут баллады. Как мне это нравится!

– И вы хотите сгореть дотла?

– Честно?

– Ранди, почему-то меня передергивает, когда я слышу от вас слово «честно».

– Не будьте слишком строги ко мне, Кассандра. Я же инвалид.

– Ну, не надо, Ранди.

– Я хочу внести законопроект по той же причине, по какой вы выдвинули идею. Чтобы *поднять волну*. Чтобы трусливые лисы из Белого дома обделались от страха. Я собираюсь внести его вместе с Роном Фандерманком – младшим сенатором от славного штата Орегон. Вы ведь знаете, как обстоят дела в Орегоне. Этот штат гордо заявляет: «У нас содействуют самоубийцам!»⁵³

– Не пропустите в это воскресенье «Встречу с прессой», – сказала Касс. – Там со мной будет Гидеон Пейн.

– Мерзкий гаденыш. Вы знаете, что его предок застрелил моего предка?

– Что?

– Во время гражданской войны.

– Седжвика?

– Умница. Седжвик был замечательный вояка и, судя по отзывам, вообще хороший парень. Отличился во всех сражениях: Антиетам, битва в Глуши, Геттисберг. Шла подготовка к большому сражению при Спотсильвании. Он инспектировал артиллерийские позиции северян. Со стороны конфедератов стреляли снайперы. Офицеры нервничали и советовали ему укрыться. Он сказал: «С такого расстояния они в слона не попадут». Его последние слова. Говорят, что снайпер, который его уколошил, – предок Гидеона Пейна. Дайте ему от моего имени хорошенько по орехам, ладно?

«Встреча с прессой» – это была самая ранняя утренняя воскресная политическая программа. Ее вступительную музыкальную тему исполняли трубы и литавры, создавая ощущение мощной, сотрясающей землю торжественности, как будто вот-вот поднимется некий электронный занавес и за ним возникнут председатель Верховного суда, премьер-министр и Римский Папа.

Вел передачу добродушный и румяный Глен Уоддоуз. В молодости он был монахом-бенедиктинцем, затем при не вполне ясных обстоятельствах оставил орден, после чего сделался спичрайтером губернатора штата Нью-Йорк, а в конце концов и его главным помощником. Баллотировался в конгресс, просидел там два срока и, имея на содержании жену и восьмерых детей (католиком он, судя по всему, остался), согласился возглавить службу новостей телеканала и впоследствии забрал себе «Встречу с прессой», чьим девизом было: «С 1955 года. Мы важней, чем те, кого приглашаем».

За жизнерадостной внешностью и розовым лицом Уоддоуза таился ум, вооруженный стальными кулаками, ножом и дубинкой. Все помнили, как он пустил под откос

⁵¹ Доведение до нелепости (*лат.*).

⁵² Атака Пиккета – отчаянная и неудачная атака конфедератов во время битвы при Геттисберге 3 июля 1863 г.

⁵³ В 1997 г. в штате Орегон был принят закон, разрешающий в некоторых случаях самоубийство неизлечимых больных с помощью врачей.

президентскую кампанию сенатора Рута Холлингса, спросив его: «Сенатор, при всем моем к вам уважении, почему вы решили, что такой человек, как вы, имеет право баллотироваться в президенты?»

Касс пришла подготовленная. И тем не менее, пока она сидела в комнате ожидания, ладони у нее были потные и в груди было тесно.

В двух других углах комнаты, поглядывая на Касс с едва скрываемым презрением, сидели Гидеон Пейн и директор управления Белого дома по бюджету и менеджменту.

Они вели между собой учтивый разговор – главной их целью при этом было отделить себя от нее. Директор УБМ делал вид, будто ему очень интересно, какой колледж закончил Гидеон Пейн. Гидеон, со своей стороны, делал вид, что не замечает лесты в свой адрес. Как говорится, самое лестное в лесты то, что тебя посчитали достойным лесты. Гидеон не сомневался, что достоин ее, и принимал лесть как должное. Он был невысокий, упитанный, элегантный мужчина под пятьдесят. Волосы у него были гладко зачесаны назад, он источал теплый гвоздичный запах французского одеколона, носил аккуратно подстриженную бородку, опирался на трость с серебряным набалдашником и одевался в сшитые на заказ костюмы от лондонской фирмы «Гивз-энд-Хокс».

До Касс долетели его слова: «Как я сказал президенту неделю назад...» Ей пришло в голову, что перебить эту карту можно только одним способом – заявить: «Как я сказала президенту сегодня утром в постели...» Не имея на руках такого козыря, директор УБМ только кивал и прикидывался, что на него производит сильное впечатление близость Пейна к вершинам «Олимпа на Потомаке».

Потом говорящие шепотом ассистенты ввели их в очень холодную студию и оснастили микрофонами. Гримерша промокнула им лбы – хотя вспотеть при этой почти арктической температуре было мудрено.

Явлению Уоддоуза предшествовала суэта персонала в наушниках. Ведущий был весь сплошная улыбка – ни дать ни взять пятидесятилетний алтарный мальчик, который только что хлебнул священного вина из заветной чаши. Улыбаясь ему в ответ, Касс постаралась не переборщить – боялась, что челюсти так и смерзнутся в улыбке.

Пять, четыре, три... Зазвучали трубы, несколько раз сумрачно, важно ударили литавры.

– Экономическое бедствие... – произнес ведущий вступительные слова, пока шли смонтированные кадры с угнетенными лицами игроков на фондовой бирже. – Выходящие на пенсию бэби-бумеры провоцируют кризис системы соцобеспечения... – На экране седовласые пенсионеры в гольф-карах пытаются спастись бегством от юнцов, взбудораженных призывами Касс. – ...а рассерженная молодежь заявляет, что не намерена больше ее оплачивать... Зарубежные банки отказываются продолжать финансирование американских долгов. – На экране японские спекулянты валютой яростно мотают головами. – Не достигли ли мы наконец той точки опрокидывания, которую некоторые называют «днем бумеранга»? На сегодняшнюю «Встречу с прессой» мы пригласили...

Терри был прав. Для директора УБМ, получившего слово первым, Касс была неприятным насекомым, которое попало на обширное ветровое стекло Дяди Сэма и должно просто-напросто быть убрано, причем по возможности без остановки автомобиля.

Касс терпеливо и вежливо возразила ему: молодое поколение очень хочет услышать о каком-нибудь ином решении, которое избавило бы его от необходимости платить за излишества предыдущих. Директор заявил, что Белый дом отважно «рассматривает вопрос» о назначении «президентской комиссии из специалистов высшего уровня» для «изучения проблемы». Касс – по-прежнему вежливо – сказала: это все равно что, находясь в неуправляемо мчащемся поезде, составлять комиссию из пассажиров для «изучения проблемы остановки локомотива во избежание падения в пропасть». Случись *такое*, хмыкнул директор УБМ со всем своим гарвардским высокомерием, трудно ожидать, чтобы «незрелая сотрудница пиар-агентства» смогла разобраться в управлении сложно устроенным локомотивом. В нем так много движущихся частей... В таком примерно духе продолжалось до тех пор, пока Гидеон Пейн, недовольный своей выключенностью из боевых действий, не

бросился в атаку.

– Могу я – вы позволите – вклиниться?

– Прошу вас, – сказал Уоддоуз.

– В фамилии мисс Девайн мне слышится ирония. Потому что ее план уничтожения почтенных старцев Америки, составляющих священное достояние страны, поистине демоничен.

– По крайней мере, – улыбнулась Кассандра, – я готова предоставить *своей* матери выбор, жить ей или умирать.

По всей стране пятнадцать миллионов зрителей так и обмерли.

Глава 14

Нападение Касс на Гидеона Пейна вернуло ее на первые страницы ведущих газет, где она, впрочем, отсутствовала недолго. Кроме того, оно перевело Гидеоново прошлое, о котором мало кто, впрочем, совсем забыл, в разряд настоящего. Дело было довольно-таки щекотливое.

Прапрапрадедушка Гидеона действительно был тем снайпером-южанином, что всадил в 1864 году в прапрапрадедушку Ранди пулю Минье калибра 0,55. Генерал Седжвик считался одним из лучших военачальников северян и любимцем генерала Гранта, и потому предка Гидеона за отменную меткость наградили золотыми именными часами и сотней долларов.

После войны он на эти деньги купил в Алабаме сто акров леса и старую лесопилку (в 1865 году цены были низкие). Он работал в поте лица, преуспел, передал дело сыновьям, и за полвека достояние семьи возросло до десяти тысяч акров строевого леса в южных штатах, плюс лесопилки и бумажные фабрики. Был период, когда все фишки для игры в скребл, все палочки для осмотра горла, а также палочки для мороженого в США изготовлялись из пейновской сосны. Пейны, кроме того, делали недорогие гробы.

Отец Гидеона был добродушный толстяк, предпочитавший заботам о семейном бизнесе сидение на веранде со стаканом мятного джулепа. Гидеона, который родился полненьким и остался таковым, он любил, бесконечно качал на коленях и развлекал вымышленными историями о деяниях мифических предков, отличившихся, как подлинный предок, на поле боя. Его жену, мать Гидеона, звали Кассиопея Идалия Клопп, и в девичестве она с нетерпением ждала замужества, когда можно будет сменить фамилию. Она сильно отличалась от супруга: была высокая, статная, красивая и злая («Уродилась злючкой, – часто повторял отец, – и так, наверно, злючкой и помрет»).

Доходы ее семьи уменьшались, и, твердо намеренная избежать бедности, она, познакомившись с будущим супругом на скачках в Камдене, Южная Каролина, остановила на нем свой выбор. Соблазнить добродушного, толстенького, ленивого ценителя радостей жизни не так уж трудно. Всего-навсего надо взять его за руку и отвести сначала на поляну, поросшую лотосом, а потом, пока бедное животное еще не опомнилось, к алтарю. Она проделала это весьма эффективно и в должные сроки произвела на свет наследника по имени Гидеон и нескольких малозначащих дочек.

Она надеялась, что сын вырастет настоящим южанином, ненавидящим янки, мужественным, красивым, хорошим наездником и в меру трезвенником. Гидеон не обладал ни одним из этих качеств, кроме последнего. В детстве его любимой книжкой была «Бык Фердинанд» – история об испанском быке, который не хотел биться на арене и предпочитал сидеть в одиночестве на лугу и нюхать цветы. Большой радостью для него, что странно для мальчика его поколения (и к тому же из богатой семьи), было чтение Библии. Началось это в пятилетнем возрасте, когда отец, держа его на коленях, прочел ему из Книги судей – глава 6, стих 11:

– «И пришел Ангел Господень, и сел в Офре под дубом, *принадлежащим...* – (отец так произносил слова, непонятно почему выделенные в версии короля Якова курсивом, что

Гидеон хихикал), – ...сын его, Гедеон, выколачивал тогда пшеницу в точиле, чтобы скрыться от Маданитян».

Гидеона это подкупило. Ведь приятно же увидеть свое имя в книге, которая есть у всех.

Его отец умер, когда ему было двенадцать. Когда осиротевший ребенок спросил свою не слишком-то горюющую мать, что свело отца в могилу (он умер от сердечного приступа), она ответила: «То, что он без конца ел и пил и рассиживал на *веранде*». Словам сопутствовал ледяной взгляд, подразумевавший, что сын каким-то образом соучаствовал в гибели отца. И на этом окончился рай для юного Гидеона.

Несколько недель спустя она протянула ему ружье со словами: «Пришло время тебе подстрелить что-нибудь». Гидеон пришел в ужас. Хныча, он отправился на охоту в сопровождении работника с плантации, получив строгий наказ не возвращаться без добычи.

Старый цветной работник (в ту пору слово «цветной» еще было в ходу) пожалел несчастного мальчонку и убил опоссума. Потом он торжественно объявил недоверчивой Кассиопее, что ее сын верным выстрелом снял зверька с верхней ветки черничного дерева у ручья.

После этого не одну неделю Кассиопея за столом перед гостями называла сына не иначе как «наш маленький Ли Харви Освальд».⁵⁴ Вскоре она отправила Гидеона в штат Миссисипи, в военную академию, где телосложением и нравом он сильно отличался от учившихся там юных дикарей. Его мучения были огромны. Держа за ноги, его опускали за окно, его голову погружали в унитаз. Знание Библии сделало его посмешищем, и он получил прозвище «проповедничек». Однажды он сбежал. Героическим этот поступок не назовешь, ибо нашли Гидеона очень быстро – нашли в городе у киоска уплетающим громадную порцию мороженого с фруктами и орехами. Но он наотрез отказался возвращаться в эту, как он выразился, «мерзость запустения». Волей-неволей Кассиопее пришлось его забрать. Однако она не отступилась от намерения сделать из него мужчину.

С этой целью она заставила его работать в ночную смену на бумажной фабрике Пейнов на реке Кусумахатчи. В те доэнвайронменталистские дни на бумажных фабриках отвратительно пахло тухлыми яйцами, серой и рвотой. Гидеона ужасала сама мысль о пребывании в этом зловонном аду. Он умолял об отсрочке, но Кассиопея и слышать ничего не хотела.

В довершение Гидеоновых несчастий она распорядилась, чтобы он ездил вечером на работу на машине с шофером. При виде нашего толстенького Фаунтлероя, вылезавшего из черного «линкольна», рабочие хихикали и порой даже выкрикивали что-то издевательское. Гидеон был унижен, но твердо намеревался показать, что внутри, под слоем жирка, у него есть сталь.

Прежде чем уехать из дому в «линкольне», он всякий раз смачивал носовой платок одеколоном (Eau de Joie). Когда вонь становилась невыносима, он прикладывал платок к измученным ноздрям. Это вызывало еще более громкие насмешки, и Гидеона прозвали на фабрике Розой Кусумахатчи.

Гидеон держался стойко, как персонаж с тяжелой судьбой из стихотворения Эдвина Арлингтона Робинсона.⁵⁵ Схватывал он быстро, и вскоре его повысили до помощника мастера ночной смены. Прошло несколько лет – и случилось то, что потом так и называли: «инцидент».

Кассиопея, истая южная дама своего поколения, любила, чтобы в воскресенье во второй половине дня ее возили на автомобильную прогулку. Обязанность шофера она возлагала на Гидеона, которому было теперь семнадцать. После воскресного обеда (по-северному – ланча) они отправлялись вдвоем на ее «кадиллаке-эльдорадо» выпуска 1955

⁵⁴ Ли Харви Освальд (1939–1963) – согласно общепринятой версии, убийца президента Кеннеди.

⁵⁵ Эдвин Арлингтон Робинсон (1869–1935) – американский поэт.

года с открывающимся верхом и красной кожаной отделкой салона. Она сидела сзади в белых перчатках, держа над собой парасольку и на матриархальный манер помахивая фермерам и рабочим поместья. Кульминацией этих прогулок традиционно был выезд на высокое место над рекой Кусумахатчи, откуда открывался красивый вид на лесные уголья Пейнов.

Рассказ рыдающего Гидеона шерифу округа Пейн сводился к следующему. Остановив «кадиллак», как всегда, над песчаным обрывом, он поставил его на парковочный тормоз и вышел по срочной нужде. Справляя нужду, он, по его словам, услышал «ужасающий звук». Повернулся и увидел, что «кадиллак» катится к обрыву. На заднем сиденье Кассиопея, вылупив глаза, орала благим матом. Он побежал (сказал – «бросился со всех ног»), чтобы остановить машину, но не успел. Она рухнула с высоты триста футов. То, как Гидеон имитировал грохот падения, все слышавшие называли шедевром звукоподражания.

Оставался один-единственный вопрос: правду ли он говорит?

Дознание ни к какому выводу не пришло, хотя в заключении осторожно допускалась возможность «злого умысла». Явных улик не было. Окружной прокурор обвинения не выдвигал. Скандала не хотел никто. Неубедительное объяснение Гидеона было – с коллективным закатыванием глаз – принято, и вопрос вроде бы сочли исчерпанным.

Но на самом деле он отнюдь не был исчерпан. Да, Кассиопея не пользовалась в округе Пейн особой любовью, и о ее жестокости к Гидеону все хорошо знали. Тем не менее убивать матерей в приличных южных семьях было как-то не принято. На Севере – может быть, но не здесь.

Год спустя на правах совершеннолетнего Гидеон покинул родовое гнездо – говорили, и взгляда назад не бросил. Свою долю в «Пейн энтерпрайзез» он продал, что сделало его довольно-таки состоятельным. Поступил в богословскую семинарию, где добился особых успехов в церковном красноречии. Проповедовал главным образом людям пожилым (чувство вины, поговаривали на родине). Однажды он познакомился с владельцем дома престарелых близ Мемфиса. Финансовые дела там были плохи. Гидеон вошел в долю, потом выкупил дом и, проявляя наследственную деловую хватку, сделал предприятие прибыльным. Потом купил еще несколько таких домов, их тоже заставил приносить доход. Годам к тридцати пяти он уже стал обладателем большей части акций корпорации «Тихая гавань», которая владела или управляла почти сотней домов престарелых по всей стране. Ее девиз гласил: «Не рай, но...» В округе Пейн качали головами, но должны были признать, что раскаяние получилось масштабное – и притом не без выгоды.

Проповедническая деятельность Гидеона расширялась вместе с его бизнесом. Он стал агитатором за жизнь не только для престарелых, но и для нерожденных. Приглашенный выступить на митинге против аборт в центре Вашингтона, он, стуча кулаком по кафедре, произнес впечатляющую речь, напомнив многим молодого Билли Грэма. Одна газета назвала его «белым Элом Шарптоном».⁵⁶ Последовали новые приглашения, и очень скоро он стал лидером всех протестантов, ратующих за запрещение абортов. Он основал Общество защиты всех рибонуклеиновых молекул (Society for the Protection of Every Ribonucleic Molecule, сокращенно – SPERM). Вскоре Общество превратилось в признанный авангард «защитников жизни». Открылась где-нибудь клиника абортов – SPERM тут как тут с протестами. Гидеон выступал и против исследований стволовых клеток. Если родственники какого-нибудь коматозного «овоща», перенесшего смерть мозга, выражали желание отключить аппаратуру – SPERM опять-таки был тут как тут с судебным предписанием ничего не отключать и толпой завывающих, настырных конгрессменов. Если конгресс какого-нибудь штата принимал к рассмотрению законопроект о возможности самоубийства с помощью врачей, Гидеон приезжал лично, чтобы осудить инициативу со ступеней законодательного собрания.

⁵⁶ Билли Грэм (род. в 1918 г.) и Эл Шарптон (род. в 1954 г.) – американские баптистские проповедники (Шарптон – чернокожий).

Вскоре Гидеона прозвали «мистером Жизнь».

Из-за этого, как и из-за «Тихой гавани», он вдобавок стал «мистером Бобло». Он был одной из важных персон национального капитала, человеком, с которым заигрывали президенты и потенциальные президенты. Время от времени какой-нибудь неосторожный всезнайка-журналист позволял себе намекнуть на «инцидент», но хуже от этого становилось только самому всезнайке. Расплата была верной и быстрой. Всезнайку громили в пух и прах с кафедр по всей стране. Но чувствительней всего было то, что обнаглевшую газету, радиостанцию или веб-сайт начинали обходить стороной рекламодатели. Из-за всего этого высказывание Касс во «Встрече с прессой» следовало считать не просто колкостью, но официальным объявлением войны.

– Ты бы еще нож вытащила да по горлу ему чикнула, – качал головой Терри. – Где, интересно, ты научилась этому стилю полемики? Из телеуроков припечатывания к коврику под эгидой Всемирной борцовской федерации?

– На чьей, собственно, ты стороне? – спросила Касс. – Он обвинил меня в демонизме.

– Он всех в этом обвиняет.

– Кто как, а я не намерена ничего такого терпеть со стороны этого зажаренного по южному рецепту денежного мешка, который грохнул с обрыва собственную мать. Чего ради я буду тушеваться перед этим дерьмом?

– Касс, Касс... Перед «этим дерьмом» тушуются кандидаты в члены Верховного суда. Перед ним тушуются мощные корпорации. Такие, между прочим, с которыми наше агентство очень не прочь было бы работать. Перед «этим дерьмом» тушуются президенты...

– Я не собираюсь идти в президенты. В Верховный суд тоже. В общем, мне по барабану. Главное – мы обратили на себя его внимание.

– Ну, в этом, – фыркнул Терри, – ты права. Его внимание мы точно на себя обратили. Ты теперь, наверно, номер первый в черном списке Гидеона Пейна.

– Вот и замечательно.

– *Пожалуйста*, не говори так. Это очень плохая карма. Бог может услышать.

– Если Гидеон Пейн – орудие Бога на нашей планете, я лечу на Марс.

Зазвонил телефон. Это был младший сенатор от славного штата Массачусетс Рандольф К. Джепперсон.

– Звоню, чтобы поблагодарить вас.

– За что?

– Я просил вас дать хорошенько этому надутому гелием ханже по яйцам. А вы совсем их оттяпали. Bravo!

– Я не для вас это сделала, – сказала Касс несколько запальчиво. – Он обвинил меня в демонизме.

– О, господи, да кого он в этом не обвиняет. Так или иначе, с вашей стороны это был блеск. Блеск. Люблю вас. Идите за меня замуж. Между прочим, у меня для вас тоже есть новость. Пока вы отвешивали оплеухи его преподобию Пейну, я работал в поте лица, чтобы превратить наше «скромное предложение» в закон. Я подал идею совместно выдвинуть законопроект о добровольном восхождении достопочтенному младшему сенатору от Орегона Рону Фандерманку. В первый момент он сделался бледный как мел. Я испугался было, что он лишится чувств. Но я ему растолковал, что это *мета* политический прием. Затравка, так сказать. Философский способ дать начало горячим дискуссиям на эту тему, которые со временем непременно приведут к реформе не столь, скажем так, драконовского типа. После чего его лицо опять зарумянилось. Он просек! Люблю орегонцев, честно вам скажу. Передовые ребята! Он парень образованный, изучал в колледже философию. Его избиратели поймут все правильно. Он ведь представляет штат, который смерть как хочет совершить самоубийство. Он сразу соображает, что к чему, когда видит перед собой дивный новый мир.

Итак, Маленькая мисс Счастье,⁵⁷ сообщаю вам, что он обещал поддержать меня при выдвижении нашего законопроекта.

При слове «нашего» Касс на секунду призадумалась, но в целом должна была признать, что новость внушает оптимизм.

Глава 15

– Уважаемый председатель! – начал Рандольф К.Джепперсон свою историческую речь в сенате. – Я хочу внести исключительно важный и неотложный законопроект.

Временный председатель сената сонно кивнул и вновь погрузился в головоломку судoko.

Парламентские корреспонденты в Вашингтоне и по всей стране смотрели единым коллективным оком по каналу C-SPAN, счастливо освобождаяшему их от физического присутствия при внесении судьбоносных законопроектов.

– Вместе с моим уважаемым и многознающим коллегой из славного штата Орегон мы вносим сегодня законопроект S.322 «О добровольном восхождении». Этот законопроект возник на фоне глубокого общенационального экономического кризиса, когда семьдесят семь миллионов – да, уважаемый председатель, *семьдесят семь миллионов* представителей поколения «бэби-бума» начали выходить на пенсию, опустошая государственную казну и сея панику на Уолл-стрит. В случае принятия закона «О добровольном восхождении», который, я верю, наряду с Актом тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года о гражданских правах и недавним Актом о монорельсовой транспортной системе на Аляске займет достойное место в историческом пантеоне законодательства, американцы старшего возраста получают возможность *вернуть долг* стране. И тем самым помочь своим детям и детям их детей построить более совершенный мир.

Уважаемый председатель! Я прекрасно понимаю, что на первый взгляд этот законопроект предлагает для лечения наших тяжелых финансовых болезней отчаянное средство. Но вспомните, как бывший депутат этого самого законодательного органа, беря на себя бремя лидера нашей великой нации в час великой опасности, сказал: «Не спрашивай, что страна может сделать для тебя...»⁵⁸

Уважаемый председатель! Поколение, предшествовавшее моему, назвали величайшим. Рожденные в годы Депрессии, закалившиеся в огне Второй мировой, эти люди заслужили такое имя. Следующее поколение – *мое* поколение для меня и для многих моих уважаемых коллег – стало поколением счастливицков. Почему? Благодаря жертвам, принесенным нашими отцами и матерями, дядями и тетями, дедушками и бабушками. Вместе с тем нельзя сказать, что мое поколение сидело сложа руки. Да, мы не участвовали в великой войне и не пережили Депрессию. Но свой вклад мы внесли. Мы добились успехов в науке, в искусстве, в технике. И некоторые из нас все же отличились в бою – пусть не на великих войнах, но тем не менее это были войны. Иные были ранены на далеких полях сражений...

– Я тебя умоляю, – пробормотал, печатая, корреспондент «Вашингтон пост». – Ты заехал на минное поле, чтобы перепихнуться.

– ...участвуя в военных кампаниях, не похожих на великие войны, где бились наши отцы и деды. Но все-таки война есть война.

Благодаря достижениям моего поколения люди по всему свету могут найти приличный кофе практически на каждом углу. Могут посылать электронные письма. Общаться

⁵⁷ «Маленькая мисс Счастье» – американский фильм (2006) о поездке семилетней девочки на конкурс красоты.

⁵⁸ Продолжение: «...спроси, что ты можешь сделать для страны». Из инаугурационной речи Джона Ф.Кеннеди (1961).

посредством чатов. Работать на ноутбуках. Нет, уважаемый председатель, мы не били баклуши. Но наши достижения сильно уступают подвигам наших предшественников. И сейчас, уважаемый председатель, для нас не на шутку, а всерьез – на деле, а не на словах – пришло время отдать долг – отдать его *нашим* детям. Принести последнюю жертву. Отдать наши жизни, чтобы те, кто придет после нас, не попали в паутину, не увязли в бескрайней трясине финансовой кабалы и нищеты. Это, уважаемый председатель, – воистину самое малое, что мы можем сделать для родины.

Касс и Терри слушали речь Ранди по телевизору в офисе Таккера.

- Ничего, – заметил Терри. – Немножко под Кеннеди, но все-таки очень даже ничего.
- Надо отдать ему должное, – сказала Касс. – Карты на стол он выложил.
- Его распнут ко всем чертям.
- Да, – согласилась Касс, – но у Ранди есть способность на третьи сутки воскреснуть.

Гидеон Пейн тоже слушал. Помощники дали ему знать, что транслируется речь, имеющая первостепенное значение для тех, кто лоббирует жизнь. Он смотрел с бесстрастным видом, поглаживая аккуратную бородку. По его лицу нефтяной пленкой расплзалась улыбка. *Как Ты милостив, Господи, как Ты щедр*, думал Гидеон. *Вот она, манна небесная, и под сладким соусом к тому же.*

Ему чудесный сон снится – или на самом деле сенатор США только что предложил по национальному телеканалу *массовое самоубийство* как средство борьбы с дефицитом?

Он потянул себя за бороденку, чтобы проверить, сон это или не сон. Нет, волосы под мягкими пальцами ощущались как вполне реальные. Это было взаправду. Низко-низко свесившийся плод райского сада. С трудом верилось такому счастью. Гидеон и сам не сумел бы создать такую плодоносную в смысле сбора средств ситуацию. Он сложил руки на пухлом животике. Перевел взгляд на телефон. Молча принялся считать. *Раз, два, три...*

Он дошел только до четырнадцати, когда пошли звонки – первая линия, вторая, третья, потом все десять линий, прелестные зеленые огоньки, полные шума и ярости, означающие... деньги.⁵⁹

Бакки Трамбл вошел в Овальный кабинет, не утруждая себя стуком. Дыша чуточку учащенно, объявил:

– Джепперсон только что внес в сенат законопроект, предлагающий старикам самоубийство в обмен на налоговые льготы. Та же самая схема «восхождения» Девайн, но оформленная юридически. И он заручился поддержкой Фандерманка.

Президент Пичем едва поднял от стола голову.

– Самоубийцы здесь – Джепперсон и Фандерманк. Как мы будем без них жить – ума не приложу. Идея просто мудацкая.

– Я в этом не уверен, мистер Пичем.

– Почему еще?

– Потому, сэр, что Белый дом получает в поддержку этой «мудацкой идеи» так много писем, что серверы еле дышат. Коммутатор тоже трещит по швам.

Президент Пичем наконец удостоил Бакки взглядом.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Большею частью молодежь до тридцати. Многое порождено блогот Девайн. Так или иначе, настроены они очень даже воинственно. Надо в этом разобраться. Мы мониторим

⁵⁹ Аллюзия на монолог Макбета («Макбет», акт V, сцена 5):

«Жизнь... – история, рассказанная дураком, полная шума и ярости, ничего не означающая».

ситуацию. – Бакки ходил кругами и говорил взволнованно. – Надо разобраться. Капитолием у меня занимается Сид Фиддич, посмотрим, что он...

– Да постой ты на месте, ради Христа. У меня голова из-за тебя кружится. Хочешь размяться – вали отсюда в спортзал.

– Это куча неприятностей. Очень большая вонючая куча. Рейтинг у нас и так никуда. К ноябрьским выборам нам позарез нужны будут те, кому от восемнадцати до тридцати. При этом вы не можете... нам *никоим образом* нельзя поддерживать законопроект о самоубийстве. Без разницы, насколько тяжелый у нас кризис. Между тем *ее* популярность это повысит черт знает как. Ведь всем известно, что это *ее* идея.

– Иначе говоря...

– Иначе говоря, мистер Пичем, арестовывать *ее* по новой сейчас уже поздно.

Последнему Бакки Грамбл был вообще-то рад. Ему совершенно не улыбалось подкупать высшее должностное лицо в органах правопорядка страны, побуждая его нарушить закон в обмен на сомнительную перспективу назначения в Верховный суд после избрания президента на второй срок, которое в настоящий момент было, мягко говоря, под вопросом.

Президент испустил могучий вздох разочарования.

– Ну, значит, что будет, то будет. Свалим все на Фреда. Если придут по нашу душу, просто разведешь руками и скажешь: «Да я понятия не имел, что она дочь Фрэнка Коуэна! И президент не имел понятия». – Он побарабанил по столу пальцами. – Но какого хрена Джепперсон вносит этот говенный законопроект?

– Такого хрена, чтобы нам сделать хуже. Это способ представить нас в плохом свете. Как администрацию, которая не реформирует систему соцобеспечения.

– Иисус Христос на палке-скакалке! Реформировать соцобеспечение не может никто! Это неосуществимо. Точка.

– Попробуйте объясните это двадцатилетним. Попробуйте объясните Джепперсону. Он просто из кожи лезет. Я думаю, он будет бороться с нами за то, чтобы стать кандидатом в президенты от нашей партии.

– Рандольф Джепперсон? Он у меня так быстро полетит через реку Чарльз, что его аристократический галстук-бабочка завернется пропеллером.

– Вы его недооцениваете. Он только кажется богатеньким избалованным мальчуганом – на самом деле подлюга из подлюг. Помните, как он разобрался с несчастным Смизерсом? И богат притом, да. Жутко богат.

– Очень я испугался этого красавчика-мерзавчика. Да я оторву его ножной протез и изметелю им гада до смерти. В прямом эфире национального телевидения.

– Что наверняка принесет нам голоса инвалидов. В общем, мистер президент, нам надо как-то это решать. Посмотрим, как повернется ситуация. Знаете, кого хорошо бы иметь на нашей стороне? Гидеона Пейна.

– Господи Иисусе. Даже не...

– Выслушайте меня...

– К дьяволу его, Бакки. Когда этот пузырь с козлиной бороденкой был у меня в прошлый раз, он добрых пятнадцать минут читал мне – мне! – лекцию о том, что я должен вмешаться в это овощное дело в Джорджии. Христос в холодильнике! Эта женщина пролежала в коме пятнадцать лет. Энцефалограмма у нее была более спокойная, чем у трехтысячелетней египетской мумии. А он хотел, чтобы я издал распоряжение подключить ее обратно! Кто, я вас спрашиваю, назначил этого засранца Гидеона Пейна совестью нации? Он ведь, кажется, угробил свою мамашу, было такое дело?

– Мне лично, мистер президент, на него чихать, но он у нас, как ни верти, мистер Жизнь. Надо сделать его союзником. По крайней мере, не делать его врагом. Помните правило Крестного отца? Держи друзей близко, врагов – еще ближе.

– Черт тебя возьми, Бакки, всякий раз, как ты мне это повторяешь, это значит, что ты собираешься привести какого-нибудь мудака и заставить меня лизать ему задницу. А я,

между прочим, президент Соединенных Штатов! Это мою задницу все должны лизать! Иначе какой, к чертовой матери, толк от этого президентства? А мою жопу так давно не лизали, что я начал забывать, где она находится.

– Полегчало, сэр?

– Да! – рявкнул президент Пичем. – И без того было легче некуда.

– Тогда, может быть, на три часа дня его? На сегодня?

– А ну вали отсюда к чертовой матери!

Бакки Трамбл не пошевелился.

– Ладно, хрен с тобой. Приглашай этого мудозвона. Буду, буду лизать ему задницу. Потом выйду на Пенсильвания-авеню и примусь лизать всем туристам. Господи Иисусе. Ну что за говенная работа...

– Спасибо, сэр, – сказал Бакки Трамбл и быстренько вышел.

Из кабинета Фрэнка Коуэна в компании «Прикладные технологии страхового прогноза» открывался дивный прибрежный калифорнийский вид с избытком эвкалиптов и бурых водорослей.

В иные дни он слышал довольный рев морских львов, насытившихся кальмарами. Если не брать в расчет редких появлений большой белой акулы, им, морским львам, жилось хорошо. Ему самому, думал Фрэнк, жилось очень даже хорошо.

Он был на редкость целеустремленный человек, но иногда позволял себе вспомнить то давнее нелегкое время, когда он ушел из «Электрик боут» и начал работать над своим первым проектом. Казалось другим столетием. Да так оно и было – другое тысячелетие, уж если на то пошло.

Какое-то время Фрэнк испытывал сожаление – даже чувствовал себя немножко виноватым – из-за того, что тайком вложил деньги, взятые в кредит под вторичный залог дома, в свой проект. Но намерения-то у него были чистые: содержать семью. Это Элен надумала рвануть с детьми из дома и подать на развод. Ее решение. Он гробил себя работой ради нее, ради детей, а она повела себя так, словно конец света.

Он ощущал некое мстительное удовольствие из-за того, как в конце концов повернулись события. Если бы Элен подождала с разводом еще несколько месяцев, она была бы сейчас очень богатой женщиной. Не преподавала бы в школе в Нью-Лондоне и не полторы тысячи в месяц получала бы алиментов. Начальная стадия проекта продлилась дольше, чем планировали, – так всегда бывает, – но после того, как Фрэнк и двое его партнеров осуществили ай-пи-о, они распилили на троих приятную сумму в 540 миллионов.

Тебе следовало еще чуточку потерпеть, дорогая моя.

Поначалу у него было нехорошо на душе из-за Касс. Истратил ее йельские деньги... Это – да, давило на совесть. Хотя он ведь ей возместил. Более чем. Вернее – хотел возместить. Он подсчитал, какую долю акций компании обеспечили деньги, отложенные на ее обучение. Эти тридцать три тысячи выросли до двадцати семи миллионов. Он выписал чек и послал ей. *Двадцать семь миллионов долларов!* А она что сделала? Порвала чек на мелкие кусочки и отправила обратно. Материнские, девайновские гены. И для полноты картины – просто чтоб знал, каким дерьмом она его считает, – она официально сменила фамилию на девичью фамилию Элен. С того момента он, Фрэнк Коуэн, решил: *Все, Касси, мы в расчете.* Он не собирался до конца своих прекрасных дней убиваться из-за двух обозленных ирландок.

Теперь у Фрэнка имелась новая семья, которая, если честно, была лучше предыдущей. Намного лучше. Лиза, его вторая жена, была крепкая телом бывшая теннисистка, и, в отличие от рыхлой первой, она хотела заниматься сексом так часто и так подолгу, что он стал регулярно принимать таблетки для эрекции. Единственным минусом было то, что, стоило ему в течение дня подумать о чем-нибудь хоть чуточку эротическом, как взбаламученная железа реагировала подобно заведенному до упора «чертику в табакерке». Это было не вполне уместно, когда он, скажем, выступал с бодрой речью на ежегодном

собрании акционеров. Да, это, конечно, был минус. Но плюсы... ух-х-х-х!

Лиза, со вздохом думал он, явилась с довеском в виде Бойда, сына-тинейджера от предыдущего брака с этим идиотом ресторатором. Парень был, в общем, безобидный, хоть и не мастер складно разговаривать. Лиза вбила себе в голову, что ему сильно поможет, если отправить его в колледж на восток. В Калифорнии, заметил Фрэнк, «восток» был синонимом таких понятий, как «образование» или, по выражению Бойда, «учебная мутовень».

Фрэнк был обеими руками за то, чтобы отослать его за 2500 миль куда угодно – на север, юг, восток или запад. Лиза же заявила, что это должен быть Йель, и только Йель. Сам собой у него возник вопрос: неужели она вздумала это из-за Касс? В первый момент он расхохотался, что не очень понравилось второй миссис Фрэнк Коуэн. Он пояснил, что с такими оценками и результатами тестов шансы попасть в Йель у Бойда примерно такие же, как доплюнуть до луны.

Лиза смотрела на ситуацию по-иному, и Фрэнку Коуэну волей-неволей пришлось выполнить свое обещание построить Йелю новый футбольный стадион – хоть уже и ради другого кандидата на поступление. Клич йельских футбольных болельщиков – «Була-була». Черт его знает, какой у него смысл, но Фрэнку в нем слышалось: «Бобло-бобло».

Между тем Фрэнк внес и другие усовершенствования в свою жизнь. Его компания владела полудюжиной самолетов, и лично он только что приобрел изящную игрушку под названием «джавелин» – истребитель в гражданском варианте с максимальной скоростью 0,9 маха. По земле он ездил в «Энцо Феррари». У него имелись 275-футовая моторная яхта, совсем недавно появившаяся на обложке «Ежеквартального журнала вульгарных яхт», и новая двенадцатиметровая парусная яхта, которая под его командованием участвовала в испытаниях перед грядущей гонкой на Кубок Америки.

Его предыдущая двенадцатиметровая, экспериментальное чудо высоких технологий, оказалась все-таки слишком навороченной. Однажды в Тасмановом море при ветре в тридцать узлов и высоте волн полтора метра ее новаторски сконструированный полимерно-композитный корпус вдруг разлетелся на пять тысяч кусков. Три матроса утонули. Когда Фрэнка доставили на пристань, он опрометчиво бросил репортеру: «Теперь мне понадобятся три новых лба лебедки крутить».

Фраза секунд за десять облетела весь мир, спровоцировав журнал «Тайм» на публикацию о Фрэнке под заглавием «Спортсмен года», интернет упивался его бесчестьем. Когда он набрал в Google свою фамилию, первые десять тысяч упоминаний касались той неудачной реплики. Зато она подтолкнула его к мозговому штурму.

Вернувшись домой, он созвал своих лучших программистов и дал им задание. За месяц они разработали программу, получившую название Антипаук™. Идея была так проста, что он удивлялся, почему она никому не пришла в голову раньше. Ты загружаешь программу и печатаешь слова для поиска. Например, тебя арестовали за пьяное вождение или пользование услугами проститутки, или, скажем, на странице сплетен напечатали твое фото, где ты кусаешь за ухо молоденькое создание в ночном клубе. Или Комиссия по ценным бумагам и биржам обвинила тебя в обмане акционеров. Ты печатаешь на компьютере свою фамилию наряду со словами «пьяное вождение», или «проститутка», или «ухо», или «финансовые махинации». Антипаук™ находит все соответствующие веб-ссылки и – *удаляет*. Просто. Гениально. Прибыльно. Антипаук™ принес компании Фрэнка бешеные деньги. Главными клиентами стали знаменитости и богачи, не отличавшиеся примерным поведением, а таких, ясное дело, множество. Печатая свою фамилию в сочетании со словами «лбы» и «лебедки», Фрэнк теперь получал ответ: «Искомая комбинация слов нигде не встречается».

Разумеется, в мире парусных гонок не забыли его грубое замечание, но теперь это были уже дела давние. А в «дивном новом мире» интернета то, чего не выдает Google, не существует. У Фрэнка была теперь новая яхта, и он намеревался оттащить на ней по полной во время гонки Кейптаун–Рио.

Этим приятным калифорнийским утром – а они в Калифорнии все приятные – Фрэнк смотрел новости в интернете.

Читая про законопроект о «добровольном восхождении» сенатора Джепперсона, он вдруг наткнулся на упоминание о Касс Девайн. Он подумал, что надо благодарить судьбу за разницу фамилий. Слава отца молодой женщины, ставшей символом движения погромщиков, никаких преимуществ не сулила. Афишировать родство Фрэнку не хотелось. Некоторые знали, что она его дочь, но при Фрэнке – и особенно при Лизе – об этом не заговаривали.

Лиза никогда не встречалась с Касс. Фрэнк как раз собирался предложить ей стать миссис Фрэнк Коуэн (версия 2.0), когда Касс подорвалась в Боснии на mine с конгрессменом Джепперсоном. Инцидент вызвал у Фрэнка смешанное чувство вины и тревоги – вины потому, что она попала туда из-за него, тревоги потому, что... неужели она *трахалась* с этим типом на минном поле? Довольно скоро вина и тревога сплелись в единое чувство раздражения из-за Касс. Ведь в остальном у него так хорошо все складывается: новая семья, богатство. Лиза тоже была раздражена, и со временем ее отношение к Касс приобрело температуру жидкого азота.

Однажды, вскоре после того, как они с Лизой поженились, Фрэнк упомянул о том, что Касс поменяла фамилию на Девайн. Лиза сказала в ответ, что Бойд с *гордостью* носил бы фамилию Коуэн.

Фрэнк, честно говоря, не питал к пасынку большой любви, но Лиза насаждала, и в конце концов он усыновил Бойда. Вначале, правда, велел своим юристам подкорректировать завещание.

Этим сияющим калифорнийским утром, глядя в окно на свое мирное царство и читая о событиях на Восточном побережье, он вдруг подумал, что идиотский законопроект Джепперсона и Касс может как-то повлиять на судьбу RIP⁶⁰ – его новейшей программной разработки.

Так в его компании неофициально называли программу, которая, если все пойдет по плану, должна была сделать Фрэнка Коуэна одним из богатейших людей планеты. По-настоящему она называлась СОВОК – Страховой Определитель Возрастных Ограничений Клиента. Из-за ее колоссальных возможностей о ней мало кто знал за пределами компании. Фрэнк вложил в нее приличную долю своих накоплений.

Суть была вот в чем. Параметры ДНК человека, его семейная история, история его душевного развития, сведения о его образе жизни, все мыслимые подробности – сколько раз в неделю он покупает продукты, как часто летает на самолетах, какие у него хобби, что он ест, пьет, сколько раз в месяц занимается сексом и с кем – все вплоть до цвета носков, которые он надевает утром, загоняется в компьютер. RIP затем проводит подсчет и выдает прогноз о том, когда и как он умрет. В ходе тестирования были использованы данные о тысячах людей, которые уже умерли. Программа предсказала их смерти с точностью 99,07 %. Она, например, предсказала смерть Элвиса Пресли – ошиблась только на четыре месяца. И впрямь убийственный софт!

Над подобными программами работали страховые компании. Вот была бы для них лафа, если бы они могли застраховать жизнь человека, который, как им известно, проживет еще сорок лет, и, наоборот, *отказаться* в страховке тому, кто, согласно предсказанию компьютера, откинёт копыта всего через два года!

Другой многообещающей сферой приложения были дома престарелых. Обычно они требовали, чтобы будущий обитатель в обмен на пожизненный уход передал им всю собственность. Он мог прожить два года или двадцать – это уж как выпадет. Но если заведение будет заранее знать, что Джон К. Смит помрет от сердечного приступа через два года и три месяца, смотря в вечерних новостях рекламу противогрибковой мази для ступней,

⁶⁰ От латинского *requiescat in pace* – покойся в мире. – Обычная надгробная надпись.

оно примет имущество в качестве предоплаты скорее от него, чем, скажем, от Джейн К.Джонс, которая, по прогнозу RIP, прокоптит небо еще двадцать пять лет и скончается в почтенном столетилетнем возрасте. Фрэнк уже начал переговоры с обширной национальной сетью домов престарелых под названием «Тихая гавань», где главным акционером был толстый малорослый противник абортгов Гидеон Пейн. Касс как раз уела его недавно в воскресной утренней телепрограмме. Как говорится, мир тесен. Между тем RIP продавали компаниям очень аккуратно. Высокая точность программы ни в каких документах отражена не была. В широком мире считалось, что это просто «вспомогательная программа для страхового бизнеса, позволяющая компаниям в определенных секторах рынка упрощать работу с документами».

И вот теперь сенатор США предложил сделать так, чтобы американцам позволили *самим* решать, когда они уйдут из жизни, – и, более того, чтобы правительство поощряло их уход. Радар Фрэнка уловил тревожный сигнал.

Фрэнк скачал в свой компьютер видеозапись речи Джепперсона и несколько минут послушал. Всмотрелся в лицо на экране. Смазливый. Немножко изнеженный, аристократичный. За сто шагов видно, что из денежной среды. Говорит довольно напыщенно – кем, собственно, он себя считает? Звучит как репетиция президентской инаугурационной речи. Внезапно в голове у Фрэнка мелькнуло: *И что, моя дочь трахается с этим типом?*

Во время одного из последних его нормальных разговоров с Касс за семейным кухонным столом она призналась ему, что еще девственница. Ей было всего восемнадцать. Потом она отправилась в армию, потом поссорилась с ним (заочно, когда узнала про деньги, взятые под залог дома), так что они еще ни разу не разговаривали как папа с дочкой о... мальчиках.

После боснийского инцидента были намеки в прессе: чем они там занимались на минном поле? Даже больше чем намеки. Чего стоил заголовок в одном таблоиде: ПОД ТОБОЙ ТОЖЕ КАЧНУЛАСЬ ЗЕМЛЯ, ДОРОГАЯ? Потом Касс стала работать у этого типа в Вашингтоне. Теперь он пропагандирует ее план, предусматривающий массовое самоубийство. Не может быть, чтобы она с ним не спала.

Он попытался отмахнуться от этой мысли, но почему-то разбирало любопытство.

Не может быть, чтобы...

У него, конечно, были возможности выяснить. Связи в Вашингтоне имелись. Черт возьми, весь город ими оплетен. Он ведь был Филином – крупным жертвователем в партийную казну. Большущим белоснежным Филином. Одну ночь они с Лизой провели в спальне Линкольна – выделяли там такое, что старику Эйбу и Мэри Тодд Линкольн даже не снилось. На инаугурационных торжествах они сидели всего на ряд позади президента Пичема и его жены. Они побывали в президентской ложе в Центре Кеннеди. И раз в месяц по своей особой телефонной линии или по своему особому мобильному номеру он слышал вождельные слова: «Говорит оператор Белого дома. Меня попросили связаться с мистером Фрэнком Коуэном». И чуть погода раздавался голос Бакки Трамбла, ближайшего советника президента Соединенных Штатов.

В последний раз Бакки позвонил, чтобы сказать: «Мы тут говорили про вас с президентом в Овальном сегодня утром». В Овальном! Фрэнк знал, что это вранье. У политической публики почти всегда вранье. Но вранье высокого уровня. И приятное для слуха. То, что Бакки сказал дальше, было особенно приятно: «Он намечает вас на важную посольскую должность. Я ничего вам не говорил, хорошо? Пусть он лучше сам сделает вам сюрприз».

Фрэнк и это пропустил через свой определитель вранья. «Важная» посольская должность – что это означает конкретно? Лондон? Париж? Токио? Вот важные места в *его* понимании. Москва? Тоска. И раз нет холодной войны, не видно особого смысла. Попробовать им впарить RIP – верный путь к разорению: средний мужчина там умирает в пятьдесят семь лет. Кто от алкоголизма, кто от рака легких, кто от пули. Много ли радости – четыре года играть роль кормилицы для череды американских нефтяных деятелей, претендующих на

сытные места на Новой Земле?

Ирландия? Тоже никакого смысла. Интерес только в одном: оттуда приехал его прадед, после чего всю жизнь проработал на угольном складе в южном Бостоне. Может быть, в самой Ирландии не надо будет сидеть так уж подолгу. Но тогда тебе обеспечена враждебность ирландской прессы.

Он обсудил это с Лизой вечером после космического коитуса (она методично продвигалась сквозь третье издание «Радости секса» и дошла до положения, называемого *la grande morte*⁶¹). Насчет посольских перспектив ее единственным замечанием было: «Надеюсь, мне не надо будет, типа, язык учить и всякое такое?»

В этом, подумал Фрэнк, состоит преимущество Лондона и Дублина. Потом представил себе объем бумажной работы. Стив Меткаф, его коллега Филин, был выдвинут президентом на должность посла в какой-то занюханной африканской стране и потратил 150 тысяч долларов на юристов, чтобы заполнить четырехсотстраничную финансовую декларацию («перечислите, пожалуйста, *все* Ваши сделки с акциями и ценными бумагами за последние 40 лет»), после чего его унизил один сенатор – любитель ярких эффектов. Сенатор спросил Стива, с кем граничит его африканская страна. *М-м... видите ли, сенатор, наверняка в посольстве есть люди, которые, м-м, в курсе всех подобных, м-м, вопросов.* Чуть-чуть неловко, особенно если иметь в виду, что эта страна – остров. Стив потом так и не поправил свою репутацию до конца.

Фрэнк как раз переживал процесс внутреннего отказа от должности посла, когда позвонил его особый телефон.

– Говорит оператор Белого дома...

– Фрэнк? Это Бакки Трамбл!

В их голосах, когда они называют себя, всегда слышны фанфары: откровенное признание собственной значимости и безудержная радость из-за нее.

– Мы тут говорили про вас с президентом. Это он вообще-то попросил меня вам звякнуть...

Глава 16

Речь Ранди в сенате имела предсказуемый эффект: он попал на первые полосы крупнейших газет и в вечерние новости. «Таймс» обругала его в необычно резких личных выражениях («создается впечатление, что младший сенатор от Массачусетса лишился в слякотных полях Боснии не только ноги»).

С другой стороны, его пригласили в поздние вечерние телепрограммы, откуда, по опросам, более 80 % молодых людей Америки черпали все 100 % имеющихся у них сведений о политике. В том, чтобы стареющие, потакающие своим прихотям бэби-бумеры лишали себя жизни, вместо того чтобы тяжело обременять долгами собственных детей и страну, эти молодые телезрители не видели ничего крамольного.

Наоборот, идея казалась им «убойной». Особенно нравилось им то, что правительство должно отменить все налоги на наследство, так что папины с мамой денежки достанутся им целиком.

Касс ездила с Ранди в Нью-Йорк в программы Леттермана, Джона Стюарта и Колберта, в Лос-Анджелес в программу Джея Лино. От немолодых, более серьезных телеведущих Ранди мог ожидать нападков, но для этих он был подарком на миллион долларов, доказательством существования улыбчивого Бога, Бога-выдумщика. Они были от Ранди в восторге.

Леттерман спросил:

– Не вы ли тут главный самоубийца?

⁶¹ Большая смерть (*ит.*).

– Все может быть, – ответил Ранди. – Но если мне удастся уговорить большинство сенаторов покончить самоубийством со мной за компанию, стране станет намного легче жить.

Им нравилось в Ранди буквально все: забавный выговор, богатство, то, что другие сенаторы его ненавидели, его сумасшедшая идея, даже его искусственная нога, которую он послушно отстегнул в программе Джона Стюарта. «Здесь я прячу контрабандную текилу», – сказал он. Касс, глядя на него из боковых помещений, всякий раз радовалась точности и расторопности, с какими он произносил реплики, сочиненные для него ею. Настоящий шедевр «приучения к СМИ». Да, она уже очень далеко ушла от натаскивания по имиджевой части провинившихся владельцев больниц. Ее блог КАССАНДРА получал такой колоссальный трафик, что ей пришлось нанять пять человек, просто чтобы поддерживать его в рабочем состоянии. Позвонила женщина из IBM – начальница отдела корпоративных коммуникаций собственной персоной – и предложила вместе пообедать у «Майкла» на Манхэттене, чтобы обсудить «возможные стратегические синергии».

Не прошло и недели после телепрорыва Ранди, как СМИ начали относиться к идее добровольного восхождения если не с уважением, то уже не с таким рефлекторным сарказмом. Характеристики типа «возмутительная», «немыслимая», «достойная презрения» уступили место таким определениям, как «смелая», «революционная» или «крайне радикальная, но заслуживающая обсуждения».

Редакционная статья в «Вашингтон пост» придала смене парадигмы официальный характер: «Какие бы заявления ни делал сенатор Джепперсон, мы начинаем подозревать, что его подлинным намерением все это время было остро поставить вопрос о соцобеспечении перед конгрессом, который постоянно, даже в самый разгар кризиса, проводит страусиную политику. Этой цели сенатор Джепперсон безусловно добился».

Однажды вечером в Нью-Йорке во время их медиатурне Ранди позвал Касс в свой номер отеля – якобы для обсуждения плана на завтра. Было довольно поздно, и она вполне могла отказаться, но не стала. Когда вошла, свет в его номере был притушен, Патси Клайн пела через айпод Ранди «Три сигареты», из ведерка со льдом выглядывало – и довольно, гм, многозначительно – бутылочное горлышко с этикеткой «Дом Периньон».

Ранди сидел на краю кровати в дорогом шелковом кимоно.

– Надеюсь, вы не заставите одного инвалида гоняться за вами по комнате? – улыбнулся он.

Касс предвидела нечто подобное. Были кое-какие признаки. Несколько ужинов с глазу на глаз. Как бы случайные прикосновения ног – не деревянной, конечно, – к ее ноге под столом. Ее отношение к этому необычному человеку было сложным. Но он умел ее рассмешить. Занудой уж точно не был. И отнюдь не урод. И богат. И холост. И, судя по всему, метит в президенты.

Несколькими днями раньше она спросила его:

– Почему вы хотите стать президентом?

Он рассказал ей о своем кислотном откровении.

– И вот из-за этого-то трипа вы нацелились на президентскую должность?

– А чем не причина? Вы когда-нибудь пробовали ЛСД?

– Нет, – ответила Касс. – Моя жизнь и без того похожа на кислотный трип. Когда дойдет до заявления на всю страну, об откровении под кайфом лучше промолчим, хорошо?

– Почему?

– Вряд ли страна готова проголосовать за кандидата, который говорит, что идея стать президентом возникла у него благодаря взгляду под тройной дозой ЛСД на фото Кеннеди. Может, конечно, я и ошибаюсь.

– Я думаю, страна придет в восторг.

– Это можно будет проверить. Если ваш расчет неверен, все кончится очень быстро.

Примерно к полудню первых суток.

Ранди задумался.

– Наверно, вы правы. И очень жаль. Мне кажется, люди изголодались по правде. Вот почему мы зашли так далеко с этой вашей безумной идеей. Потому что это *свежая идея*.

– У вас интересный выбор местоимений. Бессознательный, скорее всего. Если это «смелая идея» – то наша. Если «безумная» – то «ваша».

– Нацистка от грамматики. Но послушайте. Не достаточно ли будет заявить: я хочу быть президентом, чтобы...

– Я вся внимание.

– Я собирался продолжить: «чтобы принести пользу стране», но это слишком патетически звучит. Вот главное, к чему все сводится: власть мне нужна только на пять минут. Навести порядок с расходами-доходами. Вытащить нас из долговой ямы. С друзьями вести себя по-дружески, врагам сказать, чтоб отвалили. Очистить воздух и воду. Отправить корпоративное жулье за решетку. Вернуть правительству достоинство. Наладить все мало-мальски. Что еще?.. Нельзя, конечно, позволять арабам взрывать наши здания, но теперь мне ясно, что посылать войска направо и налево тоже нельзя. Помимо прочего, это *дорого*...

– Прошу прощения, вы долго говорили? Я заснула после «расходов-доходов».

– Да бросьте, это было не настолько занудно. Что я должен был сказать? «Перевяжем раны страны с мягкосердечием ко всем, без враждебности к кому бы то ни было»?

– Я думаю, нам надо будет поработать над текстом.

– *Evidemment*,⁶² – вздохнул Ранди.

– Пожалуйста, без французского.

– Хорошо. *Muchas gracias. Qué bonito es este burrito*.⁶³

Теперь она была с ним наедине в номере отеля, декорированном для секса. Причин, чтобы отказаться лечь с ним в постель, она уже не находила. Поглядев на него, сидящего на кровати, сказала:

– Я подустала за день. Не думаю, что у меня есть силы бегать от тебя.

– Очень рад слышать. Будь добра, передай мне эту бутылку «Дом Периньон». С доставкой в номер штукавина стоит здесь триста пятнадцать долларов. Самое время ее распить.

Касс принесла бутылку и под села к нему на кровать.

– Было ли еще такое в истории, чтобы бутылку «Дом Периньон» назвали «штуковиной»

– Я же простой бостонский парень, – сказал Ранди, выдергивая пробку с ловкостью винного официанта из дорогого ресторана. – Помнишь пиво, которое мы пили в Боснии перед тем, как я устроил нам один взрыв на двоих?

– Которое пил *ты*. Я была при исполнении.

– Оно было не такое уж плохое. Но этот напиток должен быть лучше. Наверняка – за такую-то цену.

– Что, богатые тоже вечно жалуются на цены?

– Еще бы. Потому-то они и богатые.

Он налил шампанское в бокалы. От крохотных пузырьков чуть покалывало нёбо.

Он положил подбородок ей на плечо.

– Хочешь посмотреть порнофильм?

– Хочу, конечно, но боюсь, что послезавтра на шестой странице «Пост» появится заметка о том, как в гостиничный счет одного сенатора была включена плата за «Латексных дамочек – три».

– Предусмотрительно мыслишь, Девайн. Ты классная помощница. – Он подался вперед

⁶² Разумеется (*фр.*).

⁶³ Большое спасибо. Какое прелестное буррито! (*исп.*)

и поцеловал ее в губы. – Хочешь в мой *мозговой* трест?

– Не знаю. – Касс поцеловала его в ответ. – Что мне с этого обломится?

– Дорогим французским шампанским не соблазнишься? Для начала можно взять тебя в секретарши. Печатаешь быстро?

Деловые, многого добившиеся мужчины по натуре нетерпеливы, и хотя Фрэнку Коуэну приятно было слушать, как Бакки Трамбл распространяется насчет высокой президентской оценки его усилий по привлечению новых крупных жертвователей – Филинов, он думал: *Нельзя ли поскорей перейти к разговору о «важной» посольской должности?* Вместо этого Бакки кашлянул и сказал:

– Фрэнк, мне надо с вами кое о чем поговорить. По секрету.

– Слушаю вас.

– Это касается Кассандры Девайн.

У Фрэнка напряглись мышцы живота.

– Да-да?

Бакки еще раз кашлянул.

– Насколько я знаю, вы с ней...

– В родстве. Да. Она моя дочь.

– Точно. – Неловкая пауза. – Вот и у нас такие сведения.

– Мы не общаемся уже много лет.

– Наверно, поэтому вы ничего нам не говорили.

– О чем мне было говорить? Я же сказал, мы не общаемся, последняя встреча у нас была... черт, в прошлом тысячелетии.

Новая пауза.

– То, что я хочу вам сообщить, носит очень щекотливый характер.

– Мы тут умеем хранить секреты, Бакки.

– Вы, конечно, знаете, что она была под арестом по очень серьезному обвинению.

– Это было на обложке «Тайм», и она все-таки моя дочь, так что – да, разумеется.

– Правительство... я хотел сказать, генеральный прокурор решил не доводить дело до суда на тех абсолютно законных основаниях, что доказать ее вину, по всей вероятности, было бы очень трудно.

– Понимаю. – *Куда он, черт возьми, гнет?*

– Так что она вышла на свободу. И только *после этого* мы обратили внимание – в смысле, мы с президентом – на то, что она дочь одного из крупнейших жертвователей в казну нашей партии.

– Повторяю еще и еще раз, Бак: мы не виделись уже...

– Не в этом дело. – Многозначительное молчание. – Хотя для вас это, может быть, существенно.

– Для меня – да.

– Дайте я вам скажу, как мы на это смотрим. Можно?

– Говорите.

– Со всей ясностью и определенностью хочу вам заявить, что Белый дом на решение генерального прокурора никак не влиял. Но генпрокурор входит в состав кабинета. Поэтому СМИ могут интерпретировать ситуацию так, что... правительство решило не привлекать к ответственности дочь крупного спонсора партии.

– Я не просил вас ни о каких побрякушках для нее.

– Да, это так. Не просили. Президент и я высоко ценим вашу сдержанность. Очень высоко. Тем не менее, Фрэнк, было бы лучше, если бы вы тогда сигнал нам, что ли, какой-нибудь дали, что эта радиоактивная молодая особа – ваша дочь.

Чтобы кто-либо критиковал Фрэнка даже в мягкой форме – такого не случалось очень давно (исключение – жена, на всю катушку осуществлявшая свое супружеское право на критику). Его подмывало сказать Бакки Трамблу, что если он так думает, то может вернуть

пожертвованные Фрэнком полмиллиона.

Но люди, даже многого добившиеся, обычно не разговаривают так с теми, кто сидит одесную⁶⁴ президента Соединенных Штатов: эта позиция, при всех ее минусах, несет в себе нокаутирующий заряд. Тем более когда ты уже сообщил жене, что тебя вот-вот представят к Сент-Джеймскому двору и скоро ты будешь вручать верительные грамоты английской королеве. И может быть, получишь приглашение на ужин в Букингемский дворец.

– Я... – Фрэнк искал слово. Что говорят в таких случаях, черт побери? – *сожалею*, если... Я тут занят был выше головы. Мы запускаем новое программное обеспечение, и я круглыми сутками в этом кручусь...

Бакки дал ему еще немножко побухтеть, потом сказал:

– Я понимаю. Но рано или поздно журналисты докопаются. Вопрос поэтому вот в чем: как нам теперь быть?

Вопрос повис между собеседниками, точно зловредное колибри. Фрэнк почувствовал, как «важная» посольская должность, насчет которой он даже не был уверен, что хочет ее занять, превращается в пшик. Человеческая природа, конечно, тут же заставила его страстно захотеть стать послом. Он представил себе, как объясняет Лизе, что ужин с королевой и принцем Филипом отменяется.

Потом Бакки сказал:

– У меня есть кое-какие соображения. Хочу поделиться.

– Я вас слушаю.

– Мы тут подумали, что если бы *вы сами* обратили на ваше родство внимание прессы и заявили при этом, что не одобряете взгляды и поступки дочери... то в первом приближении вопрос был бы решен.

В третий раз за разговор воцарилось долгое молчание.

– Иначе говоря, вы предлагаете мне публично осудить мою дочь?

– Осудить – слишком сильное слово. Скажем так: дистанцироваться. Если вы заявите, что отрицательно относитесь к ее действиям и не общались с ней много лет, – этого, думаю, будет достаточно.

В открытое окно Фрэнка и в его громкоговорящий телефон вдруг ворвался рев морских львов.

– Боже мой, что это такое было? – спросил Бакки.

– Морские львы. Наверно, увидели большую белую акулу.

– О чем мы сейчас говорили?

– Вы хотите, чтобы я дистанцировался от дочери.

– Лучше, конечно, вы от нее, чем мы от вас. Президент вас ценит. Подчеркиваю: ценит. Он все время про вас вспоминает. Ну, мне пора идти. Подумайте и свяжитесь со мной, хорошо? И еще, Фрэнк.

– Да?

– Не пишите ничего об этом по электронной почте.

– Само собой.

– Да, и кое-что другое вы могли бы для нас сделать. Это имело бы огромное значение для президента...

Глава 17

Гидеон Пейн был, конечно, рад приглашению в Белый дом на доверительную беседу с президентом, но подозревал подвох.

Бакки Трамбл сказал ему по телефону, что президент «хотел бы услышать мудрый совет и, может быть, даже вместе помолиться по поводу всех этих дел с восхождением».

⁶⁴ Одесну́ю, нареч. (книжн. старин.). – По правую сторону; противоп. ошуюю. (прим. ред. FB2)

Вместе помолиться! Слыхали? *Грешная душа врать хороша*, любил говорить Гидеон.

Он не доверял мистеру Бакминстеру Трамблу, и ему не нравился президент Райли Пичем. В прошлый раз он побывал в Овальном кабинете, когда пытался уговорить президента лично повлиять на судьбу миссис Дельбьянко – его очередного «Лазаря». Так Гидеон мысленно называл безнадежных коматозных больных, от которых хотели отключить аппаратуру поддержания жизни. Это был самый выгодный по части сбора средств сектор деятельности SPERM. И, помимо прочего, – возможность хорошо сфотографироваться для прессы.

Та встреча прошла... лучше всего сказать – некомфортабельно. Пока длился взволнованный монолог Гидеона о необходимости сохранить бедной миссис Дельбьянко жизнь, президент Пичем ерзал, хмурился, поигрывал пальцами. Какая разница, втолковывал ему Гидеон, что она лежит в коме семнадцатый год, что несколько десятков специалистов констатировали смерть мозга и невозможность восстановления рассудка, что право родственников на отключение аппаратуры подтверждено двадцатью тремя решениями суда? Жизнь есть жизнь, это бесценный дар Творца, даже если она сводится... гм... к росту ногтей.

Достойным президентского вмешательства, по мнению Гидеона, эпизод делало то, что, согласно заявлению сотрудницы хосписа, на животе миссис Дельбьянко раз за разом возникала сыпь в форме лика Девы Марии. Когда сотрудница хосписа сообщает местной газете, что на животе пациентки, которую вот-вот отключат от системы жизнеобеспечения, появляется сыпь в виде Мадонны, она, естественно, эту сыпь еще и фотографирует, после чего продает снимки таблоидам почти по цене фотографий младенца, родившегося у суперзвезды. Картинки перепечатавают другие газеты, и случай становится известен всей стране. В частности, Гидеону Пейну.

Гидеон не смог уговорить президента Пичема вмешаться; круглосуточные молитвенные бдения, которые он организовал вместе со своим другом монсеньором Массимо Монтефельтро, удерживали на миссис Дельбьянко всеобщее внимание вплоть до ее последнего вздоха.

Увы, несколько месяцев спустя сотрудница хосписа была арестована за махинации с кредитной картой и созналась до кучи, что сама изобразила Деву на животе миссис Дельбьянко с помощью бензокаиновой мази, на которую у бедной миссис Дельбьянко была аллергия. Неприятно, конечно, но – настаивал Гидеон – не так уж важно. Пути Господни, как известно, неисповедимы. Разве не могло быть так, что именно Он повелел сотруднице хосписа начертать образ? Кому ведомы замыслы Всемогущего? Гидеон не сдавался. Он мужественно защищал сотрудницу, которая делала что могла ради спасения человеческой жизни. Кое-кто даже предположил, что за дерматологическим фокусом стоит он сам. Слыша такое, он качал головой: «Ох, грешная душа врать хороша...»

Но на этот раз Белый дом сам ему позвонил.

От ритуальных слов о том, какую честь Гидеон оказал самому могущественному человеку на свете, выкроив время для встречи с ним, президент быстро перешел к делу.

– Как вы смотрите на законопроект Джепперсона о «восхождении»? – спросил он.

– Я смотрю на него, мистер президент, как на мерзость. Хочется процитировать не Джепперсона, а Джефферсона: «Когда я думаю о том, что Господь справедлив, я дрожу за мою родину».

Президент искоса посмотрел на Бакки, давая ему понять: *Только не надо, бога ради, позволять ему распространяться о Джефферсоне.*

– Да, – сказал президент. – Мы примерно так же это оцениваем. Дьявольская штука. И дьявольская разница с тем случаем, когда женщине сделали на животе татуировку в виде Девы Марии. Между прочим, мы тут не думаем, что вы имеете к этому отношение.

– Благодарю вас, сэр, – важно произнес Гидеон. – Это очень великодушно с вашей стороны. Конечно, самое главное в связи с миссис Дель...

Тут вмешался Бакки Трамбл:

– Мистер президент! Гидеон – признанный нравственный авторитет для Америки в

вопросах святости жизни. Не думаю, что кто-либо станет это оспаривать.

– Я, черт возьми, и не оспариваю. Я знаю. Потому-то он нам и нужен. Потому-то мы его и позвали.

К чему все это умасливание? – недоумевал Гидеон. – *Чего они хотят, эти два грешника?* Но шанс – более сильная карта, чем подозрение. Гидеон достаточно времени провел в Вашингтоне, чтобы усвоить, когда влиятельным людям что-то от тебя нужно, как правило, звучит большой обеденный колокол.

– Вы видели результаты опросов, – сказал президент. – Молодежь, от восемнадцати до тридцати, клюет на это со страшной силой.

– Можно ли удивляться, мистер президент, – сказал Гидеон, – что молодых американцев так легко сбить с толку, если мы не в состоянии предоставить им никакого нравственного руководства?

Президент нахмурился.

– Я не имел в виду вас лично, сэр, – добавил Гидеон.

– Да, конечно. Я понимаю.

– Я хотел сказать: мы, как общество, их подвели. Что мы им предложили, кроме вредоносных материалистических яств? Кругом – одни видеоигры, порнография, грязь, копуляция, фастфуд, интерфейсы, скачивание. А между тем... «Ты приготовил для меня пир, но я алчу. Душа моя истомилась по Господу».

– Точно, – сказал президент. – Вот почему нам надо хряснуть его хорошенько. Дух вышибить из этого засранца.

Гидеон замер. Ведь он все-таки духовное лицо. Даже президенту не пристало употреблять такие слова. Он встревоженно поглядел на Бакки Грамбла. Бакки бросил на него ответный взгляд, означавший: *Соси и глотай, дружище. Он президент Соединенных Штатов.*

– Взять гада за жабры, – развивал мысль президент. – Яйца оторвать, башку отрубить и на кол...

Гидеон кашлянул.

– Я публично выразил отрицательное отношение...

– Вы ведь знаете, кто за этим стоит, не так ли?

Со сверкающими глазами, готовя наживку, президент подался вперед.

Взгляд Гидеона стал суровым.

– Знаю, сэр. Мисс Девайн, у которой в самой фамилии заключена насмешка.

Президент Пичем с отвращением покачал головой.

– Эта ее выходка в телепрограмме... Непростительная, скверная, ничем не спровоцированная. Если бы она *со мной* так поступила, я взял бы ее за волосы да и шмякнул поганой башкой об стол.

Гидеон поерзал в кресле. Ему уже от того было нехорошо, что президент в Овальном кабинете завел разговор про обвинения в его адрес в убийстве собственной матери. И что, он намекает к тому же, что Гидеон проявил в телестудии... малодушие?

– Для меня ценно ваше сочувствие, сэр, – пробормотал он.

– Жуть. Блядское дело.

Гидеон потерял дар речи.

Президент сказал:

– Гидеон! Я грешник и старый похабник. Извиняюсь, но что делать. Так я разговариваю... в кругу друзей.

– Благодарю вас, сэр, за дружбу.

Бакки Грамбл наклонился вперед:

– Президент и я – мы рассчитываем, что вы, Гидеон, возглавите сопротивление Джепперсону.

– Как я уже сказал, я не молчу. Не сижусь сложа руки. Но что мешает вам, сэр, самому его возглавить?

– Гидеон, послушайте меня. – Президент понизил голос, сделал его буравящим, как дрель. – Я в проблемах по самую жопу. Экономике полные кранты. Американским долларом иностранные банки подтираются в сральне. Я веду четыре войны – и, похоже, пятая на носу, с *Непалом*, мать его за ногу. Растолкуйте мне, кто-нибудь, что мы, на хер, забыли в этом Непале. У меня тают оба полюса. Флорида потеряла еще два фута береговой полосы. В штате Миссисипи сто квадратных миль ушло под воду. И прокопали еще один туннель под мексиканской границей, на этот раз настоящее шоссе четырехполосное, черт бы их драл. На Западе у меня такая засуха, что Министерство внутренних дел говорит, Колорадо и Вайоминг превратятся в еще одну зону пыльных бурь. Индия и Пакистан как кошка с собакой, а про этого мудака в Северной Корее лучше не начинать вообще. ЦРУ мне сообщает, Израиль готовит ядерный удар по ихней говенной Мекке. Во как! Гидеон, у меня *нет времени* разбираться с одноногим сенатором, который говорит, что решение проблемы соцобеспечения – в том, чтобы самоубиваться в семьдесят лет. Мне и без него, на хрен, застрелиться охота. Не дожидаясь никаких семидесяти.

Выслушивать подобные жалобы самого могущественного человека на свете было лестно. Но что-то во всем этом было чуточку подозрительно. О чем-то президент умалчивал.

– Мистер президент, – сказал Гидеон, – со всем уважением к вам хочу спросить: в чем *настоящая* причина вашего обращения ко мне?

Президент откинулся на спинку кресла и кивнул, словно признавая поражение. Потом улыбнулся, посмотрел на Бакки Трамбла и сказал ему:

– Я же говорил, что он умница. Говорил или нет?

– Говорили, босс. Говорили.

Уже более спокойным тоном президент сказал Гидеону:

– Смотрите, какое дело. Если во главе стану я, всё, чего я добьюсь, – это усилию засранца. Соображаете или нет? Его цифры подскочат. Он попер на президента! Вопрос из нравственного, каким он является, превратится в политический. Вот почему только вы можете это сделать. А я поддержу вас всеми средствами, кроме авиаударов.

– Что конкретно вы предлагаете, мистер президент?

– Бак, – бросил президент.

– Имеются кое-какие сведения насчет Джепперсона и этой Девайн, которые могут быть вам полезными в этом противостоянии.

Брови Гидеона выгнулись, как потягивающиеся коты. Влажными, надушенными пальцами он погладил бородку. Поджал губы. *Так-так. Грешная душа...* Но еще один голос внутри прошептал: *Осторожней, сынок. Ты в львином логове, и звери алчут добычи.*

– Какого рода сведения? – спросил он осмотрительно.

– Такого рода сведения, – президент, вдруг до мозга костей верховный главнокомандующий, подался вперед, нацеливая разящие душу боеголовки в глаза Гидеона, – что они изменят картину в корне. Разрешите сделать вам комплимент: мы не балду валять вас сюда позвали.

О Господи, подумал Гидеон. *Что этот человек ел на завтрак? Оладьи с нитроглицериновым сиропом?* И другая мысль пришла на ум: *Записывают они разговор или нет? В Белом доме никогда этого не знаешь. Правда, какой им смысл записывать, как они предлагают грязь человеку безукоризненно нравственному? Да, безукоризненно, если не считать этой истории с маминной смертью.*

– Я хотел бы с ними ознакомиться, – нервно сказал Гидеон. – Я бы хотел *помолиться* обо всем этом.

Холодная властность, написанная на лице президента, мгновенно сменилась паническим ужасом от мысли, что Гидеон может сейчас предложить вместе встать на колени и помолиться прямо в Овальном кабинете. Пейн подал подобную идею в прошлый раз, когда пришел по поводу «Мадонны живота» (так таблоиды непочтительно окрестили миссис Дельбьянко).

Видя замешательство президента, Гидеон поспешно добавил:

– В уединении моего сердца.

Президент облегченно вздохнул.

– Разумеется. Между тем, если бы мы могли что-нибудь сделать для вас...

Бакки метнул в президента предостерегающий взгляд – но опоздал.

– Есть вообще-то один вопрос... – сказал Гидеон.

– Какой? – оживился президент, делая вид, что очень рад слышать.

– Мемориал в память о сорока трех миллионах.

– А. Да. – *Черт.*

Гидеон год за годом забрасывал конгрессменов и сенаторов петициями о создании в центре Вашингтона мемориала сорока трем миллионам зачатых, но не рожденных после постановления Верховного суда от 1973 года о разрешении аборт.

– Ну что ж. – Президент встал, широко улыбнулся и протянул ладонь. – Мы, безусловно, уделим этому *наше* молитвенное внимание.

Глава 18

У Касс возникла идея развернуть по телевидению и в интернете пропагандистскую кампанию против стариков. Это должно было, она считала, заставить избирателей лучше относиться к «добровольному восхождению». Ранди идея понравилась, и, воодушевившись, он вызвался оплатить кампанию из своего вместительного кармана. Терри, наоборот, энтузиазма не проявил – по практическим причинам.

– Касс, – сказал он, – некоторые из наших лучших клиентов – высшие должностные лица компаний в возрасте за шестьдесят, а то и за семьдесят. Ты что, правда хочешь пустить телеролики о том, что они эгоистичные подонки и должны поскорей наложить на себя руки? Как основатель «Коммуникативных стратегий Таккера» – и, между прочим, как твой *работодатель* – позволю себе заявить, что *наша компания* кончать с собой не собирается.

– Терри, – сказала Касс. – Клиентов мы к восхождению не подталкиваем.

Терри наморщил лоб и вызвал на экран один из слайдов подготовленной Касс презентации в программе PowerPoint. Прочел вслух:

– Сюжет четвертый. «Ресурсопожиратели»? Мы теперь так называем пожилых людей?

– Какие проблемы? – невозмутимо спросила Касс.

– Ну... немножко грубо, тебе не кажется? Я никогда не думал о своих бабушке и дедушке как о ресурсопожирателях. Куда делось «мета»?

– Терри, Терри, Терри, мы просто подчеркиваем тот факт, что непроизводительное долголетие только потребляет ресурсы, которые следовало бы потратить на младшие поколения, изнывающие под тяжестью унаследованного долга...

– Спасибо, Айн Рэнд.

– То-то же. – Она улыбнулась. – Выходит, проблем нет?

– А как насчет вот этого? – Терри вызвал другой слайд. – «Сморчки». Мы теперь называем их «сморчками»?

– Это не для телевидения.

– Уф, отлегло, – фыркнул Терри.

– Я собиралась это подкинуть сама себе, – бодро сообщила Касс. – Кто-то пришлет сюжет в мой блог якобы со стороны. И он станет нашим. Молодежь, я думаю, на это поведется: «Сморчки. Ух ты! Прикол. Мерзкие какие».

– Значит, Эйнштейн был сморчком? И Элеонора Рузвельт? И Элен Келлер?

– От них все-таки была отдача. Например, Эйнштейн показал, как нам всем взорваться. Теперь я называю это восхождением.

Терри обеспокоенно посмотрел на нее. Она шпарила как ни в чем не бывало:

– Тема кампании – эгоистичные стареющие бэби-бумеры, которые губят американскую экономику и экономически порабощают будущие поколения. Ни к Элен Келлер, ни к Элеоноре Рузвельт это отношения не имеет. Хотя в старости Элеонора действительно была

морщинистая, как сморчок. Остынь на пару градусов, хорошо?

– Значит, это шутка была?

– Да, боже ты мой...

– А я принял всерьез. Так, пошли дальше...

Он вызвал следующий слайд. На экране возникла группа тощих, изголодавшихся на вид молодых людей. Запавшими глазами они уставились на большое пустое птичье гнездо. Подпись гласила: «Хоть одно яичко вы им оставите?»

– Это действует, – признал он. – Правда, на угнетающий манер.

– Так и должно быть. Слушай, какая муха тебя, а? Вдруг стал вести себя как двойной агент, работающий на Американскую ассоциацию ресурсопожирателей.

Терри вздохнул.

– Не знаю. Это как-то начинает меня пугать. Вся эта агитация за самоубийство, направленная на стариков. Не Норман Рокуэлл,⁶⁵ прямо скажем.

– О, господи, Терри!

– Что?

– Самое оно! Ты просто гений. – Касс обняла его. – Точно тебе говорю! Это *сверх* находка. Даже и думать нечего.

– Да о чем ты?

– *Норман Рокуэлл.*

Касс захлопнула ноутбук и метнулась прочь из комнаты совещаний. Терри покачал головой и вернулся к работе.

Через два дня она ворвалась к нему в кабинет с ноутбуком, довольная, словно кошка, опустошившая целую клетку попугайчиков. Никогда раньше он не видел ее такой счастливой.

Она поставила перед ним ноутбук, включила и щелкнула по кнопке «Показ слайдов».

Терри смотрел во все глаза.

Касс за это время наняла специалиста по компьютерной графике, и тот сделал ей Америку Нормана Рокуэлла с нарезанным хлебом, кукарекающими петухами, киосками с газировкой, дружелюбными полицейскими, индейкой в День благодарения – но все это под соусом «добровольного восхождения».

На первой картинке супруги лет семидесяти с лишним, держась за руки, улыбаются так, словно им предстоял океанский круиз. Они стояли перед входом в этакий приветливый пряничный домик, чей адрес мог быть, к примеру, Кленовая, 15. Ярко-желтая вывеска над дверью гласила: ЦЕНТР ДОБРОВОЛЬНОГО ВОСХОЖДЕНИЯ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДЕДУШКИ И БАБУШКИ!

Следующий слайд: пышущая здоровьем пара лет шестидесяти пяти смеется над обескураженной Смертью с косой. Подпись: СПАСИБО, НО МЫ СДЕЛАЕМ ЭТО, КОГДА НАМ ЗАХОЧЕТСЯ.

Всего с полдюжины картинок. На последней над пожилым мужчиной в уютной мягкой постели склонилась симпатичная стройная медсестра в традиционном белом накрахмаленном халате. На лице лежащего играет сонная улыбка. Медсестра, улыбаясь ему в ответ, пристраивает к нему капельницу. Озаглавлено: ОТДЫХАТЬ НА НЕБЕСА!

Терри посмотрел на сияющую Касс.

– Ну как? – спросила она.

– У меня нет слов.

– Просто сказка, правда?

– Никогда еще смертельная инъекция не выглядела такой теплой и ласковой. Радостное

⁶⁵ Норман Рокуэлл (1894–1978) – популярный американский художник, чьим произведениям часто был свойствен сентиментальный уклон.

событие для всей семьи. В музее Рокуэлла, я уверен, будут восхищены.

– Ты был совершенно прав. Оптимизм – вот что требовалось. Ранди пришел в восторг.

– Да? Кстати, как он – наш Рандольф Боснийский?

– Гм, – отозвалась Касс. – Кажется, я слышу нотку... чего-то эдакого? А кто мне все уши прожужжал насчет переспать?

– Он клиент. Первый закон Таккера помнишь?

– Не путаться с клиентами. Помню, как же. Но это все-таки другой случай.

– Чем он отличается?

– Среди прочего, тем, что я его знала до того, как он стал клиентом. Слушай, чего ты так прикопался ко мне с этим?

– Не нравится мне твой Ранди.

– Ну и что? Спать тебе с ним никто не предлагает.

– У тебя, кажется, в мозгах серьезный засор, – сказал Терри. – Доводилось такое видеть. Молодые впечатлительные ответственные сотрудники вдруг перескакивают на сторону клиента. Глодают всякую лапшу. В конце концов приходится прочищать им башку. У меня на глазах это случалось с лучшими умами моего поколения.

– Спасибо тебе большое, Аллен Гинсберг ты наш.⁶⁶ Но только я додумалась до «восхождения» первая. А теперь все про него говорят. Это, черт возьми, *моя собственная лапша*.

– И ты собственной лапшой обкушалась и обвешалась. «Ресурсопожиратели». «Сморчки». Норман Рокуэлл живописует Освенцим.

Касс опустила глаза. Потом тихо произнесла:

– Я худо-бедно пытаюсь завязать дискуссию о будущем соцобеспечения.

– Ладно, – сказал Терри. – Не хотел тебя задеть. Просто я дольше твоего имею дело с политиками. Когда начинается серьезная драка, поверь мне – не они первые летят вверх тормашками, а ты. Хотя постой. Зачем я тебе это говорю? *Он же грохнул тебя на mine!*

– Да, и кто из нас будет хромать всю оставшуюся жизнь? Отцепись от него наконец. Если тебе не нравится моя затея с Норманом Рокуэллом, я слушаю твои предложения.

Терри задумался.

– Может, подключим знаменитостей? Вроде рекламы молока, только пить будут отраву. На верхней губе потом багровые пятнышки. «Пробовали? Ну просто... восхождение!»

Касс улыбнулась.

– Ты в своем репертуаре. Даже когда ведешь себя как последняя сволочь – все равно великолепен.

– Либо ты слишком налегала на «ред булл», – сказал Терри, – либо перешла на Темную Сторону. В любом случае ты села на мель. Оставь эту идею с Норманом Рокуэллом.

– Сейчас не время для робости.

– Это верно, – сказал Терри. – Время для робости придет в следующий вторник.

Это была их давняя шутка. Чуть ли не каждый день на Капитолийском холме кто-нибудь говорил: «Сейчас не время для партийной непримиримости» – обычно в момент, когда этого деятеля уже добивала оппозиция. Если кто-то из них двоих наткнулся на подобную фразу в печати, он бросался к компьютеру и немедленно отправлял другому электронное послание. Опоздавший платил вечером за выпивку.

– Мне вообще-то пора, – сказала Касс. – Встреча с Ранди на Капитолии.

– Передай Ироду мое фе.

– Очень смешно. Обхохочешься, типа того.

⁶⁶ Аллен Гинсберг (1926–1997) – американский поэт, один из лидеров «поколения битников». В своей знаменитой поэме «Вопль» он сетует о гибели «лучших умов его поколения» под воздействием «Молоха».

Но, спускаясь в лифте, Касс невольно задалась вопросом: не переходит ли она вброд некий Рубикон сумасшествия? Бросила взгляд на туфли. Вроде сухие.

Реакция Терри на Нормана Рокуэлла разочаровала ее и даже привела в тихую ярость. Мог бы признать, по крайней мере, что это остроумно. Как-то не хватает ему огня. Все-таки он из старшего поколения. Трудно ожидать готовности разделить ее пыл. *И здорово ревнует*, сказала она себе. *«Ироду»*. *Ну в самом деле!* Как говорил один полковник в Боснии, *а ну-ка все подышали в пакеты и продолжаем работу!*

Когда дверь лифта открылась, она заставила себя пожать плечами. *По барабану. Слава тебе, господи*, подумала она, *за это «по барабану»*. Любую неприятную мысль способен отразить этот барабан. *Быть или не быть. По барабану. Нам нечего бояться, кроме самого страха. По барабану. Боевая задача выполнена. По барабану*. Философский эквивалент разделительного барьера на автострате. Может, стоило бы завещать, чтобы на могиле написали: *Здесь покоится Кассандра Девайн. По барабану*. Тоже очень мета. Как «восхождение».

Ее «блэкберри» зажужжал, как шмель в эпилептическом припадке. Срочная новость. Она прочла:

ОТЕЦ КАССАНДРЫ ДЕВАЙН, ПРИМАДОННЫ «ВОСХОЖДЕНИЯ», ПОРИЦАЕТ ДОЧЬ.

Она остановилась. Глубоко вздохнула. Уставилась на дисплей. Стала читать:

«Калифорнийский миллиардер, чародей хай-тека Франклин Коуэн говорит, что его бросает в дрожь от поведения его дочери Кассандры Девайн, которая придумала взятый затем на вооружение сенатором Рандольфом Джепперсоном план „добровольного восхождения“, имеющий целью спасти систему соцобеспечения.

– Напрасно она заварила эту кашу, – сказал Коуэн. – Зрелище неприглядное.

Коуэн, первоначальным своим состоянием обязанный технологии отслеживания почтовых отправок, которую он разработал и продал компании „Федерал Экспресс“ за 540 миллионов долларов, заявил, что принял необычное решение публично подвергнуть критике собственную дочь, потому что находит „морально отталкивающим“ ее предложение государству поощрять самоубийства среди престарелых.

Он член „гнезда Филинов“ президента Пичема, которое состоит из крупных спонсоров его партии. Чтобы стать Филином, необходимо пожертвовать в партийную казну как минимум 250 тысяч долларов.

Коуэн сообщил, что никогда не рассказывал о дочери ни президенту, ни его помощникам, но хотел бы, „чтобы генеральный прокурор применил к ней всю полноту закона: порча полей для гольфа – серьезное преступление, не говоря уже о призывах к свержению правительства“.

Коуэн сказал, что из-за „семейного раздора“ не говорил с дочерью без малого десять лет и что она отвергла несколько его попыток примириться, включая „умопомрачительный“ денежный подарок.

– Она страшно обозлена, – заметил он. – И взвинчена. Мне очень ее жаль.

Он сказал, что делает это заявление ввиду „роста своей известности на национальном уровне“, желая „публично дистанцироваться от особы, с которой связан только биологическим родством, и ничем больше“».

Касс стояла в мраморном вестибюле и слушала, как бьется сердце. Сколько она так пребывала в неподвижности – она не знала; потом послышался до боли знакомый голос. Он настойчиво бил прямо в ухо, кричал, орал, вопил: *Ну-ка, ну-ка, ну-ка, девчонки, сиськи вперед и – шагом марш!*

Это был голос инструкторши по строевой в Форт-Джексоне. *От основ пехотной*

подготовки какая-то польза все-таки есть, думала Касс, выходя на сияющую и знойную Кей-стрит. Жаль, гражданским не продают винтовку М-16. Она бы нашла ей применение.

Гидеон Пейн, держа в руке шляпу, вытер платком потный лоб – жара какая, Господи! – и нажал дверной звонок симпатичного дома из красного кирпича на Дамбартон-стрит в Джорджтауне. Почти мгновенно ему открыл слуга в белом пиджаке.

– Signor Payne! Buon giorno.⁶⁷

– Buon giorno. Как поживаете, Микеланджело?

Гидеону Пейну нравилось называть человека Микеланджело, пусть даже это был только дворецкий. В доме царила блаженная прохлада.

– Монсеньор ожидает вас, синьор.

Слуга провел Гидеона по идеально отполированному скрипучему полу, который помнил подошвы прежних жильцов – члена Верховного суда, посла, ряда министров при разных президентах. Дому было больше полутора сотен лет, его отличали высокие потолки и украшала изящно изогнутая лестница над негромко журчащим итальянским фонтаном в стиле восемнадцатого века. На стенах поблескивали картины маслом на религиозные сюжеты. В нише стоял не самый известный, но очень неплохой Святой Себастьян работы Донателло. Микеланджело открыл перед Гидеоном двустворчатую дверь кабинета.

Хозяин, сидевший за музейным письменным столом розового дерева, встал и расплылся в широкой улыбке. Это был красивый мужчина немного за пятьдесят, высокий, темноволосый, с прекрасным загаром, седеющий на висках, атлетически сложенный. На нем было великолепное облачение монсеньора Римской католической церкви. На шее висела серебряная цепь тонкой работы с распятием, которое некогда украшало грудь Джованни Мария Мастаи-Ферретти, будущего Папы Пия IX, провозгласившего догматы о непорочном зачатии Девы Марии и о папской непогрешимости. Драгоценный дар, семейная реликвия.

– Здравствуйте, Ги-идеон!

– Здравствуйте, Массимо!

Двое мужчин сердечно обнялись. Дружба Гидеона и монсеньора Монтефельтро длилась уже немало лет, но особенно их сблизили события вокруг «Мадонны живота».

Как и всякого добропорядочного баптиста-южанина, Гидеона с детства учили презирать папизм и папистов. Но, будучи умелым вашингтонским интриганом, он понимал важность строительства коалиций. Уже на заре существования SPERM он обратился к католикам с предложением бороться сообща. Они были его естественными союзниками. Монсеньор Монтефельтро был у католиков в Вашингтоне вторым лицом – своего рода тенью папским нунцием. Самого же нунция – папского посла в сане кардинала – звали Рудольфе Моро-Лузарди. Массимо отчитывался не перед ним, а непосредственно перед Ватиканом. Со своей стороны, Массимо Монтефельтро считал американских баптистов существами лишь ненамного более развитыми, чем земноводные. Но как дипломат, воспитанный в иезуитских традициях, он прекрасно понимал значимость такого человека, как Гидеон Пейн. Странно, но факт: эти два совершенно разных деятеля искренне симпатизировали друг другу.

Они сознавали, что в них обоих есть нечто комичное: церковный аналог знаменитой истории о скептике, сказавшем, что не понимает, почему два психиатра, встретившись на улице, не раздражаются хохотом. Не то чтобы Гидеон и монсеньор Монтефельтро считали себя участниками полноценного розыгрыша, но их общая нелепость не оставалась для них тайной: два великолепных павлина на службе Господней.

Каждого из них восхищала в другом манера одеваться. Облачение католиков завораживало Гидеона так же, как Минивера Чиви⁶⁸ – «блеск брони средневековой». Он

⁶⁷ Здравствуйте, синьор Пейн! (*ит.*)

⁶⁸ Минивер Чиви – герой одноименного стихотворения американского поэта Эдвина Арлингтона Робинсона

часами мог слушать, как монсеньор Монтефельтро рассуждает о тонких особенностях таких предметов, как стола, сутана, орнат или казула. После одного особенно увлекательного описания нового великопостного шазюбля, сшитого для святого отца из персидского шелка и украшенного бадахшанской ляпис-лазурью, Гидеон сокрушенно вздохнул: «Какими же тусклыми выглядят по сравнению с этим мои братья баптисты!»

Монсеньор Монтефельтро в ответ улыбнулся и единым духом перечислил с полдюжины баптистских телепроповедников с Юга, чей суммарный доход превышал ВВП штата Делавэр и которые одевались по сутенерско-ангельской моде. Прикид самого Гидеона – шляпа «борсалино» с мягкими полями, трость с серебряным набалдашником, высокий крахмальный воротник, шейный платок, бархатная жилетка, золотая цепочка, карманные часы – приводил на ум пароходного шулера прошлых лет с Миссисипи, который, приехав на Север, старается держаться поскромней, но полного успеха в этом не добивается (намеренно). У обоих священнослужителей были кольца на мизинцах. Гидеон завидовал тому обстоятельству, что, по протоколу, мизинец монсеньора с кольцом положено целовать. Гидеон, впрочем, мог предоставлять для этого другие части тела.

Монсеньор Монтефельтро потому так высоко поднялся в церковной иерархии, что успешно обхаживал богатых американских католичек-вдов, убеждая их, что вернейший путь к спасению – завещать Церкви свое (мужнино) имущество. К настоящему времени он в общей сложности добыл для Матери-церкви более 500 миллионов долларов. В благодарность за такую службу он получил пожизненное содержание, которое заставило бы святого Франциска Ассизского если не хлопнуться замертво, то охнуть и крепко задуматься, а в качестве, так сказать, базы для операций – особняк в Джорджтауне, в котором трудно было углядеть что-либо монастырски-аскетическое.

– Я видел вас в телевизоре, – сказал монсеньор Монтефельтро. – Вы были *так* хороши, Ги-идеон! Но эта женщина... Dio mio.⁶⁹

– Ох, Массимо, это просто катастрофа. Грандиозная катастрофа.

Мало кому Гидеон мог сделать такое откровенное признание.

Монтефельтро улыбнулся.

– И все-таки вы были очень хороши. По крайней мере хоть не *убили* ее на прямом эфире.

Монтефельтро вообще-то знал английский язык на оксфордском уровне (он бегло говорил на семи языках), но считал полезным, особенно беседуя со вдовами, использовать чуточку неверный синтаксис и иностранный акцент и порой забывал потом переключиться обратно на свой безупречный английский.

Оба собеседника рассмеялись.

– В следующий раз так и сделаю. Вообще-то именно об этой особе я и пришел с вами поговорить.

– Тогда оставайтесь ужинать, – предложил монсеньор. – У меня такое чувство, что вы очень многое желали бы мне поведать.

Глава 19

– Чудеснейшая новость, – сказал младший сенатор от славного штата Массачусетс, когда Касс вошла к нему в кабинет. – Я уговорил еще двоих... Что с тобой? Точно в торнадо побывала.

Какая бы метафора ни была здесь уместна, вид у Касс и правда был не очень. Веки припухшие, красные. Она специально вышла из такси, не доезжая Капитолия, чтобы

(1869–1935).

⁶⁹ Боже мой (*ит.*).

проветрить голову, – и ударилась в слезы у мемориала Роберта А.Тафта (популярное в Вашингтоне место эмоциональных всплесков). Она всласть прорыдала там минут пятнадцать, все время призывая на помощь голос инструкторши по строевой, чтобы хоть с его поддержкой прийти в чувство.

– Со мной ровно ничего, – заявила она с вызовом. – Я в *отличной* форме. В великолепной.

– А подбородок зачем дрожит?

– Затем, что мой отец, – произнесла она так громко, что наверняка было слышно в секретарской, – *дерьмо*.

– Вообще-то мне казалось, что этот факт установлен давным-давно, – ровным голосом отозвался Ранди.

Она протянула ему «блэкберри» и приказала:

– Крути.

– Сладкая моя, ты же знаешь, что я ненавижу эту чертову аппаратуру. Расскажи мне лучше своими сло...

– Крути!

– Хорошо, хорошо, не лезь на стенку.

Он прочел, застонал и швырнул аппарат на стол.

– Он последователен, в этом ему не откажешь. Надо же, какой говнюк. Сочувствую тебе, ласточка. Теперь слушай, у нас еще два голоса. Они клюнули на метаподход. Умные схватывают на лету. Дураки – о них и говорить не стоит. В этом смысле наш конгресс и вправду *представительный* орган. Помнишь, что сказал сенатор Хруска о праве посредственности на представительство?..

– Прости, пожалуйста, – перебила его Касс. – Я правильно поняла, что с утешениями покончено и мы перешли к мыслям сенатора Джепперсона на темы дня?

– У меня просто голова этим забита, – сказал Ранди. – Нет, я согласен. Твой папаша – настоящая жопа. Удивительно, что ты не страдаешь булимией. Как подвигается сморчковая кампания?

Касс вздохнула.

– Могу я *ровно* две минуты с тобой поговорить про моего говнюка отца? Обещаю, что после этого всю жизнь потрачу только на тебя. О себе не скажу больше ни слова.

– На таких условиях – согласен.

– Знаешь, я никогда не могу определить, шутишь ты или серьезно.

– Я и сам не могу, – признался Ранди.

– Дело вот в чем. Интересный какой-то выбор момента. Зачем публично атаковать меня именно сейчас? Лезет в голову мысль о дирижерской руке. Но кто этот дирижер? – Она на секунду задумалась. – Белый дом?

– Милая моя, не пойми меня превратно, но у Белого дома есть и другие заботы.

– Например, сенаторы от Массачусетса.

– Ну...

– Кстати, может быть, ты и прав. Белый дом выступает против «восхождения». Поэтому, милый мой, – Касс театрально улыбнулась ему, – не исключено, что в конечном счете это нацелено на тебя. Счастлив наконец?

Лицо Ранди стало сдержанно-встревоженным.

– Говори дальше.

– Фрэнк крупный Филин, он пожертвовал партии большую сумму. Вероятно, хочет, если президента переизберут, стать послом или чем-нибудь в таком роде. По крайней мере этого, думаю, хочет жена. И вдруг он на меня набросился. Но ведь я (прости, пришлось все-таки помянуть свою персону) в каком-то смысле считаюсь источником твоей великой идеи. Вот Белый дом и сказал ему: вмажь ей хорошенько. Это повредит Джепперсону. Так могло быть. Одно из объяснений. Если только не предполагать, что мой дорогой папочка одним прекрасным утром проснулся, выпил свежавыжатый апельсиновый сок и сказал: «А

не назвать ли мне сегодня поведение дочери морально отталкивающим?» Интересно...

– Что? – спросил Ранди, теперь весь внимание, отнюдь не желая оказаться во взрывной зоне семейной истории Коуэнов. Пострадать от побочных эффектов чьей-то личной драмы не улыбается никому, тем более человеку с президентскими амбициями.

– ...что еще они замыслили, – закончила Касс.

Ранди взял трубку и велел прислать Майка Спекса.

Через несколько минут Майк вошел. Этот бывший сотрудник президентской службы безопасности выполнял, как выражался Ранди, его «особые поручения законодательного характера». Ранди включил его в свою «Звезду смерти» в начале второй сенатской кампании, когда в ход пошла тактика выжженной земли. Слушая, как Ранди обрисовывает «проблему» немногословному, каменнолицему Спексу, Касс ощутила чуть ли не боязнь за папашу. Повеяло «Крестным отцом» в сенаторском варианте.

Когда Спекс, не проронив и пяти слов, ушел, Касс спросила:

– Надеюсь, он не будет, типа, ломать моему отцу ноги?

– Нет. Самое большее, мизинчик-другой. – Ранди мысленно уже перешел к другому вопросу. Касс видела, что он в эти дни очень сосредоточен. – Хорошо. Теперь: как идет сморчковая кампания?

– Терри не был в восторге от идеи. Заругал, попросту говоря.

Ранди закатил глаза.

– Платит-то кто – он, что ли? Ну когда же у вас наконец закрутится? Идет волна, надо ее оседлать. Видела последние цифры? Чьи это слова, что обычная судьба новых истин – начинать как ересь и кончать как суеверие?

– Томаса Гексли. Не путать с Олдосом Хаксли, который написал «О, дивный новый мир».

Да, она следила за цифрами опросов, которые ползли в нужную им сторону.

Были новые акты насилия. Последние инциденты спровоцировало принятие законодательным собранием Флориды закона об освобождении мавзолеев от налога с оборота. Сталкиваясь с неизбежностью смерти, которая приходила несмотря на все здоровые диеты, гимнастику, йогу, отказ от курения и гранатовый сок по утрам, бумеры принялись строить себе мавзолеи. То же самое распространение вширь, приметой которого при жизни были особняки.

В американских страстях есть что-то заразное, вирусное. Началось соперничество. По всей стране стали возводить громадные усыпальницы, где имелось всякое разное, чего старина Мавсол и представить себе не мог: «комнаты скорби» для родных, где круглые сутки звучала траурная музыка (видимо, на тот случай, если перенесшим утрату вздумается заглянуть часика в три ночи и тихо поплакать после посещения Международного дома блинов), кинозалы с мягкими сиденьями, где можно было посмотреть домашние видеоклипы с дорогими покойниками. Вокруг возникла целая новая отрасль индустрии: появились компании, которым ты мог заказать масштабный документальный фильм о себе с интервью, хвалебными отзывами, анимацией, саундтреком. Один стареющий бумер, владелец сети зарубежных агентств по продаже автомобилей, позаботился о том, чтобы про его не слишком интересную жизнь сняли фильм в системе IMAX, который после его кончины должны были непрерывно показывать на стенах цилиндрического мавзолея. Другие бумеры переводили свои предчувствия смерти в разряд искусства: заказывали картины, прославляющие их жизненный путь, с тем чтобы полотна до скончания веков висели подле их останков в помещениях с климат-контролем. Карл Хайасен из «Майами геральд» выразил мнение, что проще было бы замуровывать их в стены их особняков – «предпочтительно живьем». На этот, в буквальном смысле, декаданс тратились огромные суммы. «Ритуально-строительная ассоциация Флориды» не замедлила пролоббировать в законодательном собрании штата налоговую льготу. Закон был принят втихую, на ночном заседании.

Чтобы возместить бюджетные потери, законодатели на том же заседании без лишнего шума подняли налог с оборота на газировку, пиво, скейтборды, видеоигры и энергетические

напитки, столь любимые молодежью «штата аллигаторов» (избранники народа уповали на то, что юнцы по безмозглости не заметят повышения налогов). Когда в ярком свете дня (а дневной свет во Флориде может быть довольно ярким) факт обнаружился, молодые жители Флориды ему не обрадовались и ответили актами вандализма в отношении самых экстравагантных мавзолеев. Губернатору Джорджу П.Бушу опять пришлось призвать на помощь Национальную гвардию. Солдаты на телеэкранах, охраняющие за общественный счет колоссальные гробницы бумеров, сильно повысили популярность «восхождения». Поэтому – да, Касс видела цифры, и Ранди был прав: шла волна.

– Ранди, – сказала она.

– А?

Он писал заметки для вечернего выступления в АББА – Ассоциации бэби-бумеров Америки.

– Ведь мы с тобой не хотим, чтобы «восхождение» и правда...

– М-м-м...

– ...прошло в конгрессе?

Ранди снял очки для чтения и потер глаза.

– Если бы ты месяц назад меня об этом спросила, я бы ответил, что скорее в аду намерзли бы сосульки. Но смотри: у нас все больше и больше сторонников. Приходится, конечно, нести ради этого некоторые издержки. – Он невесело усмехнулся. – Но в конечном счете? – Он философски хмыкнул. – Нет. Шансы нулевые. А впрочем... это же Америка. Нашим национальным девизом должно быть: «С тысяча шестьсот двадцатого года. Возможно все – и даже вероятно».

Он принялся напевать песенку Билли Холидей: «Что трудно – то мы сделаем сейчас, что невозможно – чуточку попо-озже...» Потом сказал:

– Это был девиз инженерных частей наших ВМС во время Второй мировой. В общем, самое для нас теперь главное – что мы стали раздражителем. Превосходным раздражителем. – Говоря, он проглядывал написанный им текст. – Я слышал, Белый дом в штаны наложил. Рано или поздно они увидят, что такое Рандольф К.Джепперсон. – Он протянул ей блокнот. – Хочешь пропустить через свою стирально-сушильную машину? Это моя речь в АББА. АББА – ну и названьице! Мamma mia.

– Я сотворила чудовище, – сказала Касс.

– Нет, милая моя, – улыбнулся Ранди. – Чудовище сотворила мамочка. Ты только добавила несколько завершающих штрихов.

АББА возникла несколькими годами раньше, когда часть членов Американской ассоциации пенсионеров решила, что стареющим бумерам нужно свое собственное лобби. Раскол с ААП был скандальным и сутяжным. При имеющейся демографической ситуации (численность бумеров – 77 миллионов, средний доход на семью – 58 тысяч долларов в год) АББА быстро стала мощнейшим лобби. Ее философию заключала в себе фраза: «От колыбели до могилы – иным мы прочим не чета!»

Штаб-квартира АББА на Массачусетс-авеню близ Дюпон-серкл была построена по проекту архитектора Ренцо Ноленто за сумму, которую организация предпочитала не обсуждать публично. Вестибюль здания представлял собой эллиптический атриум со стенами из матовой стали. В интервью журналу «Аркитекчерал дайджест» Ноленто признался, что на мысль о таком оформлении его натолкнула отделка из нержавеющей «платиновой» стали холодильников «саб-зиро», популярных среди членов АББА. «Я хотел создать ощущение определенного холода, – заявил он, – но также и силы, как бы говорящей: с нами шутки плохи, ребята, мы *очень* могущественны». На металлической стене было начертано: «Не спрашивай, что страна *может* сделать для тебя. Спроси с нее то, что она тебе *должна*».

Ранди шепнул Касс, когда их вели в помещение за сценой:

– Вот и опять мы у врага в тылу.

До этого у них вышел спор, стоит ли принимать приглашение выступить в АББА. Бумеры в массе своей не были в восторге от того, что Касс, главная советница сенатора Джепперсона, подбивала молодежь нападать на пенсионерские поселки. Тем не менее Ранди, понимая значимость поддержки со стороны АББА в дебатах о «восхождении», вел неофициальные переговоры с ее руководством. Курение, может быть, и вышло уже из моды, но пресловутые «прокуренные комнаты», где тихо решались важные вопросы, продолжали существовать. И, действуя в духе этих комнат и в манере своей породы, Ранди давал те или иные посулы.

Среди прочего он пообещал поддержать требования АББА о пособии на косметическую хирургию и об исключении из налогооблагаемой базы полной стоимости моторизованных самокатов «сегвэй», которые столь многим бумерам с плохо гнущимися коленками (или просто бумерам-лентяям) помогали сейчас передвигаться по тротуарам и торговым центрам страны. Он согласился оказать поддержку и другим законодательным инициативам АББА – о субсидиях на лечение кислотного рефлюкса и на детские учреждения для внуков, об отмене визовых требований для персонала по уходу за престарелыми и о сулившей острые споры субсидии на огромные плазменные телевизоры для бумеров со слабеющим зрением.

Да, дел у Ранди было по горло. Чего он *не* сделал – это не ввел Касс в курс своего закулисного торга. Она, нарушившая покой бумеров, нанеся удар по их полям для гольфа и охраняемым поселкам, может быть, и находилась сейчас «у врага в тылу», но Ранди был среди новых друзей.

Исполнительный директор АББА Митч Глинт остановился засвидетельствовать ему почтение. Руку Касс Глинт пожал довольно прохладно, руку Ранди – со всей сердечностью. Они поговорили несколько минут. Напоследок Глинт сказал:

– Об остальном – в другой раз.

– О чем «об остальном»? – спросила Касс, когда Глинт отошел.

– Да ни о чем таком особенном. Просто будем и дальше поддерживать связь.

– Я думала, я у тебя отвечаю за связь с общественностью.

– Ты, ты. Я потом тебе все объясню. Сейчас я должен сосредоточиться на речи. Надо постараться, а то эти ребята сделают из меня котлету.

Она смотрела сквозь щель в занавесе. Обычно Ранди почти не хромал. Но, выходя на трибуну, иной раз изображал человека, выбирающегося из океана на берег после того, как акула оттапала ему ногу.

Неплохо, неплохо, подумала Касс.

Ранди начал:

– Когда я после взрыва лежал на больничной койке...

Она слышала это уже множество раз.

– ...и думал о гораздо больших жертвах, принесенных другими американцами...

Касс отвлеклась от речи. Сидя за кулисами, она почувствовала себя женой политика, слушающей одно и то же в четырехсотый раз. Хорошо хоть не на сцене, где нужно заставлять себя улыбаться. У этих жен, наверно, нерв, управляющий улыбкой, испытывает от перегрузки что-то вроде синдрома туннеля запястья.

– ...не время для партийной непримиримости...

Ей сразу вспомнился Терри и их давняя хохма.

– ...не республиканская и не демократическая проблема...

Губы Касс молча произнесли: *...а проблема для всей Америки...*

– ...а проблема для всей Америки...

Она составляла текстовое сообщение на «блэкберри» – и вдруг до нее смутно дошло (как если бы в закулисном сумраке вдруг появилась и принялась носиться летучая мышь), что Ранди произносит слова, которых она для него не писала.

– Ибо наша повестка дня – это во многом и *ваша* повестка дня.

Что?

– Того, что нас соединяет, больше, чем того, что разделяет.

Что он такое говорит? АББА – главное лобби неприятеля, самой эгоистичной, самой себялюбивой группы населения со времен двенадцати Цезарей.

Она подняла глаза от «блэкберри» и уставилась на высвеченную прожектором фигуру на сцене. Ранди воздел правую руку подобно греческой статуе, указательный палец поднял вверх, словно подразумевая некую духовную поддержку или спонсорство со стороны то ли небес, то ли какого-нибудь залетного американского орла, то ли, на худой конец, крыши зала.

– Рональд Рейган часто повторял, что самые ужасные восемь слов в английском языке звучат так: «Я от государства, и я пришел вам помочь».

По залу пробежали смешки.

– Так вот, леди и джентльмены...

Куда он клонит? Любопытство Касс дошло до предела. Вскочив, она бессознательно стала искать глазами какую-нибудь длинную палку с крюком.

– ...Я – от государства. Бегите, пока еще можете!

Зал захохотал. У Касс чуть отлегло от сердца. Спичрайтеры – настоящие кальвинисты: они страшно нервничают, если начальник проявляет свободную волю и отклоняется от заготовленного текста.

– Как бы вы ни относились к политике Рейгана, он был великий человек. Храбрый человек. Он встретил пулю злоумышленника и шутил со спасавшими его врачами. Он выжил и проработал два президентских срока. Он пережил многих своих противников и современников. Пережил – но ради чего? Чтобы сойти в могилу от болезни Альцгеймера. Умереть затяжной, мучительной и бесславной смертью. Стоило ли идти этим путем? Я считаю, что ответ должен быть – нет. Нет и нет. Безусловно, не стоило.

Касс подкралась к краю занавеса и бросила взгляд на публику. Люди сидели в каменном молчании и не сводили с Ранди глаз. Каковы были их коллективные мысли, она не знала, но никто не покашливал, не ерзал и не нажимал украдкой на кнопки «блэкберри».

– Дорогие мои сограждане! Нам всем предстоит совершить Великое восхождение. Можно накачиваться медикаментами, устроить себе пересадку органов, смену крови, стать биофранкенштейнами. Но предельный срок нашего хранения напечатан у нас на ДНК при рождении. Можно на какое-то время пережить какие-то болезни, но вечно это продолжаться не может. Каждый из нас рано или поздно должен будет пересечь пограничную реку и обрести покой на ее тенистой стороне. И наше поколение точно так же, как оно всегда старалось взять от жизни лучшее, может попробовать урвать лучшее и от смерти. Дорогие сограждане! Помните, как ярко – хоть и по несколько иному поводу – высказались ребята из «Country Joe and the Fish», славной рок-группы времен нашей юности: «Ого-го! Мы все померем!»⁷⁰ Истинно так. И я спрашиваю вас: почему не проделать это так же, как мы прожили жизнь, – на *наших* условиях? Почему не проделать это по *нашему* расписанию? И наконец, дорогие мои американцы – дорогие мои бэби-бумеры, – если мы намерены принести эту последнюю жертву, не вправе ли мы рассчитывать на некий минимум *благодарности* со стороны правительства?

Когда он кончил, слушатели с жаром зааплодировали. Иные даже встали. Митч Глинт, поднявшись на сцену, поблагодарил Ранди и заявил собравшимся, что он показал себя человеком, «с которым можно иметь дело».

– Ну как? – спросил Ранди, когда они с Касс сели в машину. Касс была какая-то тихая. У него же был утомленно-радостный вид – вид политика, которому только что аплодировала тысяча человек. – Тебе понравилось?

⁷⁰ Цитата из антивоенной песни «Next Stop Vietnam»

- Да, – холодно ответила Касс. – У меня был оргазм за оргазмом.
- Что тебя смущает, я понять не могу? Ты заметила или нет, что я попал в яблочко?
- Ты вел с ними торг.
- Кое-какие неформальные контакты, не более того.
- Я так и знала, что ты на это пойдешь.
- Не занудствуй, радость моя. Они проглотили наживку – что еще надо? Пришел, увидел, победил. Пусть нам теперь изжарят быка и нальют лучшего вина в Галлии.
- Какой из наших базовых принципов ты предал первым? Нет, лучше не рассказывай. Сама потом прочту в «Вашингтон пост».
- Кассандра. Нам нужны деловые отношения с этими людьми.
- Нет, не нужны. Боже мой – ты такой...
- Кто?
- *Сенатор.*
- Надо же, я и не догадывался, – игриво произнес Ранди, – что это ругательное слово.

Глава 20

Касс не пришлось долго ждать. Через три дня АББА объявила, что поддержит предложение сенатора Джепперсона о «добровольном восхождении», и первоначальный его «соавтор», сенатор Фандерманк от Орегона, растворился в северо-западном тумане. «С условием, – оговорился на пресс-конференции Митч Глинт, – что в окончательном варианте закона будут отражены поправки АББА».

На вашингтонском языке «поправки» означают «навар». «Поправки» АББА измерялись цистернами наваристого бульона для бумеров. Касс читала список с нарастающим отчаянием. Субсидия на ботокс?⁷¹ Снижение подоходного налога купившим «сегвэй»? Пособия на детские учреждения для внуков? В ее висках запульсировала кровь. И тут она добралась до самого-самого:

«Мистер Глинт далее сказал, что сенатор Джепперсон выразил намерение поднять возрастной порог „восхождения“ с 70 до 75 лет».

Какое там – «нести некоторые издержки», подумала она. *Он попросту сдал все позиции.*

Она яростно нажала на кнопку мобильного телефона. Экстренный номер Ранди – только на случай ядерного удара или получения им Нобелевской премии мира. Ранди ответил шепотом, означающим, что он на заседании сената. Уступив давлению «Омнител» – мощного лобби сотовых телефонов и прочих цифровых приспособлений, – сенат ослабил ограничения для депутатов, и им теперь разрешалось использовать телефоны даже во время выступлений. Исключение составлял доклад президента о положении страны, но лоббисты «Омнител» работали и над этим.

– Прежде чем зарабатывать себе варикозные вены, – сказал Ранди, – может, захочешь узнать хорошую новость?

– Хорошей новости быть не может, – отрезала Касс. – Ты понимаешь, что ты сделал? Ты лишил «восхождение» всякого смысла даже как метавопрос. Если следовать плану Джепперсона, на это теперь всей госказны не хватит!

– Кончила?

– Нет. Только начала.

– Не так громко хотя бы. Тебя отчетливо слышат через проход. Тише. Так вот, хочу тебе сказать, что сегодня в результате моей готовности сделать шаг назад...

⁷¹ Ботокс – медицинское средство, применяемое в косметологии и при ряде нервных заболеваний.

– Шаг? Это шутка такая, да? Ты уже сделал назад столько шагов, что все, конец игры!

– Можно, я договорю? У нас теперь тридцать пять голосов за «восхождение». Только что присоединились Барзайн и Уонамейкер. Плюс Куимби говорит, что проголосует. Старшие сенаторы столько наполучали от АББА на свои избирательные кампании, что у них выхода другого нет, кроме как примкнуть. Разве это не чудесно? Конечно, с Куимби никогда нельзя быть уверенным до конца. Старый осел...

– Ранди, – перебила его Касс уже более спокойным тоном. – Эти твои уступки... Если увеличить возраст до семидесяти пяти, все теряет смысл. Как ты не понимаешь? Не будет никакого финансового выигрыша...

– Дорогая моя... Дорогая моя! Это же метавопрос.

– Не в том дело.

– Мы всё отрегулируем. Не волнуйся. А сейчас мне надо идти. Позвони попозже. У меня есть для тебя интересные новости.

– Мне не нужно больше от тебя никаких новостей.

– Мой агент Спек отчитался. Я думаю, ты не прочь будешь услышать.

Касс нажала отбой. Современный эквивалент швыряния трубки.

Ей хотелось протянуть руку через телефон и задушить его прямо в зале заседаний сената США. Плевать она хотела на то, что там ему сообщил этот шестерка Спек, – так была разъярена.

Поддержка «восхождения» со стороны АББА стала темой дня. Предложение Ранди о том, чтобы американцы убивали себя в обмен на налоговые послабления, законопроект, который вначале рассматривали как кусок птичьего дерьма, случайно упавший в капитолийскую пиршественную чашу, теперь одобряла треть сената. Это обеспечило Ранди первые страницы газет.

ДЖЕППЕРСОН ВОЗНИК КАК НЕОЖИДАННАЯ ФИГУРА В ДЕБАТАХ О «ДОБРОВОЛЬНОМ ВОСХОЖДЕНИИ»

Через несколько дней появились новые заголовки:

БЕЛЫЙ ДОМ ВИДИТ В ДЖЕППЕРСОНЕ «ТРЕТЬЮ СИЛУ» В ПРЕДСТОЯЩЕЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

ДЖЕППЕРСОН НЕ ИСКЛЮЧАЕТ СВОЕГО УЧАСТИЯ В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ

– Эта сделка с АББА – *твоя* идея? – спросил Терри, стоя в дверях кабинета Касс с чашкой кофе.

– Нет! – отрезала Касс.

– Я только задал вопрос. Ты что, не выпила с утра антидепрессант?

– Он просто оглушил меня этим.

– Бывает. Читала, что он подумывает о своем выдвижении? На пост...

– Да!!

Терри закрыл дверь и сел перед столом Касс.

– Ты озлоблена на меня лично или на человеческий род в целом?

– Сама на себя.

– За то, что поверила политику? Или за...

– Ну договаривай же! – простонала она. – За то, что спала с ним? Так вышло, вот и все. Такое *случается*, к твоему сведению. Люди вместе идут по дороге и...

– По дороге, – повторил Терри. – Это мне нравится. Дорога за все в ответе.

– Ты помочь мне хочешь или как?

– Посмотри на это таким манером: я его поймела до того, как он меня поймел. Помогает?

– Спасибочки, – проворчала Касс. – Уже намного лучше.

– Могу нанять тебе психолога-чрезвычайщика. Знаешь, какие бабки они срубают? Странная ниша, надо сказать. Едет человек утром на работу и думает: хорошо бы случилась авиакатастрофа!

Поколебавшись, Терри добавил:

– А про Гидеона Пейна читала?

– Нет.

– Нет? Он... Поросенок, одним словом.

– Выкладывай все как есть.

– Вчера выступил в Западной Виргинии. В Уилинге. Традиционная площадка для разоблачительных речей.⁷² Прозвучало твое имя.

– Терри, кончай говорить обиняками!

– Он заявил, что, по имеющимся у него данным, вы с Ранди занимались на минном поле выяснением фактов... э... жаркого свойства. Он, кроме того, назвал тебя Жанной Дарк

– Жанной Темных Сил.⁷³

– Гм, – сказала Касс. – Остроумно.

– Наверняка не он сам это придумал.

– Да. Кто-то неглупый у него в помощниках. По каким еще «данным»?

– Слушай, выбрось это из головы. Он просто тебе мстит за то, что назвала его матереубийцей.

– Перестань играть роль доброго дядюшки. А то я заплачу.

– Меняю тему. Итак, наш пострел хочет стать президентом. Говорил он тебе об этом, когда вы последний раз играли в постельные игры?

– Довольно гадко с твоей стороны!

– Дай такому один лестный заголовок, и вдруг он начинает слышать целый хор голосов. Призыв, которому он просто обязан внять. Воля народа.

– Я лично такой вариант исключаю. И не думаю, что, говоря это, проявляю нелояльность.

Терри фыркнул.

– Не проявляешь, конечно. Но я бы не исключал. Это же Америка. Земля свободных, прибежище чужаков. В девяносто первом году – ты еще была в пеленках – политику президента США, по опросам, одобряло девяносто процентов населения. Он только что эффектно выиграл войну в Персидском заливе. Полтора года спустя он проиграл перевыборы сексуально озабоченному губернатору Арканзаса.

– Большое спасибо. Я кое-что про это слышала. И к чему это все?

– Американская история – цепь несчастных случаев. Но при хорошем менеджменте... При верном подходе...

– Терри, этот человек продал меня с потрохами. С какой стати я ему буду помогать становиться президентом?

– Да, он оппортунист. И чем это его отличает от девяноста пяти процентов кандидатов в президенты?

– Я думала, циничное поколение – это мое поколение.

– Всю свою профессиональную жизнь, – сказал Терри, – я занимался превращением

⁷² Имеется в виду речь сенатора Джозефа Маккарти 9 февраля 1950 г., где он заявил о наличии «коммунистической шпионской сети» в Госдепартаменте. Речь положила начало так называемому маккартизму.

⁷³ По-английски dark означает «темный»

дерьма в конфетку. Мне почти пятьдесят. Я слышу, как постукивают каблуки Угрюмой Жницы. Время не ждет. Я хочу работать с... дерьмом высшей категории.

– Что ж, у каждого своя цель жизни.

Терри пожал плечами.

– Касс, я пиарщик. Может быть, это мой звездный час.

– Найди кого-нибудь – ну, не знаю – *достойного*.

– Клянусь, у меня к нему такое же отвращение, как у тебя. Даже более сильное.

– И поэтому ты хочешь помочь ему избраться президентом Соединенных Штатов?

– Тебе никогда не хотелось сделать в жизни что-нибудь крупное?

– Очень странный вопрос с твоей стороны. Я же была на обложке «Тайм». «Голос ее поколения». Проснись! Забыл?

– Я не так выразился. Беру слова назад. Прошу считать мое предыдущее заявление не имевшим места. Извини. Слушай. Я всегда хотел это совершить. Сыграть в высшей лиге. Помочь кому-нибудь взойти на вершину. Ну вот. Это мой шанс.

– На здоровье. Но я скорее буду есть гусениц с горячего тротуара.

– Где ты это подхватила?

Касс пожала плечами.

– От Ранди.

– Ну, смошенничал он маленько с «восхождением». Зато тридцать пять сенаторов.

– Перестань пудрить мне мозги. Это не по-дружески.

Терри наклонился к ней через стол.

– Да, он заключил кое-какие сделки. Слушай, ты что, не учила в школе граждановедение? Они же *все* так поступают. А мы ему скажем: «Жопа с ручкой, это мы тебя довели досюда. Мы и до конечного пункта тебя доведем. Но за это дай нам то-то и то-то».

– И что мы от него хотим? – спросила Касс.

– Не знаю, – сказал Терри. – Что-нибудь придумаем.

– Касс! Входи, радость моя. Я по тебе соскучился.

Сенатский кабинет Ранди, как и большинство таких кабинетов, был просторным, и чтобы от двери дойти до стола, требовалось время, за которое сенатор обычно успевал подняться навстречу посетителю. Но Ранди навстречу Касс не встал. После того, как она побывала здесь в прошлый раз в день его судьбоносной речи в АББА, произошло некое, скажем так, изменение протокола. Он не только не встал ей навстречу, но вернулся к своей бумажной работе.

– Садись, садись, – сказал он, не поднимая глаз.

– Я, видимо... не вовремя? – спросила она прохладно.

– Ты? Что за глупости! Очень приятно, что ты заглянула.

– Я не ослышалась? Ты действительно сейчас сказал: «Очень приятно, что ты заглянула»?

– Да. А что?

– Да ничего. Просто сенаторы обычно говорят такое, не знаю... учителю года округа Барнстабл или какому-нибудь чиновнику, ответственному за градостроительство.

– Значит, не перестала еще сердиться?

– На что я могу сердиться? Разве только на то, что ты полностью переписал законопроект о «восхождении» и не удосужился мне про это сообщить.

– Пойми, прелесть моя, есть такая штука, как реальный мир, и есть такая штука, как сенат США. У нас имеется шанс забить гол.

– Только в чьи ворота, бомбардир ты наш?

Ранди бросил на нее раздосадованный взгляд, словно только ее упрямство мешало признанию его политического гения.

– Не знаю, как это еще сформулировать. Нам *нужны* бумеры.

– А я-то думала, идея в противостоянии бумерам.
– Может быть. Но лучше, чтобы они были в твоём шатре и мочились наружу, чем наоборот.
Касс уставилась на него.
– Это из Джефферсона или из Медисона цитата?
– Ты хочешь, чтобы законопроект прошел, или нет?
– В данный момент нет. Ты взял мой метавопрос и пустил его на жирный навар для бумеров. Я не для этого согласилась участвовать.
– Сожалею, что демократический процесс не соответствует твоим высоким требованиям. Привет от меня Аристотелю и Периклу.
У него был тот самый маленько потусторонний вид. Касс встала.
– Ладно, желаю удачи.
– Ты что, уходишь? – спросил он. Вдруг его лицо стало более человеческим.
– Нет, не ухожу. Бегу со всех ног.
– Нет, Касс, давай-ка сядь. Послушай. Как-нибудь мы это урегулируем.
– Я тебе не лобби, Ранди.
Он улыбнулся.
– Да. Я понимаю.
Он встал и, прыжками обогнув стол, приблизился к ней. Касс поняла, почему он не стал вставать при ее появлении. Он был без протеза. Она захихикала.
– Извини, – пробормотала она. – Это просто... не знаю... по барабану!
– Смейся, смейся над калекой. Все вы такие.
Он доскакал до двери и запер ее.

Некоторое время спустя, лежа с ним на большом кожаном диване, она спросила:
– Ты слышал про выступление Гидеона Пейна?
– Слышал, – сказал Ранди. – Я собирался лично явиться к нему в кабинет и сломать гаденьшу нос, но мои оруженосцы отсоветовали. Должность сенатора накладывает определенные ограничения. К тому же эта история с его предком, убившим моего предка. Похоже было бы на какую-то идиотскую кровную месть. Метишь в президенты – изволь принимать позы, исполненные достоинства. Я вот думаю – может, снайпера нанять? Чтобы свести, так сказать, исторические счеты.
– Беспокоиться по его поводу стоит или нет?
– По-моему, не стоит. Никаких «данных» у него нет. Мы же ничем таким на минном поле не занимались. – Он улыбнулся. – На это просто не было времени.
– Он назвал меня Жанной Темных Сил.
– Я видел. Неглупо, кстати.
– Ага.
– Но ты ведь, лапочка, не оставишь это без ответа, – сказал Ранди.
– Мне пришло в голову: «толстячок-говнючок». Как тебе?
– Мне нравится. И остроумно, и по существу. Теперь хочу о другом. Мой сотрудник Спек сообщил кое-что. Боюсь, тебе не очень приятно будет услышать. Но полная конфиденциальность, хорошо?
– Дудки. Тут же все растреплю «Нью-Йорк таймс».
– Он раньше работал в президентской службе безопасности и имеет доступ ко всяческому... Не буду уточнять, но поверь мне: он настоящий питбуль. Во время последней кампании... ладно, не важно.
– Ты пробалтываешься.
– Дорогая, я испытываю посткоитальное блаженство. Тону в эндорфинах. Еще бы я не пробалтывался. Он говорит, было несколько телефонных разговоров между Белым домом и очень секретным телефонным номером твоего отца.
Касс замерла.

- И что в этом такого? Он крупный жертвователь. Филин...
- Да, но звонки были большей частью незадолго до того, как твой дорогой папаша публично назвал тебя...
- Морально отгалкивающей?
- Да. Извини.
- Касс задумалась.
- И все-таки это не значит...
- Касс. Кто кого должен учить теперь трезвому взгляду на вещи? Давай посмотрим аналитически.
- Куда эффективней, чем эмоционально.
- Конечно. Допустим, они попросили его осудить тебя. Зачем? *Cui bono?*⁷⁴ Наверняка им. Белый дом, кто бы его ни занимал, всегда озабочен своими, и только своими проблемами. – Ранди ненадолго задумался. – Не могу все разобрать по косточкам, но похоже на желание Белого дома избежать какой-то неловкости. Как будто они хотели, чтобы Фрэнк публично назвался твоим отцом. – Он еще поразмыслил. – Ну конечно. Еще бы. Совершенно очевидно. Сообразишь сама?
- СМИ еще не знали, что мы в родстве. Он сидел тихо. Фамилии у нас разные. Он крупный спонсор Белого дома, а я разбрасываю бутылки с коктейлем «Молотов». И Министерство юстиции отпускает меня на свободу.
- Умница. Видишь, как секс прочищает мозги?
- Касс вздохнула.
- Бог ты мой. Настоящий гадюшник, правда?
- Это Вашингтон, милая моя. «Сияющий град на холме». Маяк демократии. Последняя и самая светлая надежда человечества. И ты удивляешься, что мне приходится заключать кое-какие сделки?
- Осторожно – лохотрон. Ты на крючке у них, мой дорогой.
- Мы еще это обсудим. Но Спек разноухал и кое-что другое. Слыхала когда-нибудь о программе под названием RIP?

Глава 21

Настроение президента, который и так был не в духе, не улучшилось от сообщения Бакки Трамбла во время их обычного политического совещания в семь утра, что сенатор Рандольф К.Джепперсон «не исключает» выставление своей кандидатуры в президенты. Это довело общее количество новых претендентов на пост до пяти. Не очень-то приятно, когда столько людей выражают желание спихнуть тебя с должности.

– Едрена мышь! – взорвался президент и послал через стол в лицо Бакки кофеиновый выдох ураганной силы. – Есть тут хоть один, кто *не* намерен против меня выставиться? И без того трудно эту сраную страну... – Бакки Трамбл жил в постоянном страхе перед тем, что буйный на язык президент вдруг возьмет и ляпнет публично: «эта сраная страна». – ...удерживать от падения хер знает куда, а тут еще идти на *первичные* выборы? Мамка Иисусова, теперь получается, что я должен буду, как мудака, тащиться в Нью-Гэмпшир в проклятушие зимние холода, чтобы в каком-то долбаном школьном зальчике дебатировать со всякими обормотами?

– Видите ли, сэр...

– Как до этого, на хер, дошло? Скажите мне, кто-нибудь! Ты мне скажи!

Бакки Трамбла бросило в дрожь.

– Это всё сучка Девайн, – не унимался президент, посылая через комнату еще одно воздушное цунами. – Ее саму надо было отправить на восхождение, когда она была у нас в

⁷⁴ Кому это выгодно? (*лат.*)

руках! Но кое-кто решил, что блестящей идеей будет ее отпустить!

– С этим, сэр, мы еще посмотрим, как повернется, – сказал Бакки. – Я предпринимаю очень серьезные усилия. Кстати, вы знаете, что Гидеон публично выступил по поводу «данных», которые мы ему предоставили?

– Знаю, – рявкнул президент. – Надеюсь, он не такой идиот, чтобы на нас ссылаться. «Данные»! Они такие хиленькие, что плюнуть и растереть.

«Данные», которыми президент и его политический советник вооружили Гидеона против его мучительницы Кассандры Девайн и, заодно, против их мучителя сенатора Джепперсона, были и правда хилые. Один из членов команды вертолета, подобравшего сенатора и девушку на минном поле, несколько месяцев спустя выпил лишнего и сказал сотруднице американского посольства в баре в Гнилюке, что они «трахались там до потери пульса».

Этот пустой треп явно противоречил неистовым радиосообщениям Касс о том, что они подверглись атаке и нуждаются в помощи. Тем не менее сотрудница посольства, как водится, передала слова пьяного офицера в Госдепартамент. Оттуда они, как водится, просочились в Белый дом через посредство заместителя помощника госсекретаря, искавшего возможность отличиться и получить повышение.

Словом, вопреки тому, что президент сказал Гидеону, это была совсем не такая информация, которая способна изменить картину в корне. Но Гидеону, жаждавшему отомстить Касс, она сгодилась.

Президент и Бакки показали Гидеону сообщение, полученное Госдепом, но копию ему дать отказались. В своей речи в Уилинге – традиционном месте выступлений с громкими разоблачениями на основании «данных» из Госдепа – Гидеон заявил только (но заявил с великой убежденностью и праведным гневом), что видел «убедительное доказательство того, что капрал Девайн и конгрессмен Джепперсон занимались в машине отнюдь не только выяснением фактов».

– Пресса на это клюнула, – сказал Бакки.

– Будем надеяться, что он не раскроет источник, – заметил президент.

– Он еще назвал ее Жанной Темных Сил. Жалко, что не я это придумал. Сэр, предварительный опрос сенаторов по поводу законопроекта о «восхождении» дал тревожные результаты. Джепперсона поддержали тридцать пять человек.

– Ты прекрасно знаешь, что этот закон не пройдет.

– Меня другое волнует. Джепперсон хочет использовать эту тему как трамплин. Надо лишить его трамплина. В связи с чем у меня есть мысль.

– Валяй, – сказал президент с таким скучающим видом. На самом-то деле он был весь внимание, но это был хороший способ заставить собеседника выдать все по максимуму.

Бакки изложил свою мысль. Президент делал вид, что слушает без особого интереса. Когда Бакки кончил, президент фыркнул, уставился на него, поджал губы, потер подбородок, нос, подергал себя за мочку уха.

– Неплохо, – сказал он, – но Гидеон-то как? В штаны не наложит?

– Не наложит, если конфиденциально сообщить ему суть нашего плана. И... мемориал в придачу.

– Черт возьми, Бак! Думаешь, мне охота выглянуть с утра в окно спальни и увидеть какой-то сраный мемориал сорока миллионам зародышей? Японский бог! Это недостойно президента.

– До этого никогда не дойдет. Просто намекните ему, что у вас нет принципиальных возражений. Скажите, что пригласите к себе сенаторов и конгрессменов из Мемориальной комиссии по Вашингтонскому Моллу. Скажите и... забудьте. К тому времени выборы уже пройдут, и что там мы пообещали Гидеону, значения иметь не будет. Скажем ему, что пытались. Пригласим на уик-энд в Кэмп-Дэвид, и он заткнется.

– Я не собираюсь проводить с ним уикэнд ни в Кэмп-Дэвиде, ни где-либо еще. Но хорошо, я согласен. Идея мне нравится. Действуй.

– Понял вас, сэр.

Впервые за последние месяцы Бакки Трамбл почувствовал облегчение.

Ранди никогда раньше не был в Овальном кабинете. Двигаясь по Капитолийскому холму в машине, которую послали за ним из Белого дома, он невольно предался мечтам о дне, когда он, – кто знает? – может быть, поедет в Белый дом в еще большей машине. Сопровождаемой агентами президентской службы безопасности. Бегут рядом, потеют.

Машина въехала в юго-западные ворота и замедлила ход при приближении охранников в форме.

Накануне Ранди удостоился личного звонка от Бакки Трамбла, главного политического советника президента, второго человека в стране. Трамбл поздравил его с удачным продвижением законопроекта о «восхождении», после чего сказал:

– С вами хотел бы встретиться президент. Есть о чем поговорить.

В первый момент Ранди изобразил равнодушие:

– О чем именно?

– Президент в восторге от того, как вы все это обстряпываете, – сказал Бакки. – У нас, как вам известно, иная позиция. Но ваша, так сказать, техника ведения мяча произвела на него сильное впечатление. Очень сильное.

Ранди мигом растекся сахарным сиропом:

– Передайте президенту, что, хоть мы и расходимся по каким-то вопросам, я питаю к нему глубочайшее личное уважение.

– Вы сможете сами ему это сказать, – радостно отозвался Бакки, наживляя крючок. – Сенатор, вы позволите открыть вам один секрет?

– Конечно. Я слушаю.

– Я должен просить о полной конфиденциальности.

– Обещаю, – сказал Ранди, весь любопытство.

Бакки понизил голос до чуть слышного, что гарантирует напряженное внимание собеседника:

– Президент рассматривает разные варианты в связи с вопросом о том, пойдет ли он на следующие выборы в паре с нынешним вице-президентом. Может случиться так... – Слова Бакки колыхались в воздухе, как рождественское украшение из омелы. – ...что он возьмет себе в напарники кого-то другого.

Ранди беспокоило, что Бакки может услышать *туки-туки-туки-тук* его сердца.

– Да-да...

– Официально вы приглашены по другому поводу. Но – строго между нами – у визита будет и неофициальная сторона, более важная. – Бакки тихо ухмыльнулся. – Простите за уклончивость, черт бы ее драл.

Ранди уже сидел за столом очень-очень прямо.

– Я вас понимаю, – сказал он торжественно.

– Завтра в три сможете?

– Буду как штык!

Ранди тут же выбранил себя за этот энтузиазм в голосе. Прирожденный член правящего бело-англосаксонско-протестантского класса, он собаку съел на доброй старой нотке ленцы; но тут ему выучка, увы, изменила.

Он решил было созвать помощников и рассказать о приглашении, но испугался утечки и передумал. Ему очень хотелось сообщить Касс, но она могла передать Терри, а Терри он не доверял: чего доброго, пойдет болтать по всему городу. Этим пиарщикам только и надо, что произвести впечатление.

Ночью Ранди глаз не сомкнул.

И вот он на пороге Овального кабинета – этого пупа всемирной истории, этой наковальни амбиций и в то же время, о чем он не догадывался, большой ловушки продолговатой формы.

Президент осыпал его тысячеваттной улыбкой и устремился ему навстречу. Хромота Ранди по мере приближения в верховному главнокомандующему все усиливалась.

Как мило со стороны Ранди, что он пришел не откладывая... с давних пор восхищает его политический стиль... молодцом там в Боснии... мастерски привлек всеобщее внимание к реформе соцобеспечения... Кофе? Садитесь же, прошу вас. Как это мы не додумались пригласить вас раньше? Бакки, почему мы так долго с этим тянули? Меньше надо спать на работе! Бакки улыбнулся. Моя вина, босс. Рубите мне голову.

– Можно называть вас Ранди?

– Да, сэр.

– Ранди, у меня может найтись для вас работа.

Что-то быстро, подумал Ранди.

– Но эта ваша затея с «восхождением»...

– Да-да? – осторожно, вопросительным тоном произнес Ранди.

– Вы знаете – и я знаю – и все знают, что из этого ничего не получится.

– Не могу сказать, – улыбнулся Ранди, – что вполне в этом уверен, мистер президент.

Мы день ото дня получаем все большую поддержку...

– Зато я в этом уверен.

Психологическое воздействие президента на людей было мощным. В Белом доме его взгляд называли смертоубийственным – довольно точная характеристика.

– Тридцать пять сенаторов...

– Не значит ни хрена. Потому и поддерживают, что понимают: это не пройдет. Да если бы и прошло, вы весь финансовый смысл оттуда выхолостили, когда стали ублажать бумеров направо и налево. – Он хихикнул. – Субсидия на «сегвэй»? Неплохой наварчик.

Ранди поерзал в кресле и хотел было возразить, но президент положил руку ему на плечо:

– Но скажу вам честно: мне нравится ваш стиль. Я долго уже варюсь в этом котле. Тут есть свои любители, есть профессионалы, а есть – чистая порода. Те, которые рождены соревноваться и побеждать. Вы из таких. Вы для того появились на белый свет, чтобы заниматься политикой. – Президент откинулся на спинку кресла, словно такое важное признание невесть как облегчило ему душу. Потом сердито, чуть ли не обвиняюще посмотрел на Бакки:

– Ты, я надеюсь, не сказал Ранди о моих планах?

– Нет, сэр.

– Не ври мне, Бакки. Я по глазам вижу.

– Да нет же, сэр.

Президент перевел взгляд на Ранди, смущенно потупившего чистопородные глаза, и хмуро осклабился.

– Наверняка врет. От него правды не жди. Но это не важно. Важно вот что: вы должны держать то, о чем я сейчас скажу, в строгом секрете. Это включает и разговоры в постели. – Президент протянул ему руку. – Могу я на вас рассчитывать?

Ранди пожал руку и безмолвно кивнул.

– Хорошо. Итак: может быть, я пойду на новый срок с новым кандидатом в вице. Я еще не решил, но может быть.

– Понимаю.

– Бакки считает, что вы настоящая находка в этом плане. И я склонен с ним согласиться.

Ранди молча смотрел на президента.

– Правда, – продолжал президент, – есть одна загвоздка. Все эти дела с «восхождением».

Ранди напрягся.

– Я не могу от этого отказаться. Не могу и не хочу.

– А я этого и не жду. Я об этом и не прощу. В жизни не стал бы предлагать человеку,

тем более потерявшему на войне ногу, плюнуть на свои принципы ради карьеры.

– Тогда я не вполне понимаю вас, сэр.

Президент подался к нему через стол.

– Друг мой, послушайте старика. Рано или поздно вся эта ерунда с «восхождением» лопнет с большим треском. Жажнет прямо вам в физиономию, как сигара со взрывчаткой. – Президент бросил взгляд на ногу Ранди. – Я хочу сказать... Выслушайте меня. Вы не наберете голосов. И кто вы будете после этого? Просто красавчик с рекламных картинок за самоубийство. Можете называть это «восхождением» или хрен знает как еще. Но все равно это попытка узаконить самоубийство, как бы вы ни распирались насчет общего блага. Даже если вы наберете голоса, я наложу вето быстрее, чем вы успеете с утра сходить по-большому. Точно вам говорю. Теперь. Я не могу назвать кандидатом в вице того, чья фамилия ассоциируется со смертельными инъекциями. Нужно зазор какой-то создать между вами и этим законопроектом. Просто взять и отказаться вам нельзя, тут вы правы. Нужен план отступления. Такой, чтобы вы могли выйти из игры и сохранить лицо. Если это получится, лучшего напарника для избирательной кампании я не вижу. Вы молодой, красивый, настоящий Пестрый Дудочник для молодежи. А без нее нам не обойтись. И кстати, вы мне чем-то напоминаете Джона Ф.Кеннеди. Вы ухватываете мою мысль, Ранди?

– Думаю, что да, сэр.

– Ну еще бы. – Президент улыбнулся. – Вы же Гарвард окончили. В общем, идея такая. Я выступаю с публичным заявлением, типа: «Ребята, мне что-то не нравится предложение прыгать с моста в обмен на налоговые льготы. Это не по-американски. Но я признаю, что мы живем в чертовски трудное время – и что-то с этим надо делать».

– Точно, – кивнул Бакки Трамбл.

– Я скажу: «Я не упертый человек, я готов выслушать обе стороны. И поэтому я решил, – президент помедлил для вящего эффекта, – создать для изучения вопроса о „восхождении“ президентскую комиссию высшего уровня. В нее войдут все лучшие умы страны, начиная с сенатора от Массачусетса Рандольфа К.Джепперсона, который, я полагаю, знает предмет как свои пять пальцев». Разумеется, надо будет включить людей с разными позициями. Но вы будете в списке под номером первым. Мои, – он ухмыльнулся, – глаза и уши. Я скажу: «Я попрошу этих видных американцев представить мне отчет. И, получив его, приму решение о том, дает ли это предложение наилучший способ справиться с тяжелой дилеммой, которая стоит перед страной». Я понятно говорю, Ранди?

Ранди кивнул.

– В результате вы в центре внимания, каждый день на телеэкране. Но только уже не парень с рекламных постеров, призывающих кончать с собой, а голос разума. Перед камерами, на глазах у всей страны, в ходе опроса специалистов вы скажете: «Гм, не знаю, может быть, все-таки это не выход. Может быть, найдется лучшее решение». Понятно уже, какие будут заголовки: ДЖЕППЕРСОН ПРОЯВИЛ СЕБЯ В КОМИССИИ КАК ГОЛОС УМЕРЕННЫХ СИЛ. Я вижу и другой заголовок. Сказать?

Ранди кивнул.

– БЕЛЫЙ ДОМ ДОВОЛЕН РАБОТОЙ ДЖЕППЕРСОНА В КОМИССИИ.

– БЕЛЫЙ ДОМ ВОСХИЩЕН, – внес поправку Бакки.

Президент улыбнулся.

– Хотите услышать еще один? ПИЧЕМ ПРЕДЛОЖИЛ ДЖЕППЕРСОНУ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ В ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЫ. Вам нравится этот заголовок, Ранди? А?

Внутри Ранди тоненький голосок надрывался: *Осторожно!* – но с губ слетело:

– Да, нравится. Хороший заголовок.

Президент удовлетворенно откинулся назад. Поглядел на Бакки.

– А тебе, Бак? Нравится такой заголовок?

– Еще как нравится.

Президент встал и протянул руку.

– О'кей, дружище. Счастливо. Увидимся у корраля.

Только позднее Ранди обратил внимание на зловещее соседство слов «о'кей» и «корраль». ⁷⁵

Касс – редкий случай в эти напряженные дни – готовила ужин для двоих в джорджтаунском особняке Ранди. В кухне работал телевизор, и вдруг она услышала:

«Белый дом заявил сегодня, что формирует специальную президентскую комиссию по „восхождению“...»

Она подняла глаза от мягко-панцирных крабов.

Зазвонил телефон. Терри.

– Включи телевизор, – сказал он.

– Уже включен.

– Что ты об этом знаешь?

– Ничего.

– А где наш младший сенатор от славного штата Массачусетс?

– Едет сюда. Я готовлю ему ужин.

– Что готовишь?

– Мягкопанцирных крабов.

– Каким способом?

– На сковороде. А что?

– Как войдет, хрясни ему этой сковородой по физиономии. Он в этой комиссии. Только что объявили.

– Да ты что! Не может быть. Он бы мне сказал.

Она услышала, как открылась дверь.

– Ранди! Это ты?

– Привет, родная моя. Ты на кухне?

В его голосе слышалась незнакомая нотка торжества. Касс сказала Терри:

– Невероятно. Я перезвоню.

– Убей его, – посоветовал Терри.

– Ух ты! Мягкопанцирные. Я очень их люблю. Как прошел день, радость моя?

Он поцеловал ее в щеку.

– Отлично. А твой день как?.. Дорогой мой.

– Ох-х... Плотный был день. Слушай! Колоссальная новость.

Касс резала помидоры. Занятие удержало ее от того, чтобы кухонным ножом вспороть ему живот.

– Ты не поверишь, – сказал Ранди.

– Говори – посмотрим. Я ведь не вчера на свет родилась.

– Я добился от Белого дома создания комиссии по «восхождению».

Касс подняла на него глаза.

– Это невероятно хорошая новость для нашего дела, – добавил он.

– Президентская комиссия, – произнесла Касс несколько холодно. – Надо же. Такое не каждый день случается.

– Это было не просто, скажу тебе прямо. Кое-кому пришлось выкрутить руки. Бакки Трамбл – крепкий орешек. Мы полчаса разговаривали с президентом в Овальном.

– Правда? Что ж, ты, я вижу, зря времени не терял.

Сжимая нож, Касс твердила себе, что убийство сенатора США – тяжелейшее преступление.

⁷⁵ Намек на знаменитую «перестрелку у корраля О'кей» на Диком Западе 26 октября 1881 г., воссозданную в ряде вестернов.

– Ты хоть довольна? Что-то я не слышу радости в твоём голосе.

Касс сделала задумчивое лицо.

– Не ты ли мне говорил, что президентская комиссия – это орган, который создают, когда хотят не решить проблему, а сделать вид, будто пытаются ее решить?

– Моi? Я говорил? Не помню. Да нет. Что ты, что ты. *Au contraire*. Комиссия – это... Боже мой, если хочешь пролить свет на что-нибудь, лучшего способа нет. Милая, ты, похоже, просто не поняла, какая это чудесная новость: президентская комиссия. Высшего уровня! Ну прояви хоть капельку энтузиазма.

– Давай-ка припомним, – сказала Касс. – Вначале ты идею отверг, потом провозгласил, потом предал, потом вошел в комиссию по ее обсуждению. Бывают, честно говоря, более бескомпромиссные лидеры.

– Я буду не просто членом комиссии, – сказал Ранди и ухмыльнулся. – Можешь не сомневаться. Белый дом... Только строго-строго-настрога между нами, хорошо?.. Белый дом *на нашей стороне*.

– На нашей? – переспросила Касс. – Забавно. А вспомнишь, как они день за днем мордовали нашу идею, так и не скажешь. Не говоря уже о том, как они побуждали моего отца осудить меня.

– Сердце мое. Они не могут так прямо взять и сказать, что идея им нравится. Президентам не полагается с ходу одобрять массовое самоубийство. Это не по-президентски.

– М-да, в Вашингтоне это, кажется, всеобщая болезнь. Все говорят противоположное тому, что думают.

– Слушай, я страшно голодный. Только в ванную схожу.

– Мойся получше после Белого дома.

Он пропустил замечание мимо ушей, чмокнул ее в щеку и проковылял в ванную.

Касс позвонила Терри.

– Как ты думаешь, чем мне его? Девятидюймовой сковородой или двенадцатидюймовой?

– Двенадцати, – сказал Терри. – Только что объявили, что Гидеон Пейн тоже в комиссии.

Глава 22

Ужин не удался – и не еда была в этом виновата. Крабов с присыпанной укропом молодой картошечкой и свежими помидорчиками в бальзамическом уксусе Касс вывалила сенатору на колени. После чего рванула прочь из особняка, так хлопнув напоследок старинной дверью, что витражное стекло задребезжало. Поехала домой и, заострив свою ярость «ред буллом», воткнулась в компьютер. *От удара подкосились ноги? Проявить характер можешь в блоге!*

Там массу всего нужно было сделать. Прежде всего – ответить на обвинение Гидеона, основанное на боснийских «данных», затем – объяснить миллионам своих преданных последователей, которые доверяли ей и полагались на нее, что их вождь Рандольф Деляга Джепперсон продал их всех с потрохами бог его знает за какую похлебку. Непосредственным поводом, чтобы опрокинуть изысканный ужин ему на колени, послужил его отказ сообщить, в какую именно дьявольскую сделку он вступил с Белым домом. Далее – тысячи электронных писем от желающих понять ситуацию с осуждающим заявлением ее отца. Она вздохнула. Устала, что и говорить. Принять риталин? Тогда долго не спать. Но как хорошо снова оказаться на поле боя! В кибер-пространстве твой вопль может быть слышен всем и каждому.

Телефон звонил и звонил. Ранди. Четыре раза она отвечала одинаково: «От...ись» – и нажимала отбой. На пятый взяла трубку и стала слушать. Напряженный голос произнес:

– Я всецело за то, чтобы потрахаться, но не лучше ли в постели, чем по телефону?

– Очень хорошо, что ты позвонил, – сказала она. – Мне как раз нужна твоя помощь с

редактированием поста для блога КАССАНДРА. Вот, послушай: «Сенатор продал душу по бросовой цене». Как тебе?

– Касс...

– Первоначально я написала: «по сходной цене», но потом исправила на «бросовую». Подробностей сделки я не знаю, но формулировка мне нравится. Подлость – вот о чем речь. Это был заголовок. Прочешь тебе весь пост?

– Касс, прошу тебя, уймись.

– Поздно просишь. Я выпила три «ред булла».

– Прими успокоительное. Не сходи с ума. Ты абсолютно неверно все поняла. Говорю тебе: я совершил настоящий переворот.

– Что тебе посулили?

Ранди достаточно времени провел в Вашингтоне, чтобы научиться гладко врать, но ей он все же врать не хотел. Да она и не поверила бы. Женщине, с которой ты спал, врать не так-то легко, сколь бы необходимо это ни было.

– Вопрос будет рассмотрен подробно и открыто, при участии всех сторон. Касс, ты должна понять: именно таким путем надо идти.

– Даже и обсуждать этого не буду. И пожалуйста, избавь меня от лекций на тему: «Как действует наша демократия». Какая удача, что твой предок, а не ты работал над Декларацией независимости! Ты бы вставил пункт о компенсации королю Георгу за чай, выброшенный в Бостонскую гавань.

– Чего ты от меня хочешь? Чтобы я опустил на здоровое колено и попросил прощения?

– Ты рекорд установил, поздравляю. На первой же минуте разговора стал разыгрывать инвалидную карту. Я начинаю думать, что ты не только ногу там потерял, но и две другие части тела.

– Не слишком учтиво.

– Сожалею. Хотя нет. Не сожалею.

– Ладно. Начнем с чистого листа. Я виноват, что не посоветовался с тобой.

– А должен был.

– Знаю. Ты права. Я жалкое создание.

– Хуже.

– Никогда себе этого не прощу. Я должен был сказать президенту: «Мне надо вначале проконсультироваться с моей девушкой».

– «С твоей девушкой»? Так ты называешь ту, кто первая все это придумала?

– С интеллектуальной партнершей. С родственной душой. С *anam cara*.

– Что это значит?

– Это по-кельтски. Хорошее значит. Поверь мне.

– Поверить тебе? Мудрено, при всем желании.

– Я сожалею. Слышишь меня? Я искренне, всей душой сожалею.

– Потренируйся перед зеркалом. И позвони мне утром.

– Позвоню. Но не надо блоггинга, хорошо? Обещаешь?.. Касс!.. *Ka-acc!*

Касс и Терри работали над презентацией в программе PowerPoint для клиента, который хотел получить жирную государственную субсидию на производство автомобильного горючего из жира, остающегося после жарки в закусочных фаст-фуда, – и тут вошел сенатор от славного штата Массачусетс. Сказать, что он славно выглядит, было нельзя. Касс увидела, что он хромает – на этот раз, кажется, непритворно. Он молча опустил в кресло.

– Это что, действительно было необходимо, – спросил он Касс, потирая лоб, – чтобы ты так отозвалась обо мне на своем сайте?

Терри посмотрел на Касс. Она объяснила:

– Я процитировала Граучо Маркса:⁷⁶ «У меня есть принципы! А если они вам не нравятся, у меня есть другие».

– А что, похоже на правду, – усмехнулся Терри.

– Прежде чем вы оба спикуете на меня и начнете рвать когтями мой труп, – сказал Ранди, – позвольте два слова.

– Если это будет речь на тему: «Я жопа», – отозвался Терри, – то я весь внимание.

– Вы кончили? – спросил Ранди. – Сегодня утром я позвонил Бакки Трамблу и вставил ему пистон.

Терри повернулся к Касс.

– Пистон? Разве белые-англосаксы-протестанты такие слова употребляют?

– Я сказал ему: «Как вы могли включить в комиссию Гидеона Пейна, который на днях заявил, что мы с Касс... *трахались* на минном поле?» Он ответил, что нельзя было иначе. Я очень четко выразил ему свое недовольство.

– И у него поджилки затряслись от страха, – заметила Касс.

– Я, как могу, стараюсь загладить вину, – сказал Ранди.

– Почему ты не поведаешь нам, что ты от них получил в обмен на это ублюдство?

Ранди бросил сначала на Терри, потом на Касс взгляд, означавший: *Не при детях*.

– Уж не хочет ли он, – спросил Терри у Касс, – чтобы я убрался из своего собственного кабинета?

– Ранди, – промолвила Касс. – Ну как мне с тобой быть? Кинуть тебе в глотку кусок динамита? Давай колись.

– Только, пожалуйста, язык за зубами. Они думают заменить Лейни другим человеком. И когда надумают, я стану вице-президентом.

Касс и Терри уставились на него.

– На них *очень* сильное впечатление произвело то, как я представил законопроект о «восхождении».

Никакой реакции со стороны Касс и Терри.

– Он сказал, что я напоминаю ему Джона Кеннеди.

Тут Касс и Терри отреагировали. Они разразились хохотом.

– Ты, что ли... э... – произнесла Касс, стараясь унять смех, – получил от них письменное обязательство?

– Ну конечно, нет. Это очень большой секрет. И я рассчитываю, что вы будете его хранить. Прошу вас, не подведите меня.

– Можешь не сомневаться. Итак, вот и подтверждение тому, что ты продался по бросовой цене.

– По бросовой? Мне предложили пост вице-президента! Послушать тебя, это то же самое, что приз в десять долларов на сельской выставке за то, что вырастил самый большой огурец.

– Скорее за то, что сел в самую большую лужу. После твоей щедрой раздачи поблажек бумерам особого смысла в «восхождении» уже, конечно, не осталось. Но теперь ради места в какой-то идиотской комиссии ты готов выкинуть в помойку даже последние крохи.

Ранди нахмурился.

– И выключай давай по-быстрому свой «маленько потусторонний» взгляд. Ты похож на пуделя, который хочет показать, что он ротвейлер.

Несколько секунд у Ранди был такой вид, словно он сейчас отстегнет свой протез и начнет крушить им мебель. Но потом давление в нем упало. Мышцы расслабились. Вдруг он стал похож на школьника, который исчерпал запас оправданий. Касс чуть ли не утешить его захотелось.

– М-да, пожалуй, дрянь какая-то вышла, – проговорил Ранди, кусая ноготь.

⁷⁶ Граучо Маркс (1890–1977) – американский актер-комик.

– То-то же, – сказала Касс. – Видишь? Говорить правду – это как ездить на велосипеде. Пусть даже ты очень давно не практиковался, навык возвращается.

– Видимо, мне трудно рассчитывать, что вы вдвоем поможете мне разгрести эту дрянь? Касс и Терри переглянулись.

– На чисто профессиональной основе, конечно.

– На какой еще, интересно, – фыркнул Терри.

– Я не смогу это сделать без вас, – сказал Ранди.

– А как же эта твоя сборная команда сенатских ниндзя?

– Они мне не нравятся. Я им не доверяю. Я даже их боюсь.

– Я работаю под началом у Терри, – сказала Касс. – Пусть он решает.

– В таком случае, – сказал Ранди, – я погиб.

– Вы способны следовать указаниям? – спросил Терри.

– В пределах разумного, – ответил Ранди, вновь обретая аристократический тон.

Не Терри, а Касс дала ему первое указание: позвонить Бакки Трамблу и заявить, что Гидеон Пейн может войти в президентскую комиссию только при условии, что в нее войдет и Кассандра Девайн. Поначалу Бакки воспротивился, но Ранди, над которым стояла Касс, уведомил главного советника президента, что выбора в этом вопросе у него нет.

Мелодией вызова в мобильном телефоне Гидеона Пейна служило церковно-колокольное «аллилуйя». Весь день поэтому у него прошел как пасхальное воскресенье.

Иные из звонящих – в частности, крупные спонсоры SPERM – были изумлены тем, что он согласился войти в комиссию, созданную для изучения возможности легализовать массовое самоубийство. Гидеон терпеливо объяснял, что, заседа в комиссии, он сможет оказать воздействие (решающее, подчеркивал он) на результат. Условий своей сделки с президентом он в точности не раскрывал, но прозрачно намекал, что вскоре они услышат заявление Белого дома о поддержке давнего плана SPERM поставить в центре Вашингтона мемориал сорока трем миллионам нерожденных. К тому же, добавлял он с застенчивым смешком, у «восхождения» благодаря его присутствию в комиссии теперь будет не больше шансов стать политикой страны, чем у комка снега – определять политику геенны огненной.

Наслаждаться назначением Гидеону пришлось недолго. На следующий день позвонил присмиривший Бакки Трамбл и сказал, что э, гм, судя по всему, Кассандра Девайн тоже войдет в комиссию.

– Это чудовищно! – взорвался Гидеон. – Она *архитектор* этой дьявольской схемы! Все равно что включить Адольфа Гитлера в руководство Бнай Брит!⁷⁷

Бакки уклончиво ответил разгневанному пастору, что, при всем желании, не мог преградить ужасной женщине путь в комиссию. Утешительным тоном он добавил, что они с президентом испытывают полную уверенность в способности Гидеона «определяющим образом» воздействовать на итоги работы комиссии.

– Президент рассчитывает на вас, – сказал Бакки. – Вы наш человек в комиссии.

– А как насчет мемориала? – угрюмо поинтересовался Гидеон.

– Гидеон. Если президента не выберут на второй срок, *никакого мемориала не будет*.

Если Джепперсон и эта жуткая особа возьмут верх... Я содрогаюсь при этой мысли.

– И все-таки мне нужно официальное заявление президента о поддержке.

– Над его текстом идет работа прямо в эту минуту.

В ближайшую пятницу вечером, когда СМИ могли бы прозевать даже заявление о превентивном ядерном ударе со стороны США. Белый дом выпустил заявление о том, что у него «нет принципиальных возражений» против «мемориала, прославляющего жизнь, в подходящем месте столицы».

⁷⁷ Бнай Брит – еврейская общественная организация, имеющая отделения во многих странах.

Гидеон позвонил в Белый дом и выразил недовольство столь вялым выражением поддержки. Бакки заверил его, что президент включит мемориал в «приоритетный список» на второй срок. Окончив разговор, Бакки Трамбл задался вопросом, не напрасно ли позвал Гидеона в свой стан. У него и так слишком плотное расписание, чтобы еще вести по нескольку телефонных разговоров в день с пышущим паром служителем Господним. Тенор Гидеона даже в сравнительно спокойный день был довольно-таки визгливым.

Гидеон и монсеньор Монтефельтро встретились за бутылкой брунелло ди монтальчино 1997 года, чтобы обсудить стратегию. Под джорджтаунским особняком у монсеньора имелся великолепный погребок. Содержимое этих веселящих душу катакомб придавало импульс руке многих богатых вдов-католичек, когда они отписывали в пользу Матери-церкви изрядные куски своего состояния. Как доволен будет ими Господь! Не забудьте расписаться и здесь тоже. А вот тут проставьте инициалы.

Гидеон поведал монсеньору все подробности своей сделки с Белым домом. Монтефельтро был человеком, глубоко погруженным в мир иерархий, членом одной из древнейших бюрократических систем мира, и Гидеон остро нуждался в его совете.

– Бакки Трамбл, судя по всему, умная голова, – сказал монсеньор, наливая Гидеону второй бокал. – И это означает, что вы должны быть бдительны, Ги-идеон.

– Еще бы, – согласился Гидеон, потягивая вино. – Еще бы.

– Вы верите Бакки Трамблу, когда он говорит, что президент включит мемориал в приоритетный список на следующий срок? После перевыборов ему уже не так будут нужны старые друзья и сторонники.

– Массимо, – сказал Гидеон, – больше не наливайте, спасибо, вино замечательное, но так вы меня пьянчужкой сделаете. *Разумеется*, они мне лгут. Грешная душа врать хороша. Но не думайте, что они обведут меня вокруг пальца. Нет, нет и нет. Не думайте, что Гидеон Пейн южный простачок, что он выпал из грузовика со сладкой картошкой. В определенный момент между национальным партийным съездом в августе и началом избирательной кампании в День труда я жестко потребую, чтобы они сделали мемориал одной из тем кампании. Я буду настаивать на письменной декларации.

Гидеон решительно сжал влажные от вина губы.

– Хочу с вами кое-чем поделиться, – проговорил монсеньор. – Несколько дней назад в Ватикане прошло совещание по поводу американского законопроекта о «восхождении». Собралась группа кардиналов – очень ортодоксальных, догматичных, суровых. Ее возглавляет кардинал Рестемпопо-Бандолини – чрезвычайно влиятельная фигура в Ватикане. Можно сказать, полупапа. Очень могущественный. То, что я сейчас скажу, может вам показаться пережитком старины, но эти кардиналы – они увидели в «восхождении» некую возможность. На этом совещании – только, Ги-идеон, строго по секрету – они уговаривали святого отца издать буллу.

– Что издать, Массимо?

– Буллу об отлучении от причастия всякого американского католика, который поддержит подобный законопроект. И даже всякого, кто проголосует за политика, поддерживающего законопроект.

– Надо же – об отлучении...

– Да. Запрет подходить к чаше. Это действительно идет из глубокой старины. Лично я, честно говоря, считаю, что это чересчур. Но эти кардиналы страшно влиятельны. И я боюсь, что святой отец прислушается к ним. Как отреагирует Америка на такое событие?

Гидеон глубоко вздохнул. Услышать подобную новость, да еще из уст человека, близко знакомого с сокровенными движениями мысли Рима, было приятно, но – боже мой... папская булла? Разве это не ушло в прошлое вместе с Папами из рода Борджа?

– Массимо, – промолвил он серьезно. – Я чрезвычайно вам благодарен и польщен доверием, которое вы мне оказали. Но должен вам признаться – я не уверен, что это правильный образ действий в Америке. Вы, безусловно, лучше меня знаете свою паству. Но,

по-моему, американцам не нравится, когда – прошу прощения – иностранец дает им указания.

– Ги-идеон. Папа не иностранец. Он глава вселенской Церкви.

– Да-да, понимаю. И могу только выразить глубочайшее почтение. Я всего-навсего хочу заметить, что если Папа издаст какую-нибудь буллу – кстати, «булла» здесь слово довольно-таки рискованное, я боюсь потока каламбуров,⁷⁸ – словом, если он примется издавать буллы, это может сильно испортить тут положение дел.

– С точки зрения Рима, Ги-идеон, оно и так уже в Америке сильно испорчено. Но я вас понимаю и, разумеется, передам ваше мнение в Рим.

– Не волнуйтесь, это «восхождение» скоро будет мертвей, чем раздавленный енот на шоссе. Уж я об этом позабочусь. Скажите вашим кардиналам, что за дело взялся кардинал Гидеон. – Он подмигнул. – Великолепное вино, между прочим.

– У вас в багажнике уже лежит ящик такого вина, – улыбнулся монсеньор Монтефельтро.

– Ваша щедрость лишает меня дара речи.

Глава 23

Что такое опять? – подумал Фрэнк Коуэн, снова увидев имя дочери среди новостей, отобранных для него системой Google. Не женщина, а терминатор. Он прочел сообщение вслух.

Включена в комиссию по «восхождению». Боженька ты мой. Она и этот ее дружок сенатор Джепперсон.

О создании комиссии его уже проинформировал Бакки Трамбл. Тут есть, заявил Бакки, кое-какие подспудные моменты, которых он не может раскрыть. Больше он говорить не стал, сказал только, что в комиссию включили Гидеона Пейна в качестве «пожарного заслона». И еще намекнул, что они хитростью вовлекли в нее Джепперсона, чтобы он меньше маячил как борец за «восхождение».

Отношение Фрэнка к Гидеону Пейну было сложным. В глубине души он его не выносил, как и всех южных святош. Этот вечно фигурировал в новостях: то болтал о постройке какого-то нелепого памятника зародышам – зародышам! – в центре Вашингтона, то торчал со свитой репортеров у постели коматозного больного, у которого двадцать лет назад произошла смерть мозга, и взывал о вмешательстве к силам небесным вкупе с федеральными властями.

Запутывало ситуацию то, что Фрэнк Коуэн вступил с Гидеоном Пейном в деловые отношения. В высшей степени конфиденциальные переговоры с «Тихой гаванью» прошли успешно. Гидеонова сеть домов престарелых стала первым пользователем RIP. От каждого будущего обитателя «Тихой гавани» требовали соответствующую анкету (ДНК, история семьи, образ жизни). «Тихая гавань» аккуратно посылала подальше всякого, кому RIP предсказывал долголетие, и принимала тех, кому остались считанные годы, забирая при этом все их сбережения. За полгода использования RIP смертность в домах корпорации подскочила на 37 %. А доходы – на 50 %!

Фрэнк, который был столь же смекалист как бизнесмен, сколь талантлив как инженер, настоял на десятипроцентной доле доходов «Тихой гавани». Все, таким образом, получали *убийственную* выгоду.

Поэтому Фрэнк Коуэн держал свои личные антипатии к Гидеону Пейну при себе. Что касается Гидеона, он испытал некоторый шок, когда узнал, что разработчик RIP – отец его главной врагини Кассандры Девайн. Впрочем, его вполне успокоило осуждение Фрэнком дочери как «морально отталкивающей» персоны. Он сказал Фрэнку:

⁷⁸ Bull по-английски означает и «булла», и «враки»

– Наверняка это у нее от матери.

Фрэнк видел ту знаменитую «Встречу с прессой», когда Касс заявила Гидеону, что не хочет выслушивать лекций от человека, скинувшего собственную мать с обрыва. Он от всей души тогда посмеялся. Ершистая у него выросла девчушка. Со смешанными чувствами он подумал, что его гены тут, несомненно, сыграли роль.

Сейчас ему вспомнился телефонный разговор с Бакки Трамблом несколько недель назад, когда тот предложил ему осудить ее публично: *Президент был бы очень вам благодарен, если...* Потребовать такое от отца!

Белый дом продиктовал ему формулировки. *Морально отталкивающее? Черт... Не жестковато, Бакки?* Но Бакки ответил: *Нет, Фрэнк, уж делать – так делать как следует.* Фрэнк сдался – но записал разговор на пленку. Он все телефонные разговоры записывал. В жизни, как и в работе, Фрэнк Коуэн старался действовать наверняка.

Неделю спустя его служба безопасности зафиксировала взлом телефонной системы компании. Самое примечательное, что источником атаки был сервер в Уинчестере, штат Виргиния, принадлежащий одному из низовых подразделений Министерства финансов США. Почему вдруг правительство заинтересовалось телефонными разговорами его компании? Потом пришла мысль: *Уж не стоит ли за этим Бакки Трамбл?* Не заподозрил ли он, что Фрэнк его записал? Не посылает ли Фрэнку предупреждение?

Сосредоточиться, приказал себе Фрэнк. *RIP, RIP, RIP. Эта программа сделает тебя одним из богатейших людей планеты.*

Зазвонил его мобильный. На экране высветилось: Лиза. Он поколебался, прежде чем ответить.

– Да, Лиз? – Он постарался придать голосу торопливость, чтобы разговор не затягивался. – Что?.. Когда?.. О, господи, Лиза! Он думает, колледж – это что такое? Эксгибиционистский конкурс красоты продолжительностью в четыре года? Я же говорил – это безумие посылать его в Йель! Самым подходящим для него местом было бы... Это я к нему несправедлив? Я просто смотрю правде в глаза. Я, черт возьми, и слова ему не сказал! Да он и не понял бы. Ты совершенно права – я злюсь. Мне в десять миллионов встало запихнуть этого олуха в... Нет, этого я не имел в виду... Лиза... Лиза... Ну что с тобой... Да пошла ты сама туда же!

Фрэнк швырнул телефон через весь кабинет. Вдалеке взревел морской лев, объевшийся лососями.

Ранди и Касс лежали в постели. При всех его недостатках, хорошо было к нему вернуться. Она видела его насквозь – но для мужчины это может обернуться источником некой спасительной благодати. Предсказуемость сулит отпущение грехов.

Касс лежала к нему вплотную, прислонив голову к его плечу и лениво поигрывая прядью его песочных волос. Ей было хорошо и спокойно. Ей не хватало этого сильнее, чем она готова была признать.

– Я еще кое-что узнал от моего агента Спека, – сказал Ранди.

Странный выбор темы для разговора в постели, подумала она.

– Да?

– Угадай, кого выперли из Йеля.

– Джорджа Буша? – спросила она не слишком заинтересованно.

– Твоего сводного брата. Как его – Берд? Бойд.

Касс не знала, как ей быть с этой информацией.

– Я никогда не думала о нем как о сводном брате. Я даже и не видела его ни разу.

– Судя по всему, больше любит повеселиться, чем поучиться.

Она ощутила приступ неподобающего любопытства.

– Ранди, с какой стати этот твой Спек вздумал заниматься моим сводным братом?

– Ты же знаешь, как это бывает. Указываешь такому парню направление, и он прет без остановки. Хочется иметь представление обо всех деталях картины.

– Почему Бойд – «деталь»?

– Видишь ли, – отозвался Ранди, – твой отец, можно сказать, объявил тебе войну. Назвал тебя морально отталкивающей. Я всегда говорю: врага надо знать. Семейный девиз Джепперсонов – «Да не застанут тебя со спущенными штанами». Восходит к барону Ги де Джепперсону. Четырнадцатый век. Или тринадцатый.

– Я не уверена, что могу считать семнадцатилетнего студента своим врагом.

– Восемнадцати. И он уже не студент. А его мать – твоя мачеха – вот она, говорят, та еще штучка.

– Нам обязательно обсуждать это именно сейчас?

– Бывшая теннисистка-профессионалка, – продолжил Ранди. – Ты, наверно, понимаешь, что это за люди.

– Да нет, не сказала бы. – Касс повернулась на спину и стала смотреть в потолок. – Я ни разу в жизни не была в теннисном клубе, так что поведай мне: какого рода нравственный дефект присущ теннисистам-профессионалам? Магазиновое воровство? Серийные убийства? Терроризм?

– Им хочется, чтобы все вокруг происходило с их подачи... Она может стать классной женой посла.

Касс поставила подушку торчком и села.

– Ты до ужаса хорошо осведомлен обо всем этом.

– Такая у меня работа.

– Почему мои родственники – твоя работа?

– Милая моя. Я хочу, чтобы ты была защищена. Ты разве этого не хочешь?

– Ты шутишь! Из нас двоих – кто кого защищает?

Ранди пожал плечами.

– Знание – сила. Эти люди стремятся причинить тебе вред.

– Ранди, ты знаешь, что такое обесточка?

– Что-то из жаргона электриков?

– Не только, родной мой. Так говорят в моем поколении, когда после любви лежат в объятиях близкого человека и в голову приходят мягкие, чудесные, сонные, пахнущие сиренью мысли – и вдруг твой близкий человек заявляет, что его частный сыщик плюс палач по совместительству пронюхал, что какого-то там сводного братца, которого ты ни разу не видела и видеть не желаешь, выперли из колледжа, куда ты в свое время поступила без всякой десятиллионной взятки от засранца папаша, и что злобная мачеха теперь подбивает засранца папашу дать бешеные деньги коррумпированному президенту, чтобы ей можно было стать женой посла. И тебя из тепла и уюта мигом бросает в холод и уныние. Обесточка. Наверняка есть в словаре сленга. Можешь посмотреть.

– Выразительное словцо. – Он повернулся к ней. – А нельзя ли нам...

– Что?

– Опять пустить ток.

– Можно. – Касс прильнула к нему. – Эта стадия мне больше нравится.

Первое заседание «комиссии по „восхождению“ и снижению налогового бремени» было объявлено открытым.

В нее входило несколько десятков человек – именно столько нужно было, чтобы удовлетворить каждую общественную группу, заявившую о своей заинтересованности. Разумеется, была представлена АББА, как и две другие бумерские организации: Национальная организация бэби-бумеров (НОББ) и Ассоциация за экономическое процветание лиц, родившихся между 1946 и 1964 годами (АЭПРМ-46-64 – одна из самых труднопроизносимых лоббистских аббревиатур, при том что с группировкой, которая за ней стояла, нельзя было не считаться). Вошли в комиссию и его преподобие Гидеон Пейн от SPERM, а также представители Ассоциации моргов Северной Америки (АМСА); Национальной ассоциации исполнителей смертельных инъекций (НАИСИ); Флоридской

ассоциации жилых массивов для пенсионеров (ФАЖМП); Американской ассоциации страховщиков; Института ботокса; Североамериканской сети специалистов по пересадке органов (СССПО); Национальной американской сети обмена органами тела (НАСООТ); Американской ассоциации производителей гольф-каров (ААПГК), которая образовала своего рода альянс с Американским союзом пользователей «седжуэв», тоже представленным в комиссии; Американской ассоциации высокооплачиваемых юристов по наследственным делам; Канадской ассоциации поставщиков дешевых, но не вполне надежных медикаментов (которая становилась в Вашингтоне все более влиятельной силой, хотя ее база находилась в Оттаве). Включены в комиссию были также сенатор Рандольф К.Джепперсон и мисс Кассандра Девайн, представляющая блог КАССАНДРА. Сиденья шли полукругом, и председатель нарочно отвел ей место на противоположном от Гидеона Пейна конце.

– Уважаемый председатель, – подал голос Гидеон Пейн, как только Ранди открыл первое заседание. – Могу я получить слово?

– Да, ваше преподобие.

– Предлагаю начать наши прения с молитвы.

– Ваше преподобие, – сказал председатель. – Я уверен, что мы все, каждый по-своему, молимся за то, чтобы слушания прошли в...

– Соглашаясь с вами, предлагаю попросить Всевышнего о благословении нашей работы.

Касс подняла руку.

– Уважаемый председатель!

– Да, мисс Девайн?

– Я поддерживаю предложение.

– Поддерживаете?

Озадаченные взгляды со всех сторон.

– Да. Раз представителю SPERM нужна духовная помощь, кто мы такие, чтобы мешать ему о ней попросить? Если бы я сделала то, что сделал он, я бы, конечно, хотела получить прощение от Всевышнего...

– Уважаемый председатель! – вскричал Гидеон, красный как свекла. – Я не для того сюда пришел, чтобы выслушивать оскорбления от особы, которая предложила решать бюджетные проблемы с помощью массового убийства!

Председатель устало стукнул молотком.

– Ваше преподобие Пейн, мисс Девайн. Очень вас прошу. У нас дел по горло.

– Я требую извинения, – сказал Гидеон.

– Я готова извиниться, – сказала Касс. – Бестактно было с моей стороны упоминать о прошлом мистера Пейна столь бестактным образом.

– Уважаемый председатель! Я не потерплю оскорблений!

Стук-стук-стук-стук-стук-стук. СТУК!

– Очень вас прошу...

НА ПЕРВОМ ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО «ВОСХОЖДЕНИЮ» ВОВСЮ ЛЕТЯТ ИСКРЫ

Фрэнк Коуэн был не в лучшем настроении. Его частный самолет не смог приземлиться в аэропорту Твид – Нью-Хейвен, потому что полоса там была слишком короткая, и садиться пришлось в Бриджпорте – в полудне езды от Йеля. Предстояло внедрение RIP, и у него была тысяча дел. Вместе с *этим* – тысяча и одно.

Само собой, Лизина идея. Идея? Лучше сказать: приказ. *Поезжай туда и скажи им, что если они не возьмут Бойда обратно, ты возьмешь у них обратно свои десять*

миллионов!

Фрэнк Коуэн, миллиардер, чародей компьютерного дела, лихой предприниматель, яхтсмен, друг и советник президента страны, будущий министр финансов США, не любил получать указания от бывших теннисисток, как бы ни был роскошен секс.

Зачем он опять женился? Что на него нашло? Подождал бы еще немного – не шишка бы решала.

Ректор Йельского университета принял Фрэнка в своем кабинете в Вудбридж-холле. Это был спокойный, приятный человек, экономист по специальности, дружелюбный, отшлифованный, свободно чувствующий себя в любой ситуации. Когда встречаются два человека, достигшие вершин каждый на своем поприще, они обычно не тратят времени на разговоры о гольфе.

– Фрэнк, – сказал ректор, – винить тут некого. Вряд ли стоило ждать от Бойда, что он... что у него тут получится. Ему гораздо лучше, комфортнее было бы в каком-нибудь другом колледже.

– Да, – кивнул Фрэнк. – Ему комфортнее было бы там, где двадцать четыре часа в сутки можно курить марихуану, играть в компьютерные игры и скачивать порнуху. Но я не ради этого сюда приехал.

Ректор нахмурился.

– Вы к нему слишком суровы. Он, в сущности, неплохой парень. Просто здесь ему тяжело.

– Сколько?

– Что, Фрэнк, сколько?

– Зачислить его обратно.

– Я не думаю, – вздохнул ректор, – что это верный подход.

– Еще десять. По рукам?

Ректор смотрел на него разинув рот.

– Так и быть, пятнадцать, – сказал Фрэнк с широкой калифорнийской улыбкой и встал, не дав ректору времени даже пикнуть. Он протянул руку. – К полудню деньги будут переведены. Рад был повидаться. Желаю новых достижений. Кабинет у вас – блеск. Потолок – сказка.

И вышел, оставив йельского ректора в обалдении и полной беспомощности.

Фрэнк хотел тут же обратно на самолет и в воздух, не задерживаясь ни на минуту. Чувство было такое, словно он совершил преступление и надо сматываться. Но он знал, что Лиза спросит, виделся ли он с Бойдом, и если он ответит, что нет, будет сцена. И он отправился в комнату Бойда в колледже Джонатана Эдвардса – в одном из самых симпатичных йельских общежитий. Он застал Бойда за складыванием вещей в картонные коробки.

– Выгружай обратно, – скомандовал Фрэнк. – Ты восстановлен.

Бойд посмотрел на него озадаченно.

– Но они...

– Все улажено. Ты опять принят.

По лицу Бойда трудно было понять, рад он или нет. Но он вообще был не из коммуникабельных.

– Бойд... – сказал Фрэнк, заметив цветную пластиковую трубку с мундштуком на одном конце и чашкой, полной темного слежавшегося пепла, на другом. Средняя часть приспособления была сосудом с жидкостью – скорее всего, мятным ликером, – послужившей фильтром для нескольких сотен кубических футов дыма. – Что это такое?

– Научный эксперимент, наверно.

– Вот как. Понятно. И в рамках какого курса ты... поставил этот эксперимент?

– Гидродинамика?

– Ага. Здорово. Ты, видимо, изучаешь конденсацию в условиях сингулярности

Прандтля-Глауэрта?

– Во-во, – сказал Бойд. – Оно самое.

– Что ж, чудесно, что ты налегаешь на учебу. Бойд...

– Что?

– Да нет, ничего, – сказал Фрэнк. – Маме позвони, ладно? Просто сообщи, что мы поговорили по душам. Окажи мне такую любезность.

– Запросто. Без проблем.

– Деньги нужны?

– Да. – Бойд оживился. – Конечно.

Фрэнк отсчитал пять стодолларовых купюр.

– Спасибо, Фрэнк.

– Рад был повидаться, Бойд.

Двадцать пять миллионов долларов. Точнее – двадцать пять миллионов пятьсот. Но как усердно он занимается... гидродинамикой! Всесторонне анализирует сингулярность Прандтля-Глауэрта. Каким ценным сотрудником авиационного отдела компании он станет в один прекрасный день!

Глава 24

Положение в стране продолжало ухудшаться: фондовый рынок камнем шел вниз, цены летели вверх, инфляция достигла 18 %. Последний фактор на фоне экономического спада, продолжавшегося шесть кварталов подряд, означал стагфляцию. Министерство финансов со страшной скоростью печатало деньги, а между тем доллар подешевел за полгода на 40 %. Тем временем Федеральный резервный банк объявил об очередном повышении основной ставки – до 14 %. И среди этих ужасающих экономических новостей конгресс твердокаменно (иные говорили: величественно) отказывался уменьшать федеральные расходы, из-за чего годичный дефицит ожидался в размере 1,1 триллиона.

Ситуация на международной арене была хоть куда. Американские и мексиканские войска перестреливались наугад через границу, поскольку Мексика, ссылаясь на *destino manifesto*,⁷⁹ провозгласила политику свободной эмиграции. На северных рубежах тоже было тревожно. После того как США объявили эмбарго на канадский лес, бумагу, гипс и пиво, разбойные отряды канадской конной полиции стали терроризировать американских транспортировщиков на *американской* стороне границы. Из Персидского залива, который никогда не был для Дяди Сэма спокойным местом, американские военные суда блокировали выход, чтобы поднять цену на аляскинскую сырую нефть (смелый поступок, ничего не скажешь, инициаторами которого были конгрессмены от Аляски, пользующиеся теперь непропорционально большим влиянием на Капитолии). Между тем маленькая, но мощная так называемая «гео-группировка» шумно ратовала за американскую военную интервенцию на Таити, на Тайване, в Ташкенте, в Тибете и во всех прочих местах, чье название начинается с буквы Т.

Среди этой суматохи президент Пичем вплотную занялся подготовкой к новым выборам. По всему выходило, что битва будет тяжелой. Самый лучший пока что вариант девиза кампании, который сумела родить его команда, был таким: «Он старается изо всех сил».

Ранди и Касс работали в комиссии по «восхождению». Касс – увлеченно, Ранди – превозмогая смертельную скуку, по крайней мере поначалу. Для него это было всего-навсего

⁷⁹ Явное предначертание судьбы (*исп.*) – по аналогии с американской идеей *manifest destiny* середины XIX в., согласно которой Соединенным Штатам самой судьбой якобы предначертано распространиться на всю Северную Америку путем заселения и последующего присоединения территорий.

необходимым барьером на пути к должности вице-президента. Он провел в Вашингтоне достаточно времени, чтобы прекрасно понимать: президентская комиссия – орган, как правило, маловажный, нечто вроде червеобразного отростка государственной слепой кишки.

Всякий раз одно и то же. В комиссию включаются важные шишки, с тем чтобы, используя все имеющиеся средства, изучить вопрос во всей сложности, добраться до его корня и отчитаться на высшем государственном уровне. Проходит шесть месяцев, девять, время от времени в вечерних новостях появляются пятнадцатисекундные сюжеты, где члены комиссии жестко критикуют людей, дающих в ней показания, за увиливание от ответа, а те возражают – мол, говорю все как на духу (как же, как же). Наконец приходит срок – и комиссия представляет отчет. День или два пресса активно жует событие и рассказывает о выводах: что в стране кончается молибден; или что ее вот-вот заполонят вирусы, передающиеся от гусей; или что грязные, отвратительные арабы, сколь бы умеренных взглядов они ни придерживались, не имеют права владеть американскими морскими портами; или что правительство не выработало чрезвычайного плана действий на случай падения в Тихий океан астероида размером со штат Род-Айленд; или что ЦРУ прозевало холодную войну, Корейскую войну, Вьетнамскую войну, захват американского посольства в Тегеране, события на острове Гренада, аферу «Иран-контрас», иракское вторжение в Кувейт, боснийские дела, теракт против корабля «Коул», 11 сентября, операцию «Свобода Ираку», операцию «Опять двадцать пять, вашу мать» и так далее; или что на самом деле не было никаких причин для ракетного удара по Папуа–Новой Гвинее.

Эти откровения, само собой, вызывают отклик: кто огорченно щелкает языком, кто чешет репу, а кто и руки ломает из-за того, что на столь важные проблемы правительство *по-прежнему* реагирует неверно или вовсе не реагирует. Участников комиссии официально благодарят за прилежные труды, им дарят именные пресс-папье с неправильным средним инициалом. Президент и члены правительства, ответственные за данное направление, обязуются «самым серьезным образом» рассмотреть рекомендации комиссии (то есть не рассматривать вообще) и со спокойной душой продолжают закрывать глаза на серьезнейшие проблемы.

Спустя полгода бывший член комиссии печатает на страничке публицистики «Нью-Йорк таймс» полную обиды и хорошо аргументированную статью, где заявляет, что ни по одной из рекомендаций не было совершено ни малейших действий. В ответ младший пресс-секретарь Белого дома выступает с полным обиды и не очень хорошо аргументированным опровержением. Мол, в результате «прекрасной работы» комиссии был принят целый ряд мер, деталей которых он, однако, сейчас не может раскрыть. Более того, необходимо дальнейшее изучение вопроса, который поистине имеет жизненно важное значение не только для Америки, но и для всего мира. И на этом ставится точка.

Но с комиссией по «восхождению» дело обстояло несколько иначе. Ее заседания приковывали к себе пристальное внимание. Один обозреватель назвал ее реалити-шоу нового типа, где голосованием решается вопрос не об изгнании с острова, а о настоящем убийстве.

Плюсы и минусы «восхождения», которое вначале было умозрительной «мета-проблемой», теперь яростно обсуждались в прямом телеэфире на глазах у миллионов американцев. Члены комиссии – в прошлом большей частью мало кому известные вашингтонские лоббисты – ныне стали знаменитостями, и прежде всего, конечно, Рандольф К.Джепперсон, Кассандра Девайн и ее вечный противник его преподобие Гидеон Пейн. По мере развития этих борцовских противостояний взгляд публики на «восхождение» менялся. Все больше сенаторов переходило в лагерь его сторонников – и вместе с тем позиция противников ужесточалась. Удивительно, но факт: 38 % американцев теперь поддерживало план, главным пунктом которого была легальная эвтаназия в обмен на громадные налоговые льготы и субсидии. Стали появляться плакаты: «ДЯДЯ СЭМ ХОЧЕТ УГРОБИТЬ ТЕБЯ!»

– Слово предоставляется Фогго Фаркеру, председателю экономического совета при

президенте, – объявил Ранди. – Доброе утро, мистер Фаркер. Комиссия попросила вас изучить экономическое воздействие обсуждаемого плана на финансы страны.

– Да, и я это сделал.

– К каким выводам вы пришли?

Мистер Фаркер достал большую папку с документами, которые по мере его выступления высвечивались на экране.

– Так называемые бэби-бумеры, – сказал он, – насчитывают примерно семьдесят семь миллионов человек, родившихся между тысяча девятьсот сорок шестым и тысяча девятьсот шестьдесят четвертым годами. При той скорости, с какой они сейчас выходят на пенсию и изымают средства из систем соцобеспечения и медицинского обслуживания, наша оценка, – на экране появилась серия гистограмм, выдержанных в багровых тонах, – такова: ресурсы соцобеспечения истощатся примерно через два с половиной месяца.

– Считая от нынешнего дня?

– Да. От полудня.

– Не слишком радужная перспектива.

– Да, сенатор, совсем не радужная. Но таковы цифры. Они лгать не умеют.

– Подсчитали ли вы, что будет в том случае, если «восхождение» станет федеральным законом?

– Да, подсчитал по запросу комиссии.

– И каковы результаты?

На экране возникли новые гистограммы, на этот раз черные.

– Согласно нашим прикидкам, в случае, если двадцать пять процентов вышедших на пенсию бумеров согласятся на «восхождение» в семидесятилетнем возрасте...

Представитель АББА перебил его:

– Они, безусловно, будут иметь право сделать это в семьдесят *пять*.

Касс закатила глаза.

– Да, – согласился мистер Фаркер, – хотя это, конечно, существенно уменьшит экономию для казны. Экономия для системы соцобеспечения в случае «восхождения» в семьдесят лет составит... примерно восемнадцать триллионов долларов за семнадцать лет.

– Получается, – сказал Ранди, – что каждый процент бумеров, соглашающихся на «восхождение», сэкономит для бюджета страны примерно триллион долларов.

– Приблизительно так.

– Уважаемый председатель... – вмешался Гидеон.

– Я еще не кончил задавать вопросы специалисту, ваше преподобие. Вы получите слово чуть позже. Заранее благодарю за выдержку. – Ранди вновь обратился к экономисту. – Неплохой выигрыш для казны, не правда ли?

– Да. Разумеется, итоговый выигрыш будет меньше из-за льгот, предлагаемых законопроектом в обмен на «восхождение», – таких, как отмена налога на наследство, бесплатная медицина и прочее. Эти льготы, – мистер Фаркер посмотрел туда, где сидели бумерские лоббисты, – имеют тенденцию к *разрастанию* по мере продвижения законопроекта. Так или иначе, общий эффект «восхождения» будет иметь для финансов страны важное, решающее значение.

– Иначе говоря, система соцобеспечения будет спасена?

– Именно так. Несомненно. Система соцобеспечения станет платежеспособной, чего не было уже очень давно. Надеюсь, вы понимаете, уважаемый председатель, что я не даю оценку предложению как таковому. Я всего-навсего цифровик.

По залу прошелестел тихий смех.

– Спасибо за цифры, мистер Фаркер. Вам слово, ваше преподобие Гидеон Пейн.

– Мистер Фаркер, у вас есть ученая степень по экономике? – спросил Гидеон.

Ранди, наклонившись к микрофону, сказал:

– Мистер Фаркер – один из крупнейших экономистов страны, главный экономический советник президента. Не может быть, чтобы у него не было...

– Я не хотел никого обидеть, сенатор Джепперсон. Просто, поскольку страна находится в ужасающем экономическом положении, я решил поинтересоваться.

Новая волна ухмылок.

– Мы здесь не для того собрались, ваше преподобие, чтобы нападать на выступающих, – сказал председатель. – Есть у вас еще вопросы?

– Сенатор, я хорошо понимаю назначение этого досточтимого органа. Простите меня за прямоту, мистер Фаркер. Но мы, если уж на то пошло, собрались здесь для того, чтобы изучить серьезнейшую проблему.

– Я это понимаю, сэр.

– Итак, вы утверждаете, мистер Фаркер, что эта... гм... схема дает... *окончательное решение* проблемы соцобеспечения?

Смущенный, неловкий шелест голосов по всему залу.

Касс это предвидела. Несколько дней назад Терри сказал ей и Ранди:

– Рано или поздно он обзовет нас нацистами.

– Ваше преподобие! – возмутился, багровея, Фогго Фаркер. – Конечно же, я этого не говорил.

– Но подразумевали. Вы сказали, что это окончательно решит проблему.

– Мистер Пейн, – вмешалась Касс, ни за что не желавшая называть его «преподобием». – Почему вы сравниваете мистера Фаркера с Адольфом Гитлером?

– Я всего-навсего стараюсь объяснить, в какую бездну нравственной деградации вы, мисс Девайн, хотите нас бросить.

– Здесь у нас не Ванзейская конференция,⁸⁰ мистер Пейн. Речь здесь не идет об истреблении шести миллионов евреев, цыган, гомосексуалистов, католических священников и душевнобольных. Речь идет о добровольной программе, посредством которой американцы, столкнувшись с вопиющей безответственностью федерального правительства, могут ради собственных детей избрать альтруистический, благородный выход.

– Ваше собственное благородство, мисс Девайн, просто изумляет.

– Уважаемый председатель, разрешите задать вопрос мистеру Фаркеру.

– Пожалуйста.

– Мистер Фаркер, – сказала Касс. – Правда ли, что семья вашей жены эмигрировала из Польши в тридцатые годы?

– Правда.

– И почему это произошло?

– Будучи евреями, они бежали от нацистских преследований.

– Им удалось спастись?

– Живым выбрался только мой тесть.

– Благодарю вас, мистер Фаркер, – сказала Касс. – Простите, что заставила вас про это вспомнить. Я возьму мистеру Пейну потраченное время.

Это был хороший момент для «восхожденцев». В последующие дни на лице у Гидеона Пейна виднелись красные пятна. Причиной, по общему мнению, послужило кровоизлияние. Но одно событие помешало Касс праздновать победу.

Полиция штата Огайо арестовала двадцатидевятилетнего Артура Кламма – малорослого, толстенького, пухлолицего сотрудника платного интерната для престарелых «Братская помощь» – и обвинила в том, что за полгода он отправил на тот свет тридцать шесть подопечных. Самозванный ангел-мститель не удостоился бы такого внимания прессы, не будь стены его неубранной квартиры оклеены фотографиями и интервью Кассандры Девайн. Изучение его компьютера показало, что кэш его сетевого поисковика битком набит

⁸⁰ Ванзейская конференция – совещание ряда высших руководителей нацистской Германии 20 января 1942 г., на котором обсуждалось «окончательное решение еврейского вопроса».

страницами из блога КАССАНДРА и связанных с ним сайтов.

Во время допроса в полиции Кламм не проявил никакого раскаяния в содеянном и, по словам проводившего допрос сержанта, многократно и без смущения называл свои жертвы «сморчками» и «ресурсопожирателями».

Узнав о произошедшем, Гидеон Пейн возвел глаза к небу и произнес вслух:

– Воистину справедлив Ты и щедр, о Господи.

Терри Таккер отреагировал иначе: с губ слетело короткое грубое словцо.

Касс, хотя ее реакция была более благопристойной, тоже, мягко говоря, не обрадовалась.

Они с Терри дозвонились до Ранди по мобильному. Он ехал в Хайаннис на мероприятие по сбору средств.

– Ах ты, черт, – сказал Ранди. – И как мы теперь будем выглядеть?

– Мы не для того вам позвонили, – заметил Терри, – чтобы сообщить о пиаровском триумфе.

– Постарайтесь изолировать меня, – сказал Ранди.

– Узнаю молодца, – пробормотала Касс. – Первым прыгает в спасательную шлюпку.

– Что? – спросил Ранди.

– Это я к Терри обратилась. Похвалила твою нравственную отвагу.

– Этот мерзавец Кламм как-нибудь с тобой связан?

– А как же. Мы с ним не один год занимались сексом по телефону.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь.

– Конечно, мы никак не связаны, кретин.

– Тогда с какой стати он превратил свою квартиру в *храм*, посвященный тебе?

– Ранди, – сказал Терри. – Джон Хинкли стрелял в Рональда Рейгана, чтобы произвести впечатление на Джоди Фостер. Но актриса, судя по всему, осталась к нему равнодушна.

После довольно долгой паузы Ранди спросил:

– Это и будет наша линия?

– Нет, – ответил Терри. – Нам нужно выдумать что-нибудь получше. Мы будем держать вас в курсе. Удачи в сборе средств.

Терри нажал отбой и обратился к Касс:

– И этого человека мы хотим сделать реальным кандидатом в президенты?

– Вождь есть вождь, – отозвалась Касс. – Он вселяет в тебя желание заслонить его своим телом.

– Ладно, бог с ним. Наша забота – пиар.

Глава 25

Где бы ни появлялся Гидеон, первоклассная трибуна была ему обеспечена. В первые дни после ареста Артура Кламма он был, казалось, вездесущ – выступал во всех телепрограммах, метал громы и молнии, требовал от генпрокурора расследования «всех связей между Артуром Кламмом и сатанинской фабрикой смерти Кассандры Девайн».

Глядя на это слюноизвержение, Терри спросил Касс, как учитель ученицу:

– Ты просекла, какое слово здесь ключевое?

– «Сатанинской»?

– Нет. «Всех». Подразумевается, что вы не одним манером были соединены. Хитро. Сатанински, я бы сказал.

Артур Кламм, несгораемый как саламандра, был на первой странице всех газет и в каждой телепрограмме. Вот он в оранжевом арестантском костюме и наручниках переезжает из местной тюрьмы в более надежную кутузку. Вот он входит в здание окружного суда – на нем бронекуртка, на голову наброшено одеяло. «А одеяло зачем?» – спросил репортер. – «Чтобы снайперов с толку сбить», – ответил помощник шерифа.

В лучших традициях американского криминалитета виновным себя Артур ни в чем не

признал. На допросе он назвал Кассандру своей персональной богиней и источником вдохновения. Кроме того, у него нашли фотоснимок Касс с ее автографом: «Продолжайте ваши усердные труды». Не слишком хорошая новость для лагеря Касс.

Она узнала об этом неприятном факте от позвонившего ей репортера «Коламбус диспатч». В ответ сказала ему правду – что получила от посетителей блога великое множество просьб прислать фото с автографом.

Проблема в том, сообщил ей репортер, что, судя по дате на почтовом штемпеле, конверт с фотографией отправлен в середине шестимесячного периода, за который Артур расправился с половиной обитателей дома престарелых.

У Касс вырвалось короткое ругательство.

– Это не для цитирования, – мигом добавила она. Репортер сказал, что буквально цитировать такое не может, поскольку «Диспатч» – газета для семейного чтения, но ему придется написать, что она выразилась нецензурно.

Она рассказала Терри о звонке.

– «Персональная богиня»? – переспросил он. – М-да.

– Мне уже самой хочется записаться на «восхождение».

– Ну зачем так мрачно? Я думал, женщинам нравится быть предметом поклонения.

– Я не женщина, а труп, – сказала Касс.

– Касс, ты... не была знакома с этим подонком?

– Ну конечно нет. Я получаю тысячи просьб прислать снимок с автографом.

– Почему ты написала: «Продолжайте ваши усердные труды»?

– Понятия не имею. Разве мыслимо запомнить все автографы? Может быть, он сообщил, что ухаживает за больными, или... в общем, не знаю. Неужели ты думаешь, что я поощряла серийного убийцу?

– Ты не предлагала ему, типа, помогать людям уснуть?

– Нет.

– Что ж, – сказал Терри, – на душе полегчало. Грустно было бы сознавать, что один из моих старших вице-президентов по совместительству консультирует массовых убийц.

– Очень смешно, – проворчала Касс.

Вскоре в приемную компании «Коммуникативные стратегии Таккера» явились двое агентов ФБР.

– Твои приятели снова здесь, – предупредил Терри Кассандру по двусторонней связи. – Неизменно радуется, когда в приемной у тебя сидит пара-тройка фэбээровцев. На клиентов это производит сильное впечатление. Особенно на представителей крупных корпораций.

– Терри, прости меня за это. Но...

– Ничего им не говори, пока я не позову Аллена. С ним всегда приятно иметь дело. Он замечательный человек и берет только семьсот долларов в час. Которые, ввиду обстоятельств, будут на этот раз удержаны из *твоей* зарплаты.

Явившись, Аллен Снайдер провел с агентами семисотдолларовую беседу о нюансах статьи 41 Федерального уголовно-процессуального кодекса. Касс и Терри, слушая его, поняли, что это имеет отношение к Четвертой поправке к конституции США и «резонному основанию» – в данном случае для обследования жестких дисков компьютеров Касс. Аллен красноречиво объяснял агентам, что резонного основания у них нет. Те доказывали, что есть и, если на то пошло, они будут рады вернуться с ордером на обыск.

– Могу я переговорить с клиенткой? – спросил Аллен. Фэбээровцы в своей лаконичной манере дали согласие.

Аллен, Касс и Терри стали совещаться в другом кабинете.

– Есть у вас в компьютере что-нибудь? – спросил Аллен.

– Что, например? – поинтересовалась Касс. – Зашифрованные указания ангелу смерти истребить весь дом престарелых?

– Есть там что-нибудь такое, чего вы не хотели бы им показывать? Личное что-нибудь...

– Я... видите ли... я веду дневник.

Аллен кивнул с серьезным видом:

– Дневник.

– Он защищен паролем. Но для фэбээровцев, я думаю, это не препятствие.

– Имеется ли что-либо в вашем дневнике, из-за чего у вас могут возникнуть проблемы?

– Вы имеете в виду сексуальные дела?

Аллен покраснел.

– Я бы, конечно, не хотела, чтобы они лазили в мой дневник, – встревоженно сказала Касс. – Хотя там нет ни лесбийских фантазий, ни номеров личных банковских счетов на Каймановых островах, ни планов убийства президента, ни номера мобильного телефона Усамы бен Ладена... тем не менее это дневник. Я там пишу всякое разное. Для чего иначе дневники?

Терри застонал.

– Хорошо, – сказал Аллен успокаивающим тоном. – Я буду настаивать на отсутствии резонного основания. Вместе с тем нам вряд ли нужны заголовки о том, что мы отказываемся сотрудничать с людьми из ФБР, расследующими, – он устало посмотрел на Терри, – серийные убийства.

Когда агенты и Аллен ушли, Терри спросил:

– Дневник?

– И что?

– Это служебный компьютер.

– О, господи. Я на твоём месте больше волновалась бы не из-за личных материалов в моем служебном компьютере, а из-за файлов компании. Чего стоит твоё предложение правительству Северной Кореи организовать профессионально-любительский турнир звезд по гольфу в Пхеньяне! Или наше предложение компании «Эксон Мобил» о программе «Возьми к себе в дом калана»⁸¹ или план кампании в СМИ для Ассоциации поставщиков норкового меха о том, что больше людей заражается бешенством от норок, чем от крыс. Ну что, все еще беспокоишься из-за моего дневника?

Терри, сильно побледнев, проговорил:

– Позвоню компьютерщикам, попрошу удалить кое-что.

– Убытков не боишься?

– Сначала удалить, потом думать про убытки.

Позвонил сенатор от славного штата Массачусетс. Он уже прослышал о «персональной богине» и о пожелании «продолжать усердные труды». Он сказал Касс:

– Не волнуйся. Я все обдумал. Ничего страшного. Вы с Терри любую заваруху сможете раскрутить в нашу пользу. Кстати, меня не будет в городе какое-то время.

– Почему?

– Отправляюсь послушать граждан. Если я хочу быть общенациональным кандидатом, надо иногда выбираться. Я позвоню откуда-нибудь. Всего хорошего!

День выдался трудный. Вечером Терри и Касс зашли в «Неназванный источник» – бар поблизости от их офиса. Она рассказала ему о звонке Ранди.

– «Послушать граждан»? – Терри фыркнул в свой бурбон.

– Первым в истории, – сказала Касс, – отправился послушать граждан Александр Ледрю-Роллен, один из лидеров французской революции тысяча восемьсот сорок восьмого года. Однажды он увидел в окно, что по улице идет толпа. Вскочил и сказал: «Люди идут! Я должен следовать за ними! Я их вождь!»

По телевизору в баре Артур Кламм, медработник года, одетый в ярко-оранжевое, с

⁸¹ Разлив нефти из принадлежащего компании танкера «Эксон Вальдес» у берегов Аляски 24 марта 1989 г. имел тяжелые последствия для птиц, рыб и других животных, в частности – для каланов.

аксессуары из нержавеющей стали на запястьях и щиколотках, делал очередное заявление на *животрепеющую* тему.

Терри помахал бармену:

– Можно переключить на спортивный канал?

Бармен пошел за дистанционником. Касс празднично смотрела на бегущую внизу экрана строку – на бесконечную утомительную ленту, как правило, бессодержательных новостей.

...АКЦИИ КОРПОРАЦИИ «ТИХАЯ ГАВАНЬ» УПАЛИ НА 8 % ПОСЛЕ СМЕРТЕЙ В ИНТЕРНАТЕ «БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ»...

Мгновение спустя экран переключился на бейсболиста высшей лиги, прибавившего в весе семьдесят пять фунтов менее чем за год за счет одних мышц. Его адвокат, сидевший рядом с ним за столом, решительно заявил, что клиент *никогда* не принимал стероиды. Стуча кулаком по столу, адвокат возмущался «немыслимым разгильдяйством при хранении проб мочи».

– Милосердный Боже, – говорил по телефону Гидеон Пейн. Он сидел, ослабив галстук, и свободной рукой отмахнулся от подчиненного, который приближался с опечаленным видом. – *Какая* доля нам принадлежит?.. Тридцать процентов? – Глаза Гидеона метались туда-сюда, как костяшки счетов. – Это миноритарная доля... *Я знаю*, что это почти треть, Сидни, я умею считать... но это все-таки... миноритарная... Это не мы... не мы... *Мы?* Кто, во имя ангелов и архангелов, одобрил эту идиотскую схему?.. Какого черта корпорация «Тихая гавань» взяла на себя подбор кадров интерната «Скорая...», тьфу, «Братская помощь»?

– Ваше преподобие, – перебил его стоявший рядом подчиненный. – Опять позвонили из «Нью-Йорк таймс». Говорят...

– *Пошел. Вон*, – отчеканил Гидеон. – Значит, так, Сидни. Будешь разбираться с этим из *своего* офиса. Вокруг меня должно быть пространство. *Грандиозное* пространство. Изволь создать вокруг меня *пустыню*. Ты – главный операционный директор корпорации «Тихая гавань». Так что возглавь и займись операциями. Когда подписывался этот договор с «Братской помощью», меня в кабинете не было. И в стране не было. И на планете тоже. Я был в другой галактике, ясно?

Гидеон, измочаленный и яростный до зубовного скрежета, нажал отбой. Подчиненный не уходил.

– Что вы хотите, Темплтон?

Темплтон подал Гидеону список изданий, откуда звонили после того, как выяснилось, что ангел смерти Артур Кламм был, формально говоря, у Гидеона на зарплате.

«*Файненшл таймс*»... «*Нью-Йорк таймс*»... «*Вашингтон пост*»... «*Ю-Эс-Эй тудей*»... «*Лос-Анджелес таймс*»... «*Уолл-стрит джорнал*»... «*Джерузалем пост*»... «*Джерузалем пост*»? Боже мой...

Гидеон вытер потный лоб, выпроводил Темплтона, возвел глаза к потолку и произнес:

– Ты не со мной сегодня работаешь, Господи.

Касс и Терри, возвращаясь бодрим шагом из «Незванного источника» в офис, поспорили на сто долларов о том, когда именно сенатор Рандольф К.Джепперсон позвонит и, делая вид, что не знает о принадлежности Гидеону Пейну трети «Братской помощи» (которую таблоиды успели окрестить «братской могилой»), объявит, что прекращает «слушать граждан», поскольку слушать там особенно нечего, и возвращается заседать в комиссии по «восхождению». Касс считала, что он позвонит завтра до полудня, Терри – что все-таки после. Звонок раздался в двенадцать пятнадцать дня, так что они решили потратить эту сотню на вкусный дорогой ланч в Калькутта-клубе.

Касс спросила:

– Как бы ты отреагировал, если бы я протянула Гидеону оливковую ветвь?

Терри оторвал кусок индийской лепешки и обмакнул в йогурт с жареной окрой.

– Порадовался бы. Но только в том случае, если бы ты отхлестала его этой веткой по морде.

Касс улыбнулась и подцепила на вилку кусок цветной капусты по-маньчжурски. Терри отправил в рот кусок курицы в соусе тикка масала.

– Сейчас он, я думаю, с бешеной скоростью роет вокруг себя ров, – сказал Терри. – *Он* не нанимал этого маньяка. *Он* понятия не имел. «Тихая гавань» – громадная компания. И так далее. Почему *он* должен отвечать? Он в таком же ужасе, как все. В большем ужасе. По крайней мере в большем, чем ты, вдохновительница этого кретина. Его «персональная богиня», пославшая ему фото с надписью: «Продолжайте ваши усердные труды! Убивайте без устали!»

Касс сняла с губы кусочек бхинди.

– Нам стоило бы объявить антракт в моем бодании с Гидеоном и перевести прожекторы на Ранди.

– А мне, между прочим, нравится это бодание. И всем оно нравится. Зачем прекращать лучший телесериал?

– Не прекращать. Но сместить фокус внимания. Смотри, ведь в каком-то смысле это сработало – вся история с «восхождением». Правительство обратило на нас взор и заняло оборонительную позицию – если Ранди и правда предложили должность вице-президента.

Терри уставился на нее, не донеся до рта вилку.

– Ты что, всерьез думаешь, что они дадут ему эту должность?

– Какая разница – дадут, не дадут. Зачем рассчитывать на случай? Ты же всегда мне говорил, что хочешь помочь кому-нибудь избраться в президенты.

– Конечно. И еще я хотел спать с Грейс Келли, играть в группе «Роллинг стоунз» и совершить решающий тачдаун в матче за главный футбольный трофей. Вместо этого я содержу салон красоты на Кей-стрит для корпоративных жуликов. Жизнь имеет смешную сторону.

– Так вот тебе попытка. Может быть, это как раз тот счастливый момент. Все сходится. Звезды расположились нужным образом.

Терри посмотрел на потолок.

– Там вообще-то лампочки, а не звезды.

– Хочешь совершить решающий тачдаун? Надевай шиповки. Игра началась.

– А как же «восхождение»?

– Метавопрос. Бессмысленно сейчас. Я попыталась вытащить свое поколение из-под долгового Эвереста – а Ранди только утяжелил гнет своими уступками. Слил в экстазе со всеми бумерскими лоббистами. Вот оно, твоё поколение. Слов нет.

– Эта публика – одно, я – другое.

– Да ладно тебе. Знаешь, в чем состоит представление бумера о жертвенности? Наземная доставка за три дня вместо воздушной за один пятидесятидюймового плазменного телевизора с высоким разрешением. Как я могла подумать, что бумер возьмет на себя ответственность и совершит что-нибудь альтруистическое? И не говори мне, что Билл Гейтс роздал все свои деньги. У него их тонны остались.

– Итак, мисс Идущая-до-конца поднимает лапки кверху? – спросил Терри.

– ФБР хочет забрать у меня компьютеры, чтобы посмотреть, отдавала ли я сумасшедшему медработнику приказы об убийствах. Мне трудноато сейчас идти до конца с легализацией самоубийства.

– Понимаю. О, господи, ты мне напомнила – ведь надо удалить файлы.

– Но при разумном подходе мы, я думаю, могли бы придать сенатору от славного штата Массачусетс хорошее ускорение в сторону Овального кабинета. Каково бы ни было твоё личное отношение к нему. Кстати, о личном. Он вроде бы предложил мне, э... выйти за него замуж.

Терри вытаращил глаза.

– Ты долго держала язык за зубами.

– Я собиралась тебе об этом сказать.

– И что ты ответила?

– Ответила по-вашингтонски. Сказала, дам ему знать позднее.

Глава 26

– Хотя *что-нибудь* оно знает, это ФБР?

Президент, настроенный, как всегда, не лучшим образом, задал этот вопрос с велотренажера. Его врач, адмирал ВМФ, серьезно предупредил его насчет давления и сидячего образа жизни. Бакки Трамбл, у которого тоже было не очень ладно с давлением и холестерином, стоял рядом как придворный и говорил громче обычного из-за стрекота механизма.

– Они не думают, что этот Кламм действовал по ее приказу. Телефонных звонков не было ни в ту, ни в другую сторону. Электронной почты тоже. Тем не менее они хотят заглянуть в ее компьютеры, но...

– Если в его компьютере электронных писем нет, то какого хрена они должны быть в ее компьютере?

– Видите ли, сэр... – (Спортивный зал, пусть даже в нем только два человека, не считая охраны, – не лучшее место для разговора с нюансами, а то, что Бакки хотел сказать президенту, сплошь из них состояло – из маленьких черных одуванчиков интриги.) – Я подумал, было бы интересно посмотреть, что у нее в компьютере есть. Если вы понимаете, что я имею в виду.

– А?

– *Если вы понимаете, что я имею в виду. Сэр.*

Президент крякнул.

– Не надо орать. Ясно, ясно. Ну, так что их удерживает? Пусть залезут в этот сраный компьютер. Они же ФБР, кому как не им. Предъявляешь ордер, говоришь: «Подавайте-ка сюда комп». В чем проблема?

– Четвертая поправка.

– В жопу Четвертую поправку!

– ФБР думает именно так, но ее адвокат придерживается другого мнения.

Президент нажал «стоп» и слез с тренажера. Он тяжело дышал и блестел от пота.

– Тут вот какое дело, сэр, – продолжал Бакки тихим голосом, довольный прекращением стрекота. – Если мы – то есть генпрокурор и ФБР – поставим ее в пиковое положение, это будет иметь неплохие последствия для нашего приятеля Гидеона Пейна.

– Мудак.

– Да, сэр, но это *наш* мудак. Выясняется, что его богадельная корпорация «Тихая гавань» владеет третьей частью заведения «Братская помощь», где произошли инциденты...

– Инциденты? Там живодерня была самая настоящая.

– Да. И родственники тридцати шести дорогих усопших подняли шум на весь мир...

Лицо президента расплылось в улыбке.

– Стыд и срам для...

– Да, сэр, но не забывайте, что следующей осенью нам позарез нужна будет его поддержка как лидера евангелистов и противников абортот. Каждый голос будет на счету. Поэтому важно, что если – я изъясняюсь гипотетически, вы понимаете, – Кассандра Девайн окажется... тем или иным образом *связана* с маньяком Кламмом... это в определенной степени выведет Гидеона из-под удара.

– Гм. Так. Продолжай.

– Кроме того, если выяснится, что Кассандра Девайн так или иначе замешана в дело о серийных убийствах... это косвенно затронет сенатора Джекперсона. Двух зайцев сразу.

Президент одобрительно посмотрел на Бакки.

– Давай дальше.

– Джепперсон и Девайн интимно близки. Есть даже сведения, что они могут пожениться.

– По-моему, Бак, это одна из тех ситуаций, где я не хочу дослушивать все до конца.

– Я и не собираюсь заваливать вас подробностями, – улыбнулся Бакки Трамбл. – Вам же страной надо управлять.

– Замечательно с вашей стороны, Фрэнк, что смогли приехать не откладывая, – сказал Бакки Трамбл Фрэнку Коуэну.

– Нет проблем, – отозвался Фрэнк Коуэн, не заботясь о том, чтобы звучало искренне. Его удивило, что эта срочная встреча происходит не в Овальном кабинете или по крайней мере где-нибудь в западном крыле Белого дома, а в непритязательном китайском ресторане «Уок-н-ролл», расположенном в непритязательной части Арлингтона, штат Виргиния. Типы на тротуаре ассоциировались не с городом, примыкающим к столице США, а с центральной частью Санто-Доминго или Порт-о-Пренса. Заведение казалось... гм... сомнительным. На данном этапе жизни Фрэнк больше привык к ресторанам с мишленовскими звездами.

Фрэнк наклонился к Бакки через стол, всем своим видом показывая: *Мне неприятно здесь находиться, так что давайте побыстрее к делу.*

– Фрэнк, вы все знаете о компьютерах.

– Бакки, – сказал Фрэнк, – я владею программистской компанией с рыночной капитализацией в четырнадцать миллиардов. Так что, наверно, да, я все знаю о компьютерах.

– Я хотел бы попросить вас о помощи в одном деликатном деле.

Фрэнк выслушал просьбу Трамбла. Бакки придавал голосу такие интонации, что можно было подумать – речь идет всего лишь об изощренной студенческой проказе.

– Черт возьми, Бакки...

– Это технически осуществимо?

Фрэнк посмотрел ему в глаза.

– Да. И уголовно наказуемо.

– Однажды президент Теодор Рузвельт обсуждал некое дело с генеральным прокурором Филандером Ноксом. Нокс сказал ему: «Мистер президент, мы не должны нанести ущерб этому великому начинанию даже малейшим налетом законности».

– Воодушевляющая история, Бакки. И чем все кончилось?

– Все прожили остаток дней счастливо, благоденствовали и умерли во сне в глубокой старости. – Бакки встал и протянул руку. – Президент велел передать вам наилучшие пожелания и искреннюю благодарность за постоянную поддержку. И пообещал доказать свою благодарность делом. – Бакки подмигнул. – В самом начале второй эры Пичема. Спасибо, что совершили этот бросок на восток.

И Фрэнк Коуэн, предприниматель-миллиардер, остался созерцать чайку по-сычуаньски или что там стыло у него в тарелке, в поганом ресторанчике за 2500 миль от его прибрежного калифорнийского рая, где воздух напоит запахами соли, сосны и водорослей.

Надо же – попросить о таком отца, думал он. Наглости у этих людей...

Лицо Аллена Снайдера, когда он приехал в офис «Коммуникативных стратегий Таккера», не предвещало ничего хорошего. Он объявил Терри и Касс, что вскоре придут фэбээровцы с федеральным ордером на изъятие двух служебных компьютеров Касс – настольного и ноутбука. Судья согласился с мнением прокуратуры, что сделанная Касс надпись на фотографии – «Продолжайте ваши усердные труды» – составляет «резонное основание» для расследования вопроса о том, не повлияла ли Кассандра Девайн непосредственно на ангела смерти из «Братской помощи».

– Ну дела! Прощайте, автографы, – заметила Касс.

– По крайней мере мы успели удалить кое-какие деликатные материалы, относящиеся к

клиентам, – сообщил Терри адвокату.

Аллен нахмурился.

– Терри, есть вещи, которых я не хотел бы от вас слышать.

– Тем не менее, – сказал Терри.

– Я немножко углубился в вопрос о хранении данных, – объяснил Аллен. – Главный вывод: удалить ничего нельзя. Имеется так называемое «зеркальное отображение жестких дисков». Вы думаете, что удалили файл, но он остался на каком-то сервере в Куала-Лумпуре. И его можно оттуда вытащить. Помните электронные письма Абрамова, электронные письма «Энрона»? Они все тоже были удалены.

Терри побледнел.

– О, господи...

– Я сделаю все возможное, чтобы ограничить просмотр. Руководствуясь статьей сорок один, я попробую настоять на своем присутствии при изучении файлов.

Агенты явились. Пока они отключали от сети настольный компьютер Касс, Терри отозвал Аллена в сторонку:

– Если увидите в названиях файлов указания на Северную Корею, на каланов или на поставщиков норкового меха...

Агенты ушли, Аллен следом за ними.

– Ни хрена себе начало неделки, – сказал Терри и всплеснул руками. – Ну, каким еще интересным личностям ты подписывала фотографии? Усаме бен Ладену? Талибану?

– Успокойся, Терри. Они не твои компьютеры забрали. И на каланов твоих всем чихать.

– Ты так думаешь? Заверяю тебя, мой маленький старший вице-президентик, что не чихать будет «Эксон Мобилу» на нашу идею насчет каланов, если про нее будет написано на первой странице «Вашингтон пост».

– Хорошо, – сказала Касс. – Я подключаю Ранди. Какой смысл иметь в любовниках сенатора США, если он не может похлопотать за тебя в ФБР?

Терри фыркнул.

– Я слышу копыта мчащейся на помощь кавалерии.

– Девочка моя, – простонал Ранди. – Ну как я могу вмешиваться в расследование ФБР? Ради всего святого! Очень может быть, что я стану кандидатом в вице-президенты страны. Как это тогда будет выглядеть?

– Вмешиваться я тебя не прошу. Просто позвони директору ФБР и попроси не давать в прессу утечек, касающихся наших клиентов.

– Я подумаю. Кстати, как у тебя дела с добровольцами, которые обещали публично заявить, что покончат с собой, когда им исполнится шестьдесят пять?

– Совершат *восхождение*. Прошу тебя, постарайся привыкнуть к этому слову. Но погоди. *Почему* ты не можешь ему позвонить? Я не совершила никакого преступления. Тут дело принципа – хоть и не такого, конечно, принципа, на котором можно сразу что-то поиметь.

Ранди вздохнул.

– Я... Предположим, я позвонил, а они дали об этом утечку. Ты моя девушка. *Как это будет выглядеть?*

– Так, что ты проявил заботу о своей девушке.

– Неудобно, – пробормотал Ранди. – Страшно неудобно.

– Ладно. – Касс пожала плечами. – Надеюсь, они найдут мой дневник, где я привожу твой отзыв о собственной матери. Помнишь, как назвал ее гримзой?

– Ты написала *это* в дневнике?

– А что? На то и дневник.

– Почему тебе взбрело в голову... О, господи. Касс. *Что еще ты там написала?*

– Дай вспомнить. Ага. Насчет нашей половой жизни. Как ты брал вишни и...

– Касс!

– Что мне сказать тебе, любимый? Я же девушка. Мужчина смотрит на себя в зеркало. Девушка пишет дневник.

– Боже мой. Невероятно. Как фамилии этих агентов ФБР?

– Антрим и Джексон. Худые и голодные на вид. Один все время трогал пистолет.

Касс нажала отбой. Терри все время сидел рядом и слушал.

– Ты действительно все это там написала?

– Написала, как же. Я тебя умоляю!

Терри кивнул, как кивает довольный учитель. Один из его принципов, который он сообщал всем подопечным, гласил: никогда не прибегайте к маленькой лжи, если можно обойтись большой.

– А что с вишнями-то? – спросил Терри.

– Так я тебе и сказала.

– Заседание комиссии объявляю открытым.

– Уважаемый председатель, – сказал Гидеон Пейн. – Я хочу сделать заявление.

Выглядел Гидеон неважно. Щеки обвисли, под глазами синева. Честно говоря, выглядел он ужасно.

– Говорите, ваше преподобие.

Гидеон поправил очки и стал читать. Это было длинное и трескучее осуждение ангела смерти из «Братской помощи» (которая стала «братской могилой»), завершившееся скучным, высокопарным и многословным подтверждением ценности человеческой жизни. Обычно Гидеон бодро ехал на бензине высокого качества, но сегодня он тархтел, как будто заправился дизельным топливом.

– Уважаемый председатель, можно мне высказаться? – спросила Касс.

– Пожалуйста, мисс Девайн, – с опаской в голосе позволил председатель.

– Поскольку мы здесь обсуждаем возможность *добровольного* восхождения, я считаю, было бы уместно почтить минутой молчания память жертв «Братской помощи», которые были *насильственно* лишены жизни. Лишены подчиненным мистера Пейна.

– Черт вас возьми! – взорвался Гидеон. – Какой он мне подчиненный! А вы, мадам, – дьяволица! Да, дьяволица! *Изыдите!*

Касс вскинула брови и невозмутимо произнесла:

– Уважаемый председатель, мне казалось, что я нахожусь на заседании президентской комиссии. Но теперь выясняется, что я по ошибке забрела на сеанс изгнания бесов.

ПЕЙН НАЗВАЛ ДЕВУ СМЕРТИ ДЕВАЙН «ДЬЯВОЛИЦЕЙ». СЛУШАНИЯ О «ВОСХОЖДЕНИИ» ПРЕРВАНЫ.

– Ги-идеон, – сказал монсеньор Монтефельтро с озабоченным видом. – Дорогой мой друг. Как у вас дела?

Монсеньор Монтефельтро прекрасно знал, что дела у дорогого друга не очень. Как и все в Америке, монсеньор жадно смотрел телетрансляции о слушаниях и видел Гидеонов припадок. Председателю пришлось прекратить заседание. Иные посчитали, что вспышка Пейна была замаскированной попыткой сорвать разбирательство. Но слишком уж натурально она выглядела. Казалось, что Гидеон на грани инфаркта.

Ясное дело, он испытывал колоссальный стресс из-за судебных исков против «Тихой гавани». Юристы кружили как ястребы. От первой группы скорбящих родственников он уже получил официальные письма.

Что же касается Кассандры Девайн – она тогда сидела спокойно, скрестив руки на груди, устремив глаза в потолок, с почти мечтательным выражением лица.

Пейн и Монтефельтро встретились сейчас, как обычно, в джорджтаунском доме

монсеньора. Ровное тиканье высоких напольных часов в холле контрастировало с волнением Гидеона. Кондиционер создавал прохладу, но Гидеон то и дело вытирал блестящий лоб шелковым платком. Первые два бокала охлажденного «гайя-рей» 2001 года он осушил залпом, точно стараясь залить тлеющий в глубине огонь.

Монсеньор, со своей стороны, был в приятном расположении духа: за неделю он уговорил четырех богатых вдов-католичек завещать Матери-церкви практически все свое земное достояние. Ватикан был очень доволен.

– Массимо. События просто ужасающие, – сказал Гидеон. – Этот маньяк Кламм... Родственники требуют с меня десятки миллионов... И в довершение всего эта Кассандра – я из-за нее просто вне себя. Вы смотрели сегодня?

– Э... нет, – соврал монсеньор из благих побуждений. – Я был занят. Извините меня.

– Я выставил себя идиотом. Жутким, круглым идиотом на глазах у всего мира.

Гидеон налил себе третий бокал вина.

– Она знает все мои кнопки и нажимает, когда ей надо. Я... я ничего не могу с собой поделать. – На лице у него была паника. – По правде говоря, Массимо... Хотите услышать всю правду?

– Да, Ги-идеон. Конечно.

– Я люблю ее.

Глаза монсеньора Монтефельтро расширились.

– Ги-идеон. Как такое может быть? Она нападает на вас при первой возможности.

– Не могу объяснить.

– Попробуйте.

Монсеньор, которого Рим считал одним из самых вкрадчивых исповедников, подлил Гидеону вина.

И Пейна прорвало. Да, он любит Кассандру Девайн, он любит в ней все – имя, фамилию, внешность и даже ее жестокость к нему, похожую на обращение с ним матери в детстве (доктор Фрейд, ау!). Она превращает его в *обалдуя*. Монсеньор взял слово на заметку и подумал, что надо будет найти его в словаре, но состояние Гидеона он и так понимал. Конченный человек.

Говоря, Гидеон пил вино бокал за бокалом. Глаза остекленели, он теперь явно выдохся – зато стал поспокойней.

– Вы не... – промолвил он вяло, – вы никому не расскажете?

– Не расскажу, не расскажу, Ги-идеон, – заверил его Монтефельтро, хотя, строго говоря, поскольку Гидеон не был католиком, о тайне исповеди речь здесь не шла. – При всем моем уважении к вашим чувствам, Ги-идеон, я, если совсем начистоту, не думаю, что у вас и этой Кассандры Девайн есть совместное будущее.

– Да, конечно, – вздохнул Гидеон. – Я знаю. Черт побери, Массимо... Не могу объяснить свои переживания. Смысла в них никакого. – Он говорил как одурманенный, и неудивительно – ведь он выдул шесть бокалов вина. – Заодно хочу признаться вам, Массимо, еще кое в чем. Я *ни разу* не был с женщиной.

– Понимаю.

Монтефельтро кивнул, подспудно надеясь, что это признание будет последним на сегодня. Одно дело – слушать сетования набожных старых клуш о том, что они были грубы с шоферами, совсем другое – заниматься спелеологией Гидеоновой души. Кто знает, какая нечисть там водится.

– Ваша чистота, Ги-идеон, угодна Господу. Вы служите Ему, как служили апостолы...

– Но мне *хочется* быть с женщиной.

– А... Что ж, понимаю. – Монсеньор кивнул – теперь уже совсем по-исповеднически. – Мы все подвержены ощущениям известного рода. Это естественно. Даже я иногда...

– Я непривлекателен. Я это знаю.

– Глупости! Вы... – *Вообще-то вылитая лягушка.* – ...могущественный человек. По всей стране, во всем мире вас уважают. Его преподобие Ги-идеон Пейн. Друг президента.

– Все считают, что я убил свою мать.
– Нет, нет, нет. Немыслимо.
– Если бы я был девушкой, я, наверно, не захотел бы сблизиться с человеком, убившим собственную мать.

Монсеньор Монтефельтро поерзал на стуле. Его лицевые мышцы начали напрягаться. Хватит Гидеону вина. В белом вине высокое содержание сахара.

– Ги-идеон...

– Хотите знать, что произошло в тот день над Французовым обрывом?

– Только если у вас есть желание рассказать.

– Это *она* пыталась меня убить.

– Что?

– У нее было плохо с головой. Тремя неделями раньше диагностировали неизлечимую опухоль мозга. Я был за рулем. Остановился на обычном месте, чтобы она полюбовалась видом. И вдруг она протянула руку и включила передачу, а ногой поддала газу. Я спросил: «Мама, что ты делаешь?» – и попытался затормозить, но под колесами был гравий, и мы скользили под уклон. Я повторил: «Мама, что ты делаешь?» Она ответила: «Мне надоело жить. Мы сейчас вместе встретим Иисуса». Я сказал: «Мама, я не готов к встрече с Ним!» А она: «Но Он готов к встрече с тобой, мой мальчик!» Мы были уже в пяти футах от обрыва. Все, что я мог, – это открыть дверь и выкатиться наружу. Она упала в обрыв вместе с машиной.

Монсеньор Монтефельтро смотрел на Пейна круглыми глазами.

– Я выдумал историю про то, что отказал парковочный тормоз. Я не мог рассказать, что случилось на самом деле. Что родная мать хотела меня убить. А кончилось тем, что все стали *меня* считать убийцей. – Гидеон покачал головой. – Я много лет отдаю все силы защите жизни. Лью слезы о нерожденных детях, молюсь о людях с поврежденным мозгом, не позволяю дать им умереть. Проповедую святость каждого человеческого существования. А теперь... – Он испустил долгий жалобный вздох. – Теперь я влюбился в символ узаконенного самоубийства. А еще у меня хотят отсудить десятки миллионов из-за какого-то чокнутого медрботника.

Он смотрел на Массимо. Его измученные глаза горели ярким неистовым огнем.

– Это несправедливо! Нечестно! Вы – человек Господа. У вас с Ним прямая связь через ватиканский коммутатор! В следующий раз, когда вы и ваши кардиналы будете с Ним разговаривать, спросите Его, пожалуйста: что такого сделал Ему Гидеон Пейн, чтобы на Гидеона понадобилось грандиозно насрать? Задайте такой вопрос!

Монсеньор Массимо Монтефельтро сказал себе: *Осторожно. Осторожно. Перед тобой раненое земноводное из американских болот. Говори тихо, мягко. И держи пальцы подальше от его зубов.*

– Ваши слова, Ги-идеон, огорчают меня невероятно.

– Отлично, черт возьми! Пусть огорчают!

– Не забывайте, что только через страдание можем мы приблизиться к Богу истинному.

– Чушь собачья!

– Ги-идеон. Ну что вы. Это же основа нашей веры.

– Вашей – может быть. Но больше не моей! Ваш покорный слуга посылает страдание к едрене фене! Ваш покорный слуга намерен оттянуться, оторваться и *попарить шишку!* Я намерен *познать* баб! Я намерен познать их вдоль, поперек и наискосок! А теперь принесите-ка сюда еще один сосуд с этим великолепным итальянским виноградным соком! Мы с вами, Массимо, сегодня надрызгаемся. Насандалимся вусмерть. А потом, – сказал Гидеон, – мы с вами, – он рыгнул, – *шишки попарим!*

Глава 27

На обратном пути в Калифорнию в своем личном самолете Фрэнк Коуэн обмозговал

экстравагантную просьбу Бакки Трамбла. Он смог тщательно проанализировать беседу, потому что записал ее с помощью карманного цифрового устройства. Нажимая кнопку «воспроизведение», он подумал, что у него потихоньку набирается целый аудиоархив. Голос Бакки Трамбла был слышен очень отчетливо. Главный помощник президента страны попросил его ввести в компьютер дочери исходящие электронные письма серийному убийце. *Надо же*, подумал Фрэнк. *А я себя считал пройдохой.*

Он мысленно проиграл сценарии. Сценарий номер один: успех, награда, важный министерский пост на время второго срока Пичема. Скажем, министр финансов – звание, которое человек сохраняет за собой до конца жизни. Сценарий номер два: успех, но Пичем проигрывает выборы, никакой награды. Сценарий номер три, наименее привлекательный: провал, бесчестье, суд, тюрьма.

Фрэнк анализировал третий сценарий снова и снова, пристально рассматривая каждую развилку и каждый пункт принятия решения. Он пришел к выводу, что риск при исполнении просьбы Трамбла можно сделать почти нулевым. Меньше... он прикинул в уме... одной десятой процента. Не абсолютная надежность, но – приемлемо.

Он обмозговал все еще раз и решил, что какой бы то ни было риск бесчестья и тюрьмы – неприемлем.

И что отсюда следует? Не хочешь сотрудничать – не видать тебе министерского поста.

Он опять прослушал запись. Сказал он что-нибудь опасное для себя? Нет. Ни единого слова. Он выслушал просьбу Бакки Трамбла и указал на незаконность таких действий. Все. После чего Бакки встал, пообещал ему щедрую благодарность президента, если он, Фрэнк, отправит за решетку собственную дочь, и ушел. Фрэнк ничего на это не ответил. В любом суде, включая высший суд общественного мнения, его молчание можно истолковать как молчание отца, потерявшего дар речи от возмущения.

Он ничем себя не запятнал.

И тут Фрэнка Коуэна осенило. Он выругал себя за то, что не увидел сразу такую очевидную вещь. Глядя вниз на уходящие назад облака, подсвеченные закатом, он ощутил прилив удовлетворения. Подозвал аппетитную стюардессу – достопримечательность «Эр Фрэнк», как называли самолет в компании, – и попросил принести шотландского виски со льдом.

Он откинулся на мягкую зеленовато-синюю спинку сиденья из итальянской кожи и снова выглянул в иллюминатор. Один в собственном самолете на высоте сорок шесть тысяч футов, он летел в сторону закатного солнца, к Тихому океану, к своему огромному прибрежному дому, которому посвятил публикацию журнал «Архитекчерал дайджест», к женщине, несколько утомительной в последнее время, но честно исполняющей свою сторону сделки: по первому требованию – секс высшего класса. У него было все, чего он хотел, все, что могло ему понадобиться, – и теперь он сообразил, как получить еще больше, причем без всякого риска. Фрэнк Коуэн почувствовал полное довольство жизнью.

– Ну что? – спросила Касс у Ранди. Они отдыхали в его сенатском кабинете после долгого заседания комиссии, на которое Гидеон Пейн не явился – вероятно, зализывал раны.

Ранди весь день держался уклончиво. Всякий раз, когда она его спрашивала, отвечал, что не хочет обсуждать интересующий ее вопрос ни в комнате заседаний комиссии, ни даже *около* нее. Сенаторы, которые большую часть времени бодрствования проводят поблизости от микрофонов, рано или поздно проникаются мыслью, что весь окружающий ландшафт только и делает, что слушает их, даже если слушать особенно нечего.

– Ты звонил в ФБР?

– Если честно...

– Ранди, тебе давно пора избавиться от этого оборота речи. Он подразумевает: *обычно я вру напрадалую*. Уж поверь мне. Я учу врать руководящих сотрудников корпораций. Так или иначе, давай говори. Честно.

– Я поручил Спеку этим заняться. Если ситуацию с ФБР и твоими компьютерами можно прояснить – он это сделает. Я все-таки не могу поверить, что ты написала такие вещи в дневнике. Я даже не убежден, что когда-либо называл мать при тебе гримзой.

– Почему ты не можешь просто взять и позвонить в ФБР? На то ты и сенатор США, чтобы употреблять свое влияние.

– Потому что в прессу просочится, что я старался защитить свою девушку.

– И чем это плохо? Ты получишь голоса девушек.

– Поверь мне, я не меньше твоего хочу забрать у них этот чертов компьютер. Боже мой! Мама была столпом массачусетского общества. А ты ее гримзой назвала.

– Нет, это ты ее гримзой назвал, дорогой мой. Я только записала.

– На ее похороны явился весь президиум Общества Цинциннати!⁸² И губернатор штата.

– Ладно, – сказала Касс, – будем надеяться, что твой Спек действительно мастер своего дела. Интересно – почему Гидеона сегодня не было?

– Наверно, лежит под кроватью в позе эмбриона. Не волнуйся, он еще придет. Ты сможешь и дальше его мучить. Между прочим, думала ты над моим предложением?

– «Между прочим»?

– А что?

Касс вздохнула.

– Зовешь девушку замуж «между прочим»? М-да, ты умеешь заставить ее почувствовать себя пунктом восемнадцатым в твоем списке всего, что намечено на день. «Подстричься. Спросить Касс, выйдет ли она за меня замуж. Починить дверь гаража. Проголосовать против законопроекта о дополнительных расходах на чрезвычайные нужды». Что, белые-англосаксы-протестанты генетически не способны к романтике?

– Хочешь, чтобы я встал на единственное здоровое колено?

– Нет. Проехали. Потом поговорим на эту тему.

Гидеон Пейн не лежал под кроватью в позе эмбриона и не сосал большой палец. Он сидел, хотя и с трудом, в гостиной у монсеньора Монтефельтро,пил крохотными глоточками черный кофе и держался за голову, которая казалась ему не головой, а наковальней. Демоны, крупные причем, может быть, даже Вельзевул собственной персоной, с адским грохотом лупили по наковальне кузнечными молотами.

– Хотите еще «алка-зельцера», Ги-идеон?

– О... – простонал Гидеон и слабо отмахнулся от монсеньора. Поставил кофе на стол, взял пакет со льдом и приложил ко лбу. Лоб на ощупь был холодным и восковым, как у трупа. Над левым глазом расплылся огромный синяк с запекшейся кровью посередине.

Монсеньор Монтефельтро в новом приступе страха за свой пятнадцатитысячедолларовый старинный тебризский ковер, от которого противно несло чистящим средством для ванн и кое-чем еще, подвинул поближе к Гидеону корзину для мусора.

Монсеньор и сам чувствовал себя не очень. Из солидарности с Гидеоном, который явно переживал некий кризис, он тоже налегал на вино, хоть и не так, как гость. Гидеон осушил четыре бутылки белого вина (общая стоимость – 460 долларов). Монтефельтро выпил полторы – куда больше нормы, даже для таких случаев, когда приходилось работать с крайне несговорчивой вдовой. Язык был шершавый и неповоротливый, внутренность головы казалась преддверием ада. Он уже проглотил четыре обезболивающие таблетки.

Он заново переживал ужас прошедшей ночи. На четвертой бутылке Гидеон, качаясь, встал и заорал:

– А теперь пошли поищем, с кем *перетихнуться!*

⁸² В Общество Цинциннати входят потомки офицеров, сражавшихся в Войне за независимость США.

После чего он рухнул на венецианский столик восемнадцатого века из розового дерева, инкрустированный черным деревом и слоновой костью (цена – 8000 долларов), разнес его в щепки и рассадил себе лоб.

Монтефельтро удалось кое-как привести Гидеона в чувство, и монсеньор от всей души возблагодарил Деву Марию за то, что не позволила наливавшемуся протестанту истечь кровью у него в гостиной. Комната походила теперь на бойню. Пришедший в чувство Гидеон обильно опорожнил желудок на тебризский ковер и на монсеньора Монтефельтро.

Не испытывая большого желания объяснять экономке, откуда в гостиной взялась лужа блевотины и крови, монсеньор стал судорожно рыться в кладовке в поисках чего-нибудь чистящего и в конце концов нашел желтую жидкость с наклейкой, изображавшей лысого улыбающегося евнуха с серьгой. Разбираться, почему американцы выбрали себе именно такой символ чистоты, Монтефельтро было недосуг. Он встал на четвереньки и собственноручно ликвидировал жуткую жижу – занятие сильно отличалось от ритуального омовения ног паствы в Страстную пятницу. К тому времени, как он кончил, Гидеон ожил и, чувствуя себя намного лучше, потребовал еще вина. Тут-то и начался настоящий кошмар.

Монсеньор вышел на кухню приготовить кофе. Делать это собственноручно он привык не больше, чем оттирать ковры. Найти все необходимое удалось не сразу. Вернувшись с кофе, он увидел, что Гидеон говорит по телефону – по его, Монтефельтро, домашнему телефону, – причем это подозрительно смахивало на звонок в эскорт-сервис. Но подлинный ужас наступил, когда он услышал, как Гидеон диктует его адрес.

Гидеон положил трубку, ухмыльнулся, рыгнул.

– Ги-идеон, что вы сделали?!

– Лизол, – сказал Гидеон, глядя на ковер. – Лизол – это вещь. Всех гадких микробов убивает напрочь...

– Нет – с кем вы сейчас говорили? По *моему* телефону!

Гидеон оглядел свои облевленные брючины и туфли.

– Есть у вас какие-нибудь запасные шмотки? Нельзя же принимать дам в таком виде.

Ик.

– Шмотки? О чем это вы? Ги-идеон, с кем вы сейчас...

– Мне всегда нравился ваш прикид. Сутана. Ик. С маленькими алыми – ик – пуговками. У вас наверняка еще такая есть. Ведь нельзя каждый день – ик – ходить в одной и той же. Ик. Только в талии, может быть, придется выпустить. Ик. И малиновую шапочку одну возьму. Я просто в восторге от этих малиновых шапочек...

– Ги-идеон. Послушайте меня. Прошу вас. С кем вы говорили сейчас по телефону?

Гидеон одарил его улыбкой, широкой, как река Потомак.

– Н-н-не волнуйтесь ни о чем, мой друг. Я пригласил сюда двух – ик – очаровашек. Ик. Русских. Знаете, какая слава идет про русских девушек? Вашу зовут... Достоевская. Ик. Мою – ик – Тургенева.

Гидеон принялся мурлыкать мелодию «Эй, ухнем».

Теперь Монтефельтро заново переживал ужас случившегося чуть позже: звонок в дверь – Гидеона пришлось физически удерживать от того, чтобы открыть, – новые звонки – настоячивые звонки – злые звонки, сопровождающиеся громким стуком. И кульминация ужаса: телефонный звонок. Он опасливо ответил и услышал сердитый голос с русским акцентом:

– Мистер Монтефельтро. Заказанные вами девушки ждут за дверью. Впустите их.

*Porca miseria!*⁸³ Эта ужасная женщина знает его фамилию. И его телефонный номер.

– Извините, – сказал он, – но тут какая-то ошибка. Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Нет ошибки, – настаивал русский голос. – У нас определитель номера. Вы их выпускаете, или мне прислать мужчин?

⁸³ Черт подери! (*ит.*)

– Нет, не надо мужчин!
– Значит, вам девушки нужны.
– *Нем!* Видите ли... Прошу прощения, все это громадная ошибка. Спокойной ночи. Спасибо. Спокойной ночи. Благослови вас Господи.
Монсеньор положил трубку.
– Ну, где моя русская девчоночка? – спросил Гидеон. – Где она, моя масенькая бабуся?
Back in the U.S., back in the U.S., back in the USSRRRRRRR...
– Ги-идеон. Прошу вас. Тише. Замолчите.
– Нехорошо так разговаривать с – ик – служителем Господа. Я служитель Господа, не хухры-мухры...
Звонок в дверь. Телефонный звонок. Загнанный в угол монсеньор взял трубку.
Тем самым голосом, но уже ледяным, ему было сказано:
– С вас одна тысяча двести долларов. Шестьсот за одну, шестьсот за другую. Не нужен массаж – нет проблем. Но уплатите тысячу двести за вызов массажисток. Или я присылаю Ивана и Владимира.
– Так. Погодите. Секундочку. Прошу вас.
В панике Монтефельтро стал обыскивать дом в поисках денег. Но монсеньоры не держат крупных сумм наличными.
Гидеон тем временем снова вырубился. Монтефельтро обшарил его карманы и нашел бумажник. Там было триста долларов с небольшим. В дверь звонили и колотили. Иван Грозный и столь же грозный Владимир.
На глаза ему попала дорогая на вид золотая цепочка для часов, которая шла поверх обширной заблеванной жилетки Гидеона. Он взял и ее, и еще более дорогие на вид золотые часы. Подошел к двери, приоткрыл, не отмыкая цепочки, и выглянул. Снаружи курили две высокие русские валькирии, хорошенькие (на неприятзательный вкус) и разгневанные.
– Почему дверь долго не открыли?
– Тс-с-с. Тише. *Prego*.⁸⁴
– Вы – священник?
Agnus Dei...⁸⁵ В смятении Монтефельтро забыл снять католический воротничок.
– Нет, нет. Это... маскарад. Маскарадный костюм. У нас вечеринка. Да. Но сейчас все уснули. Спасибо, что приехали. Вот.
Он протянул им деньги и часы с цепочкой.
– Что это? – спросила то ли Достоевская, то ли Тургенева.
– Подарок. Очень ценный. Прошу вас. Уезжайте. Не стойте. Это ошибка. Ужасная ошибка. Прошу вас. *Dasvidanya*. Благослови вас Господи. Я люблю Россию. Прекрасная страна. Спокойной ночи. Спокойной ночи.
Он захлопнул дверь, закрыл на задвижку и, весь в поту, приготовился услышать очередной звонок или грохот тяжелого сапога Ивана, высаживающего дверь.
Тишина. Импровизированное вознаграждение сделало свое дело.
Omnibus sanctiis et Tibi, Pater...⁸⁶
Из гостиной до него донеслось:
– Где мои русские очаровашки?!

Глава 28

⁸⁴ Пожалуйста (*ит.*).

⁸⁵ Агнец Божий (*лат.*).

⁸⁶ Всем святым и Тебе, Отец... (*лат.*) – Из католической мессы.

Аллен Снайдер, потребовав срочной встречи с Терри и Касс, пришел в офис Таккера с видом не слишком радостным и без особой бодрости в походке.

– У меня одна хорошая новость и одна похуже, – промолвил он, пытаясь улыбнуться, несмотря на сопротивление лицевых мышц. – С какой начнем?

– С хорошей, – сказала Касс.

– С плохой, – сказал Терри одновременно с ней.

– Хорошая новость: в компьютере нет ничего, что связывало бы вас с Артуром Кламмом. Юридически на данный момент вы в этом отношении чисты. Хотя с точки зрения паблик рилейшнз это...

– Подыскиваете слово? Я помогу. Кошмар, – сказал Терри.

– А что за плохая новость? – спросила Касс.

– Они нашли файлы, относящиеся к вашему северокорейскому проекту. Турнир по гольфу?

Терри повернулся к Касс.

– Я думал, ты их удалила.

– Я удалила.

– Они их нашли, – сказал Аллен. – Методику я объясню позже.

– Вот будут нам предъявлять в суде обвинения, тогда и объясните, – сказал Терри. – М-да, чудненько.

– Их, как правило, интересуют именно те файлы, которые удалили. Можно мне вас спросить: кто к кому первый обратился – северокорейцы к вам или вы к ним?

– Не мы, не мы. Они к нам. Точно вам говорю, – сказал Терри.

– У вас был прямой контакт с их правительством?

– Нет, конечно. В Вашингтоне есть одна неправительственная организация – как она называется, Касс?

– Ассоциация тоталитарных азиатских тиранов?

– Касс. Ну нельзя ли хоть чуточку серьезнее?

– Она называется Американско-корейское общество взаимопонимания и развития.

– Вот-вот, – сказал Терри. – Офис очень маленький. Всего-навсего один субъект, который без конца курит. Мун Пак. Мистер Мун Пак.

– И что именно им от вас было нужно?

– Сформулировали они вот как: «для развития гармонии и взаимопонимания между Северной Кореей и международным сообществом» организовать в Северной Корее профессионально-любительский турнир по гольфу. Поле там вроде бы есть. Причем такое, что только держись. Бункеры⁸⁷ у них – настоящие бункеры. Наша задача была – раскрутить это дело. Привлечь знаменитостей.

– Знаменитостей? – переспросил Аллен Снайдер.

– Взрыва энтузиазма, честно говоря, не последовало. Но О.Джей Симпсон⁸⁸ проявил некоторый интерес.

– В общем, лучшие люди страны, – заметила Касс.

Переважив услышанное, Аллен сказал:

– Вы, конечно, знаете, что Северная Корея значится в госдеповском списке покровителей международного терроризма. Американским гражданам запрещено заниматься бизнесом с Северной Кореей.

Терри попытался защититься:

⁸⁷ В гольфе бункером называется углубление с песком, откуда трудно выбить мяч.

⁸⁸ О. Джей Симпсон (род. в 1947 г.) – американский футболист, позднее актер. В 1995 г. «процесс века», когда его судили за убийство бывшей жены и ее возлюбленного, закончился оправданием Симпсона. Тем не менее большинство американцев считают его виновным.

– Мы скорее просто теоретически исследовали... так сказать, пути сближения. Ничего... специфически... определенного...

Аллен смотрел на него.

– Терри, – сказала Касс. – Мы окружены. Капитулируй давай.

– Надо же, до чего дошло, – пожаловался Терри. – Твое собственное правительство превращается в «большого брата», ломится к тебе в дверь, забирает твои компьютеры, наваливается на тебя всей своей тяжелой тушей – за что? За попытку внести крохотный вклад – сделать *шаг* – в сторону... в сторону... – Он посмотрел на Касс. – Напомни, я забыл.

– Гармонии и взаимопонимания.

– Вот.

– Разбираться с ФБР предоставьте мне, – сказал Аллен. – Я думаю, скоро они дадут о себе знать.

Тут как раз позвонила секретарша Терри с известием, что явились два агента ФБР и хотят поговорить с ним и Касс.

Аллен пошел их перехватить.

– Мне думается, нам нужны две приемные, – заметил Терри. – Одна для клиентов, другая для фэбээровцев. Оформим так, что им понравится. Кактусы в горшках. Экземпляры «Американского стрелка». По телевизору будем крутить «Самых разыскиваемых людей Америки».

– Насчет компьютера, – сказала Касс Ранди.

Он писал в блокноте какие-то заметки.

– А?

– Есть хорошая новость. И еще одна новость. С какой начнем?

– Будь моя воля, я только хорошей бы и ограничился. В целом, видимо, твои новости так себе.

– Про то, что твоя мать была гримза, они не нашли. Про вишни тоже.

– Какое облегчение, – сказал сенатор с обиженным видом, подняв глаза от блокнота. Очки у него сидели на кончике носа, придавая Ранди некую надменность белой кости. – Так что если набрать в Google «сенатор Рандольф Джепперсон» и «гримза», две тысячи ссылок не вывалятся. *Quel joie.*⁸⁹

– Другую новость хочешь выслушать?

– Честно говоря, не очень. – Он опять опустил взгляд в блокнот. – Но что-то мне подсказывает, что у меня нет выбора.

– Мы с Терри в свое время обсуждали кое-что с... предложение одно деловое... не очень крупное.

– А?

– Скорее всего, до реализации все равно не дошло бы... Такие начинания сплошь и рядом проваливаются.

Ранди продолжал писать текст выступления.

– Знаешь что, Касс, – предложил он, – давай я и дальше не буду на тебя смотреть, а ты мне скажешь, что хочешь сказать. Со счета три, хорошо? Готова? Помнишь свои слова о том, что говорить правду – это как ездить на велосипеде? Раз... два... три.

– Фэбээровцы нашли в компьютере файлы, по которым создается впечатление, что мы с Терри... – Касс хмыкнула с деланным пренебрежением, – ...сотрудничали с одной неправительственной организацией, помогали ей с одним международным начинанием из тех, что, как говорится, сближают континенты, задействуя при этом частный сектор, это такой двусторонний или, лучше сказать, многосторонний проект...

⁸⁹ Какая радость (*фр.*).

Ранди посмотрел на нее.

– Ты что, инсульт перенесла?

– Почему?

– Говоришь так, что ничего нельзя понять. Не можешь просто взять и объяснить все как есть?

– Хорошо, – сказала Касс, стараясь сделать тон максимально обыденным. – Они прицепились к файлам, относящимся к турниру по гольфу, о котором мы с Терри вели переговоры с зарубежным правительством.

– С каким правительством?

– С корейским.

– Ну и что? Я не вижу проблемы.

– С северокорейским, точнее говоря. Ну, как твоя речь подвигается?

Гидеон Пейн застонал и очень медленно попытался встать.

– Господи Иисусе...

Монсеньор Монтефельтро сидел в кресле напротив с видом инквизитора Торквемады, готового вынести смертный приговор. На случай, если Гидеона опять вырвет, он отодвинулся подальше.

– Что... случилось? – заплетающимся языком спросил Гидеон.

– Очень многое случилось, – отчеканил монсеньор Монтефельтро. – Хотите, расскажу сначала, какой у *меня* был вечер? А потом – какой он был у *вас*.

Гидеон теперь, пошатываясь, стоял на ногах. Он похлопал по карманам жилетки, чувствуя, несмотря на свое состояние, что чего-то важного не хватает. Потом похлопал по остальным карманам.

– Часы. Цепочка. Их нет.

Он посмотрел на монсеньора более осмысленно. Его мозг был подобен мастодонту, пытающемуся выбраться из ямы с дегтем.

– Где мои часы и цепочка? – спросил он обвиняюще.

– А сами не помните?

– Я *ничего* не помню, – сказал Гидеон, выворачивая карманы брюк.

Монтефельтро вдруг пришла в голову старая итальянская поговорка: *Si non è vero, è molto ben trovato*. Если это и не правда, это очень удачная находка.

– Вы подарили их своей новой подруге. Мисс Тургеневой.

Гидеон прищурил глаза, утопив их в пухлых складках.

– О чем вы говорите?! Подарил часы? Они принадлежат моей семье с тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года!

– Сядьте, Ги-идеон, сядьте. И выслушайте из моих уст *вашу* исповедь.

Когда монсеньор Монтефельтро окончил рассказ о вечерних событиях, заменив в двух-трех местах правду вымыслом, Гидеон выглядел так, что краше в гроб кладут. Кожа приобрела восковой цвет.

– Но я... но я... ничего такого не помню, – простонал он.

– Читайте, что в этом вам повезло. Конечно, не помните, – сказал Монтефельтро без участия в голосе. – Вы были пьяны. Совершенно пьяны. Четыре бутылки. Очень хорошего вина. Дорогого.

– Но почему я вдруг отдал часы, мои ценнейшие часы, и цепочку русской... ш-шлюхе?

– Двум русским ш-шлюхам. Потому, видимо, что иначе вас избили бы до смерти два очень рослых русских с-сутенера.

– Я... – Вид у Гидеона теперь стал безумный. – Я... *осуществил*?

– Вы хотите спросить, были ли вы с ней близки? Нет – Бог уберег вас. Какими болезнями вы могли заразиться – страшно подумать. Вплоть до бубонной чумы.

Гидеон содрогнулся.

– Но мне надо вернуть часы, – сказал он. – Вы не понимаете. Это ценность. Семейная

реликвия. Их подарили моему предку за отменную стрельбу...

– На вашем месте, Ги-идеон, я бы возблагодарил Господа за то, что остался жив. И купил новые часы!

– Как называется этот... как вы сказали... эскорт-сервис?

– Откуда мне знать? – раздраженно воскликнул монсеньор. – Я не знаток эскорт-сервисов! Я был на кухне, готовил вам черный кофе, чтобы привести вас в чувство, потому что вы весь дом испачкали рвотой и испортили *мое* семейное достояние – вот, смотрите, стол, восемь тысяч долларов! – а когда вернулся, вижу, вы звоните по моему телефону и вызываете сюда *проституток!*

– Мне очень неприятно, Массимо, но, похоже, вы меня перепоили.

– «Перепоили»! Вы все мои запасы выхлестали!

– Я вам это возмещу, – обиженно произнес Гидеон. – Так или иначе, я был бы вам благодарен, если бы вы мне помогли вернуть часы.

– Ги-идеон! *Забудьте про эти говенные часы!* Говорю вам – радуйтесь, что остались живы! Эта мадам – содержательница борделя, куда вы обратились по *моему телефону*, – потом позвонила и сказала, что придет Ивана и Владимира переломать нам обоим ноги! Вам следовало бы во всех соборах Америки заказать благодарственные мессы, вам следовало бы пасть на колени и вознести молитву!

Гидеон оглядел ковер. Если на колени, то лучше не здесь.

– Есть одна проблема.

– Разумеется, есть проблема! В борделе теперь знают мой телефонный номер! Понимаете, какой скандал может быть?

– О... – Гидеон поднес к глазам ладонь. – Дело еще хуже обстоит, чем вы думаете. На часах мое имя и фамилия.

– *Pogsa miseria.* – Монсеньор Монтефельтро поразмыслил над ситуацией. – Да, положение у нас обоих довольно скверное.

– Я сообщу, что часы украли, – сказал Гидеон. – Вот что я сделаю. Позвоню в полицию и заявлю о краже.

Он потянулся к телефону.

– Ги-идеон! *Оставьте. В покое. Этот. Телефон.*

Гидеон стал искать свой сотовый. Монтефельтро сказал:

– Погодите. Давайте сообразим. Если вы скажете полиции, что у вас украли часы, и они каким-нибудь образом найдут этих русских проституток, что тогда? Проститутки им всё расскажут. Включая то, что *вы* подарили им часы. Вы можете все это отрицать, но они предьявят информацию о телефонных переговорах, и там окажется звонок с моего телефона. Представляете, какие будут заголовки? Представляете, какой будет скандал, Ги-идеон? Достанется и мне, и вам. Можно купить новые часы, но нельзя купить новую репутацию!

Гидеон совсем сник. Он простонал:

– Я согрешил, Массимо. Помолитесь со мной.

Он начал было опускаться на колени, но, увидев на ковре последствия ночи, спросил:

– Нет ли какой-нибудь... другой комнаты, где мы могли бы вознести наши молитвы?

– Зависит от того, будете ли вы еще блевать, – раздраженно ответил Монтефельтро. – Я всю ночь убирал. Ничего приятного.

– Простите меня, Массимо, – сказал Гидеон, извлекая из самых глубин остатки достоинства. – Я не был самим собой.

Зазвонил телефон. Монтефельтро взял трубку и стал слушать, не говоря «алло».

– Здесь проживает Монтефельтро? – спросил знакомый ужасный голос с иностранным акцентом. Монтефельтро попытался сформулировать ответ, но ничего не смог выговорить. Голос сказал: – Это эскорт-сервис вчерашнего вечера. С вас девятьсот долларов. Дадите мне номер кредитной карты, или я присылаю Ивана и Владимира?

Глава 29

Фрэнк Коуэн стоял у штурвала своей двенадцатиметровой яхты «Дорогая штучка», которая шла под свежим бризом у залива Монтерей, участвуя в подготовительных испытаниях перед Кубком Америки, – и тут подал голос его сотовый. Когда Фрэнк находился на борту, телефон был запрограммирован только на звонки секретарши, имевшей право звонить лишь по вопросам апокалипсической важности.

– Да, Джин, в чем дело?! – рявкнул он. «Дорогая штучка» только что обогнула наветренный контрольный знак. Команда ставила спинакер – непростая процедура, требующая от рулевого предельной сосредоточенности.

– Простите за беспокойство, мистер Коуэн, но на разговоре с вами настаивает репортер из «Йель дейли ньюс».

– Йель – что? Какой еще репортер?

– Он говорит, у него есть к вам вопросы в связи со статьей, которую он пишет по поводу – это его слова – того, что вы, цитирую, дали Йельскому университету взятку, чтобы они не исключали Бойда... Мистер Коуэн?... Сэр?

– *Мать твою!*

Фрэнк Коуэн швырнул сотовый телефон за борт.

– Мистер Коуэн! Сэр! Она поворачивает через фордевинд!

Рывок, громкий треск – и майларовый парус стоимостью в шестьдесят тысяч долларов из громадной выпяченной груди превратился в клочья.

– Мистер Кейн! – сказала Джин репортеру «Йель дейли ньюс». – Простите, что долго держу вас на телефоне. Разговор с мистером Коуэном у меня прервался. Он в море, на яхте. Я постараюсь с ним связаться и перезвоню вам позже.

Чарли Кейн, йельский второкурсник, штатный сотрудник «самой старой ежедневной университетской газеты», как гордо именует себя «Йель дейли ньюс», сообщил любезной секретарше мистера Коуэна, что крайний срок – через три часа. Он положил трубку и вернулся к работе над заметкой.

Тема, как многие выигрышные темы, досталась ему случайно. Подруга девушки, которая вместе с ним ходила на занятия философией, встречалась с Бойдом Бейкером. Бойд был одним из самых больших гуляк кампуса. Он ухитрился завалить все предметы до единого, и его попросили было уйти и, как деликатно выражаются в Йеле, в течение года «заново оценить свои приоритеты». Но за этим ничего не последовало. Он остался в колледже.

Однажды на исходе долгой риталиново-экстазийно-кайфовой ночи Бойд признался своей подруге, что его отчим, охрентельно богатый калифорнийский компьютерщик, дал Йелю взятку в *двадцать пять миллионов*, чтобы его оставили. *Классный сюжет!* – подумал, услышав про это, Чарли. На носу были ежегодные выборы в редколлегию, и с такой публикацией в активе он вполне мог бы рассчитывать на место главного редактора.

Ожидая звонка, Чарли напечатал: «Попытки связаться с Фрэнком Коуэном, находящимся на яхте, не увенчались успехом» Перечитал фразу, стер. Набрал в поисковике Google «Коуэн» и «Кубок Америки» проглядел полученную информацию и напечатал: «Попытки связаться с Фрэнком Коуэном, находящимся на своей ультрасовременной яхте, справедливо названной „Дорогая штучка“, не увенчались успехом».

На секунду задумался, не перевести ли «попытки» в единственное число.

– У кого есть телефон? – шелкнул пальцами Фрэнк Коуэн. – У кого есть телефон? У кого-нибудь он должен, на хер, быть!

Тактик порылся в чемоданчике и дал ему свой.

– Возьми штурвал, – скомандовал Фрэнк.

«Дорогая штучка» опять взяла курс против ветра и обогнула еще один знак. Фрэнк ринулся на нос, наступая на руки членам экипажа, которые свесились за борт, чтобы

уменьшить крен. Они знали, что охоть лучше не надо и тем более не надо кричать: «Под ноги себе смотри, мудила!»

– Джин, это я. Соедини меня с этим йельским студентиком.

– Мистер Кейн? Мистер Коуэн на линии. Говорите, сэр.

– Мистер Коуэн? Здравствуйте. Меня зовут Чарльз...

– Понятно, понятно. Да, это Фрэнк Коуэн. Какого...

Та часть мозга Фрэнка Коуэна, что не пылала бешеной яростью, пыталась сказать Фрэнку: *Полегче, магнат, полегче*. Но когда заряженный человек ступает на борт своей собственной яхты и принимает командование, в нем неизбежно просыпается некий внутренний капитан Блай,⁹⁰ которого нелегко столкнуть с мостика. Фрэнк Коуэн ничего не мог с собой поделаться.

– ...хрена вы тут выдрючиваетесь? Вы что, произнесли слово «взятка»? Прямо так и сказали – «взятка»?

Чарли Кейну, которому шел всего двадцать второй год, еще ни разу за всю его короткую репортерскую карьеру не давал оплеуху калифорнийский миллиардер. В голове у него было одно: *главный редактор*.

– Видите ли, сэр, мне известно, что двадцать четвертого числа прошлого месяца вы посетили кабинет нашего ректора. В его календаре встреч есть соответствующая запись. А согласно документам отдела развития, позднее в тот же день в дар от благотворительного фонда Коуэна было получено пятнадцать миллионов долларов. – (Источник Чарли преувеличил размер взятки, но Чарли заметил и исправил ошибку.) – Ваш пасынок Бойд Бейкер был до этого извещен о временном отчислении за неуспеваемость. Он сам это подтвердил.

Фрэнка передернуло. *Ну Бойд! Ну кретин!* Чарли Кейн продолжал:

– Но в данный момент он по-прежнему числится в Йеле. Соединяя точки, я...

– Соединяя точки? Соединяя точки? Вы что, в детстве в игры не наигрались? Позвольте вас спросить, мистер Кейн, вам известно, сколько у меня юристов на полной зарплате?

– У меня нет этой информации, но из ваших слов заключаю, что много. Это так, сэр?

– Двадцать пять. Двадцать пять штатных юристов. Все до единого акулы. Большие белые твари. Никогда не спят, круглые сутки рыщут и всем на своем пути предъявляют иски...

– Да, сэр, целая армия юристов.

– Именно армия! Ваша говенная правда! И если этого будет мало, я могу нанять любого другого юриста страны. И я вас засужу, если посмеете напечатать эту зловредную ложь – эту зловредную, пакостную, клеветническую ложь. Я официально вас предупреждаю, что... Мать честная, просто не верится. Что, сделать подарок колледжу – преступление? Вам не приходило в голову, что я *забочусь* о Йеле? Именно о Йеле. Разве я даю такие деньги Гарварду?

– Я думаю, суть дела не в этом, сэр.

– Мистер Кейн. – Фрэнк сменил тон на более спокойный, холодный – ледяной, можно сказать. – Поймите простую вещь. Ради вашего же блага. Поймите, что я подам на вас в суд – на вас лично, не на «Йель дейли ньюс», – если вы печатно заявите, будто я дал якобы какую-то там «взятку». Воспримите как серьезное предупреждение. Я сделаю так, что вам нечего будет кушать, что вашим родителям нечего будет кушать, и дедушкам с бабушками тоже. Я доходчиво говорю?

– Моих дедушек и бабушек уже нет в живых, сэр.

– Кончай дурью маяться, прыщ на жопе! Поищи меня в списке «Форбса»! У меня такие

⁹⁰ Блай Уильям (1754–1817) командовал кораблем «Баунти», на котором в 1789 г. произошел знаменитый мятеж.

возможности, каких ты и представить себе не в состоянии. Я тебя в порошок сотру и пушу на удобрение. Слышишь меня?.. Кейн!

Чарли Кейн не мог поверить своему счастью. *Чувак спятил!* Его пальцы летали по клавишам.

– Угу.

– Как это понимать – «угу»?

– Значит, таков ваш комментарий? Что вы сделаете всех моих родных нищими, а меня пустите на удобрение?

– Мой комментарий? Мой комментарий, мистер Кейн, таков, что вы мертвец. Давайте скажу по буквам, чтобы до вас лучше дошло: эм-е-эр-тэ-вэ-е-цэ. Поняли меня?

– Да, сэр. Мертвец. Благодарю вас. Удачной вам гонки.

После чего Фрэнк Коуэн швырнул в Тихий океан еще один ни в чем не повинный сотовый телефон. И ринулся на корму к штурвалу. Члены команды, свесившиеся за борт, по очереди убирали руки. Один тихо сказал другому:

– Капитан сегодня в боевом настроении.

Все новости, какие Бакки Трамбл мог в эти дни сообщить президенту, были плохие, а то, что с какого-то момента это начинает приносить неприятности вестнику, можно считать аксиомой. Властителям мира сего куда приятней слышать: «Сэр, ваш рейтинг зашкаливает!» – или: «Сир, враг капитулировал!», чем хавать большие порции политического мрака, из которого в основном состояли ежедневные совещания Пичема с Бакки. Нынешнее не было исключением.

– Ну? – рявкнул президент не глядя. – Ну?

В былые дни он сказал бы: «А вот и наш Баккерино! Садись, жалкое ты мурло, лей себе пойло в стакан и вываливай все говно, какое есть!» Ныне же Бакки доставалось только «Ну?», в лучшем случае – «Ну что еще?»

– ФБР сообщило про компьютер Кассандры Девайн, сэр.

– Дальше.

– Они ничего там не нашли, что напрямую связывало бы ее с Артуром Кламмом.

Президент хмуро поглядел на Бакки.

– Я так понял, что ты собирался над этим поработать.

– Я считал, что поработал. Не знаю, как это объяснить. Я, конечно, позвоню Фрэнку Ко...

– Не надо. – Президент поднял руку. – Не говори мне ничего такого, о чем мне слушать не стоит. Скажи лучше что-нибудь такое, о чем мне слушать *хочется*. Разрешаю даже выдумать все от и до.

– Между прочим, есть кое-что. Похоже, что Девайн и ее пиаровский босс Таккер занимаются нелегальным бизнесом с Северной Кореей.

– С Северной Кореей? – Президент просветлел. – Ха, черт побери. Почему сразу не сказал? Хорошая работа, Бак. Мастерская работа. Хо-хо. Ты хитрый подлюга у меня, Бакки.

Президент ухмыльнулся. А Бакки подумал: *Он решил, что я ввел это туда.*

– Сэр, я был бы рад получить лавры, но этот факт имеет место... э... фактически. То есть реально. Они нашли это в компьютерах.

Президент был удивлен.

– Вот как. Ну что ж. Отлично. Даже лучше. Значит, ФБР может ее взять за жопу и отправить за решетку?

– Видите ли, сэр, они все-таки не продавали северокорейцам самолеты F-16 или крылатые ракеты.

Президент нахмурился.

– А что они им продавали?

Бакки постарался, чтобы звучало как можно более зловеще.

– Сэр, эта парочка сговаривалась с правительством Северной Кореи, страны, открыто

враждебной Соединенным Штатам, о том, чтобы, – он сделал паузу, откашлялся, – провести турнир по гольфу.

– По гольфу? Ты сказал – турнир по гольфу?

– Да, сэр. Это же надо – так надругаться над одним из самых демократических видов досуга в цивилизованном мире! Тоталитарный турнир по гольфу. В Пхеньяне. На вражеской территории. Якобы ради – я цитирую – мира и взаимопонимания. А на самом деле чтобы придать приличный вид зверскому режиму. Прикрыть его харю большой улыбающейся маской. Одному богу известно, на что еще они могли пойти. Это не шутки, сэр. Не шутки.

– Да всем начхать будет на какой-то там турнир по гольфу! Черт возьми, Бакки, я было подумал, что они продавали им обогащенный плутоний, или бациллы сибирской язвы, или...

– ФБР, похоже, считает, что это серьезно. Заголовок хотите услышать? СОВЕТНИКИ ДЖЕППЕРСОНА НА ЖАЛОВАНИЕ У СЕВЕРНОЙ КОРЕИ.

Президент поразмыслил.

– Что ж, такой заголовок мне очень даже нравится.

– Еще бы. – *Уф, пронесло.*

Раздался скрип президентского кожаного кресла.

– Но такой заголовок не стоит пускать в ход раньше времени. Его надо приберечь до подходящего момента. Например...

– До первичных выборов в Нью-Гэмпшире?

– Или даже позже. Передашь это пожелание нашим добрым друзьям фэбээровцам?

– Я трясусь, начальник! – радостно воскликнул Бакки. – Я трясусь!

Это была реплика из фильма «Хладнокровный Люк», где арестант, зайдя за куст помочиться, должен трясти его, показывая конвоиру, что он не убежал. Бакки много раз ее повторял в те горячие деньки, когда они вдвоем с губернатором Пичемом летали по стране на одномоторной «сесне», делая по дюжине предвыборных посадок в день. Тогда Пичем хохотал и хохотал над этой фразой, где ирония и подбострастие сочетались в нужной пропорции. Теперь же он бросил своему верному оруженосцу только: «Хорошо» – и вернулся к бумажной работе. Он писал прочувствованное личное обращение к директору Федерального резервного банка с просьбой не повышать базисную ставку до 20 %.

Бакки отправился к себе в кабинет, усталый до предела и с ощущением, что не получил полной благодарности за верную службу. Он ослабил галстук и стал смотреть электронную почту. Его ожидало триста посланий, в том числе одно от помощника с пометой: «Срочно! Прочтите как можно скорее».

Он открыл письмо. Там содержалась ссылка на заметку в онлайн-издании «Йель дейли ньюс». Что, к чертям, такое важное может быть в университетской газетенке? Он пошел по ссылке и прочел заметку.

– Ох, – произнес он, не обращаясь ни к кому конкретно. – Дрянная такая.

Джин, секретарша Фрэнка Коуэна, позвонила ему, когда он ехал домой от яхтенной стоянки (в бардачке «Энцо Феррари» у него был запасной телефон).

Она прочла ему заметку из онлайн-версии «Йель дейли ньюс». Когда дошла до слов несчастного Бойда, признавшего под запись, что «да, мой отчим разрулил как бы это дело, подбросил им, не знаю, доллар-другой, в общем, сделал предложение, от которого нельзя отказаться. Он продвинутый по этой части», Фрэнк до того разъярился, что ему ради своей же безопасности пришлось остановить «Энцо» на обочине и сделать несколько глубоких вдохов.

Далее в заметке Кейна говорилось:

«Официально Йель ситуацию пока не прокомментировал, однако в отделе развития сказали, что „мистер Коуэн был и остается чрезвычайно щедрым спонсором Йеля“. Декан Джон Уилкинсон не ответил на мои неоднократные звонки с просьбой прояснить нынешний академический статус Бейкера».

– Всё? – простонал Фрэнк.

– Да, мистер Коуэн. Между тем было довольно много звонков. Мистер Трамбл из Белого дома: «Срочно, просьба позвонить не откладывая». Ректор Йеля мистер Райгелют: «Срочно, прошу позвонить при первой возможности».

Фрэнк нажал отбой и задумался, кому звонить первому. Эни-бени...

– Бак! Фрэнк.

– Фрэнк! Мать честная.

– Ну что мне сказать? Сучонок репортеришка.

Фрэнк готов был уже выдать серию ругательств в адрес кретина пасынка, как вдруг его осенило.

– Ну что мне сказать? – повторил Фрэнк. – Люблю я этого остолопа. Он мне как родной сын.

Молчание. Фрэнк ждал, желая понять, поразила ли цель эта стрела вдохновенной лжи.

– Это очень, э, благородно с вашей стороны, Фрэнк.

– Ну, я и поступил по-старому, по-вашингтонски, – сказал Фрэнк. – Видишь проблему – вывали на нее побольше денег и посмотри, что получится. Доказать они ничего не докажут. Быть щедрым – не преступление у нас пока что.

– Фрэнк, – сказал Бакки. – Я вообще-то о другом хотел с вами поговорить.

Фрэнк забыл с самого начала включить записывающее устройство. Он сделал это сейчас.

– Да? Я слушаю.

– Насчет этого дела, которое мы обсуждали. ФБР и компьютеры.

– Какие компьютеры?

Бакки стало немножко не по себе. В трубке слышен был шум проезжающих машин, и это значило, что Фрэнк разговаривает по сотовому. Бакки не любил откровенничать при таком способе связи.

– В «Уок-н-ролле». Помните?

– А, это. Да. Помню. И что?

– У меня создалось впечатление, что вы согласились осуществить то, о чем мы говорили.

– Осуществить? Что именно?

Бакки стало уже сильно не по себе.

– Фрэнк!

– Да, Бакки?

– Вы... записываете этот разговор?

– Я все свои телефонные разговоры записываю. И вообще все разговоры. Даже те, что происходят в дрянных китайских ресторанчиках в Арлингтоне.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего. *Пока* ничего. Я буду на связи. Передайте президенту, что я с нетерпением жду избирательной кампании. Честно говоря, мне хочется в ней участвовать. Самым непосредственным образом.

Дыхание Бакки превратилось в пыхтение. Фрэнк нажал отбой.

Следующий звонок Фрэнка был начальнику отдела интернета в его компании. Фрэнк велел ему хорошенько обработать онлайн-версию «Йель дейли ньюс» Антипауком™, чтобы если кому вздумается ввести в строку поиска Google слова «Коуэн», «взятка» и «Йель», он не нашел никаких соответствий.

Подвергнув шантажу главного советника президента и разобравшись со своим маленьким скандалчиком (неплохо для десяти минут на обочине!), Фрэнк Коуэн включил сцепление «Энцо», вырулил на Тихоокеанское шоссе с его эвкалиптовым запахом и погнал домой. Он, честно говоря, предвкушал, как, рассказывая об очередном проявлении бойцовского раздолбайства, заставит Лизу помучиться. В сложившихся обстоятельствах он считал своим законным правом выжать отсюда все удовлетворение до последней капли.

Одновременно поздравлял себя с тем, что перехитрил большого зубастого волка. Бакки Трамбл теперь был у него в руках. Думая о себе, Фрэнк не мог не прийти к выводу, что он с его интуицией будет для избирательной кампании Пичема настоящей находкой.

Он ехал и насвистывал.

Глава 30

Гидеон Пейн испытывал боль, и не только физическую.

Все его попытки припомнить, как он добровольно отдал двум отвратительным русским проституткам свои фамильные часы с цепочкой, были тщетными. Никаких воспоминаний. Абсолютно. («Судя по всему, пьяный провал памяти», – предположил Монтефельтро.) И теперь эти две – Пейна передернуло – блудницы московские не только знают Гидеона в лицо, но и владеют часами, на которых выгравировано его имя. От этой мысли у него перехватывало дыхание.

Увы, он помнил все-таки, хотя и смутно, как в эту злосчастную ночь позвонил по телефону монсеньора... как спросил в справочной службе номер эскорт-сервиса: «Какой угодно – ик – эскорт-сервис». Вот оно, возмездие за грех!

Всякий раз теперь при любом звонке любого телефона Гидеона бросало в дрожь и прошибал холодный пот. Неужели они?

Он слышал внутри себя неумолимый, издевательский голос: *Грешная душа врать хороша... до Судного дня.*

Он сидел тихо. Хотя на последнее заседание комиссии по «восхождению» прийти все-таки надо было. Но что, если русские блудницы смотрят C-SPAN? *Боже мой...*

Тем временем монсеньор Монтефельтро все глубже проваливался в яму своей же копки.

Монсеньор решил, что ему ничего не остается, как заплатить мерзким русским шантажистам девятьсот долларов, которые они требовали. Он снял деньги со своего личного счета, надел нецерковную одежду и круглые темные очки, какие в свое время любили носить Джекки Онассис и Грета Гарбо, и договорился о встрече с жутким Иваном или Владимиром (имени он не спросил) на определенном углу в Джорджтауне, далеко от его дома. Там он протянул русскому, курившему сигарету, конверт. Тот разорвал его, пересчитал купюры и прорычал:

– Этого мало.

– Как мало? – запротестовал монсеньор. – Вы просили девятьсот долларов. Здесь девятьсот!

Иван-Владимир покачал головой.

– Нет. За двух девушек – тысяча двести.

– Вы просили девятьсот. Я вам дал девятьсот. А теперь я с вами прощаюсь! *Dasvidanya!*

И монсеньор, негодуя, удалился.

Когда добрался до дому, был весь мокрый от пота. Открывая дверь, услышал телефонные звонки. Взял трубку и стал слушать.

– Это священник Монтефельтро? Эскорт-сервис. С вас триста долларов.

– Говорил вам уже: я не священник! Это был маскарад!

– Маскарад только для двоих?

– Вы сказали – девятьсот долларов! Я дал вашему уроду девятьсот! Отстаньте от меня!

– Я ошиблась. Другая сумма. Вы тоже ошиблись. Сильно. Теперь с вас еще триста.

Какая низость!

– Хорошо, хорошо, – сказал монсеньор. – Вы получите ваши триста. И на этом кончено. Но верните часы и цепочку, которые я вам дал.

– Нет.

– Si.⁹¹

– Нет. Часы и цепочка – подарок девушкам. Кто такой Ги-дьон Пайн?

Лоб пастыря вспотел еще сильнее.

– Не знаю. Это старинные часы.

– Так на них написано. Ги-дьон Пайн. Это он девушек вызвал, да? Акцент другой, чем у вас. Южные штаты. Нам не вы звонили. Вы итальянец. Священник. Дом принадлежит Массимо Монтефельтро. Это вы?

Загнанный в угол монсеньор закрыл глаза и призвал ангелов и архангелов явиться с огненными мечами и покарать нечестивцев. Открыв их снова, увидел ту самую гостиную, где случился грех и до сих пор немножко пахло протестантской блевотиной и чистящим средством.

– Ладно, ладно! Скажите вашему Ивану или Владимиру, что я на том же месте дам ему триста долларов. И на этом поставим точку. Навсегда.

– Не нужно.

– Что не нужно?

– На том же месте. Он сейчас у вашей двери.

Монсеньор положил трубку. Секунду спустя – новый звонок. Он рывкнул в трубку:

– Да, русская сводня! Будут вам деньги!

В ответ – молчание, слабый шорох помех на международной линии и наконец неуверенный женский голос, спрашивающий по-итальянски:

– Говорит оператор Ватикана. Это дом монсеньора Массимо Монтефельтро?

Jesu Christo.

– Да, да, – ответил монсеньор по-итальянски несколько иным тоном. – Тут вклинился другой звонок, ошиблись номером. Простите. – Он постарался преисполниться достоинства. – Это *сам* монсеньор Монтефельтро. Кто его спрашивает?

– Кардинал Рестемпопо-Бандолини. Одну секунду, я вас соединю.

Будь это обычный вторник, Монтефельтро был бы рад и даже польщен: звонит не кто-нибудь, а главный советник Римского Папы и глава Конгрегации по распространению и защите веры. Обе должности были очень высокими, а вместе они делали его вторым человеком Ватикана и, следовательно, всего католического мира. Даже кардиналы иной раз трепетали, слыша приближающиеся по мраморному полу шаги обутых в алое ног кардинала Бонифаччо Рестемпопо-Бандолини.

Можно понять, что у монсеньора Монтефельтро этот звонок в такой момент вызвал не прилив гордости, а панику. Под аккомпанемент звонков в дверь, подкрепляемых стуком тяжелого славянского кулака, он глядел в адскую бездну.

– Массимо, – прозвучал в трубке высокий голос.

– Ваше высокопреосвященство.

Бум-бум-бум. Дин-дон. Бум-БУМ-БУМ.

– По-братски приветствую вас.

Бум-бум-бум...

– И я вас, ваше высокопреосвященство.

– Я звоню вам по очень важному делу.

БУМ-БУМ-БУМ.

– Массимо, там у вас какой-то шум.

– Прошу прощения, ваше высокопреосвященство. Тут у нас... строительные работы, возводится... часовня. Может быть, я перезвоню вашему высокопреосвященству из более спокойного места?

– Нет, нет, мне сейчас надо будет сопровождать его святейшество на важную встречу. Конкретные указания я пришлю вам в письменном виде с курьером. Но я хотел лично

⁹¹ Да (*ит.*).

сказать вам, что Ватикан испытывает глубокое беспокойство из-за вашингтонского законопроекта о «восхождении».

– Понимаю, ваше высокопреосвященство. Я слежу за событиями самым пристальным образом.

БУМ-БУМ-БУМ.

– Вам поручается публично осудить этот законопроект в самых решительных выражениях.

– В каком смысле «публично», ваше высокопреосвященство?

– Со всех кафедр. В особенности по телевидению. Вы очень хороши по телевидению. Вы будете нашим лидером в Америке по этому вопросу.

Во рту у Монтефельтро стало сухо-сухо, как в пустой чаше для святой воды.

– Но, ваше преосвященство, – прохрипел он, – *американские* кардиналы и папский нунций гораздо лучше подходят для...

– Массимо. Послушайте меня. Я передаю вам волю его святейшества. Это величайшая честь. Он доволен вами. Он оказывает вам огромное доверие.

– Его святейшество слишком великодушен. Я...

– Теперь я хочу открыть вам *очень большой секрет*, которого не должен знать больше никто. В новом году вас повысят до кардинала-архиепископа. Вы станете следующим папским нунцием в Соединенных Штатах. Но его святейшество ни в коем случае не должен знать, что вам это известно. Он хочет сообщить новость сам. Сделать вам сюрприз. Вы довольны, Массимо?

БУМБУМБУМ.

– Да, ваше высокопреосвященство.

– Что-то у вас не очень довольный голос.

– Я ошеломлен.

– Ну ладно. Теперь слушайте меня внимательно. Вам поручается заявить от имени священного престола, что если этот жуткий законопроект будет принят, его святейшество издаст буллу об отлучении всякого американского католика, который его поддержит. Вы поняли?

БУМ-БУМ-БУМ. ДИН-ДОНДИН-ДОНДИН-ДОНБУМБУМБУМ.

– Кажется, они уже вешают колокол в вашей новой часовне. Я должен идти. До свидания, Массимо, Господь с вами.

– До свидания, ваше высокопреосвященство.

Монсеньор Массимо Монтефельтро медленно положил трубку – ту самую, с помощью которой лидер американских защитников жизни вызвал эскорт-сервис, из-за чего в эту минуту в доме пытались высадить дверь. Согласно указанию самого Римского Папы, монсеньор, чей телефонный номер и – мало того – лицо были известны нескольким сотрудникам эскорт-сервиса, должен был появиться на всех телеэкранах страны, с тем чтобы... выразить моральное негодование.

БУМ-БУМ-БУМ.

А в это самое время совсем недалеко – на Пенсильвания-авеню – звонил другой телефон.

Бакки Грамбл потерянно сидел за своим письменным столом, созерцая розовую бутылочку пепто-бисмола.⁹² Его желудок казался ему Везувием кипящих соков. Он был уверен, что образуются язвы.

– Мистер Грамбл, – сказала секретарша. – Звонит мистер Коуэн.

Бакки еще раз глотнул розовую жидкость и взял трубку.

– Что вы хотите?

⁹² Пепто-бисмол – расхожее средство от расстройств пищеварения.

– Кажется, вы не очень-то рады моему звонку.

– Вы уже отрегулировали на магнитофоне уровень громкости? Может быть, мне сосчитать до десяти? Раз, два, три...

– Да ладно вам, Бакки, дружище! Не разыгрывайте дурачка. Можно подумать, это не вы в Белом доме придумали записывать разговоры.

– Ближе к делу.

– Ну скажите, разве это не здорово, что не надо больше гнать фуфло? Теперь можете говорить со мной начистоту. Не надо лизать мне задницу, не надо вешать на уши лапшу типа: «Ах, Фрэнк, я только что беседовал с президентом, он наметил вас на *очень важный* пост в следующей администрации». Хотя, между прочим, моя задница сейчас *просит*, чтобы вы ее полизали. Ради этого я и звоню.

– Какую часть вашей задницы мне сегодня лизать, Фрэнк?

– Всю сплошь! Я хочу подключиться.

– К чему?

– К избирательной кампании. В узкий круг. К черту всю эту хренотень насчет «сообщества Филинов» и «специальных брифингов, проводимых высшими должностными лицами». Это оставьте для новичков. Я хочу быть в одной комнате с вами и с Ним, когда принимаются большие решения.

– Всего-то? – мягко спросил Бакки. – Что, никаких авиаударов и ракетных пусков? И вам даже не нужны ежедневные специальные отчеты ЦРУ?

– Пока что хватит. Когда мы выиграем, я потребую намного больше. Для начала – должность министра финансов.

– Может, проще будет перевести вам сами финансы?

– Смешно, Бакки. Вы меня по-настоящему развеселили. Комиком случайно не подрабатываете?

– Не обольщайтесь, Фрэнк. Вы просто один из миллиардеров. Согласно «Форбсу», один из трехсот семидесяти.

– Да, я читал. Но этот миллиардер, милый мой Бакки, держит вас за яйца. И сейчас намерен хорошенько дернуть. Почувствовали? Может, еще разок?

– Вы непроходная кандидатура, Фрэнк. Эта история с Йелем: взятка одному из ведущих университетов, чтобы не исключали вашего сына. Как, по-вашему, это будет выглядеть, когда назначение на должность станут рассматривать в сенате?

– Во-первых, пасынка. Во-вторых, всем пофигу. В-третьих, кто докажет, что это взятка? Думаете, Йель выступит вперед и скажет: «Да, мы берем взятки»? Я щедрый просто. Кто этого не знает? Я раздаю деньги тоннами. Я и *вам* давал деньги. Не далее как на прошлой неделе я пожертвовал крупные суммы ряду ведущих университетов. Помните пословицу? Деньги как навоз, если не разбрасывать – начнут вонять. Так что не волнуйтесь насчет моей йельской проблемы. Шансов у этой истории никаких. Хотя отдаю должное усердию репортера.

– Я же не могу взмахнуть палочкой и поставить вас во главе кампании, – сказал Бакки.

– На вашем месте, милый мой, я начал бы махать хоть чем-нибудь. Членом помашите – авось поможет. Иначе будете читать расшифровку разговора, во время которого вы подбивали меня ввести в компьютер моей дочери фальшивые компрометирующие электронные письма, связывающие ее с серийным убийцей. У *этой* истории есть шансы, я вас уверяю.

– Я сделаю что смогу. Но не уверен, что он на это пойдет.

– Еще как пойдет. Скажите ему открытым текстом, чего я хочу. А именно: стать после его переизбрания министром финансов. Ради этого я готов дать на его кампанию столько денег, что вы сможете купить все время на телевидении до последней жалкой секунды от нынешнего дня до самых выборов. Если вы не сможете *это* ему впарить, вам надо менять работу.

– Я сделаю что смогу. До свидания, Фрэнк. И еще, Фрэнк.

– Да?

– Вы говно!.. Ваша правда. Так гораздо лучше.

Бакки положил трубку со странным чувством освобождения. Редкая возможность в мире политики высказаться со всей откровенностью.

Касс тем временем торговалась с добровольцами.

Ей удалось найти несколько десятков бэби-бумеров в возрасте за шестьдесят, которые были согласны умереть по доброй воле – правда, не раньше, чем в семьдесят пять. Кроме того, за этот самоотверженный акт экономического патриотизма они требовали не только налоговых льгот, намного превосходящих параметры первоначального плана Касс, но и бесплатных похорон, мавзолеев, полной оплаты высшего образования для своих детей и ретроактивных платежей за медицину начиная со столь раннего возраста, как двадцать один год. Касс подсчитала, что общий экономический эффект от их «восхождения» для американской казны составит *минус* шестьдесят пять миллиардов долларов (она не афишировала этот факт, когда они выступали перед комиссией).

– Где ты выкопала этих людей? В Пхеньяне? – брюзгливо бросил Ранди, вылавливая палочками из контейнера поджаристые кусочки мяса. Он вообще в эти дни был сердит на Касс и Терри из-за их северокорейского проекта. ФБР, как ни странно, не проявляло к ним дальнейшего интереса. И в прессу пока что ничего не просочилось. Аллен Снайдер явно был достоин куда большего, чем семьсот долларов в час. Ранди хмыкнул: – Я думаю, в Северной Корее отыщется *множество* желающих совершить «восхождение». Причем в любом возрасте.

– К твоему сведению, – сказала Касс, – это не было легко. Попробуй найди в *твоем* поколении человека, готового сделать что-нибудь альтруистическое для страны.

– Альтруистическое? – переспросил Терри, чуть не подавившись китайским кисло-острым супом. – Животики надорвешь. Наверняка половина этих добровольцев сейчас сидит в интернет-аукционе и смотрит, сколько можно выторговать за те или иные части тела.

– Я о вашем поколении говорю, – сказала Касс Терри и Ранди. – Не о своем.

Терри поднял глаза от курицы «Чан Кайши».

– Думаешь, твое поколение повело бы себя лучше? Я тебя умоляю. Каждое поколение считает себя самым обиженным в истории. Ты на стенку лезешь из-за бюджетного дефицита. А мое поколение пережило *реальные* кризисы.

– Начинается, – проворчала Касс. – Сейчас последует рассказ о том, где ты был, когда застрелили Кеннеди. С леденящими душу подробностями. Если я в очередной раз услышу такое от бэби-бумера, меня, ей-богу, вырвет.

– Я был в восьмом классе, – начал Ранди. – Мы как раз вышли из спортивного зала и...

– Обвинению нечего добавить, – сказала Касс.

– Это действительно был удар, – заметил Ранди. – Разве твое поколение перенесло что-нибудь подобное? Если не считать, конечно, кражи интимных фотографий Пэрис Хилтон.

– Почему твое поколение так зациклено на самом себе? – спросила Касс. – Ты не думаешь, что таким же ударом для всех была, например, смерть Франклина Рузвельта после четырех лет страшной мировой войны?

– Кто такой Франклин Рузвельт? – поинтересовался Терри, подмигнув Ранди.

– Прошу прощения, – сказала Касс, не взяв наживку. – Я запомнила, что бумеров не интересует то, что было до сорок шестого года.

– Твоя правда, – согласился Терри. – Мы были по горло заняты бедствиями, которые шли одно за другим. Джон Кеннеди, Роберт Кеннеди, Мартин Лютер Кинг, Вьетнам...

– Вьетнам? Напомни мне, не в эту ли войну восемьдесят процентов твоего поколения уклонилось от призыва?

– Это была не очень хорошая война.

– А вы, значит, ждали войны получше?

- Я до сих пор жду, – заметил Ранди.
– Потом был Уотергейт... – начал Терри.
– Верно. И вас, бедных бэби-бумеров, это событие лишило всяких иллюзий. Какой удар! Вы, видимо, росли в полной уверенности, что такого не бывает и быть не может.
– Инфляция, бензиновый кризис... К твоему сведению, мисс Благородное Негодование, я большую часть семидесятых, чтобы ездить на машине, воровал бензин из соседских газонокосилок.
– Медаль Чести от конгресса Терри Таккеру!
– Мне очень неприятно прерывать столь блестящую иеремиаду, – сказал Ранди, – но мне сегодня звонил Митч Глинт из АББА. Он хочет сделать заявление на очередном заседании комиссии.
– Что ему нужно? – спросила Касс.
– Просто сделать маленькое, ну, заявление.
– Дай попробую угадать. Бумерский манифест? По-моему, они уже получили все мыслимое. Чего им еще? Тостеры оплатить? Настенные часы? Кухонные ножи? Может быть, увеличители члена?
Ранди поджал губы.
– Он упомянул о... Он вроде бы хочет...
– Говори, не бойся, – подбодрила его Касс. – Я уже потеряла способность удивляться. И ужасаться.
– В общем, что-то вроде... Арлингтонского кладбища для совершивших «восхождение».
Касс уставилась на него.
– Им нужно собственное кладбище? И где должна быть выделена эта земля чести и славы? Постой, не говори, я знаю: прямо здесь, в Вашингтоне, на Молле. А что? Убрать мемориал Линкольна и устроить кладбище. Чем, собственно, Линкольн так отличился?
– Я не думаю, что им особенно важно, где это будет. Послушай. Если так мы заручимся поддержкой самого мощного бумерского лобби, почему нет? Политика – это торг. Чтобы получать, надо давать.
– Не лучше ли сразу обеспечить каждому бумеру криогенную заморозку за счет моего поколения и оживить их одним махом, когда будут побеждены все болезни и глобальное потепление, а на Ближнем Востоке установится мир? Ведь сколько они, бедные бумеры, перестрадали!
– Гм, – сказал Ранди. – Это мысль.
– Можешь сделать это центральной темой своей вице-президентской кампании.
– Куда ты? – спросил Ранди.
– Хочу найти какой-нибудь «БМВ», он же «бумер», и расплосковать шины, – объяснила Касс.

Последнее заседание «комиссии по „восхождению“ и снижению налогового бремени» было объявлено открытым.

Гидеон Пейн явился с перебинтованной головой и в темных очках. Вылитый Человек-Невидимка. Его ужасала мысль, что русские проститутки, которым он, как он думал, подарил свои драгоценные часы, смогут увидеть его по телевизору и узнать. Его вид, разумеется, всех ошеломил. Он объяснил, что перенес лазерную операцию на глазах и в период выздоровления упал с лестницы.

– Заверяю вас, – сказал он репортерам, – что внутри у меня все работает отлично.

Они облизывались, предвкушая финальную схватку между ним и его противницей. Но их ждало разочарование: войдя в зал и увидев Пейна в таком состоянии, Касс двинулась к нему. Произошел разговор, которого репортеры слышать не могли.

– Ваше преподобие, – сказала она, – что случилось? Вы нездоровы?

Гидеон, застигнутый врасплох ее мягким, сочувственным тоном, проямлил:

- Э... да. Несчастный случай.
- Очень жаль. Но вы идете на поправку?
- Да, да. Мне гораздо лучше.
- Я не очень-то ласково с вами обходилась.

Гидеон не знал, как на это реагировать. У него занялось дыхание. Он чувствовал запах ее духов.

- Но ведь и вы, – продолжила Касс, – были ко мне не слишком доброжелательны.

Гидеон прокашлялся. Она была сногсшибательно красива... Он выдал из себя только:

- Да, это... наверно, так. У нас получился плохой старт.
- Хотите верьте, хотите нет, – сказала она, – но мы с ним не занимались сексом на минном поле.
- А я не убивал свою мать.
- Я верю вам.

Касс протянула ему руку. Защелкали фотоаппараты. Гидеон, поколебавшись, пожал ей руку. Ее ладонь была мягкая. Ему хотелось держать ее вечно.

- Что ж, замечательно... – Она улыбнулась и пошла на свое место.

– Что это за хренотень такая? – спросил репортер «Вашингтон пост» колумниста «Таймс».

Когда Касс садилась рядом с Ранди, он посмотрел на нее.

- Сначала Северная Корея, а теперь Гидеон Пейн? – прошептал он.
- Мне надоело злиться на всё и на всех.

– Ты забыла, что его предок застрелил моего предка? И что он заявил, будто я трахал тебя на минном поле?

- Ранди, – сказала она, – ты трахал меня *езде*, кроме этого минного поля.
- Как прикажешь это понимать? – спросил Ранди.

Председатель стукнул молотком, призывая зал к тишине.

– Что-то происходит, – заметил репортер «Пост», глядя на обменивающихся репликами Ранди и Касс и жалея, что не привел специалиста по чтению с губ.

Глава 31

Два месяца спустя...

Мало каких отчетов комиссий в истории – если не считать тех случаев, когда расследовали убийство президента, – ждали с таким нетерпением, как отчета комиссии по «восхождению».

Председательствовал в ней бывший сенатор, министр труда, министр энергетики и представитель США в международной организации с центром в Брюсселе, чьи реальные задачи никто ни разу толком не определил. Само его имя – Баском П.Бледсоу – ассоциировалось с костюмом в тонкую полоску, деревянными стенными панелями и приглушенными голосами. Он внушал спокойствие посредством скуки. Тают ли полярные льды, летит ли на нас астероид, рушится ли международная банковская система, погружается ли в хаос Латинская Америка – голос Баскома П.Бледсоу не повысится, пот его не прошибет. В момент подлинного апокалипсиса он негромко кашляет и скажет: «Судя по всему, существенного улучшения ситуации не наблюдается». Не человек, а анестезийный препарат – идеальная фигура, чтобы возглавить орган, который должен решить, является ли массовое самоубийство адекватной реакцией на крах системы социального обеспечения. Неудивительно, что президент назначил его председателем комиссии.

Взвесив мнения различных ее членов, Бледсоу сформулировал вывод с редкими в Вашингтоне ясностью и лаконизмом: «Необходимо дальнейшее изучение вопроса».

Надеявшиеся на «бурю и натиск» испытали разочарование. Натиска в официальном заявлении не чувствовалось, бури – тем более. У члена комиссии Кассандры Девайн,

напротив, бури и натиска было в избытке.

– Это просто смешотворно! – негодовала она. – «Необходимо дальнейшее изучение!»
Так можно говорить о... палеонтологии.

– Радость моя, – сказал Ранди, – не заводись ты из-за этого. Мы сделали все, что могли.

– Нас использовали. Как ты не понимаешь?

– Этап пройден. Надо двигаться дальше.

– Что ты имеешь в виду?

– Иногда надо бороться, иногда не надо, – объяснил Ранди. – Сейчас как раз не надо. Время войне, и время миру.

Белый дом выпустил заявление, где поблагодарил Бледсоу и членов комиссии за «самопожертвование, усердие и добросовестную работу». На следующий день во время пресс-конференции на вопрос об отчете комиссии президент ответил, что он тоже сторонник дальнейшего изучения проблемы и считает определенный этап успешно пройденным.

– Пройденным? Забавно, – сказала Касс Ранди. – Белый дом пользуется теми же выражениями, что и ты.

– Расхожий оборот, – отмахнулся Ранди.

– Именно так – этап за этапом – мы и дошли до нынешнего состояния. Не надо никаких этапов! Вопрос надо решить здесь и сейчас.

– Слона по ложечке едят, – возразил Ранди.

– У меня слуховая галлюцинация, – спросила Касс, – или до тебя тоже доносится шорох большого веника, которым под гигантский ковер заматают неотложный вопрос государственной важности?

Ранди положил газету, которую читал, и прислушался.

– Нет, не доносится. Наверно, галлюцинация.

– Ты ведь знал, что так будет? – обвиняюще спросила она. – Такое впечатление, что все было разыграно по сценарию.

– Ты же видела отчет, который я подал Бледсоу. Он был битком набит рекомендациями. Согласись – напористый отчет. Я всей душой за «восхождение». Но в пределах разумного.

– Ну конечно. Ты порекомендовал «восхождение» в возрасте восьмидесяти пяти лет! Ты полностью сдался на милость АББА и других бумерских лобби.

– Милая моя, ну что я могу поделать, если Бледсоу замотал мои предложения? На вид мягкий, а внутри настоящий пруссак. Вместо крови – ледяная вода. Говорят, мастерски играет в сквош.

– Ты что-то слишком... спокойно на все реагируешь, – заметила Касс. – С трудом верится, что когда-то ты пропагандировал эту идею.

– Что мне на это сказать? Я же белый-англосакс-протестант. Стараюсь сдерживать внешние проявления. А внутри весь киплю.

– С заявлением не хочешь выступить?

– Может быть, в газете что-нибудь опубликую.

Касс сидела и смотрела на него.

– Что ты? – спросил Ранди.

– Ничего похожего на «Атаку легкой бригады», полагаю, ждать от тебя не приходится. «Может быть, в газете что-нибудь опубликую. Выдам им правду-матку. Но сперва чайку попою».

– Перестань брюзжать. Не забыла, что это метавопрос? Мы уже добились многого.

– Слышать этого не хочу. Почему ты не сядешь и не напишешь свое «J'accuse!»?⁹³

– Если уж ты действительно хочешь знать, – чуточку застенчиво сказал Ранди, – может быть, я прошвырнусь по Пенсильвания-авеню до Белого дома и поинтересуюсь, когда они

⁹³ «Я обвиняю!» (фр.) – Так называлась статья Эмиля Золя в защиту Альфреда Дрейфуса.

выполняют свою часть сделки.

– Сделки?

– Пост вице-президента, дорогая моя. Забыла?

– Так, значит, ты и правда заключил сделку? Что сдашь «восхождение» в обмен на...

– Не «сдам». Хотя – ладно, пусть. Считай, что сдал. Но за это – должность вице.

– Я и не понимала, – вздохнула Касс, – что в твоём маленьком договорчике все так четко прописано.

– Ну, не то чтобы совсем четко, – сказал Ранди. – Пресс-релиз об этом они выпустить не могли. – Он чмокнул ее в лоб. – Не унывай. Когда-нибудь ты станешь первой леди Соединенных Штатов. И тогда, – он усмехнулся, – сможешь создать свою собственную комиссию по «восхождению». Мы даже сделаем «восхождение» обязательным. В пятидесятилетнем возрасте. Как тебе эта идея?

– Большое спасибо. Настоящий образец покровительственного тона.

– Радость моя, я гораздо больше смогу сделать для твоего обремененного долгами поколения *изнутри* Белого дома.

– Что ж, пошлешь мне открытку, когда там окажешься, – проговорила Касс под стук своих каблуков по гладкому паркету его джорджтаунского особняка. Она шла к выходу.

– Ты куда? – крикнул Ранди ей вслед.

– Свергать правительство.

– Кассандра!

Пока шли заседания комиссии, она сравнительно тихо вела себя в блоге. Ныне же, сидя перед светящимся экраном, она почувствовала себя военным летчиком, который устраивается в кабине, запускает двигатель и проверяет бортовые системы вооружения.

Она напечатала: «Необходимо дальнейшее изучение причин *очковтирательства* в комиссии!» И блаженно, самозабвенно поддавала жару в блоге до самого утра.

Первое подозрение, что не все в полном ажуре, зародилось у Ранди, когда он позвонил Бакки Трамблу и не смог сразу к нему пробиться.

– По какому вопросу? – поинтересовался помощник Бакки.

– Это сенатор Джепперсон, – повторил Ранди. – Сенатор Рандольф Джепперсон.

Он невольно задался вопросом, не добавить ли, что от Массачусетса.

Помощник пообещал «передать». Ранди положил трубку и стал смотреть на телефон. Через десять минут у него возникла мысль, что бывает и более полезное времяпрепровождение, чем усилением воли пытаться заставить неодушевленный предмет издать звук, и он занялся поправкой к законопроекту об автострадах. Бакки позвонил через пять с половиной часов.

– Прошу прощения, – сказал Бакки. – Тяжелый день. Вспышка на Ближнем Востоке.

– Надо же, как необычно, – сухо проговорил Ранди. – Там всегда тишь да гладь.

– Ну, что скажете?... Кстати, какая муха укусила вашу подружку?

– В смысле?

– Вдруг набросилась на нас в своем блоге. Пишет, что с выводами комиссии все было предрешено.

– А разве не было? – спросил Ранди.

– Посоветуйте ей сбавить тон. Она назвала президента «гнусным манипулятором».

Неподходящий лексикон для члена президентской комиссии.

– Я не знал. Со мной она это не согласовывает. И у меня есть дела поважней, чем следить за блогами.

– Может быть, стоило бы последить. Вас она обозвала тряпкой.

– Что?

– Пишет, что вы «в качестве тряпки стали участником очковтирательства». Это цитата.

– Я... – Ранди раздраженно крикнул. – Я ей сделаю хорошую выволочку. Ладно.

Послушайте, мне надо поговорить с президентом.

– С президентом? – повторил Бакки без большого энтузиазма. – Есть конкретная тема для разговора?

Конкретная тема?

– Да, конечно. Есть тема.

– А именно?

– Прошу прощения, я что, ошибся номером? Это Белый дом? Вашингтон, округ Колумбия?

– Да... – ответил Бакки тоном человека, который решает кроссворд или набрасывает план президентской речи о положении в стране.

– Вы что, считаете, нам с ним нечего обсуждать?

– Нет-нет. Не думайте так. Просто я завален работой. Дайте взгляну на календарь. – Бакки прищелкнул языком. – Довольно плотно на этой неделе. И на следующей тоже. Может быть, сначала обрисуете вопрос мне по телефону, чтобы я мог изложить ему суть?

– Честно говоря, хотелось бы напрямую.

– Тогда, наверно... посмотрим, что в следующем месяце...

– В следующем месяце? Послушайте...

– Если только вы не хотите сесть с ним в самолет на будущей неделе.

– В самолет? Почему бы и нет. Конечно, хочу. – *Вот это уже лучше.*

– Он собирается облететь те штаты, где засуха. С ним будет вице-президент. Пожалуйста, никому ни слова об этом по соображениям безопасности. Обычно они не летают вместе. Но поскольку вице-президент из Оклахомы... Наверняка будет очень интересная поездка. С участием ведущих специалистов по засухам и орошению.

– Звучит заманчиво. Вы говорите, вице-президент тоже летит?

– Да. Это создает для вас какие-то проблемы?

– Видите ли, Бакки, – сказал Ранди, – как раз об этом я и рассчитывал побеседовать с президентом.

Молчание на линии. Наконец Бакки промолвил:

– Вот оно что. Я... понимаю. Понимаю. Да. Черт возьми, Ранди, мне немножко неловко. Но скажу вам прямо. Были кое-какие события на этом фронте. Вице-президент заявил президенту, что хочет остаться. Врачи сказали, что с простатой у него все в порядке. Так что он по-прежнему в команде. Президент, как вы знаете, человек в высшей степени лояльный. Было бы здорово включить в команду *вас*, но, увы, вакансии нет. Понятно, что вы будете разочарованы. Вы колоссальную работу провернули в комиссии. Мы были бы рады видеть вас в числе уполномоченных представителей президента во время кампании. И, хотя я не должен этого говорить, после ноябрьских выборов у нас ожидается несколько свободных министерских постов. Но для избрания надо будет потрудиться в поте лица. Кампания предстоит тяжелая... Ранди?... Алло!..

Терри и Касс готовили презентацию для клиента, владевшего пятистами пятьюдесятью зоомагазинами по всей стране. Он хотел, чтобы Служба охраны дикой природы США отменила запрет на ввоз мотато – амазонских саламандр особой породы, чья кожа способна накапливать лунный свет и светиться в темноте. Он предвидел огромный спрос на светящихся саламандр и, сверх обычной оплаты, предложил Терри пятимиллионную премию в случае, если запрет будет снят.

Проблем было две. Во-первых, надо было убедить начальника отдела импортных саламандр в составе Службы, что ввоз не представляет опасности для мотато как вида. Во-вторых, некое местное индейское племя считало саламандру священным существом, и отсюда вытекала необходимость, выражаясь языком Кей-стрит, «поработать» с рядом бразильских правительственных чиновников (подкупить, проще говоря). Именно эту сторону дела анализировали Терри и Касс, когда дверь кабинета распахнулась и в нее, хромя, ввалился сенатор от славного штата Массачусетс.

- Я тебе звоню уже два дня, – сказал он Касс сердито. – Почему ты не отвечаешь?
- Я тут саламандрами занимаюсь, – беззаботно ответила Касс.
- Расспрашивать лучше не надо, – посоветовал Терри сенатору.
- Они, конечно, скользкие, но не настолько, как иные представители рода человеческого, – продолжила Касс.
- Если вы собираетесь устроить тут потасовку, я уйду, – сказал Терри.
- Ранди рухнул в кожаное кресло.
- Не очень-то красиво с твоей стороны было назвать меня в блоге тряпкой.
- Вообще-то я смягчила выражения. Хотела написать, что ты мерзкий ренегат.
- Благодарю тебя, – отозвался Ранди. – Я тронут. Но в том, что касается отношений с президентом, ты мне подпортила игру. Мне дали понять, что ему не нравится, когда его называют гнусным манипулятором. Касс, ну зачем ты так.
- Он пересказал телефонный разговор с Бакки Траблом.
- В общем, получается, что нас кинули.
- Нет, милый мой, – поправила его Касс. – Это *тебя* кинули.
- Как угодно, – промолвил Ранди. Его глаза приобрели то самое «маленько потустороннее» выражение. – Но я тебя уверяю: Рандольф К.Джепперсон воздаст им за это сторицей.
- Сторицей? – переспросил Терри.
- В переводе с аристократического языка его круга, – объяснила Касс, – это означает: «Пасть порву». И что же, сенатор? Какой теперь план? Собираешься с мыслями, чтобы написать громобойную газетную статью?
- К черту статью. Мы идем.
- Касс и Терри уставились на него.
- В президенты, – пояснил он.
- Дорогой мой, – незло спросила его Касс. – С чем?
- В каком смысле?
- Видишь ли, обычно, когда человек баллотируется в президенты, у него для этого имеется какая-то – ну – причина. Помимо нелюбви к действующему президенту. Это называется «платформа».
- У меня она есть.
- Должно быть, я пропустила этот пресс-релиз. И в чем она состоит? Только если ты начнешь сейчас говорить о «восхождении», я вот эту вот ручку всажу тебе в сердце.
- Честно говоря, «восхождение» действительно составляет часть моей программы. Ответственная финансовая политика. Не перекидывать долг на следующее поколение. Подотчетность. Руководство...
- Не забудь про глобальное потепление. А как ты относишься к преступлениям против личности?
- Отрицательно. – Ранди встал с кресла. – Значит, так. Я хотел бы вас использовать.
- Ты уже это сделал.
- Я понимаю, ты обижена. Я тебя не упрекаю. Я вел себя как идиот. И может быть, когда я говорю, что собираюсь бороться за президентский пост, это звучит напыщенно. Но с того самого дня, как я вошел в библиотеку имени Кеннеди...
- Вошел весь обдолбанный ЛСД. Когда станешь объявлять о намерении баллотироваться, на этом можно будет построить волнующую речь.
- Ладно, оставим это в стороне. Главное – я чувствую, что вся моя жизнь направлена именно туда. Судьба не зря нас с тобой свела на минном поле в Боснии...
- Не судьба, а твое желание поесть чего-нибудь вкусенького.
- Я пытаюсь объяснить, почему я хочу стать президентом.
- Ранди, мне не интересно. Мне плевать. Хочешь закатить речугу – отправляйся на C-SPAN.
- Ранди встал. Посмотрел на Терри. Тот пожал плечами. Ранди двинулся к выходу. В

дверях остановился и проговорил:

– По милости моего поколения твое поколение стало банкротом. Я хочу как-то это исправить. Скоро президентские выборы, и я буду в них участвовать. Я хотел бы вас использовать – в том смысле, что вы мне нужны. Но как вам угодно. Желая успеха с саламандрами.

Оставшись с Касс наедине, Терри сказал ей:

– Можешь говорить что хочешь, но эффектно уйти этот человек умеет.

Касс в ту ночь почти не спала – причем не из-за «ред булла» и не из-за блоггинга. Утром уставилась мутными глазами на экран компьютера и прочла, как и весь остальной мир, сообщение Белого дома, что калифорнийский компьютерщик-миллиардер Фрэнк Коуэн назначен финансовым директором Комитета по перевыборам президента Пичема.

Она позвонила Ранди на сотовый.

– Ладно, – сказала она. – Я подключаюсь.

– Ах ты, лапочка моя! – возликовал Ранди. – Это же просто чудесно. Чудесно, чудесно, чудесно.

– Мне по барабану, – ответила она и нажала отбой.

Глава 32

Гидеон Пейн тоже никак не мог пробиться к президенту, и это его нервировало. Он даже к Бакки Трамблу не смог сразу пробиться. За кого, интересно, мистер Бакминстер Трамбл его держит? У Белого дома, конечно, дел по горло, но он, Пейн, не привык, чтобы ему по несколько часов не отзванивали. Наглости у этих людей!

Это были беспокойные два месяца. Вначале – прискорбный эпизод у монсеньора Монтефельтро с участием русских блудниц. Часы – тью-тью. Вероятно, шлюхи куда-нибудь их заложили и закупили наркотиков. Его рука и теперь то и дело бессознательно тянулась к жилетному карману. Он нанял частного детектива, чтобы тот поискал часы в ломбардах и магазинах ювелирного антиквариата.

Во-вторых – комиссия и неожиданный примирительный жест Кассандры Девайн. Что его вызвало? Неужели всего-навсего вид его забинтованной головы? Или в ней заговорила некая глубинная порядочность, доброта? Он мечтал о еще одном прикосновении ее руки, но в душе понимал, что мечтает напрасно. По слухам, она собирается замуж за этого Джепперсона, за пустоголового оппортуниста-янки.

Что касается работы комиссии, Гидеон откровенно высказал свое мнение ее председателю Баскому П.Бледсоу. Бледсоу, по всей видимости, сознательно решил поставить крест на нечестивом деле, заявив о необходимости дальнейшего изучения вопроса. Законопроект Джепперсона о «восхождении» будет теперь надежно похоронен в недрах сената.

Тем временем доходы «Тихой гавани» выросли на 50 % благодаря новому программному обеспечению, которое Сидни, главный операционный директор компании, купил за серьезную сумму у калифорнийской программистской фирмы. Этот софт позволил «Гавани» с умом выбирать, каких стариков принимать, а каких нет, и пока что его прогнозы были потрясающе точны. Вновь принятые мерли как мухи, предварительно передав «Гавани» свои сбережения, и благодаря этому компания просто купалась в деньгах. Что было весьма кстати, поскольку «Гавани» и Гидеону нужно было, черт возьми, расплачиваться по судебным искам, связанным с преступлениями Артура Кламма. Но, если так пойдет и дальше, компания сможет расширяться, открывать новые и новые дома престарелых. Будущее представлялось очень даже радужным. Деньги, как ничто другое, способны подбодрить человека, вселить в него уверенность. Гидеона подмывало пройтись танцующей походкой к Белому дому, громко постучать в дверь и потребовать, чтобы президент наконец заявил о поддержке идеи мемориала 43 миллионам. Заявил как следует, внятно, а не пролепетал об «отсутствии принципиальных возражений». Время экивоков прошло. Разве

Гидеон не сражался в комиссии на стороне президента? Власть перед ним в долгу.

– Гидеон! Простите, что раньше не перезвонил, – сказал Бакки. – Я занят, как... – Он хотел продолжить: «...как одноногий на чемпионате по поджопникам», но решил не говорить такого «его преподобию». – ...как не знаю кто. Как дела? Как самочувствие?

– Спасибо, все хорошо, – ответил Гидеон. – Я счастлив, что наконец-то слышу ваш голос, Бакки.

– Я все понимаю, все понимаю. Глубочайшие извинения. Глубочайшие. Итак, комиссия закончила работу.

– Я бы предпочел более четкую осуждающую формулировку. Но в нашем несовершенном мире «необходимо дальнейшее изучение» – это уже победа.

– Не для протокола: нам пришлось здорово поработать со стариком Баскомом. Не удивляйтесь, если он на днях будет назначен в совет Федерального резервного банка.

– Ох-ох-ох... – посетовал Гидеон. – Насколько же отличаются действия правительства от того, что пишется в детских книжках. Отцы-основатели, наверно, горько плачут на небесах.

– Я рад, что вы позвонили, Гидеон. Вы нам будете очень нужны. Впереди – тяжелая борьба.

– Могу себе представить. Я видел последние рейтинги. Тридцать один процент. Ох-ох-ох. Уж не исторический ли это минимум для президента, идущего на второй срок?

Бакки кашлянул.

– Нет, нет. Но, конечно же, это не те цифры, какие мы хотели бы видеть. Именно поэтому мы на вас очень рассчитываем. Чтобы вы донесли до публики наши идеи.

– Какие идеи конкретно?

– Не мне вам говорить. Наши идеи – это ваши идеи. Сильное моральное руководство в нелегкие времена.

– Да, конечно, это одна из полезных формулировок. Полностью согласен. И это подводит меня к тому, ради чего я позвонил...

Бакки застонал про себя. *Вот оно. Начинается. Не сказать ли, что меня срочно вызывает президент?..*

– ...Мемориал.

Черт, опоздал.

– Президент уже обозначил свою поддержку, Гидеон.

– Да. Но очень зыбко обозначил. Напоминает дымовые сигналы, которыми обмениваются индейцы в ковбойских фильмах. Я рассчитывал на нечто более, скажем так, осязательного свойства.

– Гидеон...

– Бакки...

– Войдите в наше положение. В этом году *выборы*. Состояние экономики – наихудшее с двадцать девятого года. Разумеется, по причинам, не зависящим от президента. Конъюнктура вялая, как осенняя муха. Госказна дала большую течь. Мемориал сорока трем миллионам, извиняюсь, зародышей, – Бакки вздохнул, – это, мягко говоря, вопрос не первой важности сейчас. Но обещаю, что сразу после выборов мы... это осуществим... так или иначе.

– Ладно, значит, тогда и поговорим. Сразу после выборов. Тем временем я сообщу сорока трем миллионам *взрослых людей* с правом голоса, поддерживающих жизнь, что им следует поискать другого кандидата, убежденного, как они, в нерушимой святости человеческого существования.

– Гидеон...

– Всего вам хорошего, сэр.

Гидеон непроизвольно потянулся к золотым часам. Их по-прежнему не было.

Бакки вошел в Овальный кабинет шаркающей походкой, со всей живостью

душевнобольного, накачанного психотропными. У президента, когда он выслушал его, вытянулось лицо.

– Это еще что за херня! Мы, можно сказать, для него всю эту комиссию сварганили, а потом позаботились, чтобы старый зануда Баском всех усыпил выводами, – и какого *теперь* ему хрена нужно?

– Мемориал, – объяснил Бакки. – Похоже, он хочет поставить его рядом с мемориалом Франклина Рузвельта.

– Ну нет. Фигушки. Держи карман. Никаких зародышей в центре столицы. Чтобы этим запомнилось мое правление? Сторонники абортот и женские группы живьем меня слопают. Скажи засранцу Гидеону Пейну, чтобы катился куда подальше... Нет, отставить. – Президент потянулся к телефону. – Я этому толстомясому святоше *сам* все объясню!

– Мистер президент, – сказал Бакки. – Оставьте, пожалуйста, трубку в покое. Не стоит орать на человека, контролирующего миллионы избирателей.

– Как мне это надоело! Просто рвут на части. Дай, дай, дай – вот и все, что я слышу. Круглые сутки – дай, дай, дай. Я эти сорок три миллиона зародышей запихну ему в задницу! И уверяю тебя – места там хватит.

Бакки позволил президенту еще немного побесноваться, потом, шаркая, вышел из кабинета и позвонил Гидеону.

– Я обсудил с президентом ваше предложение, – сказал Бакки, – и он всей душой за то, чтобы соорудить мемориал здесь, на Молле.

Хотя Бакки не тянул с этим звонком, он все же малость опоздал. Произнеся коротенькую, но яркую речь о том, как предложит своим сторонникам поискать другого кандидата, Гидеон вдруг проникся мыслью, что *ему самому* следует выставить свою кандидатуру. Почему бы и нет? Баллотировались и менее достойные люди – и, черт возьми, порой даже побеждали. Он, скорее всего, не победит, но сам процесс обещает быть увлекательным. К тому же это должно благотворно подействовать на гонорары за выступления.

– Что ж, – сказал Гидеон Бакки Трамблу, – спасибо за согласие. Передайте президенту мой горячий привет и скажите ему, что мы непременно встретимся осенью на дебатах.

– Осенью? – переспросил Бакки. – На дебатах?

– Дебаты перед президентскими выборами обычно осенью происходят, – объяснил Гидеон. – Хотя мы, я полагаю, схлестнемся раньше – на первичных в Нью-Гэмпшире и Айове. В феврале в Нью-Гэмпшире, наверно, собачий холод. Не мой климат, конечно. Я южный человек. Но что делать, приходится идти на жертвы. Видимо, мне понадобится теплый пуховик от этой северной торговой фирмы – как она называется? «Л. Л. Бин»? Всего вам хорошего, сэр.

Касс подала Ранди идею объявить, что он идет в президенты, у здания Администрации социального обеспечения в Вашингтоне. Они с Терри написали ему речь.

– Это здание позади меня, которое в прошлом было символом соглашения между народом и правительством, ныне являет собой символ измены правительства своему народу, подлинное вместилище стыда и пустых обещаний. Американцы, которым еще нет тридцати, могут видеть в нем новую Бастилию – тюрьму, где гибнут все их надежды на светлое будущее.

В кульминационный момент Ранди дал группе молодых людей (отобранных, по правде говоря, за яркую цветущую внешность) огромный плакат, где крупными буквами было написано:

СЧЕТ

Плательщик: Американцы до 30 лет

Получатель: Бэби-бумеры

Назначение платежа: Пенсии и льготы

Сумма: 77 триллионов долларов

ОПЛАТА ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ

Правительство США

Ранди был всем этим чрезвычайно взволнован. Он хотел вставить фразу: «Бумерские пенсии превращают вас в поколение экономических инвалидов!» После чего он должен был наклониться, отстегнуть протез, взмахнуть им и воскликнуть: «Меня тоже американская политика сделала инвалидом, так что я понимаю ваше положение!»

У него вышел жаркий спор с Касс и Терри, которые считали, что махать во время речи над головой искусственными конечностями – это «не по-президентски». Они даже заявили, что уйдут из команды, если он так сделает. Ранди уступил. Когда он ушел, Терри сказал Касс:

– Ей-богу, я на время кампании присобачу эту штуку к его культе каким-нибудь суперклеем.

Лозунг кампании они придумали такой: «Джепперсон – не хуже других!» Не без риска, но своя логика здесь была. Идея Касс заключалась в следующем: надо обратиться к молодым избирателям и убедить их, что соцобеспечение – это узаконенное рабство, что они попросту ограблены старшими поколениями. Но все опросы говорили, что люди в возрасте до тридцати составляют, как выразился один социолог, «самое циничное поколение в американской истории». Большинство из них получало всю информацию о политике из вечерних развлекательных телепрограмм. Поэтому, доказывала Касс, нет смысла сочинять лозунг, где говорилось бы, что все прочие кандидаты Рандольфу Джепперсону в подметки не годятся. Она ссылаясь на «побарабанный фактор». Предлагала сказать: «Вот наш кандидат. Может быть, он изменит ситуацию к лучшему. Может быть, и нет, но по крайней мере мы не бьем себя в грудь и не кричим, что наверняка изменит. Так почему не проголосовать за него? Мы честны хотя бы». Этакая агитационная лента Мебиуса.

Кандидата, возмнившего себя неким новым Кеннеди, заставить согласиться на такое было нелегко.

Ранди долго смотрел на плакат со своим красивым профилем и лозунгом.

– А нельзя ли было придумать что-нибудь более позитивное? А то я похож на что-то такое в меню, в чем ты не вполне уверен.

– Как раз в этом вся фишка, – сказала Касс. – Именно поэтому они должны клюнуть. Мы проверили на фокусных группах. Им нравится. И в любом случае мы не будем давать обычную агитационную рекламу по радио и телевидению.

– Не будем? Кто так решил?

– Я. Мы все деньги вложим в подкасты и социальные сети. Уже вовсю работаем с Google, Facebook и MySpace.

Ранди забеспокоился:

– Выходит, мы обращаемся только... к молодежи?

– В стране двадцать пять миллионов избирателей в возрасте до тридцати, – объяснил Терри. – В ноябре в бюллетене, возможно, будет семь или восемь кандидатов. Могут возникнуть три или четыре новые независимые партии. Наш старый приятель Гидеон Пейн собирает подписи для своей партии SPERM. Тесно будет на этой площадке. Если мы все силы бросим на тех, кому нет тридцати, может, что и получится.

– Даже на то, что они придут, нельзя рассчитывать, – возразил Ранди. – Они никогда не голосуют. Считают это ниже своего достоинства.

– Мы запугаем их до смерти. Втолкуем им, что если они не проголосуют на этот раз – за вас, за кандидата, который «не хуже других», – не видать им ни айподов, ни мокко-фрапучино. Будут вкалывать в поте лица, чтобы обеспечивать суднами лежачих бумеров.

– Гм... – задумался Ранди. – Неплохо звучит. Но что касается лозунга... может быть: «Джепперсон прокладывает путь?»

– Куда, в минное поле? – спросила Касс. – Выбрось это из головы. Занимайся на

здоровье демагогией, но основную концепцию не трогай. Оставь ее мне.

– Кто кому здесь платит, интересно? – проворчал Ранди.

Так Рандольф Джепперсон стал самым скромным, если судить по лозунгу, кандидатом в президенты США за все времена.

Столпы журналистского сообщества – так называемые пандиты – поначалу пришли от лозунга в недоумение. Они почувствовали себя обманутыми. От кандидата на политический пост пандиты ожидают и даже требуют некой амбициозности. Она дает им повод выразить неодобрение и таким образом самоутвердиться. Фактический отказ Ранди от лозунга лишил их этой выигрышной возможности. Но они быстро оправились и вскоре принялись потрошить его за другое – за тактику выжженной земли, когда он боролся за место в сенате против несчастного старого Смизерса; за богатство; за роман с «Тамале по-гондураски»; за поддержку легального самоубийства как способа разобраться с проблемами соцобеспечения; и даже за боснийский инцидент – на него постоянно намекали во время всевозможных ток-шоу.

– Хватит уже уваливать, – сказала Касс Ранди и Терри после одной особенно скверной пресс-конференции. – Нам надо четко высказаться по теме «секс на минном поле».

– Пока вы еще не бросились сражаться с мифами, – заметил Терри, – могу сообщить, что я обкатал этот вопрос на фокусной группе.

– На фокусной группе? – переспросил Ранди.

– Ага. Я вообще очень много сейчас работаю с такими группами. Всем участникам меньше тридцати. В этой группе большинство вообще ничего не знало про минное поле. Пришлось рассказать. Потом мы дали им два сценария. Один – что вы трахались...

– Терри, ну какой же ты... – сказала Касс.

– Погоди, погоди. Другой – что между вами ничего не было. Потом мы их спросили, как они относятся к первому сценарию и как ко второму. Хотите знать результаты?

– Честно говоря, нет, – сказала Касс.

– Они предпочли сценарий номер один. Соотношение – четыре к одному. По их мнению, это, цитирую, «крутняк». Им больше нравится парень, который смело идет на перепихон в зоне боевых действий и остается без ноги, чем остолоп, который взрывается по глупости. Поэтому – вы уверены, что хотите прямо, по-солдатски заявить, что ничего такого на минном поле не делали?

– Ну что у нас за планета невозможная, – посетовал Ранди, потирая виски.

Глава 33

У Гидеона Пейна, кандидата от партии SPERM, была похожая проблема. Его пресс-секретарь, опытный вашингтонский служака по фамилии Тили, поднял вопрос со всей возможной деликатностью:

– Может быть, нам, э... следовало бы выработать позицию по поводу... – он кашлянул, – миссис Пейн?

Гидеон нисколько не смутился:

– Проще говоря – избиратели, видимо, захотят знать, не убил ли я свою маму?

– Примерно... в этом ключе. Более или менее. Да, – сказал Тили.

– Что ж, – проговорил Гидеон, сложив из пальцев церковный шпиль (ему страшно не доставало часов). – И как нам развеять эти мрачные подозрения?

– Трагическое стечение обстоятельств. Несчастный случай. Такое бывает...

– М-да, – сказал Гидеон. – Матери то и дело валяются вниз с обрывов. Происходит сплошь и рядом. В общем – конечно, трагедия. Конечно, несчастье. Но в округе Пейн есть люди с погаными языками, которые треплют ими, и треплют, и треплют. Удивляюсь, как эти языки еще не отсохли у них под южным солнцем. И когда к ним обратится центральная пресса, они начнут хмыкать и говорить: «Да, он убил бедную старушку. Жуткое дело. Он, вы

знаете, вскоре уехал, сам не свой от стыда». – Гидеон задумался. – Сохранилось медицинское заключение. За несколько недель до инцидента врачи сказали ей, что у нее опухоль мозга. Ей недолго оставалось жить.

– Значит, она так и так умерла бы, – сказал Тили.

– Да, но... Полностью это сомнений в моей невиновности не развеивает, правда? Не совсем обычная проблема для кандидата в президенты. Были когда-нибудь у вас клиенты, которых подозревали в таком преступлении?

– Был один, довольно высокопоставленный, у которого дядя, как выяснилось, служил в штабе у Гитлера во время Второй мировой. Но матереубийств что-то с ходу не припомню.

– Гм... Что ж, не все проблемы легко решаются. Над этой придется поработать. Я всю свою деятельность посвятил сбережению жизни. Нерожденные дети, калеки, хромые, умственно неполноценные, престарелые... Вот на чем мы построим кампанию. Есть, конечно, это ужасное дело Артура Кламма, но мы щедро расплачиваемся с родственниками – большей частью, надо сказать, они рады такому обороту событий, – так что я не жду особых неприятностей с этой стороны. Вот у Джепперсона, думаю, они будут. Вдохновила Кламма на серийные убийства мисс Девайн из его команды. Так что я предвижу острые дебаты. – Он пожал плечами: – Возможно, иных избирателей даже привлечет к себе человек, сбросивший мать с обрыва, хотя включать это в свою платформу я, разумеется, не буду. Ну, давайте теперь посмотрим телеролики, которые сделали ваши ребята.

Сидя у себя в кабинете в папской нунциатуре на Массачусетс-авеню, напротив резиденции вице-президента, монсеньор Массимо Монтефельтро пытался найти решение своей собственной надвигающейся медиапроблемы.

Когда комиссия по «восхождению» порекомендовала отложить вопрос в долгий ящик, монсеньор облегченно вздохнул и вознес благодарственную молитву Богоматери Быстрospасающей. Теперь, когда тема утратила злободневность, Рим конечно же успокоится и перестанет требовать, чтобы он осудил «восхождение» по телевидению и подверг себя риску дальнейшего шантажа со стороны русских путан и жуткого выбивалы Ивана Грозного.

Но вдруг идиот Джепперсон взял и заявил, что собирается идти в президенты, и поставил «восхождение» в центр кампании. *Pogsa miseria*. В тот же день позвонил кардинал Рестемпопо-Бандолини:

– Когда же вы наконец пойдете в наступление на эту мерзость, Массимо? Его святейшество выражает нетерпение.

– Пожалуйста, передайте его святейшеству, что я... выжидаю удобный момент.

Эта идея Ватикана пригрозит отлучением... Они думают, сейчас какой век? Шестнадцатый? Можно себе представить, как это воспримут американцы. Чтобы на них давил какой-то Папа из Рима? К тому же не особенно популярный в Америке. Француз, что вы хотите.

Массимо всерьез подумывал, не просимулировать ли инфаркт. Давление у него и правда было высокое, тут симуляции не требовалось.

А все этот дурак Ги-идеон. Его вина. Теперь – представляете – хочет баллотироваться в президенты! Вот вам Америка. Ну что за страна! Психушка, где остро не хватает санитаров и транквилизаторов.

Как быть? Он посмотрел на статую Богоматери Быстрospасающей. Она улыбалась ему, словно бы говоря: *Массимо, Массимо, Массимо, будь же рассудителен, не обольщайся – даже мне не под силу тебя вызволить*.

Телефонный звонок. Давление круто вверх. У него развился панический страх перед телефонами – немалый минус для второго человека Ватикана в американской столице, который вскоре должен был стать первым. Если останется жив, конечно.

– Монсеньор, звонит человек по имени Иван. Фамилию назвать отказался. Утверждает, что вы его знаете. Будете с ним разговаривать?

Монсеньор Монтефельтро с трудом подавил стон.

– Буду, буду. – Он взял трубку. – Что вам нужно? Я же дал вам деньги.

– Я звоню от благотворительной организации.

– Что?

– Для сирот чеченской войны. Вы хотите сделать пожертвование?

– Нет, – сказал монсеньор Монтефельтро. – Не хочу. Я хочу, чтобы *вы* отправились в Чечню.

Молчание. Затем:

– Жалко. Это доброе дело. Католическая церковь богатая. У вас большой офис на Массачусетс-авеню.

– Откуда вы знаете?

– Вы на работу, а я за вами!

Иван Грозный, судя по тону, был доволен собой.

– Хорошо, хорошо. Я сделаю пожертвование *этой* благотворительной организации.

– Сколько?

– Десять долларов.

Иван недовольно хмыкнул.

– Десять тысяч – лучше.

– У меня *нет* десяти тысяч долларов.

– У Католической церкви нет десяти тысяч? – не поверил Иван. – Ха! Вы можете продать золотую Мадонну или подсвечники. Вы платили уже золотом. Золотые часы вашего друга Гидьона Пайна. Это он сказал по телевизору, что хочет быть президентом?

Монтефельтро не считал себя особенно обязанным защищать Гидеона: ведь нынешнее бедствие было полностью делом Гидеоновых рук. Итак, они поняли, что это он. *Может быть, Богоматерь Быстроспасающая все же услышала мои молитвы?* – подумал Монтефельтро.

– Да, – сказал монсеньор. – Это он. Так что почему бы вам не позвонить *ему* насчет пожертвования? Может быть, он выкупит у вас свои часы.

– Хорошая идея. Вы умный священник.

Наконец-то свободен...

– Но вы тоже сделайте пожертвование. Бедные сироты! Они очень хотят есть.

Фрэнк Коуэн раскатал губу на кабинет в западном крыле Белого дома, но Бакки Трамбл объяснил ему, что даже он не сможет это устроить. По закону сотрудники избирательных штабов не имеют права занимать кабинеты в правительственных зданиях. Что по закону, а что нет, Фрэнка Коуэна не особенно волновало – но Бакки удовлетворил его пропуском в Белый дом, создававшим у Фрэнка иллюзию, будто он там работает. Вдобавок Трамбл посулил Фрэнку массу возможностей встретиться с президентом в Овальном. Вот и все, думал Бакки, что нужно для полного счастья этому гаду. Плюс бурная ночь с Лизой в спальне Линкольна. Больше ничего этих крупных спонсоров не интересует. Им надо рассказывать друзьям: «Я трахался в спальне Линкольна до потери пульса».

Выполняя свою сторону сделки с Трамблом, Фрэнк, получив должность финансового директора, передал ему звукозапись их разговора, когда Бакки предложил ему ввести компрометирующие имейлы в компьютер Касс.

– Как я могу быть уверен, что это не копия? – спросил Бакки.

– Никак, – усмехнулся Фрэнк.

Пресса проявляла к Фрэнку Коуэну интерес – особенно в связи с тем, что они с дочерью работали на разных кандидатах в президенты. Вашингтон любит такие полярности.

– Вы по-прежнему считаете ее морально отталкивающей личностью? – спросил его репортер «Вашингтон пост».

– Я не для того переехал в Вашингтон, чтобы комментировать поведение дочери, – ответил Фрэнк, у которого была теперь своя команда медиаконсультантов. – переехал, чтобы переизбрать президента Пичема.

– Чтобы *помочь* президенту переизбраться, – мягко поправил его консультант после интервью.

– Верно, – сказал Фрэнк.

Как ни странно, он уступил Лизе и согласился нанять психотерапевта, чтобы совладать с приступами ярости. Фрэнк был далеко не глупый человек и понимал, что поддаваться гневу – для него теперь непозволительная роскошь. Одно дело – быть миллиардером и громогласно обзывать репортеров засранцами, совсем другое – когда ты финансовый директор кампании по перевыборам президента Соединенных Штатов с видами на кресло министра юстиции. Поворотным событием стало интервью одного из матросов яхты «Дорогая штучка», который рассказал репортеру, как Фрэнк сначала прошелся по человеческим рукам, а затем грубо ругался по сотовому.

И вот Фрэнк решил сделаться вежливым. Каждый день начинал беседой с психотерапевтом – невысокой, заряженной энергией женщиной по имени Гарриет. Он рассказывал Гарриет, каких подлянок ждет сегодня от окружающего мира, а она слушала, говорила сама, укрепляла его веру в собственное превосходство над остальным человечеством, потом побуждала покричать во всю глотку, выдать весь запас грязных слов, а заканчивался сеанс йогой и дыхательными упражнениями. Напоследок она давала ему мантру на предстоящий день – вариацию на тему: «Не заводись, не трать силы попусту. Ты лучше, чем все они, вместе взятые». И это, в общем, действовало. Фрэнк уже неделю с лишним не называл никого «безмозглым мудаком». Срывать злость на подчиненных ему, впрочем, дозволялось.

Он поселил Лизу в большом джорджтаунском особняке из красного кирпича, раньше принадлежавшем человеку, который приобрел славу главным образом благодаря тому, что начал одну из самых катастрофических для Америки войн. Поскольку Фрэнк согласился на психотерапию, Лиза взамен согласилась на уроки этикета. Он нанял бывшего начальника протокольной службы Госдепа, чтобы – такой наказ дал ему Фрэнк – «убрать все шероховатости и утвердить ее в роли хозяйки вашингтонского салона». Лизино резюме было подправлено. «Профессиональная теннисистка» превратилась в «энтузиастку тенниса». Она стала «ревностной собирательницей произведений искусства» и «активной участницей филантропической деятельности». У нее теперь был свой собственный благотворительный фонд (что всегда полезно для светской жизни), куда Фрэнк вложил тридцать миллионов долларов. Бойда, ныне второкурсника Йеля (бобло, бобло!), старались держать не на виду. Фрэнк пообещал купить ему «Мазерати», если он сумеет получить диплом. Пиарщики Фрэнка даже историю со взяткой Йелю сумели обернуть к выгоде клиента. Они организовали крупное денежное пожертвование фонду, поощряющему отцовство. Фонд с большой охотой учредил ради Фрэнка специальную премию «Приемный отец года», которой было отмечено его «преданное участие в судьбе пасынка».

Все личные дела таким образом были улажены, и Фрэнк с головой окунулся в работу. За считанные недели собрал для комитета по перевыборам президента Пичема невероятную сумму – сорок миллионов долларов. Он, не стесняясь, говорил крупным корпоративным жертвователям, что станет после переизбрания Пичема министром финансов. Правда, от того, чтобы прямым текстом спрашивать: «Ведь вы наверняка хотите в ближайшие годы оставаться в бизнесе?», он все-таки воздерживался.

Терри, со своей стороны, занимался созданием подкастов, посвященных «дню бумеранга», флэш-рекламой и всплывающими окнами в интернете, призванными вселить страх божий в сердца тех, кому нет тридцати. Касс собирала под свои знамена потенциальных активистов с помощью блога КАССАНДРА. Это оказалось трудней, чем она думала. Трудней, чем подбивать молодежь атаковать пенсионерские поселки и поля для гольфа. Попробовать же увлечь ее политическим процессом... уф-ф. Тяжело. Скучная материя.

Она сформировала сетевые фокусные группы. Втолковывала:

– Да, тут нужна, помимо прочего, нудная, кропотливая работа, но если вы хотите

добиться результата – подключайтесь, другого пути нет.

– А почему нельзя просто, ну, типа, проголосовать?

Молодые люди, привыкшие к интернету и обмену текстовыми сообщениями, не были склонны ходить от одной двери к другой, раздавать брошюры и заниматься регистрацией избирателей. К блоггингу они, однако, были очень даже склонны.

И Касс обнаружила, что привлечь их внимание все-таки можно.

– Как вы расцениваете то, что от трети до половины всего, что вы заработаете в течение жизни, пойдет на покрытие долга, возникшего до вашего рождения?

– Полный отстой.

Она подумала: *не заменить ли лозунг таким: «Джепперсон – никакого отстоя»?*

С чем проблем не было – это с деньгами. Ранди был бы счастлив стать первым президентом в истории США, оплатившим избирательную кампанию из собственного кармана. Касс испытывала сомнения.

– Мне кажется, нам следовало бы хоть сколько-то денег собрать из других источников, – сказала она. – Так мы лучше будем выглядеть.

– *Au contraire*, – возразил Ранди. – Множество моих коллег сенаторов купили себе кресла. Я, как они, посылаю людям хороший сигнал: «*Ego* нельзя будет купить. У него уже есть все деньги, какие ему нужны».

Касс заметила, что Ранди начал говорить о себе в третьем лице. Однажды вечером, после редкого сейчас ужина вдвоем в его джорджтаунском доме, он стал разглагольствовать так, словно у него брали интервью.

– Положить тебе еще курицы? – спросила она.

– Курица была выше всяких похвал. Горошек тоже. Ужин был просто великолепный. Помню, в моем детстве горошек подавался у нас ко всякому блюду. Правильное питание было важным фактором. Сбалансированная еда...

– Ранди.

– Что, радость моя?

– С кем ты сейчас разговариваешь?

– С тобой. А что?

– У меня было такое чувство, будто нас снимают в прямом эфире.

Ранди огляделся.

– Нет, я не думаю...

Глава 34

Много воды утекло с тех пор, как Гидеон Пейн в прошлый раз глядел на реку Кусумахатчи с Французова обрыва. С ним сейчас было несколько членов предвыборной команды и съемочная группа программы «60 минут». Продюсеры даже нашли «кадиллак-эльдорадо» 1955 года с открывающимся верхом и красной кожаной отделкой.

– Вы что, хотите столкнуть машину с обрыва? – поинтересовался Гидеон.

Ответ, к счастью, был отрицательным.

– Жутковато, – признался Гидеон репортерше.

– Вы молоток, что решились на это, – сказала она.

– Рад, что вы согласились снимать, – отозвался Гидеон со слабой улыбкой. – Хотя, наверно, «рад» – не совсем подходящее слово.

– Так, – скомандовал оператор, – поехали.

– Мама сидела там, где вы сейчас сидите, на пассажирском месте. Мы часто приезжали сюда по воскресеньям. Останавливались именно тут. В тот день я припарковал машину... вот так. Поставил на парковочный тормоз... так. Мотор не выключал. Надолго мы тут никогда не задерживались. Я вышел из машины... – Гидеон открыл дверь и вышел, репортерша, оператор и звукооператор двинулись следом. – ...и отправился вот к этому месту. Здесь тогда были кусты, и я мог за ними справиться нужду. Я стоял вот тут, спиной к машине, и

делал то, что было необходимо, как вдруг услышал ужасающий звук.

– Что это был за звук?

– Отвратительный механический скрежет. Потом до меня донеслись мамины крики, я застегнулся, повернулся и увидел, что машина катится к краю обрыва. Я побежал к ней.

– Можете продемонстрировать?

– В те дни я был более спортивным человеком. Итак, я бросился к машине. Мама продолжала кричать и, по-видимому, пыталась повернуть машину. Одновременно что-то делала с ручкой переключателя скорости. Машина рухнула до того, как я успел подбежать! Это было ужасно. У меня до сих пор стоит в ушах этот грохот... Минута, которая осталась со мной на всю жизнь.

– Но если бы трансмиссия как-нибудь сама вышла из режима «парковка», машина дала бы задний ход.

– Скорее всего, – согласился Гидеон. – Да, вы правы.

– Однако в заключении шерифа говорится, что трансмиссия упавшей машины была в состоянии «вперед».

– Да, – сказал Гидеон, ища рукой часы в жилетном кармане. – Я могу лишь предположить, что мама в панике перевела ручку на езду вперед. Она была не очень хорошим водителем.

– Шериф, кроме того, пишет, что парковочный тормоз был выключен.

– Я знаю, – сказал Гидеон. – Я думаю, это из-за удара. Тут высота почти четыреста футов. Не стойте слишком близко.

– Может быть, все-таки это вы ее убили?

– Нет, мадам, – ответил Гидеон. – Но я ценю вашу прямоту и благодарен вам, что приехали в такую даль. Вместе мы поставим в этом вопросе точку.

– Удастся ли ее поставить? Некоторые местные жители, с которыми мы говорили, до сих пор испытывают подозрения.

– Что ж... – Гидеон улыбнулся. – Если так, пусть они предъявят аргументы. Не думаю, что они это сделают, ибо зло бежит света и прячет лицо свое в полдень. Нет, я ее не убивал, и это одна из причин моего решения баллотироваться в президенты. Есть среди нас такие, кто призывает сыновей и дочерей сбрасывать своих дорогих престарелых родителей с обрыва. Но конечно же должны найтись гораздо лучшие способы решить наши проблемы с социальным обеспечением и медицинским обслуживанием, сколь бы остры они ни были.

Тик-так-тик-так-тик-так...

Часы на экране отсчитывали время. Гидеон и его помощники смотрели передачу в своем предвыборном штабе. Когда она кончилась, комната огласилась одобрительными возгласами. Пресс-секретарь Тили поднял вверх оба больших пальца, несмотря на фрагмент, где старый коронер заявил: «Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что на самом деле тогда произошло». Гидеона поздравляли, хлопали по спине – и вдруг один из помощников сказал, что звонит некая мисс Тургенева.

– Кто? – переспросил Гидеон.

– Что-то насчет золотых часов... Ваше преподобие! Вам нехорошо? Дать вам воды с содой?

Касс смотрела «60 минут» с Терри и Ранди. Ранди сказал:

– У него неплохо получилось. И все-таки я думаю, он замочил-таки старушку.

– Нет, – возразила Касс. – Не замочил. Хотя какого-то звена тут недостает. Ладно, по барабану. Получилось у него и правда неплохо. Он снял остроту.

– Мой сотрудник Спек, – заметил Ранди, – наверняка смог бы выяснить, скинул он мамашу или нет.

– Стоп! – сказала Касс. – Забыл, что мы строим все на позитиве?

– Пока по крайней мере, – пробормотал Терри.

– Я считал, – сказал Ранди, – что наш план – до смерти запугать сосунков.

Сосунками они называли избирателей в возрасте до тридцати.

– Это разные вещи, – возразил Терри.

– Мы высказываемся негативно о бумерах вообще, но не об отдельных кандидатах, – объяснила Касс. – И нам нужен символ. Мне надоело организовывать фотосессии перед зданием Администрации соцобеспечения.

– Можно разгромить еще несколько полей для гольфа, – предложил Терри.

– Старо.

Зазвонил сотовый телефон Касс. Она ответила, поговорила.

– Видимо, люди из программы «Сегодня» смотрят «60 минут». Они хотели бы, чтобы сенатор, – она вздохнула, – опять поехал в Боснию.

– Тогда получится неделя кандидатов в президенты, плохо ведущих себя в автомобилях, – сказал Терри. – Помнится, Пичем задавил оленя в Кэмп-Дэвиде, когда катал президента Латвии.

– Не оленя, а енота.

– Так что же, – спросил Ранди, – отправляемся мы в Боснию? Вы говорите, сосункам понравилось бы, если бы выяснилось, что мы там не теряли времени даром.

– Почему бы не отправиться, – подхватил Терри. – Касс могла бы поработать с вами в машине нежными пальчиками, а вы бы съехали в минное поле. Вполне по-президентски.

– Я в этом не уверена, – возразила Касс.

– Подумайте, подумайте, – не отступал Терри. – У Кеннеди был катер ПТ-109, у вас – этот «хаммер».⁹⁴

– Из Вашингтона сообщают о поразительном заявлении Ватикана. Слово нашему корреспонденту Уэнди Уонг.

– Да, Брайан. Высокопоставленный представитель священного престола в Вашингтоне решительно предостерег сегодня американцев от того, чтобы голосовать за какого-либо кандидата, поддерживающего легализацию самоубийства – или, как у нас это называют, «добровольное восхождение».

Предостережение исходит от монсеньора Массимо Монтефельтро – второго лица в американской католической иерархии, человека, как утверждают, очень близкого к Папе Иоанну Клавдию Первому.

Монтефельтро пригрозил самым суровым наказанием, какое может наложить Церковь, – так называемой буллой об отлучении, лишаящей католика права на причастие. Он заявил об этом на пресс-конференции:

«Узаконенное самоубийство, или „восхождение“, как выражаются его пропагандисты, полностью противоречит всем нравственным установлениям Католической церкви. Его святейшество пристально следит за политическими событиями в Америке. Они, увы, подталкивают его к тому, чтобы издать буллу, отлучающую от церковных таинств всякого американского католика, который голосованием или другим способом поддержит того или иного кандидата, агитирующего за самоубийство...»

Жесткий язык... Брайан?

– Уэнди, почему это называется буллой?

– От латинского слова *bulla*, означающего восковую или свинцовую печать, которой Папы в старые времена скрепляли свои послания. В общем, Брайан, сильнодействующее средство.

⁹⁴ Имеется в виду эпизод 2 августа 1943 г., когда японский военный корабль протаранил торпедный катер, которым командовал лейтенант Джон Ф.Кеннеди. За самоотверженные действия по спасению команды Кеннеди был награжден медалью, однако высказывалось мнение, что судно погибло по его вине.

– Спасибо, Уэнди. На Ближнем Востоке сегодня – спонтанные проявления дружелюбия между израильянами и палестинцами...

Немало комментариев вызвал стесненный вид монсеньора Монтефельтро на пресс-конференции. Иные ватиканисты увидели здесь признак теологических разногласий между ним и Римом.

Касс и Терри занимались в штаб-квартире кампании антибумерской рекламой, когда позвонил Ранди. Голос у него был разъяренный. Он находился в Миннесоте – ехал на мероприятие по сбору средств. Касс уговорила его ради приличия принять в фонд кампании хоть немного денег от других.

– Что, к чертям, такое происходит? – рявкнул он.

– Ты о чем?

– Только что позвонила репортерша из «Рейтерс». Говорит, на меня пошел войной Ватикан?

– Что? – переспросила Касс. – Так, молчи как рыба, пока я не перезвоню.

Терри уже был в интернете.

– Мать твою...

Касс прочла, глядя ему через плечо.

– Тут если поминать, то не маму, а Папу. Чего это они вдруг?

– Потом выясним. Что сейчас? – спросил Терри. – Будем гнобить понтифика?

Касс задумалась.

– Все-таки он француз... Вот бы кляп какой-нибудь Ранди в рот засунуть. У него есть это англосаксонско-протестантское предубеждение против католиков. Называет их папистами.

– Тем временем еще четыре звонка, – сообщил ей Ранди. – Если ты думаешь, что я это стерплю от старого лягушатника в митре...

– *Держи язык за зубами*, Ранди.

– Стараюсь. Но они ведь попрут на меня на этом мероприятии. Что прикажешь говорить? Я охотно сказал бы, что советую Папе пойти и утопиться в Тибре. Какое его собачье...

– Ты испытываешь к Папе глубочайшее уважение...

– Не испытываю. Я епископал – конечно, не шибко практикующий, но...

– Ранди. Закрой рот. Тебе предстоит тяжелые дебаты... ты...

– И с какой стати *Папа* лезет в эти дебаты? А?

– Я пытаюсь сформулировать нашу позицию. Помолчи хоть одну секунду.

– Формулируй быстро, а то мы подъезжаем. Ох, мать честная. Их тут целая стая.

Стервятники.

– Скажи Корки, пусть объедет вокруг квартала.

– Поздно. Уже кинулись.

– Ты сделаешь исчерпывающее заявление завтра утром.

– Почему мне нельзя просто...

– Ты должен... проконсультироваться. С... теологами. Вот. С авторитетными знатоками религии.

– С какими еще теологами?

– Почем я знаю! С Фомой Аквинским, святым Иеронимом, Томасом Мором. Пока твое дело – *держат язык за зубами*.

Касс нажала отбой. Устало вздохнув, спросила Терри:

– Есть у тебя теологи на примете?

– На Кей-стрит?

ДЖЕППЕРСОН НАЗВАЛ УГРОЗУ ВАТИКАНА ПУСТОЙ БРЕХНЕЙ

Касс смотрела на заголовок. За ночь она видела это в дюжине вариаций в различных интернет-изданиях. Она устала. Поймала себя на желании перенестись в эпоху до интернета и кабельного телевидения, когда новости сообщали дважды в день, а не *каждую долбаную секунду*.

Вошел Терри, тоже явно невыспавшийся. Глянул на первую страницу «Пост».

– Я вижу, наш паренек гнет свою линию.

Касс подняла на него мрачный взгляд.

– Мне явно надо всюду разъезжать с нашим кандидатом. Стеной вставить между ним и ближайшим репортером.

Телефонный звонок. Ранди.

– Привет, антихрист, – сказала Касс.

– Я – бог для Миннеаполиса! – воскликнул он. – Видела газеты?

– Да.

– Они в восторге!

– Ранди. Они лютеране. Прежде чем опять станешь прибывать, как Лютер, свои тезисы к дверям собора, задумайся, как это воспримут в мелких городишках типа Чикаго, Бостона, Майами, Балтимора, Лос-Анджелеса. И в других деревеньках, где люди *любят* Папу.

– Он француз.

– Ранди, он *Римский Папа*.

– Кто бы он ни был, – хмыкнул Ранди, – это *он* первый начал. Я знаю, вы с Терри терпеть не можете мои проявления независимости, но сейчас я нутром чувствую, как надо себя вести.

– Я тоже кое-что чувствую нутром. Сводит.

– Американцы не любят, когда им дают указания из-за границы.

– Что ж, будем надеяться на лучшее. И все-таки постарайся уходить от ответов. Я не хочу на следующей неделе взять в руки «Тайм» и прочитать, что ты назвал Деву Марию шлюхой.

Телефон в папской нунциатуре звонил не переставая. Каждое крупное СМИ страны жаждало проинтервьюировать Массимо Монтефельтро. Даже поздние развлекательные телепрограммы хотели его заполучить. Один нью-йоркский таблоид поместил на первой странице его фото с подписью: НЕ БАЛУЙ, А ТО ОТЛУЧУ!

Папский нунций, номинальный начальник Монтефельтро, был несколько обижен тем, что Рим его обошел и сделал ставку на его подчиненного. Что касается Монтефельтро, ему больше всего хотелось забраться под письменный стол. В нем теплилась слабенькая надежда, что Иван Грозный и блудницы Тургенева и Достоевская не смотрели вчера телевизор и не читали газет. И журналов. И не заходили в интернет. И... *Dio mio...* Может быть, они все уехали в Россию? Может быть, они все умерли от венерической болезни или погибли в перестрелке из-за наркотиков? Может быть...

– Монсеньор, звонит мистер Иван. Утверждает, что вы его знаете. И опять звонила мисс Кэти Курик с телевидения,⁹⁵ причем дважды.

– Что вам нужно?

– Вы все время по телевизору. Наверно, будете Римским Папой. Так вот насчет пожертвования сиротам. Им нужно больше, раз вы такой важный человек в Церкви. Я думаю... сто тысяч долларов. Сироты будут довольны. И Бог будет доволен.

Монтефельтро остро захотелось, чтобы папская швейцарская гвардия располагала

⁹⁵ Кэти Курик – известная американская телеведущая.

тайным подразделением для ликвидации врагов Церкви. Он вздохнул:

– У меня нет ста тысяч долларов. Позвоните лучше мистеру Пайну. Он очень богатый.

– Мы звонили ему. Он был *очень рад* услышать, что часы у нас. Около вашего офиса стоит «мерседес-SL-550». Очень славная машина. Почему не подарить ее сиротам? Верующий священник не должен ездить в «мерседес-бенце» за сто тысяч долларов. Христос не ездил на «мерседесе». Он ездил на ослике.

Гидеон был действительно очень рад известию, что его золотые часы с цепочкой не пропали бесследно. Но его реакция к этому не сводилась.

Быть объектом шантажа всегда невесело, тем более если ты решил баллотироваться в президенты и тебя именуют «преподобием». Однако голос мисс Тургеневой в телефонной трубке звучал вполне дружелюбно, и о деньгах она не упомянула ни разу.

– На вас пр-приятно было смотреть по телевизору, – проворковала она. – Не похоже, что вы убили вашу маму. Вы слишком симпатичный. Приезжайте в гости! Мы устроим вечеринку с шампанским. Посмотрим секс-фильм. *Я думаю о вас и вся теку!*

– Если я приеду, – прохрипел Гидеон, – вы мне вернете часы?

– О, *конечно*. Но вы сами должны их найти. У меня много укр-ромных местечек. М-м-м-м. Поскорей, Гидьон! Я так сильно теку, мне надо сменить трусики.

Она дала ему адрес в Арлингтоне.

Бедному Гидеону пришло в голову, что сегодня воскресенье – святой день. Что сказал генерал южан Джексон Каменная Стена, когда хирурги на его вопрос ответили, что он действительно умирает? «Хорошо. Я всегда хотел умереть в воскресенье».

Нет. Нельзя. Безумие. Потом подумал: *часы*. Он должен их забрать. Заберет часы и уйдет. Может быть, просто из вежливости побудет пару минут, выпьет ровно один бокал шампанского.

Гидеон выскользнул из предвыборного штаба незамеченным.

Глава 35

Ранди, чей ответ на угрозу буллы оказался выигрышным, чувствовал себя на коне. Опросы показывали подавляющее численное превосходство противников Ватикана. Рейтинг Джепперсона после того, как он послал Рим подальше, вырос на четыре пункта. Американцы, как оказалось, в гробу видали вмешательство священного престола.

Гидеон Пейн странным образом не только не прокомментировал события, но и вообще пропал. СМИ тщетно жаждали его отклика. Его пресс-секретарь отменил все мероприятия, сославшись на «сильную простуду» кандидата. На самом деле, однако, Гидеон попросту исчез с экранов радаров. Дома его не было. Мобильный не отвечал. В последний раз Пейна видели вечером в воскресенье, когда шла передача «60 минут». А был уже вторник. Вторая половина дня.

– Куда, к чертям, он мог деться? – вопрошал Тили. Никто не знал. – Нельзя же просто так взять и исчезнуть! Он хочет в президенты или не хочет?

Касс тем временем прониклась мыслью, что Ранди должен использовать на одном из предвыборных мероприятий словечко типа «херня». Поначалу ни кандидат, ни Терри, который обычно был с Касс на одной волне, ничего гениального в этой стратегии не увидели.

– Так разговаривает это поколение, – втолковывала она им. – Если хочешь привлечь их внимание, надо изъясняться их языком. Тогда тебя поймут.

Ранди усмехнулся.

– «Не спрашивай, какого хрена страна может сделать для тебя... Восемьдесят семь лет тому назад наши отцы, мать твою...» Касс! Уймись, бога ради. Меня оштрафует Федеральная комиссия по коммуникациям. И Федеральная комиссия по выборам.

- Пустяки. Херня, – сказала Касс. – Зато заголовки какие будут!
- Кстати, если уж на то пошло, – заметил Терри, – почему бы во время дебатов и другие условности не нарушить? Можно подойти к Пичему и сорвать с него рубашку. Ущипнуть его за сосок.
- Я серьезно, ребята. Если аккуратно это вернуть...
- Аккуратно?
- ...в точно выбранный момент, это будет бомба. Крутяк. Без вопросов! Ни один кандидат в президенты публично такого не говорил.
- Помнится, однажды вице-президент послал подальше одного сенатора.⁹⁶
- Не в прямом эфире. Короткий коридорный эпизод в Капитолии.
- Нет, – сказал Ранди. – Слышали? Нет. Хрена лысого!
- Мы поднимемся у сосунков на пять пунктов, – не унималась Касс. – И вырвемся вперед.
- Да, и потеряем всех других избирателей до единого.
- Смелей! Надо метить дальше.
- Я подумаю, – сказал Ранди. – У тебя уже разработан конкретный сценарий с использованием такого словаря?
- Представь себе, да.
- Ранди вышел облегчиться. Терри сказал Касс:
- Лучше бы ты не подбрасывала ему эту идею.
- Почему? – усмехнулась Касс. – Нужно мыслить нестандартно.

Гидеон Пейн был счастлив.

Он и не подозревал, что такое счастье возможно.

Он был так счастлив, что лишь ценой нечеловеческого усилия воли смог покинуть квартиру Татьяны (у мисс Тургеневой, как выяснилось, есть имя). Не квартиру, а наполненную ароматом духов и свеч обитель блаженства в Арлингтоне с видом – на что бы, вы думали? – на мемориал героям Иводзимо!

– Дор-рогой Гидьон, – промурлыкала Татьяна, играя его волосами, в то время как он ласкал губами ее сосок, – тебе разве не надо идти на пр-зидентскую кампанию? Ты здесь уже два дня.

Два дня, ящик шампанского, тысячи и тысячи долларов наличными и бог весть сколько презервативов. Гидеон и не пытался вести счет.

– Ум-м-м-м-м.

– Ну же. Я сварю тебе кофе, и иди.

– Нет. Я остаюсь. Я тут остаюсь навсегда. На веки вечные. М-м-м-м-м...

– Дор-рогой. Моя гр-рудь. Она болит. Ты совсем-совсем ненасытный мальчик. Ты вернешься. Но сейчас тебе *надо* идти. Вставай, я тебе сделаю прекрасную теплую ванну с пеной.

Она затолкала его в пенистую ванну. Он запел:

– Глори, глори, аллилуйя!..

Странный дяденька, подумала она. И совершенно точно это у него был первый раз с женщиной.

Ольга Марилова (Татьяна Тургенева – это был псевдоним) ничего подобного не предвидела. На случай, если Гидьон Пайн явится со своими охранниками, она спрятала в квартире вооруженного Ивана. Кандидаты в президенты обычно не любят, когда их шантажируют. Но когда она открыла ему дверь, он стоял там один, и выражение лица у него было совершенно детское.

Он вошел. Они сели. Она сказала, что часы в надежном месте. Она вернет их ему, если

⁹⁶ Имеется в виду инцидент в 2004 г. между вице-президентом Диком Чейни и сенатором Патриком Лихи.

он сделает «пожертвование для сирот» в размере... ста тысяч долларов. Она ждала гневной реакции и готова была, чуть что, кликнуть Ивана. Но Гидьон Пайн сказал: «Да, я думаю, это будет правильно. Это благородное дело. Я всегда сочувствовал сиротам. Я передам вам деньги завтра». Она не знала, что отвечать. Потом он сказал: «А теперь, дорогая моя... вы, помнится, что-то говорили насчет бокала шампанского. За *это* я с удовольствием заплачу прямо сейчас». Ну, и одно повело к другому. А теперь не хочет уходить. *Что ж*, подумала она, сбитая с толку, *это бизнес. Хор-роший бизнес.*

Даже очень хороший, как выяснилось. На следующий день Гидеон оторвался от ее прелестных грудей ровно настолько, чтобы позвонить некоему Сидни, и несколько часов спустя в ее дверь постучал низенький человечек со встревоженным лицом и передал стальной чемоданчик со ста тысячами долларов. Это был самый легкий бизнес за всю Ольгину жизнь. А ведь она не была новичком в плане потрясти клиента. Гидьон даже не спросил про часы! Хотел только одного – обратно в постель. Он был... ненасытен. Маленькая паровая машина похоти. В какой-то момент предложил ей выйти за него замуж. В конце концов пришлось его выпроводить. У нее были назначены свидания с важными постоянными клиентами. Два посла, помощник госсекретаря...

– Боже мой, Гидеон, где вы пропадали?

На его пресс-секретаре Тили лица не было. У Гидеона, напротив, лицо было, и на нем играла улыбка.

– Какая разница? Мне понадобился отдых, вот и все. Нижайше прошу прощения. Надеюсь, что не доставил вам больших неудобств.

– Да ведь завтра же дебаты, черт возьми!

– И я к ним готов.

После чего Гидеон вышел, напевая: «О, какое прекрасное утро...»

– Он что, начал употреблять наркотики? – спросил Тили у менеджера кампании. – Хорошо бы мне уже сейчас это знать. Не люблю сюрпризов.

– Не штат, а говно, – сказал президент Пичем, глядя с президентского вертолета на мерзлый пейзаж. Президент был в обычном расположении духа, которого не улучшали последние опросы, показывавшие отставание на несколько пунктов – от кого бы, вы думали? – от сенатора Рандольфа К.Джепперсона! Утешало лишь то, что при обилии кандидатов (их число уже перевалило за дюжину, включая кандидата от Партии свободной иммиграции) явного лидера среди них пока не было.

– Ну что вы, мистер президент, – возразил Бакки Трамбл насколько возможно бодрым тоном. – Четыре года назад Нью-Гэмпшир принял вас на ура. И сегодня будет то же самое.

Президент Пичем крикнул.

– Красоты ни на грош. Тот же Нью-Джерси, только со снегом.

Он снова стал читать подготовительные материалы к дебатам. Он не хотел сюда ехать, не хотел дебатировать с соперниками, но Бакки сказал – надо. План был – нанести здесь Джепперсону мощный удар. Если победить его в Айове и Нью-Гэмпшире, двух решающих пунктах первой части кампании, возможно, удастся вынудить его перейти в независимые кандидаты.

Они собирались сыграть на боснийской теме. По опросам, это была ахиллесова пята Джепперсона.

Но имелся один деликатный момент: это означало косвенно ударить по Кассандре Девайн, отец которой Фрэнк Коуэн был теперь у президента финансовым директором избирательной кампании и летел сейчас на том же вертолете, сидя всего в нескольких креслах от Пичема. Фрэнк, правда, сказал, что не возражает: «Делайте, что считаете нужным».

Для подготовки каждому кандидату отвели трейлер, припаркованный около здания.

Помощник в наушниках, подбежав к Касс, сказал ей:

– Мисс Девайн! Вас хочет видеть его преподобие Пейн.

Касс посмотрела на Терри. Он пожал плечами:

– Познай своего врага...

Касс и помощник пошли через парковочную площадку с пятнами слежавшегося снега к трейлеру Пейна. Помощники Пейна – в основном люди евангелической веры – встретили ее прохладно. Для них она была Жанной Темных Сил. Дверь открылась, за ней стоял Гидеон.

– Входите же, входите скорей, такой холод! – сердечно воскликнул он. Они протянули друг другу руки. Он взял ее ладонь в обе свои.

– Очень мило с вашей стороны, что пришли, дорогая моя.

Она не виделась с ним уже несколько месяцев. Выглядел он хорошо. Убавил в весе, на лице появился румянец, волосы уже не были сальными.

– Рада вас видеть, ваше преподобие, – сказала она. – Как поживаете?

– Прекрасно. А ведь раньше вы меня преподобием не называли. – Он улыбнулся. – Садитесь, садитесь. Я вас задержу всего на минутку, я знаю, что вы должны помогать сенатору. Я хотел вам сказать кое-что.

Касс села.

– Я хотел вам сказать, что лично я никогда не думал, будто была какая-нибудь связь между вами и этим безумцем Артуром Кламмом. Или будто вы вели себя неподобающим образом на минном поле в Боснии. Да, между нами есть расхождения, и глубокие. По всем этим вопросам предстоят острые дебаты. Я только хотел пообещать вам, что в моих аргументах персональных обвинений не будет. Даю вам слово, Кассандра.

Она кивнула.

– Хорошо. Это честно.

– Что ж, замечательно.

– Ваше преподобие...

– Гидеон. Очень вас прошу.

– Я видела эту телепередачу. Я знаю, что вы не...

– ...убийца собственной матери?

– Да. Но трудно отделаться от мысли, что это произошло как-то *иначе*. Не совсем так, как вы сказали. Хотя это, конечно, не мое дело.

Он посмотрел на нее.

– Когда-нибудь мы с вами спокойно пройдемся вместе, и я расскажу вам эту длинную историю. А сейчас позвольте мне, со своей стороны, заверить вас: у меня нет ни малейших подозрений, будто вы по-настоящему хотите, чтобы американцы убивали себя ради решения бюджетной проблемы.

– Вы правы, – улыбнулась ему Касс.

– Вы просто решили подчеркнуть таким образом остроту вопроса. – Он погрозил ей пальцем. – Что ж, юная леди, вы добились своего. Хотя и пустили обсуждение по кривому руслу.

Касс посмотрела на часы.

– Мне пора.

Они встали. Он похлопал ее по руке.

– Удачи вам, Кассандра Девайн. Идите вперед, – он улыбнулся, – и самое лучшее – прямым путем.

Хрустя снегом, она шла к своему трейлеру – и вдруг услышала:

– Здравствуй, Касс!

Повернулась и увидела отца, с которым не встречалась много лет.

– Здравствуй, Фрэнк.

Он двинулся к ней так, словно хотел поцеловать. Она отстранилась.

– Ну надо же. Вся такая взрослая.

– А ты весь такой богатый.

- Я честно пытался.
 - Что пытался?
 - Загладить вину перед тобой. Помнишь чек? Ты его разорвала.
 - А, это, – промолвила Касс. – Что ж, значит, мы квиты. Извини, я тороплюсь. Желаю успеха в дебатах.
 - Да провались они... – со злобой сказал Фрэнк и резко повернулся.
 - Приятно было поговорить, – пробормотала Касс. – Папочка.
 - Что ему надо было? – поинтересовался Терри, когда она вернулась в трейлер Джепперсона.
 - Кому? – спросила Касс. Она была чуточку рассеянна.
 - Ангелу второго пришествия.
 - Мы обмахивали друг друга оливковыми ветвями.
 - Сплошная любовь в этой избирательной кампании. Ладно, пора.
- Они вошли в комнату, где прихорашивался Ранди. Он стоял перед зеркалом и отрабатывал жестикуляцию.
- Мне хромать или нет, когда я выйду на публику?
 - Лучше скачи как кузнечик, – сказала Касс и смахнула с его пиджака пылинку. – Ну как, готов, сенатор?
 - Allons, enfants de la pa-trie...⁹⁷
 - Да пошел ты...

План Бакки сводился к следующему: Пичем должен был дожждаться заключительных заявлений, когда на контратаку уже нет времени, и сказать: «Я считаю, что человека, который с безнравственными целями привозит молодую женщину на минное поле в зоне боевых действий, нельзя даже на сто миль подпускать к ядерной кнопке». Неплохо задумано, но Пичему не довелось произнести эти слова.

Все случилось на шестьдесят четвертой минуте. Президент только что привел несколько довольно мутных экономических показателей, якобы свидетельствующих, что экономика страны сможет все-таки выползти из-под навалившегося на нее дефицита. Ведущий Джон Тирни из «Нью-Йорк таймс» повернулся к Ранди:

- Сенатор Джепперсон, у вас полторы минуты на ответ.
- Благодарю вас, Джон, но мне не потребуется столько времени. Я отвечу нашему президенту коротко: *кончайте херню пороть*.

Глава 36

Инцидент поставил перед СМИ нелегкую проблему: как это передать, не подвергаясь штрафу со стороны Федеральной комиссии по коммуникациям? Осторожные вечерние новостные программы заменили второе слово гудочком.

Некоторое время люди в зале – и по всей стране – пребывали в немом изумлении. Несколько секунд казалось, что президент Пичем сейчас подойдет к сенатору Джепперсону и расквасит ему нос. Прочие же кандидаты вцепились в трибуны и открыли рты, точно рыбы на суше. Ранди стоял как генерал Джексон Каменная Стена во время битвы на реке Булл-Ран. Джон Тирни прикусил губу. После паузы, показавшейся вечностью, президент Пичем резко повернулся и ринулся прочь из зала, окруженный охранниками, лица у которых были такие, словно они готовы открыть по сенатору огонь. Оставшаяся часть дебатов почему-то запомнилась не так ярко.

Пространство около зала, куда выскакивают помощники кандидатов, чтобы объявить о «явной» победе своего шефа, обычно похоже на шумный улей. Но в тот вечер там стояла

⁹⁷ Вперед, сыны отчизны (*фр.*) – Начало «Марсельезы».

необычайная тишина. Провозгласить победу было бы так же неуместно, как расхваливать игру актеров в театре Форда в день убийства Линкольна.

Когда в коридор вышла Касс, репортеры мигом бросили тех, кого интервьюировали, и накнулись на нее. Ее так прижали к стене, что помощникам Джепперсона пришлось образовать живой клин и рассечь толпу – иначе ее бы задушили.

– Касс, Касс! Это была ваша идея?

– Означает ли это, что Джепперсон будет вести кампанию намного более агрессивно? (Вот зануда...)

– Вы не боитесь, что Федеральная комиссия по выборам наложит на него штраф?

Она дала им некоторое время погалдеть и даже не попыталась отвечать. В конце концов, чтобы получить от нее нечто различимое на слух в записи, многоголовое чудище приумолкло.

– По-моему, сенатор Джепперсон в концентрированной форме выразил сегодня то, что думают многие американцы, особенно молодые, когда слышат от президента страны, что наша экономика находится в здоровом состоянии. Это не так, и, видимо, пришло время для разговора без обиняков.

– Но он сказал президенту Соединенных Штатов, чтобы тот кончал... чтобы...

У репортера не хватало духу повторить.

– Я слышала, что он сказал. Этот оборот в ходу у многих молодых американцев, и его можно перевести на обычный язык как «Ну надо же!» или «Очень интересно!». Сенатор, я думаю, употребил его иронически. Хотя для его поколения оно имеет, скажем так, более буквальный смысл.

– Но так же нельзя разговаривать с президентом! Разве это прилично? Разве это уважительно?

– А вновь и вновь обманывать страну – это прилично? Сенатор Джепперсон считает, что политики, которые не видят дальше очередных выборов, лишают американскую молодежь будущего. За что их уважать, этих политиков? Уважение надо заслужить. Сенатор Джепперсон уважает *пост* президента, и он докажет это, когда сам станет президентом. А сегодня американцы, я уверена, говорят: «Всыпь ему хорошенько, Ранди!»

Не совсем так. Многие американцы звонили в штаб кампании Джепперсона и угрожали смертельной расправой, многие требовали от своих конгрессменов и сенаторов, чтобы они осудили его; люди звонили в Белый дом и выражали свое негодование, писали гневные письма в редакции газет. Но весь этот артиллерийский огонь исходил от немолодых избирателей. Что же касается «сосунков», «побарабанного поколения» – они тоже горячо выражали свое мнение. В блогах. И им нравилось – очень нравилось – то, что они услышали от Джепперсона.

– Сенатор, многие, в том числе ряд ваших коллег сенаторов, призвали вас извиниться перед президентом Пичемом. Возникло даже движение за то, чтобы подвергнуть вас порицанию или импичменту. Намерены ли вы извиниться?

Ранди участвовал во «Встрече с прессой».

– Нет, Глен, такого намерения у меня нет.

– Почему?

– Потому что я не сожалею о том, что сказал. Честно говоря, я готов это повторить. Я хочу...

– Ради бога! – перебил его Глен Уоддоуз с паникой на лице. – У нас семейная телепрограмма.

Ранди улыбнулся.

– Не бойтесь, Глен, я не собираюсь оскорблять стыдливость зрителей. Да, конечно, это жесткий язык. Но у нас жесткие времена. И когда президент Соединенных Штатов выходит на трибуну и откровенно лжет с нее стране, которая рушится у него на глазах, кто-то должен взять его за лацканы и сказать: «Хватит!»

– Кстати, о лацканах. Я вижу у вас значок, на нем написано... э...

– На нем написано: «КХП», Глен.

– Пожалуйста, не расшифровывайте.

– Не буду, – улыбнулся Ранди, – но позвольте мне по крайней мере расшифровать *свою позицию*...

Значки – это была идея Касс. Она заготовила их заранее и с первого же дня после дебатов раздавала их тысячами. Все было сделано скрытно. С помощью юристов она даже заставила производителей значков подписать заявления о конфиденциальности, имеющие исковую силу. Она хотела создать иллюзию спонтанности.

Пресса, предсказуемым образом, кипела от возмущения: «Площадная политика», «Приличия отброшены», «Сенатор-сквернослов», «Кандидат с грифом X», «Нет, сенатор, это вы кончайте ***** пороть!» – вот некоторые заголовки.

Блогосфера, напротив, радовалась, гудела, сияла, резвилась, как гигантский киберкальмар. По выражению «сосунков», Ранди «сбросил матерную бомбу». Ведущим теле- и газетным обозревателям пришлось признать, что это было «стержневое событие» и «к добру или к худу – почти наверняка к худу – сдвиг парадигмы». Для репортеров, ранее пребывавших в отупении от взвешенных до грамма, расфасованных и стерилизованных кандидатских заявлений, это была манна небесная. Штаб Джепперсона осаждали «сосунки»-добровольцы, предлагавшие помощь. Модельеры стремительно выбросили на рынок одежду с КХП-символикой. Касс торжествовала. Журнал «Тайм» поместил на обложке ее фото – всего тридцать лет, а уже вторая обложка «Тайм!» – с подписью: НЕЗАТЫКАЕМАЯ КАССАНДРА ДЕВАЙН.

Через десять дней сенатор Рандольф К.Джепперсон занял второе место на предвыборных партийных собраниях в Айове, уступив только президенту Райли Пичему.

Касс уже по лицу Терри поняла: что-то не так. Они были в Манчестере, штат Нью-Гэмпшир, до первичных выборов оставалось два дня. Ранди, по опросам, находился не более чем в трех пунктах от Пичема.

– Что? – спросила она.

– Звонили из «Вашингтон пост». Интересовались нашим северокорейским турниром по гольфу.

Касс села, не снимая зимней куртки.

– Вот оно что.

– Да.

– Трамбл.

– Вероятно. – Терри хмыкнул. – Хотя вряд ли Пичем сильно ему противодействовал. И твой папа тоже.

После паузы Касс спросила:

– В «Пост» знают... подробности?

– Они знают достаточно, – вздохнул Терри, – для заголовка типа: БЛИЖАЙШИЕ ПОМОЩНИКИ ДЖЕППЕРСОНА ПОМОГАЮТ СКВЕРНОМУ, ПРОГНИВШЕМУ, ДИКТАТОРСКОМУ СЕВЕРОКОРЕЙСКОМУ РЕЖИМУ УЛУЧШИТЬ СВОЙ ИМИДЖ.

– О, господи, – сказала Касс. – Ну что ж, что есть то есть. Ты им объяснил, что северокорейцы к тебе обратились, а не ты к ним?

– Да, но это вряд ли будет иметь большое значение.

Касс встала.

– Он выступает перед группой самооценки. Пошли перехватим его, прежде чем «Пост» до него доберется.

Ранди выслушал Терри и Касс, то и дело меняясь в лице, но всякий раз морща лоб. Когда все было сказано, Касс протянула сенатору лист бумаги.

– Что это?

– Наше с Терри официальное заявление об уходе из твоей предвыборной команды. Не

забудь заявить, что ужаснулся, когда узнал про Северную Корею. И что мгновенно принял нашу отставку – даже сам ее потребовал. Скорее всего, они подергают тебя и отстанут.

Ранди посмотрел на Терри. Тот пожал плечами.

– Вы уже на расстоянии плевка от Пичема. Зачем вам лишние осложнения?

Касс попросила Терри:

– Оставь нас на минутку с Ранди, хорошо?

– Без тебя у меня ничего не получится, – сказал Ранди.

– Все получится. Просто тверди им, чтобы кончали пороть херню.

Ранди разорвал бумагу.

– Спасибо за жест, но я уже разместила заявление на сайте.

– Ты меня поддержала. Теперь я тебя поддержу. Вместе мы победим.

– Это очень мило, но совершенно самоубийственно. Вот станешь президентом – тогда и помогай нам разгрести это дерьмо. Мне не слишком приятно было бы думать, что я тебе помешала. Ничего, – она улыбнулась, – Гнилук и минное поле у нас далеко позади.

Ранди смаргивал слезы. Касс погладила его по щеке.

– Ну не надо, не надо. Нельзя в таком виде выступать перед Манчестерской лигой самооценки.

Через два дня Ранди занял второе место на первичных выборах в Нью-Гэмпшире, отстав от Пичема на три пункта. Большим сюрпризом стала третья позиция Гидеона Пейна. Впечатляющий результат – и теперь на очереди была Южная Каролина.

Глава 37

Подробности планировавшегося Терри Танкером турнира по гольфу в Северной Корее стали предметом живого обсуждения в прессе. Одна статья, где утверждалось, что единственное в Северной Корее поле для гольфа сооружено, как и все прочее в этой несчастной стране, посредством рабского труда, была озаглавлена «Поле отчаяния». Но отставка Касс и Терри позволила Ранди избежать серьезных потерь. После первоначального всплеска негодования большинство СМИ успокоилось, сочтя затею вашингтонского пиар-агентства тем, чем она действительно была, – попыткой срубить бабки с одной из самых идиотских диктатур на свете.

Белый дом, однако, всячески старался подогреть интерес к этому делу. На борту самолета по пути в Чарлстон, Южная Каролина, президент пригласил журналистов в свой отсек. Первый вопрос Бакки отдал репортеру, близкому к администрации.

– Сэр, примет ли Министерство юстиции меры против мистера Таккера и мисс Девайн как лиц, занимавшихся бизнесом с противником?

– Непростой вопрос, – проговорил президент, принимая такой вид, словно он обдумывал тяжелейшую конституционную проблему. При этом нельзя сказать, чтобы у него было особенно тяжело на душе. После Нью-Гэмпшира никто не говорил ему, чтобы он кончал пороть херню. Он разбил дуэт «Джепперсон – Девайн». Фрэнк Коуэн уговаривал его напустить на нее генпрокурора. Странное, надо сказать, усердие в преследовании собственной дочери. Президент не любил Коуэна. Фрэнк постоянно подбрасывал намеки на свое будущее кресло министра финансов. Бакки, что удивительно, очень терпимо относился к этому нахальству. Но в добывании денег Коуэн показал себя настоящим зверем. Он и своего бобла немерено вкладывал в разнообразные фонды, поддерживающие партию. Если и правда назначить его министром финансов, пойдут разговоры, что Фрэнк купил себе должность. Но это все после. Сначала надо выиграть выборы.

– Я не обсуждал этого вопроса с генпрокурором, – сказал президент репортеру. – Ему решать, а не мне. В любом случае сенатор Джепперсон поступил правильно. В кои-то веки.

Журналисты засмеялись.

– Чувствуете ли вы угрозу со стороны его преподобия Пейна, мистер президент? Он пользуется поддержкой на Юге.

– Я чувствую угрозу со стороны всякого, кто хочет отобрать у меня работу. – Смех. – Но я собираюсь крепко биться за каждый голос. Это ведь не южные дела и не северные. Это дела всей страны.

– Вы по-прежнему отказываетесь вести дебаты с сенатором Джепперсоном?

– Я дебатую только с теми кандидатами, которые соблюдают элементарные правила приличия. Если я увижу сенатора Джепперсона в зале предвыборных дебатов, я распорядюсь, чтобы мои охранники вымыли ему рот с мылом. – Смех. – С пемзовым.

Опять смех. Бакки Трамбл сидел в углу и весь сиял, слушая, как самый могущественный человек на свете произносит сочиненный им текст.

– Сэр, директор Федерального резервного банка дал понять, что может повысить базисную ставку еще на один пункт, до двадцати двух процентов ввиду того, что инфляция достигла тридцати пяти процентов...

СМИ не бросают своих любимцев, тем более таких популярных, как Кассандра Девайн. Спустя несколько дней после ее выхода из кампании газета «Ю-Эс-Эй тудей» поместила статью с заголовком на первой странице:

ДЖЕППЕРСОН ВСЛЕД КАСС: ЕСЛИ БЫ ТОЛЬКО У МЕНЯ БЫЛИ МОЗГИ...

Ранди не был в восторге от утверждений в прессе, что Касс – это его мозги. С другой стороны, его собственных мозгов хватало, чтобы понимать, что это правда. После того вечера в Нью-Гэмпшире, когда он принял ее отставку, он постоянно ей звонил и связывался с ней по «блэкберри».

– Я думаю, пора это прекращать, – наконец заявила ему Касс. – Мало ли кто нас слушает и читает наши имейлы. Я не уверена, что те, кто сказал «а», не скажут «б». Нас с Терри еще могут привлечь. И если выяснится, что мы с тобой общаемся, это может тебе повредить. Между тем я собираюсь кое-что предпринять, и поверь мне: тебе лучше формально не иметь к этому отношения.

Касс имела в виду молодежный митинг протеста в Вашингтоне у подножия Капитолия. На своем сайте она проинструктировала всех, чтобы принесли карточки соцобеспечения. Идею подсказали ей митинги против вьетнамской войны. Забавно, подумала она, что источником вдохновения послужил ключевой момент в истории бэби-бумеров.

Необходимо было получить разрешения от Службы национальных парков и четырнадцати других учреждений, регулировавших демократические собрания на главной лужайке страны. Весть о планах Касс дошла до Белого дома.

– Ну что мне с ней делать, – сказал президент, – кол ей в сердце засадить?

Произнеся эти слова в присутствии Фрэнка Коуэна, президент тут же смутился. Фрэнк, однако, спокойно заметил:

– Боюсь, сэр, она хочет выставить нас всех дураками.

– Не давать ей разрешения, – сказал президент Бакки Трамблу.

– Сложно, – отозвался Бакки. – СМИ от нее без ума. Если мы вмешаемся в процесс выдачи разрешения, наверняка это просочится, и мы будем выглядеть так, будто боимся ее. Я бы ей позволил. И поглядим, – он бросил на президента хитрый взгляд, – что из этого получится.

– В каком смысле?

– Когда собирается под сто тысяч человек молодежи, – сказал Бакки, – мало ли какая заваруха может начаться. Правда?

Президент улыбнулся.

– Ну Трамбл, ну паразит...

– Рад стараться, сэр, – улыбнулся Бакки в ответ.

Митинг на вашингтонском Молле «Против изжившей себя системы соцобеспечения» (сокращенно – ПИССС) был назначен на последнюю субботу перед первичными выборами в Южной Каролине. Собрать «сосунков» на политическое мероприятие – все равно что кошек сгонять в стадо. На рок-концерты они идут гораздо охотнее, чем на митинги. И все-таки они пришли, и в солидном количестве. Служба парков оценила их численность в семьдесят пять тысяч, что очень даже неплохо. Разносчики вовсю торговали блинчиками с тунцом и витаминизированными напитками. Многие пришли со значками «КХП». Дежурили бригады медиков, готовые оказать первую помощь любому пострадавшему от дефицита самооценки. Любопытные бэби-бумеры, наблюдая за происходящим с периферии, говорили, что это ну совсем как протесты против вьетнамской войны – и в то же время не имеет с ними ничего общего. «В те дни, – заметил один бывалый человек, ехавший на „седжуэ“, – мы и мечтать не могли о таком разнообразии напитков с газом и без. Дикие были времена».

Как только стемнело, Касс подошла к микрофону и велела присутствующим взять в руки карточки социального обеспечения. Семьдесят пять тысяч молодых людей подняли карточки над головами, держа наготове зажигалки. И вдруг на трибуну хлынула полиция – наверно, с десятков разновидностей униформы.

– В чем дело? – обратилась Касс к самому представительному.

– Вы Кассандра Девайн? – спросил он.

Касс придвинулась к самому микрофону, чтобы разговор слышали все семьдесят пять тысяч.

– Да.

– У меня ордер на ваш арест.

– Вы хотите меня арестовать? – переспросила она. Ее голос раскатился по всему Моллу, толпа загудела. – За что?

– Подстрекательство к уничтожению государственного имущества.

Толпа загудела громче. Касс громко сказала в микрофон:

– *Их всех* вы тоже собираетесь арестовать?

– Всякий, кто уничтожит государственное имущество, будет арестован.

Касс повернулась к толпе.

– Вы слышали?

– *Да!*

– И что вы на это скажете?

– *Кончайте херню пороть!*

– Так, поехали, – сказал главный страж порядка подчиненным. – Берите ее.

При виде полицейских сил, смыкающихся вокруг Касс, семьдесят пять тысяч представителей «побарабанного поколения» ринулись к трибуне защищать своего лидера. «Вашингтон пост» затем назвала произошедшее «цунами в банановой республике». Полицейские, не ожидавшие столь мощного проявления солидарности, были попросту смяты. На трибуне, которая начала колыхаться под тяжестью людей, возникло увеличенное подобие регбийной схватки. Касс высвободилась из рук полицейских и протолкнулась к заднему краю трибуны. В какой-то момент наступила на что-то мягкое и живое, услышала громкий протестующий стон – и поняла, что это Терри.

– Пошли, – скомандовала она, хватая его за руку. В суতোлке они сумели сойти с трибуны и побежали в темноте к мемориалу Роберта Тафта и дальше – к вокзалу Юнион-стейшн.

– Взяли они ее? – спросил президент у Трамбла.

Бакки выглядел измученным. Они сидели в президентских апартаментах отеля в Чарлстоне, Южная Каролина, перед теледебатами в прямом эфире, которые из-за вашингтонских событий мало кто будет смотреть. По телевизору, снимая происходящее с вертолета, показывали то, что комментаторы обычно называют «разворачивающейся драмой».

– Пока нет. Но не волнуйтесь, шеф, возьмут, – заверил его Бакки.
Президент покачал головой.
– Кошмар. Балаган какой-то. Не хватало нам только тридцатилетней блондинки в бегах. Какого хрена я позволил вам с Коуэном меня в это втянуть?
– Сэр, она от нас не уйдет. Ее ищут десять тысяч полицейских и агентов ФБР.
Президент опять уставился на экран, по которому ползла строка:

ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК АРЕСТОВАНЫ ПОСЛЕ ПОТАСОВКИ НА МОЛЛЕ...

Добравшись до Юнион-стейшн, Касс и Терри по красной линии метро доехали до конечной станции, как нельзя более уместно, подумала Касс, называвшейся Шейди Гроув – Тенистая роща.

Выйдя из метро, они нашли поблизости бар с телевизором.

– М-да, – заметил Терри, – для бизнеса это просто подарок. «Извините, мистера Таккера сегодня нет и не будет. Он скрывается от правосудия. Вы можете оставить ему сообщение на случай, если его поймают».

– Не переживай, – сказала ему Касс. – Мы можем укрыться в Северной Корее. Они нам не откажут.

Они сидели в углу, поглядывая на экран.

– Не упустить бы момент, – промолвила Касс, – когда на экране появятся наши лица и бармен потянется к телефону.

– Надо позвонить Аллену.

– Хорошая мысль.

Касс вынула сотовый. Но Терри сказал:

– А вот это плохая мысль.

– Ты умеешь пользоваться автоматом?

– Кажется, надо кидать монетки.

После нескольких попыток они дозвонились до Аллена Снайдера. Он сказал им, что телефоны адвокатов ФБР обычно не прослушивает. Пообещал выяснить что сможет и перезвонить на тот же автомат. Он сделал это через час – сообщил, что выписан ордер на арест Касс, но не Терри.

– Идите домой, не мерзните на улице, – посоветовал он Таккеру и добавил: – Вряд ли надо объяснять, что если вы помогаете Касс, то это пособничество скрывающемуся от правосудия.

Касс и Терри обсудили дальнейшие действия. Терри двинулся назад к метро. Они попрощались в темном месте у автостоянки.

– Ночка будет холодная, – предупредил ее Терри. – Но в отеле тебе лучше не соваться.

– Я как-никак в армии служила, – улыбнулась Касс.

– Ладно, – сказал он, – но держись подальше от минных полей.

Федеральная комиссия по выборам запретила Ранди участвовать в дебатах. Но он ухитрился повернуть это к своей выгоде: организовал теневые дебаты в интернете, ведя себя так, словно находился в зале с другими кандидатами. СМИ с радостью включали его в свои отчеты. Едва начались дебаты в Чарлстоне, он вышел в сеть и осудил президента (избегая на этот раз бранных слов) за «криминализацию мирной демонстрации». Потребовал аннулировать ордер на арест Касс. И, до кучи, призвал президента подать в отставку.

Джуди Вудрафф из Си-эн-эн, которая вела дебаты, держала перед собой ноутбук.

– Сэр, – сказала она президенту, – всего несколько минут назад сенатор Джепперсон, которому не разрешено здесь присутствовать, обвинил вас в сознательной провокации во время мирной демонстрации в Вашингтоне. По утверждению ряда юристов, отнюдь не очевидно, что, сжигая карточку соцобеспечения, человек нарушает какие-либо федеральные законы. Приказывали ли вы лично полиции вмешаться в ход митинга?

Вид у президента был такой, словно он вот-вот сам выпалит грубое словцо.

– Джуди, я приехал в замечательный штат Южная Каролина обсуждать важные вопросы жизни страны, а не текущие полицейские операции. И этого плана, – проговорил он сквозь зубы, – я намерен держаться.

Все, кто смотрел дебаты, согласились, что президент вышел из положения не слишком ловко. Гидеон Пейн – кто бы мог подумать! – принялся критиковать действия властей во время демонстрации и потребовал личного вмешательства президента с тем, чтобы ордер на арест Кассандры Девайн был аннулирован. Президент на этот раз не удержался, назвал Касс «подрывным элементом» и даже намекнул, что она агент Северной Кореи. Последнее утверждение вызвало смех сидевшей в зале публики, которая, по правилам дебатов, вообще-то не должна выражать эмоций. В целом, как заметил потом один обозреватель, президент выглядел так, будто у него идет камень из почки. Он не остался после дебатов для обычных фальшивых дружелюбных жестов на публику и болтовни с родственниками оппонентов. Между тем Ранди, который давал свое онлайн-интервью из трейлера, стоявшего около здания, пробрался в фойе, где на него с восторгом накинулись репортеры.

Через три дня Гидеон Пейн выиграл первичные выборы в Южной Каролине. Ранди был вторым, Пичем третьим. Кое-кто объяснил хороший результат Ранди давним пристрастием этого штата к бунтовщикам.

Глава 38

Касс подстригла и покрасила волосы в парикмахерской, обмотала голову платком. Купила спальный мешок, сперла в супермаркете тележку продуктов и пополнила отряд бездомных, ночующих в парках и лесах. Через несколько дней Терри в условленном месте оставил ей деньги и полученный от Майка Спекса, агента Ранди, налаженный компьютер марки «стелсберри» из тех, какими пользуются сыскные агентства (его местоположение трудно засечь). Теперь она могла связываться со своими сторонниками и некоторыми представителями прессы. Статус беглянки резко увеличил ее популярность.

Политический деятель – самый большой оппортунист на свете. Ранди, увидев, какие возможности открываются, немедленно вошел в игру. Осудил правительство за то, что оно заставило скрываться «женщину, которую я люблю». Касс, слушая это в прямом эфире, закатила глаза. Затем Ранди потребовал отставки «мелких тиранов из Белого дома», что сочли выпадом против Бакки Трамбла и Фрэнка Коуэна. Под конец сенатор гордо провозгласил, что был бы счастлив предоставить Касс любую помощь – «если она об этом попросит», добавил он, чтобы обезопасить себя юридически. Стукнув кулаком по трибуне, Ранди заявил: «Если президент Пичем захочет арестовать *меня*, я скажу ему на это... – тут все замерли, ожидая очередного ругательства, – *...вы знаете, где меня найти!*» Фраза вызвала бурные аплодисменты и широкие отклики. В штабе Джепперсона были очень рады, что можно наконец распрощаться с КХП.

Мелкие и крупные тираны из Белого дома оказались теперь если не в безвыходном, то в трудном положении. Ордер на арест Касс был выписан. Если его аннулировать, выглядеть это будет так, будто правительство уступает давлению общественности, причем уже во второй раз, если брать случаи, касающиеся Кассандры Девайн. Много полуночных часов было отдано размышлениям на эту тему на самом высоком правительственном уровне.

– Может быть, помиловать ее просто? – предложил Бакки.

– Как помиловать, если она не осуждена?! – взревел президент. Настроение у него было еще хуже обычного. Где бы он ни появлялся, у него спрашивали: «Когда вы наконец прекратите преследование несчастной молодой женщины?»

Фрэнка Коуэна, отца несчастной молодой женщины, тоже осаждала недружественная пресса.

– Я к этому не имею никакого отношения. – Он натужно улыбался. – Я пытаюсь помочь переизбраться поистине великому президенту.

Вопреки предостережениям Бакки он принял приглашение на «Встречу с прессой».

– Правда ли, что вы оказали на президента давление с тем, чтобы он принял меры против вашей дочери? – спросил Уоддоуз.

Фрэнк оцепенел. Не лучший вопрос, если ты метишь на пост министра финансов. Фрэнк попробовал было расчистить себе выход из ситуации калифорнийской улыбкой – но путь преграждала презрительная мина Глена Уоддоуза. У него были хорошие источники в Белом доме, и он ничего не спрашивал просто так.

– Э... конечно, нет, – промямлил Фрэнк. Стоит ли упомянуть, что он недавно получил премию «Приемный отец года»? – Я... она... Видите ли, моя Касс всегда была, хе-хе, независимой особой. Помню, девочкой она...

– Советовали вы или не советовали президенту взять ее под арест?

– Глен, президенту не нужны мои советы в таких вопросах. Я занимаюсь только финансами, и мне хотелось бы думать, что я неплохо ими занимаюсь.

Фрэнк чувствовал на себе холодные взгляды миллионов зрителей. Единственно верным ответом на вопрос Уоддоуза было бы: *Нет, и еще раз нет, Глен, и назовите мне имя подонка, который подкинул вам эту мыслишку. Я вызову его на дуэль и застрелю как собаку.*

Несколько дней спустя «Вашингтон пост» напечатала длинную и солидно подкрепленную фактами статью под заголовком «Тот еще папаша». В ней было много биографических подробностей, включая эпизоды с изъятием денег, отложенных на учебу Касс, и суммы, полученной под залог семейного дома. Касс распознала высказывания своей матери, хотя они были приведены без ссылки на источник.

– Хорошенького финансиста ты мне нашел, – сказал президент Трамблу после выхода статьи. – Больше ты про него ничего интересного не знаешь?

Честно говоря, знаю кое-что, мистер президент. У него имеется запись нашего разговора, когда я преступным образом предложил ему впутать его невинную дочь в дело о серийных убийствах. Если об этом станет известно – вот будет праздник на чьей-то улице!

Бакки не произнес этих слов, хотя они возникли у него в голове.

Гидеон был на коне. На обложке журнала «Ньюсуик» поместили его фотографию, где он сиял улыбкой, похожий на помолодевшего полковника Сандерса с рекламы курицы по-кентуккийски. Заголовок гласил: ЗАЩИЩАЯ ЖИЗНЬ, ДАЕТ ЖИЗНИ! Правда, внутри журнал скептически спрашивал: «Его веру в святость человеческой жизни разделяют многие, но готова ли страна к тому, чтобы ею руководил моралист старого образца, который, как некоторые считают, убил собственную мать?» Все это было очень волнующе, но Гидеон не мог думать ни о чем, кроме своей русской очаровашки. Он форменным образом потерял голову. Звонил ей десять, двенадцать раз на день, просто чтобы услышать: «Дор-рогой мой Гидьон, я думаю о тебе и вся теку... А когда ты мне пр-ринесешь еще денег?»

Хотя и новичок в делах романтического свойства, Гидеон не был так наивен, чтобы считать ее квартиру, оформленную в стиле «русская проститутка наших дней», квартирой женщины, зарабатывающей на жизнь преподаванием в начальной школе и по вечерам добровольно помогающей Красному Кресту. Он все больше ревновал ее к другим «гостям». Нанял частного детектива, чтобы следил за ее передвижениями и встречами. Отвечая интервьюерам на вопросы о реформе социального обеспечения, об исследовании стволовых клеток и о смертной казни, думал не столько про это, сколько про Ольгу и ее благоуханные бедра.

«Супервторник», когда во многих штатах прошли первичные выборы, выявил ряд обстоятельств.

Самое существенное – что президент Пичем испытывает серьезные трудности, или, как выражаются острые на язык обозреватели, «сидит весь в коричневом».

Второе – что сенатор Джепперсон выдрал из президентского тела увесистые куски мяса

и, хотя ему вряд ли светит победить Пичема на партийном съезде в августе, он безусловно имеет достаточно сторонников, чтобы баллотироваться как независимый кандидат. Третье – что Гидеон Пейн надежно контролирует такую важную категорию избирателей, как христиане евангелического толка, и может, черт его дерь, вести себя более или менее как ему вздумается.

Пичем сумел в какой-то мере сбить волну недовольства действиями своей администрации в отношении Кассандры Девайн, заставив генпрокуратуру пообещать Касс в случае добровольной явки «снисхождение и понимание».

Касс, однако, не собиралась никуда являться. Трибуна у нее была хоть куда. Один журнал назвал ее Болотной Лисой.⁹⁸ Ее веб-посланий ждали, их мгновенно тиражировали. ФБР, применив некий туманный антитеррористический закон, закрыло сайт КАССАНДРА, но сторонники Касс создавали один новый сайт за другим: КАССАНДРА.2, и так далее. Последним был КАССАНДРА.54. Судя по количеству посещений, измерявшемуся миллионами, число ее последователей росло день ото дня.

Вскоре после «супервторника» Ранди провозгласил, что не будет больше участвовать в партийных праймериз и пойдет от новой Побарабанной партии, гордо названной в честь поколения, чьи интересы она выражает. Колумнист Джордж Уилл сухо поблагодарил его за то, что «мы по крайней мере избавлены от партии под названием КХП». Люди Ранди немедленно начали собирать необходимые подписи, его юристы принялись судиться со всеми пятьюдесятью штатами о включении его в ноябрьские бюллетени для голосования.

Неделю спустя Гидеон Пейн заявил, что он тоже отказывается от дальнейшего участия в первичных выборах и будет баллотироваться от партии Жизни.

Все это оставило президента Пичема в унылом положении: ему в любом случае нужно было доводить до конца борьбу с четырьмя другими соперниками внутри партии, которые не желали раньше времени выходить из игры, чтобы не потерять доходы от выступлений и рекламы. После чего изрядно ослабленному Пичему предстояло сразиться с Ранди и Гидеоном на осенних всеобщих выборах.

– Где ты? – спросил Ранди.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – ответила Касс.

Майк Спек, агент Ранди, заверил сенатора, что его телефоны не прослушиваются (с начала 1970-х американские президенты остерегались слишком уж топорно прослушивать своих политических противников). Можно было звонить без опаски. И все же Касс старалась не говорить с ним подолгу.

– Я в более теплых краях, чем ты, – сообщила она ему. Пересаживаясь с автобуса на автобус, она добралась до Нового Орлеана, где никого особенно не интересовало, кто ты такой. Благодаря Майку Спеку у нее имелись кредитные карточки и удостоверение личности на вымышленное имя, так что ночевать в парках уже не нужно было.

– Я тут вот о чем подумал, – сказал Ранди. – В тот вечер, когда Пичем официально станет кандидатом от партии, почему бы тебе не появиться в моем штабе? Мы бы вышли оттуда вместе. Пичем в штаны наложит!

– Ты получишь прибавку к рейтингу, а мне – снова играть в картишки с «пулицеровской сворой» в тюрьме Александрии? Спасибо, не надо.

– Кажется, они скоро аннулируют ордер на твой арест, – проговорил он с явной ноткой разочарования в голосе.

– Я мотаюсь в автобусах и питаюсь из мусорных баков, а тебя волнует, как бы они не аннулировали ордер? Твоя забота о «женщине, которую я люблю» поистине трогательна.

– Из мусорных баков? Что-то не похоже, судя по последней распечатке твоих расходов

⁹⁸ По аналогии с Болотным Лисом. Так прозвали военачальника американской армии времен Войны за независимость Фрэнсиса Мэриона (1732–1795).

с карты American Express.

– По барабану. В автобусах я правда моталась. Суть в том, что тебя, похоже, устраивает мое нынешнее положение.

– Радость моя, это для дела.

– Для твоего или моего дела?

– Для нашего дела. Ты – символ. Видела журнал «Нью-Йорк»? Они назвали тебя новой Патти Херст.⁹⁹ Хорошо бы разместить на сайте твою свежую фотографию. В руке пистолет...

– Может, лучше уж героически погибнуть под градом пуль? Фотографию? Ты что, окончательно тронулся? Хочешь, чтобы им совсем легко было меня сцапать?

– Послушай, радость моя. Я понимаю, каково тебе приходится. И я горжусь тобой... Ух, мне пора бежать. Выступаю перед Лигой избирателей-транссексуалов. Между прочим, по последнему опросу мы поднялись на два пункта. Мы о-го-го как идем! Позвони мне еще, как только сможешь. Люблю тебя. Смотри не попадись.

Прозвучало как напоминание захватить зонтик.

Касс выглянула в окно отеля на Бурбон-стрит и пожалела, что нельзя поговорить с Терри. Но его телефон прослушивался, поэтому ничего не оставалось, как дожидаться его условленного звонка в телефонную будку на Пойдрас-стрит.

– Привет, мармеладка! Как насчет развлечься?

– Отвали.

Новый прикид Касс был и правда чуточку легкомысленного свойства: паричок, короткая юбка, сапожки. Она невольно подумала, не переборщила ли. Идея была – не выделяться. Вот смехота будет – и насмешка над делом – если она окажется в новоорлеанской тюрюге после облавы на проституток. Она ждала в телефонной будке. Ох уж эти мне платные телефоны. Ужас что такое! Кто их выдумал? Все-таки зазвонил наконец.

– Прости, что опоздал, – сказал Терри. – Но дело в том, что...

Кто-то позвонил в «Коммуникативные стратегии Таккера» и попросил соединить его с Терри. Человек заявил, что у него есть «очень интересные сведения, представляющие большую ценность для Касс Девайн». Терри попробовал было его отшить, но позвонивший настаивал. Терри наострил уши, когда он сказал, что работает в корпорации «Тихая гавань» и что информация касается некоей сделки между Гидеоном Пейном и... Фрэнком Коуэном.

– Он говорит, у него все это есть на бумаге, – добавил Терри. – И компьютерные файлы. Похоже, что-то очень секретное.

Касс поразмыслила несколько секунд.

– Он объяснил, почему решил с тобой связаться?

– Он хочет встретиться с тобой, но не знает как. Хочет передать тебе лично. Говорит, он твой горячий поклонник. Правда, таких у тебя миллионы.

– Думаешь, это не фальшивка?

Терри вздохнул.

– Вообще-то другой твой поклонник в «Тихой гавани», ангел смерти Кламм, угробил смертельными инъекциями тридцать шесть так называемых «сморчков». Имея это в виду, я бы, конечно, соблюдал осторожность. Не знаю. Мне показалось, он говорит искренне. Наверно, можно было бы попросить Спека проверить, что он за птица.

– Нет. Так мы рискуем его спугнуть, – возразила Касс. – Спек даже *меня* пугает. Кстати, если ФБР прослушивает твой рабочий телефон, оно знает про его звонок.

– Он это предусмотрел. Сказал, что говорит по автомату. Пообещал завтра сообщить мне безопасный телефонный номер. Как именно он сообщит – не знаю. Я передам этот

⁹⁹ Патриция Херст (род. в 1954 г.) – внучка газетного магната Уильяма Рандольфа Херста. В 1974 г. похищена радикальной левой группировкой, после чего вступила в ее ряды. В 1976 г. осуждена за ограбление банка.

номер тебе. Позвонишь по нему послезавтра в три часа. Он возьмет трубку. Завтра в обычное время я тебе звоню и диктую номер.

На следующий день Терри действительно сказал ей номер. Он получил его экспресс-почтой на имя одного из сотрудников своей фирмы. Внутри лежал конверт с надписью:

«Передайте, пожалуйста, мистеру Таккеру СРОЧНО».

Назавтра в три часа, стоя в телефонной будке на Наполеон-стрит, Касс набрала номер. Джером взял трубку после первого же сигнала.

– О, мисс Девайн, – начал он, – я так вами восхищаюсь...

Глава 39

– Ваше преподобие, – объявил секретарь Гидеона, – звонит монсеньор Монтефельтро.

Гидеон не разговаривал с Массимо уже несколько месяцев. Он старался держаться от него как можно дальше – не только из-за предосудительного (но на поверку оказавшегося счастливым) русского приключения, но, главное, из-за того, что избиратели крайне отрицательно восприняли провозглашенную Монтефельтро угрозу отлучения. Гидеон хотел бороться против легального самоубийства самостоятельно, не чувствуя за спиной тяжелого дыхания Рима.

– Я перезвоню, – сказал он.

– Он говорит, это очень важно, ваше преподобие.

Поколебавшись, Гидеон взял трубку.

– Массимо, мой дорогой друг, рах vobiscum.¹⁰⁰ Как поживаете?

Судя по голосу – не очень. Массимо говорил устало и приглушенно.

– Ги-идеон, мне надо с вами кое-что обсудить.

– Я слушаю вас, Массимо.

– Русские. Это просто ужас!

О Господи, подумал Гидеон. Насколько он знал, Массимо ничего не было известно о его отношениях с Ольгой. И хорошо было бы оставить его в неведении.

– В каком смысле, Массимо?

– Этот Иван, этот гангстер, сутенер, не знаю, как его назвать, – он все требует и требует денег! Пришлось отдать ему наш «мерседес». Тогда он потребовал *еще один* «мерседес»! И так до бесконечности. В нунциатуре не осталось *ни одной* машины! Нунций ездит на такси!

– Так не давайте ему «мерседесов».

– Каждый раз я ему говорю: довольно. А он требует и требует. Я не могу ему платить из фондов Ватикана. А свое личное я ему уже все отдал. Это нищета, Ги-идеон. Несчастье!

– Сочувствую вашей беде, Массимо. Но я не совсем понимаю, чего вы от *меня* хотите.

– Но, Ги-идеон, ведь это все из-за вас!

– Я уже говорил вам, что сожалею о случившемся. Мы все грешники в очах Господних.

– Что мне ваше сожаление! Теперь я остался один на один с этим бандитом! А вы баллотируетесь в президенты.

– С весьма благородной программой, должен вам сказать. Между прочим, было бы очень хорошо, если бы его святейшество мог услышать мой совет. Эта ваша нелепая булла никому не принесет ничего, кроме вреда. Массимо! Наш Спаситель терпел на своем земном пути колоссальные муки и лишения. И нам всем надлежит терпеть и смиряться.

На другом конце линии послышался стон.

– Ги-идеон. Иван сказал мне, что вы теперь любовник одной из этих девушек. Это

¹⁰⁰ Мир вам (*лат.*).

правда?

– Ну, я думаю, «любовник» – это не совсем... Я проповедую ей слово Божие. Бедная юная душа. Она так молода и оказалась так далеко от дома.

– Ги-идеон. Вы *трахаετε* эту путану?

– Ну что за слова, Массимо! А еще близкий друг его святейшества! Стыд и срам, сэр, стыд и срам. Извините, разговор окончен. Всего вам хорошего, сэр.

Гидеон положил трубку, вытер лоб и похлопал себя по жилетному карману, который успокаивающе топорщился – золотые часы опять были у него.

Он задумался. Надо сказать Ольге, чтобы никому не говорила об их отношениях. Он намеревался сделать «путану», как ее грубо назвал Массимо, миссис Гидеон Пейн. Но он предпочитал, чтобы об этом узнали из газет, из разделов свадеб – или из разделов новостей, но ни в коем случае не от громилы-казака Ивана или как его там зовут по-настоящему. Боже мой, боже мой... но надо ехать. В полдень выступление перед Нижнемиссисипской ассоциацией противников исследований стволовых клеток. После этого – креационистский обед в Паскагуле, потом – торжественное открытие нового казино в Билокси. Ох-ох-ох. Суматошное дело – баллотироваться в президенты. Для молитвы и самоуглубления совсем времени не остается.

Человек, взявший трубку, назвал себя просто Джеромом.

Говорил неподдельно нервным тоном. Судя по голосу, был в неподдельном восторге от Касс, что заставило и ее занервничать. Хотел встретиться с ней лично, из-за чего она занервничала еще больше.

– Мне просто хочется пожать вам руку, – сказал он. – И лично передать вам эти документы. Поверьте мне, я знаю, что вы в опасности, мисс Девайн. Но это будет для меня такая честь! Ведь я веду совсем неинтересную жизнь. Знаете, чем я вчера занимался? Составлял сравнительную поквартальную таблицу расходов на подгузники для пациентов. Как бы хотелось пережить пусть маленькое, но приключение!

– Я... – Касс колебалась. Звучало и правда искренне. Кто способен такое подделать?

– Очень вас прошу, – умолял Джером.

– Я вам перезвоню на этот номер через три часа, – сказала Касс.

– О, мисс Девайн, это будет такая честь. Такая честь.

Вопреки всем соображениям безопасности, она позвонила Терри. Сказала просто:

– Звякни мне на другой номер через полчаса.

И повесила трубку. «Другой номер» на их зашифрованном языке означал следующий телефон-автомат в их списке.

– О, господи, Касс, – сказал ей Терри через полчаса. – Очень опасно!

Она объяснила. Он засомневался:

– Не знаю. Может оказаться ловушкой.

– По-моему, у нас нет выбора, – сказала Касс. – Он согласен передать документы только из рук в руки. Он прочел мне из них несколько строк. Звучит как подлинное.

– Может быть, Спека подключить? Меня он тоже пугает, но эта история, кажется, по его части. Засядет где-нибудь со снайперской винтовкой. В духе триллеров Тома Кланси.

– Нет, нет, нет. Я не хочу впутывать сюда Ранди.

– Он бы на твоём месте непременно тебя впутал, – фыркнул Терри. – Сто процентов.

– Мне надо подумать, – сказала Касс. – Я перезвоню.

Она пошла по Бурбон-стрит мимо тучных туристов и пьяниц, мимо зазывал, уличных артистов и проституток, размышляя, как быть. Потом, переходя Тулуз-стрит, увидела человека в футболке с надписью ЙЕЛЬ – и вдруг поняла, что надо делать. Может быть, в конце концов, не обязательно сидеть на студенческой скамье, чтобы получить образование.

– Мистер Коуэн?

– Да.

– Говорит Эл Уитчел.

Имя Фрэнку Коуэну ничего не сказало. Но Уитчел, кем бы он ни был, звонил по его сверхсекретному сотовому номеру.

– Кто-кто?

– Я работаю у мистера Уири.

Уири руководил отделом безопасности в «Коуэн энтерпрайзес».

– Понятно, – бросил Фрэнк, раздосадованный нарушением субординации. С какой стати к нему напрямую обращается подчиненный Уири? – В чем дело?

– Можно вам перезвонить по обычному телефону?

– Давайте.

Уитчел перезвонил немедленно.

– Мы проводили плановую компьютерную проверку телефонных переговоров корпорации «Тихая гавань», обычная процедура в рамках соглашения о конфиденциальности. Мы зафиксировали аномалию, изучили ее. Судя по всему, сэр, имеется утечка.

Глава 40

Оглядевшись вокруг, она подумала, что выбрала для встречи подходящее место не только в практическом плане. Раньше эта мысль ей в голову не приходила.

Касс предложила странноватому доносчику Джерому встретиться у мемориала Франклину Делано Рузвельту в Вашингтоне. Не потому, что именно ФДР создал систему социального обеспечения, с которой Касс воевала, а потому, что мемориал, раскинувшийся на семи с половиной акрах, имел много выходов. Полезное свойство в случае засады.

День клонился к вечеру, но, что было важно для них, еще не стемнело. Она велела Джерому прийти к статуе, изображающей ФДР в инвалидном кресле. Когда они с Терри проводили рекогносцировку, она, бросив взгляд на скульптуру президента в бронзовых очках и шляпе, сидящего в низком, почти невидимом, кресле на колесах, заметила: «Ну прямо Джеймс Джойс на унитазах».

И вот она стояла, ждала.

Вдруг услышала голос:

– Мисс Девайн?

Касс резко повернулась. Она говорила Джерому, чтобы не произносил ее фамилии. Но одного взгляда на подошедшего ей хватило, чтобы понять: да, это Джером. Он выглядел в точности по-джеромовски.

Он держал в руке дипломат, причем не простой, как можно было ожидать, а кожаный, перетянутый ремешками. Не такой, в котором, помимо бумаг, могли бы лежать сэндвич, пакет молока и банан.

– О, господи, – нервно произнес Джером, оглядываясь. – Ну прямо как в кино. – И шепотом: – Может быть, отойдем в сторонку, где нас видно не будет?

– Нет, – отрезала Касс.

В двадцати шагах от них, в другой секции мемориала, но так, что Касс и Джером находились в зоне прямой видимости, стояли Терри и его ассистент с параболическим микрофоном и видеокамерой на треножнике, снабженной телеобъективом.

Джером похлопал по дипломату:

– Всё здесь.

– И что это за документы конкретно? – спросила Касс.

– Я же вам говорил по телефону, – озадаченно сказал Джером.

– Объясните еще раз.

В этот момент сотрудник национального парка заметил Терри и его оператора и деловито двинулся к ним.

– Прошу прощения.

- Да? – отозвался Терри.
- Что вы делаете?
- Что, по-вашему, мы делаем?
- Здесь нельзя снимать.
- Почему?
- Нужно разрешение.

Джером сказал Касс:

– Здесь документы, касающиеся продажи страхового прогностического программного обеспечения компанией Коуэна корпорации «Тихая гавань».

– Понятно. – Касс кивнула, как телерепортер, берущий интервью. – И что именно делают эти программы?

Джером был в некотором замешательстве.

– Что делают? Они с большой точностью предсказывают, сколько человеку осталось жить. «Тихая гавань» использует их, чтобы решать, кого принимать в свои дома престарелых. Они принимают только тех, кто довольно скоро умрет. При этом пациенты фактически отдают «Тихой гавани» все свои сбережения. Согласно условиям продажи программ, десять процентов своего финансового выигрыша «Тихая гавань» выплачивает обратно Коуэну.

– Потрясающе, – сказала Касс, кивая. – Потрясающе...

- Сэр, здесь *нельзя* снимать без разрешения.
- Мы делаем документальный фильм, – сказал Терри, уводя служителя подальше от микрофона. – О том, как люди воспринимают мемориал, и в частности эту статую.
- Меня это не интересует, сэр.
- Некоторым посетителям кажется, что он здесь похож на ирландского писателя Джеймса Джойса, который делает по-большому.
- Сэр, прекратите съемку. Немедленно!

Пока сбитый с толку Джером продолжал рассказывать о содержимом дипломата, подошли двое мужчин. В одном из них Касс узнала... своего отца.

- Привет, Касс.
- Привет, Фрэнк.
- Фрэнк Коуэн перевел взгляд на Джерома, который инстинктивно прижал дипломат к груди. Фрэнк бросил Джерому:
- Вы здорово влипли, дружище. Это краденое имущество.
- Джером побледнел. Фрэнк опять обратился к Касс:
- А вы, юная леди, влипли грандиозно.
- Ну и что ты собираешься со мной сделать, папа? Запретишь из дому выходить?
- Дайте сюда, – приказал Фрэнк Джерому.

- Сэр, если вы *сейчас же* не прекратите снимать, я вызываю полицию.
- Я пошутил, – сказал Терри. – На самом деле у нас есть разрешение.
- Предъявите, – недоверчиво проговорил служитель.
- Терри похлопал себя по карманам.
- Оно осталось в машине. Пошли, я вам покажу.
- Пусть он сначала выключит камеру. Немедленно! Иначе я звоню в полицию.
- Да идемте же, идемте, оно в машине.

Потрясенный Джером протянул было дипломат Фрэнку, но Касс перехватила его.

– Фрэнк, – произнесла она странным голосом, точно декламируя. – Что скажут люди, когда узнают, что финансовый директор избирательной кампании президента продал

программное обеспечение противнику президента? Программное обеспечение, которое позволяет его обладателю обогащаться, принимая в дома престарелых только тех, кто скоро умрет. Как бы ты назвал такую сделку?

Фрэнк, заподозрив неладное из-за специального тона Касс, обернулся и увидел в двадцати шагах камеру, нацеленную прямо на него.

– Ах ты!.. – рявкнул он. Потом скомандовал сотруднику своей службы безопасности: – Да забирай же этот чертов чемодан!

Сотрудник шагнул вперед и выдернул дипломат из рук у Касс. Она спокойно его отпустила, не пытаясь бороться. Фрэнк и его подчиненный повернулись, чтобы уйти.

– Фрэнк, – промолвила она. Ее отец оглянулся. – Ты бы случайно не назвал такую сделку... морально отталкивающей?

– Ну ладно, ладно, – сказал Терри служителю. – Раз уж вы так серьезно настроены... – Он махнул ассистенту, чтобы выключил камеру. Они уже сняли все, что им нужно было. Уходя, Терри еще раз обратился к служителю: – И все-таки он очень похож на Джеймса Джойса на толчке. Вам бы надо пригласить сюда этого скульптора и заставить его еще маленько поработать. А то нехорошо: великий президент – и как вы его изобразили?

Эпилог

Отставка Фрэнка Коуэна с должности финансового директора Комитета по перевыборам президента Пичема незадолго до голосования стала большим сюрпризом.

В кратком заявлении Фрэнка было сказано только, что он «выполнил свою задачу», что он уверен в победе президента «с большим отрывом» и что он хочет сосредоточиться на участии своей яхты «Дорогая штучка» в предстоящей гонке на Кубок Америки.

На следующий день на глазах у посетителей фешенебельного джорджтаунского ресторана «Кафе Милано» миссис Коуэн яростно завопила на Фрэнка, потом выскочила из-за стола и ринулась за дверь. Об этом факте, разумеется, немедленно сообщила «Вашингтон пост» в колонке «Из надежного источника». Через несколько дней Коуэны выставили свой вашингтонский дом на продажу и уехали в Калифорнию. Миссис Коуэн все еще была явно не в духе: прилюдно орала на муженька-миллиардера в зале ожидания VIP – терминала столичного аэропорта Даллес.

Спустя еще несколько дней президент потерял другого важного помощника: Бакки Трамбл был доставлен в больницу имени Джорджа Вашингтона с язвенным кровотечением. Врачи настоятельно порекомендовали ему отказаться от дальнейшего участия в кампании.

Выступая в Бангоре, штат Мэн, президент Пичем заявил, что лично предложил генеральному прокурору аннулировать ордер на арест Кассандры Девайн. Обычно Белый дом делает вид, что не вмешивается в якобы независимую деятельность прокуратуры. Но в данном случае президент счел нужным подчеркнуть, что это именно его решение.

На пресс-конференции на другой день он сказал:

– Если молодым людям хочется сжечь к чертям собачьим свои карточки соцобеспечения... – (это был первый случай, когда президент США публично употребил выражение «к чертям собачьим»), – пускай жгут, имеют право. Вся система настолько прогнила, что хуже они ее не сделают.

После чего он объявил и без того ошеломленной прессе, что, если его переизберут, он поставит Кассандру Девайн во главе комиссии по социальному обеспечению:

– И желаю ей удачи, если она согласится. И желаю удачи самому себе, если я выиграю. Бывают минуты, должен признаться, когда я почти надеюсь, что в ноябре избиратели меня прокатят.

Это был свежий, честный разговор, какой если и слышишь, то крайне редко, и люди откликнулись.

Президент Райли Пичем выиграл выборы с маленьким преимуществом. Когда он

взошел на трибуну, чтобы объявить о своей победе, не чувствовалось, что он очень счастлив.

Сенатор Рандольф К. Джепперсон набрал много голосов избирателей, но проиграл в коллегии выборщиков: отцы-основатели в своей бесконечной мудрости для того и придумали эту систему, чтобы иной раз перекрывать дорогу к президентской должности тому, кто ее наиболее достоин. В ночь выборов Ранди, рядом с которым неотлучно находились Касс и Терри, хромая, вышел к трибуне и поздравил президента Пичема. Поднимать протез над головой он не стал и оставшуюся часть речи посвятил изложению своей программы на будущее и доводов в пользу того, что он будет идеальным кандидатом в президенты через четыре года, или через восемь, или через сколько их там еще потребуется. По барабану.

Яхта Фрэнка Коуэна яростно сражалась той осенью за Кубок Америки, но во время финальной гонки «Дорогая штучка», идя по ветру, внезапно потеряла управление, из-за чего протаранила и потопила французскую яхту «Шик-блеск». Следственные органы не нашли признаков неисправности в системе управления «Дорогой штучки» до инцидента. Дело по сию пору разбирается во французских и американских судах и в Международном суде в Гааге. Миссис Коуэн после этого ушла от Фрэнка к капитану итальянской яхты «Скузи» – блестящему промышленнику-миллиардеру Дино Филипаччи из Милана. Поисковик Google ни об этом событии, ни о столкновении яхт никаких сведений не выдает.

Попытки Гидеона Пейна представить покупку «Тихой гаванью» программы RIP «мерой по обеспечению наивысшего уровня ухода за нашими дорогими подопечными старшего возраста» понимания у избирателя не нашли. Он занял седьмое место по общему количеству голосов. Свое низвержение с Олимпа он пережил, однако, очень легко. Когда он публично признавал победу президента Пичема, иные отметили, что он чуть ли не сиял от радости. Месяц спустя он объявил, что слагает с себя бремя руководства SPERM и женится на Ольге Мариловой, «работнице сферы обслуживания» русского происхождения. Он сказал, что переедет в сельскую местность и создаст семью, «большую семью».

В январе президент Пичем назначил Кассандру Девайн председателем комиссии по социальному обеспечению. Она стала самым молодым человеком на этой должности за всю историю страны. АББА и другие бэби-бумерские лобби яростно противодействовали этому назначению, заявляя, что она будет саботировать социальные выплаты бумерам-пенсионерам. Но ее кандидатуру активно поддержал сенатор от Массачусетса Рандольф К.Джепперсон, а ее бывший работодатель и наставник Терри Таккер развернул мощную пиар-кампанию.

Кардинал Массимо Монтефельтро является ныне настоятелем собора Богоматери Быстропасающей в Риме. Среди ватиканистов, взвешивающих шансы иерархов, распространился слух, что он вошел в шорт-лист возможных будущих понтификов после Иоанна Клавдия I.

Слова благодарности

Я благодарен Джонатану Карпу за великолепную редакторскую работу и плодотворное сотрудничество – уже в шестой раз; Бинки Эрбан из агентства ICM; Нейт Грей из издательства Twelve; Харви-Джейн Коваль из Hachette Book Group USA; Соне Фогель, в очередной раз, за прекрасную редактуру; Грету Зортяну за Антипаук™; Джону Тирни из LF; господину Аллену Снайдеру, который зря не берет ни цента; Стиву Юмину («Голландцу»); Джин Твендж, доктору философии, автору книги «Поколение Мы»; Уильяму Батлеру Иейтсу; Джоли Хант за «КХП!»; Люси – как всегда; Кэт и Конору; и, наконец, верному псу Джейку, не покидавшему боевого поста рядом с автором и коробкой собачьих печений.

Вашингтон, округ Колумбия.

13 июля 2006 г.